

Виктор Суворов

Главная книга о Второй Мировой

ПРАВДА

Виктора Суворова

Виктор Суворов:

**Главная книга
о Второй Мировой**

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2011

УДК 355/359
ББК 68
С 89

Оформление художника *И. Волкова*

Суворов В.

С 89 Виктор Суворов : Главная книга о Второй Мировой / Виктор Суворов, Марк Солонин, Михаил Веллер. — М. : Яуза-пресс, 2011. — 544 с. — (Правда Виктора Суворова).

ISBN 978-5-9955-0242-5

К 30-ЛЕТИЮ «ЛЕДОКОЛА» ВИКТОРА СУВОРОВА! Мало кто знает, что эта легендарная книга была закончена еще в 1981 году, но тогда ее отказались печатать 68 издательств из 9 стран, отдельные главы удалось опубликовать лишь четыре года спустя в эмигрантской газете «Русская Мысль», весь тираж первого английского издания был выкуплен неизвестными и уничтожен, а первый издатель «Ледокола» в России - убит. Саму книгу тоже не раз пытались «замочить в сортире», но, хотя беспрецедентная травля со стороны кремлевского агитпропа не прекращается вот уже второе десятилетие, все потуги идеологических «киллеров» оказались тщетны - Виктор Суворов по сей день остается не только самым проклинаемым, но и самым читаемым военным историком, а в его поддержку выступает все больше профессиональных исследователей со всего мира.

НОВАЯ СЕРИЯ Виктора Суворова не только предоставляет неопровержимые доказательства его правоты, но и восстанавливает подлинную историю одной из главных книг конца XX века, которая навсегда изменила представления о причинах и виновниках Второй Мировой, а по воздействию на массовое сознание сравнима лишь с «Архипелагом ГУЛАГ». (ОТ СОСТАВИТЕЛЯ)

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0242-5

© Хмельницкий Д. С., авт.-сост., 2011
© ООО «Яуза-пресс», 2011

С Виктором Суворовым
беседует Дмитрий Хмельницкий

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

— «Ледокол» — самая известная книга Виктора Суворова. Она обеспечила ему всемирную славу, но и вызвала больше всего протестов. «Ледокол» расколол на два лагеря не только российскую, но и мировую историческую науку, полностью перевернул привычные представления миллионов людей о советской истории и о предыстории Второй мировой войны. Когда у вас возникли первые замыслы книги «Ледокол»?

— Я думаю, каждому автору трудно определить первый момент, когда возникла та или иная идея. Сначала возникло понимание. А потом уже желание изложить все это где-то и как-то. У меня было несколько таких как бы озарений.

Идет лекция в Киевском училище им. Фрунзе. И в процессе изложения лектором исторического материала выясняется, что при изучении разгрома Красной Армии 22 июня 1941 года нам следует сосредоточить свое внимание на том, какая у нас на начальном этапе войны была отсталая техника, как мы были глупы, какой был глупый Сталин и так далее.

А вот о том, что в сентябре 1941 года был жуткий разгром Красной Армии под Киевом — вот об этом говорить уже нельзя, это уже антисоветчина. Окружение под Харьковом в мае 1942 года — об этом ни в каких наших учебниках не рассказывалось, нигде не отражалось, это было закрыто, а любые упоминания об этом — антисоветчина, и если что — разбиралось в КГБ. Вот тут у меня было одно из первых озарений, хотя, может быть, и не первое.

Вот что удивительно и странно — почему есть только одна такая дата, одно такое событие, единственное в нашей истории, при изучении которого мы сосредотачиваемся на нехорошем. Ведь все у нас лучшее: и урожай, и спортсмены, и наука, и образование, преступность неукоснительно сокращается, идет к нулю.

Вот уже потом был Чернобыль. Первая реакция на него — ничего не случилось, что-то было, но немного. В конце апреля грянуло, а в Киеве — первомайская демонстрация. Специально следовало показать всему миру, что ничто нам не страшно, ничего тут не случилось. Статистика самоубийств была засекречена. Все негативное — под ковер!

Но есть одна только дата — 22 июня 1941 года, — когда весь негатив вдруг выставляется на обозрение всего мира! Мы, мол, должны на этом заострить наше внимание, изучить подробнее, какие мы были глупые, и все такое.

Например: 73% наших танков требовали ремонта на 22 июня. Это же скандал на весь мир! Сколько танков вообще — никогда и нигде не говорилось, только проценты. От неизвестного числа. Если бы мы об этом не сказали, никто бы и не знал о неремонтированных танках. Но мы почему-то сказали.

Или другие наши «истории» — шеститомник или двенадцатитомник истории Великой Отечественной войны. Раздел о начале Второй мировой войны — какой был Гитлер нехороший, что и где он захватил... И тут же следующий раздел — мирный труд советских людей, в который вписаны наши «освободительные походы». Последние же никак не связывались со Второй мировой войной!

И вот я готовлюсь к семинарам и изучаю даты. Все даты из разных разделов, казалось бы, никак между собой не связанные, выписываю на один листок для облегчения запоминания. И получается: 1 сентября Гитлер напал на Польшу. А у нас 17 сентября начался «освободительный поход» в ту же Польшу. Выписываю, легко запомнить...

Или — наш «освободительный поход» в Финляндию. Завершился в марте 1940 года, а в апреле Гитлер вошел в Данию, Норвегию. В мае-июне 1940 года — Гитлер нападет на Францию, Бельгию, Голландию и прочее. А у нас в июне — «освободительный поход» в Румынию. А в июле «добровольно» вступают в Советский Союз Литва, Латвия, Эстония.

Когда вместе это соберешь, становится как-то не по себе. «Освободительный поход» — это ведь то же самое, только просто другое название. А делали мы в то же время то же самое!

— *Материалы о подготовке нападения вы уже тогда, в курсантские времена, коллекционировали?*

— Да, но как коллекцию нашей глупости. Вот создаем мы воздушно-десантные войска, никогда в войне не использованные. Вернее, использовали пару раз и всегда неудачно. Под Москвой зимой 1941/42 года высадили воздушный десант. Куда к чертям десант — в снег, в мороз... Днепровский десант 1943 года — неудачен. Десант действует только тогда, когда у нас господство в воздухе. Надо десант довести до места, посадить, обеспечить ему воздушную поддержку, а потом сбрасывать им все — и картошку, и пельмени, и боеприпасы, и кровь, и медикаменты. А для этого необходимо наше абсолютное господство в воздухе. Так вот, какие мы глупые, готовили воздушно-десантные войска, которые никогда не применялись.

Читаю мемуары маршала Баграмяна. В 1940 году мы вдруг начали перестраивать в Карпатах наши стрелковые дивизии на горнострелковые. Тогда это было в Киевском военном округе. И маршал пишет, мол, что «я ловлю себя на мысли, зачем же мы формировали эти горнострелковые дивизии, нам же на равнинах воевать». А горнострелковые дивизии мы облегчали, то есть убрали у них все тяжелое вооружение. Давали им веревки, ботинки с шипами и т.д. И дивизии оказались не способными к начавшейся потом войне. Еще одна, казалось бы, глупость.

А потом идет лекция вот такая. Когда мы готовимся к наступлению, мы аэродромы подтягиваем к границе. Вот пример: Жуков в 1939 году готовился к удару по 6-й японской армии и подтягивал как можно ближе к восточной государственной границе Монголии аэродромы, чтобы самолеты, как только мы будем наступать, летали на полный радиус, склады боеприпасов, снабжение, госпитальную базу и прочее — все как можно ближе. Мы же должны уходить вперед. Значит, все это следует подтягивать к переднему краю.

Далее, в следующей лекции (через некоторое время) говорится, что Гитлер перед нападением на нас подтягивал к границе аэродромы, склады, штабы, узлы связи и прочее.

Далее. Советский Союз, дескать, не готовился к войне. А аэродромы вынес к самой границе, и склады, и прочее. Все это немцы разбомбили. Ужасно мы глупые...

Те же самые примеры... Проходит определенное время, и мне рассказывают о самой блистательной операции Красной Армии. Август 1945 года. Маньчжурская наступательная операция. И все ошибки 1941 года для данного случая мне описывают как образец правильного действия: нужно вынести аэродромы к самой границе, командные пункты, штабы, склады и прочее. Что офицеров отпускали в отпуск, чтобы противник ни о чем не догадывался, пограничники сено косили у самой границы, песни звучали, кино крутили. А потом — р-р-раз, и ударили по врагу. Вот так нужно действовать!

Получаемся, что те же «ошибки» 1941 года здесь накладываются на блистательную операцию 1945 года! И все те же ошибки буквально повторены!

В 1941 году на многих наших аэродромах был двойной комплект самолетов. Летчиков, допустим, 60, а самолетов — 120. Мол, если враг нападет, 60 летчиков на 60 самолетах улетят, а с остальными что делать? Ну, глупость же полнейшая! Вот такое мне говорят, а проходит полгода, и мне же рассказывают о том, что в 1945 году у нас было сделано очень хитро. Чтобы противник не догадался о том, что мы готовим по нему удар, мы не

проводим перебазирование авиационной техники, а постепенно заменяем старые самолеты в уже сосредоточенных частях на новые, перевооружение — и все. А старые самолеты тут же и остаются. Противник получает от своей разведки успокаивающие сведения: как был истребительный полк, так он там и стоит, как был бомбардировочный полк, так он и стоит, и командир полка тот же...

Как только мы нанесли удар, полк поднялся и пошел вперед и перебазировался на новые аэродромы впереди, в это время из глубины страны перебазировается новый полк, где одни офицеры-летчики и технари. Как только приземлились, так сразу получился новый полк на оставленной заранее технике. Его не надо формировать, он давно был сформирован, но находился в пяти тысячах километров от места событий, теперь личный состав посадили в несколько транспортных самолетов и перебросили на все готовенькое.

Точно такая ситуация возникла, когда я служил в Прикарпатском военном округе и получил в свое время взводик свой. В каждом полку нашей 66-й гвардейской дивизии был второй комплект вооружения. Я — командир первого взвода. Офицеров не хватало, и вторыми-третьими взводами командовали сержанты.

— Срочники?..

— Да, да, срочники. Это был период советско-китайского конфликта, война за остров Даманский и пр. В ротах часто из офицеров были командир и командир первого взвода. И все.

Я должен был замещать командира роты во всех случаях: отпуск, вызов в штаб, пьянка или иные какие-то важные отлучки.

А по развертыванию я — командир роты в дивизии второго формирования.

Объясняю.

Вот объявляют тревогу, дивизия поднимается и куда-то уходит. А в дивизии, как я уже сказал, два комплекта оружия. Танки — у нас Т-55 и Т-54 были, а

хранился старый комплект — Т-34. Самоходки у нас были Су-122-54. Это было мощное оружие, никогда я их нигде не встречал, ни на каких картинках. А старый комплект — Су-100. Старые стояли, а новые использовались. Кстати, фильм «На войне как на войне» снимался в нашей дивизии, военными консультантами были командир и начальник штаба дивизии. Новые автоматы получаем, АКМ, — старые автоматы, АК, сдаем на склад. Получила дивизия новые противотанковые пушки — «Рапиры», старые пушки сдаем на склад, в хранилище. Их потом либо продают нашим «братьям по классу» — вьетнамцам, например, либо куда-нибудь еще, сдают в какие-то государственные арсеналы. Но всегда второй, предыдущий, бывший до замены на новый, боекомплект в дивизии был.

Итак, дивизия ушла по боевой тревоге. Остаются в городке наш 145-й гвардейский полк — заместитель командира полка, заместитель начальника штаба, заместители командиров батальонов, офицеры, замещающие командиров, и от каждой роты и батареи — командир первого взвода. То же самое и в другом полку, и в дивизии в целом. И остался полный комплект вооружения.

Что же это такое? Это — скелет полка второго формирования.

Чем это хорошо? Не надо формировать новую дивизию. Все командиры есть, все мы — не резервисты, мы все друг друга знаем. Мы получаем солдат — толстых резервистов, они садятся на то старое оружие, которое у нас имеется, — и вторая дивизия готова.

Все это — хорошая система. Но вот в чем недостаток. Мы были у самой границы, в Черновцах. Если дивизия ушла, а в военных городках остались одни замы без личного состава (пока!) и на нас нападут, то это второе формирование сразу же погибает. Пока толстых резервистов наберем (день-два на это же потребуется!), нас всех и застукают. Когда в 1968 году я посмотрел на эту систему, я вдруг вспомнил вот эту нашу так называемую «глупость» о том, что на каждом нашем аэродроме в 1941 году было два комплекта самолетов. Эта

система работала только в наступательной войне, когда первый состав уходит вперед, а на пустом аэродроме остался комплект старых самолетов. Получаем летчиков и имсем второй полк.

— *Эта система была раскручена в 1941-м?*

— Та же система, какой я ее видел в 1968 году. И тогда я вспомнил то, о чем говорил выше. Все это нужно только на случай подготовки к нападению! Эта система работает только в наступательной войне. Так что не глупостью было все то, о чем говорили по 1941 год, а подготовкой к нападению! Если развернуть все сразу и полностью, то можно напугать противника.

В книге «День М» описана мной такая ситуация. В 1968 году перед тем, как войти в Чехословакию (день «М»), вдруг всех солдат, с которыми я служил в Закарпатье, переобули в кожаные сапоги. Сразу — всех! Обычно же они ходили в кирзовых! Это был сигнал. Все стало ясно: подготовка к нападению.

Солдаты на территории ГДР, в Польше ходили в яловых сапогах, в столичных гарнизонах — в Москве, Кисеве — тоже ходили в яловых сапогах, а остальная солдатская масса — в кирзовых. Стоим мы у границы, завшивели, хочется в баньку, все гадают: пойдём — не пойдём... И вдруг — всех переобувают в яловые сапоги! Все ясно, мы пойдём.

Мы не знали, что случилось, мировая ли война или еще что-то такое, но ясно: пойдём.

И один старикашка, с которым мы как-то выпивали, сказал: все точно так, как в 1941 году. И тогда солдат тоже переодевали в яловые сапоги. Ни черта себе! Это был сигнал!

И про эти сапоги у меня накоплено много материала. Просто так новую обувь солдату не дают.

Читал нам лекции в академии — это уже позже — генерал-лейтенант Моше Мильштейн, старый разведчик, волк, был нелегалом, работал в Главном Управлении стратегической маскировки.

Кстати, когда я уже убежал, приезжал этот генерал

на Запад. Как раз тогда разворачивались крылатые ракеты, в том числе и в Англии, были протесты и все такое. Мощная была тогда кампания борьбы за мир. И вот он на американском наречии, очень чистом, выступал за мир, против крылатых ракет. Представьте, приезжает советский генерал и говорит, что это просто с этической точки зрения нехорошо! Вы подставляете Британию под ядерные удары и все такое... И вся пресса здесь восхищалась: какие же в Советском Союзе бывают генералы, какие они культурные, какие они образованные, как свободно они владеют английским языком и не просто так, а с американским акцентом...

Как-то я выступал, и мне задали вопрос про этого генерала. Я спросил, найдут ли они у себя генерал-лейтенанта, свободно говорящего на русском языке, готового поехать в Советский Союз и в Москве агитировать там за разоружение. С каких это пор генералы стали выступать за разоружение? Пусть он в своей стране агитирует, зачем он к врагам приехал с агитацией? Кстати, Мильштейн — автор книги «Почетная служба» с грифом «Сов. секретно». Мы ее в академии и изучали.

— *Он не из ребят Судоплатова?*

— Нет, нет, Мильштейн был из ГРУ. Так вот, читает он нам лекцию и говорит о глупости Сталина после Второй мировой войны. Как раз это было в период ухудшения отношений с Китаем. У Китая прорезались зубки, и он нас начал потихонечку-полегонечку кусать. И Мильштейн говорит: «Какая глупость была допущена! Маньчжурия была независимым государством, Тибет был независимым государством, Внутреннюю Монголию можно было бы сделать независимым государством. Когда в 1945 году Сталин вышиб японцев из Китая, надо было сохранять независимую Маньчжурию, независимый Тибет, настроить еще каких-то буферных государств, мы бы сейчас жили припеваючи, не имея общей границы с Китаем». И все говорят: ой, мол, правда какая!

А меня черти за язык дернули, я тут и говорю: «То-

варищ генерал, это все здорово, а вот в 1939 году мы не имели общей границы с Германией, а взяли и установили ее». То есть напомнил ситуацию, когда мы преднамеренно установили общую границу с Гитлером. Он хлопал челюстью и ничего не нашел для ответа. Я его в тупик поставил. Тут и звонок. Вторую лекцию он читал, не вспоминая о моем вопросе. И я сам язык прикусил. Последствий, правда, никаких не было.

Я потом думал, что и вправду, если бы так поступили с Китаем, было бы хорошо. Но мы поступили иначе, думали, что Китай у нас в кармане... А в 1939 году, не сделай мы общую границу с Германией, сохранили бы мы Польшу, ну, хоть урезанную, не было бы общей границы с Гитлером, не было бы и внезапного нападения.

Вот и было несколько таких озарений, пока не пришло понимание.

— Я много раз слышал упрек в адрес Суворова, что, мол, он не пользуется архивами. На каком материале писался «Ледокол»?

— Преднамеренно не пользовался архивами, совершенно преднамеренно. «Ледокол» написан на открытых источниках, на материале, опубликованном в общедоступной печати.

Я хотел сказать: леди и джентльмены, вот оно все лежит на поверхности! И зачем вам архивы — все, повторяю, и так открыто! Вот Маркс сказал, вот Ленин сказал, вот Троцкий сказал. Вот Сталин сказал, а вот его действия. А вот действия Красной Армии.

Давайте допустим, что все мемуары, написанные с 1945 года, которыми нас пичкали все время, что все это — вранье! Но тогда я снова победитель! Давайте признаем, что Жуков врал. Я же кого цитирую: Жукова, Василевского, в принципе, всех маршалов, которые были у нас, в СССР, и оставили любые письменные материалы... Маршал Тимошенко не оставил мемуаров, но есть его речи, есть стенограммы его выступлений, которые я тоже цитирую. И даже маршала Советского Союза Брежнева Леонида Ильича, уж на что полково-

дсц... — тоже. Если они врут, приходится тогда открыто признать, что все это вранье, что всю эту макулатуру надо сжечь!

Тогда я рассуждал: если все это вранье, тогда скажите мне, что же было на самом деле. Так вот, ценность моих источников в том и заключается, что преступники сами говорят о своих преступлениях. Это их слова. Это не я выдумал.

А когда мы говорим об архивах, то я той же дубиной бью по их научным головам. Хорошо, говорю, ребята, тогда представьте мне план обороны Советского Союза. У вас доступ ко всем архивам. Показывайте мне, где его можно увидеть. Выступил генерал-полковник Горьков с серией разгромных статей «Конец глобальной лжи» и привел текст плана прикрытия государственной границы на время развертывания. То есть, пока идет развертывание Красной Армии, она постепенно приходит на поддержку пограничникам в пограничной полосе. «Товарищ генерал, — говорю я, — это все, чем исчерпывались наши стратегические замыслы — все стратегические планы государства, — выслать батальоны и удерживать границы вместе с пограничниками, пока развернется Красная Армия? А когда она развернется, что будет?»

Они молчат. Так вот, когда меня упрекают, что я не пользуюсь архивами, я отвечаю им тем же. Сейчас я пишу новую книгу, «Последняя республика, часть вторая» и показываю, что ни Жуков, ни другие наши выдающиеся полководцы знаниями о Красной Армии не отличались. Они допущены ко всем архивам, но их знания, мягко говоря, ничтожны.

— Доступ-то к архивам у казенных военных историков был, и я думаю, что и сейчас есть. Но ведь практически ничто из архивов не используется. То есть их документальная база абсолютно не отличается от вашей!

— Да. Это во-первых. И, во-вторых, в свое время я вычислил документ от 11 марта 1941 года. Генерал ар-

мии Гареев, бывший зам. начальника Генштаба по научной работе, а ныне президент Академии военных наук, говорит, что к определенной части архива доступ будет открыт еще не скоро. Это через 60 лет после войны! После этого тот же самый генерал меня упрекает, почему же я не пользуюсь архивами. С одной стороны — закрыто, с другой стороны — почему не ссылаешься. Я говорю ему, что этот документ я вычислил и могу его показать.

Я обращался к журналистам российским, давал им фонд, опись дела и листы — перечень документов. Просил найти конкретные документы в архивах. Они приходили в архивы и просили показать им эти документы. Нет, отвечают, такой документ мы выдать не можем. Ибо все документы о Второй мировой войне рассекречены, но есть гриф «Особая папка», документов с таким грифом секретности более 200 тысяч единиц хранения. К ним никого не пускают. А рассекреченные документы имеют иной, ранее не известный гриф: «выдаче не подлежит». Оно рассекречено, но не выдается. Архив Генштаба закрыт полностью. Архив ГРУ закрыт. Открылся только для израильского исследователя Городецкого, который, кстати, по-русски по слогам читает, а российских туда не пускают. Кстати, от того, что у него такие хорошие отношения с нашим высшим военным и политическим руководством, правительство Израиля в свое время решило назначить его послом в Россию.

— Как — послом?

— Ну да. Но выступил израильский исследователь Зев Бар-Селла и так разгромил этого Городецкого в израильских газетах, что того послом так и не назначили.

— Кстати, об архивах. В очень серьезной книге Михаила Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» эта ситуация реально подтверждается. Там есть глава о советском предвоенном планировании. В ней из 75 ссылок только 7 на архивы, причем не на архив Геншта-

ба. А это самое капитальное исследование предвоенной советской истории.

— У Жукова находим количество самолетов в Красной Армии на 21 июня 1941 года, и там он ссылается на 12-томник истории Второй мировой войны, том 4. А там отсылают в Институт военной истории. Посылаю туда гонца, отвечают, что 13 апреля 1990 года по распоряжению начальника Института военной истории генерал-полковника Волкогонова все эти документы уничтожены. Семь тонн! После этого Волкогонова назначили советником Президента Российской Федерации по военным делам. Иначе говоря, чуя, как в песне поется, смертный час, они уничтожили документы. И вот за это геростратское дело доктор исторических и военных и еще иных наук был назначен советником президента!

— *Вы упоминали, что использовали около 400 мемуарных книжек.*

— Наверное, больше. Мой отец был великим любителем этой мемуарной литературы. И очень интересовался, что же произошло 22 июня 1941 года.

— *Ему самому удалось это выяснить?*

— Нет. Он собирал эти книги и удивлялся нашей глупости. Но знал он очень много. Когда я приезжал на каникулы домой из суворовского училища, где мы каждый год сдавали экзамены, в отличие от обычных школ, для меня начинался настоящий экзамен.

Начиналось подчас даже со случайных чисел. Например, цифра 5. Пятый мехкорпус. Кто им командовал? Алекссенко. Он у Жукова командовал правым флангом на Халхин-Голе. Ага, понятно. А где этот корпус был? В Забайкалье. А в составе какой армии? Шестнадцатой. Словом, я это все должен был знать! А кто командующий армией? Лукин Михаил Федорович. А что с ним стало? Он попал в плен, отрезали ногу. Где это его угораздило? На Соловьевской переправе, на Днепре. Так, задав один вопрос, он меня, не задавая других вопросов, мог экзаменовывать с пяти вечера и до пяти утра.

Развивая один и тот же вопрос. А мне было 13—14 лет. И все эти армии, дивизии я должен был знать.

Допустим, начинаем: Конев Иван Степанович. Ага. Командовал Северо-Кавказским военным округом. Вступил в войну в какой должности — командующий 19-й армией. Где базировалась 19-я армия? В Черкассах, второй стратегический эшелон.

По всем мемуарам я мог пройти. В Москве у меня была большая военная библиотека. Уже после того, как я убежал, после «Ледокола», начальник ГРУ, выступая в «Комсомольской правде», писал, что у меня большая военная библиотека. Через много лет об этом вспомнил начальник ГРУ! Это ли не похвала?

Когда я убежал, мне пришлось собирать эти книги заново. Но где их в то время в Великобритании взять, книги военные? В Англии достать эти книги почти невозможно. Поэтому я делал очень много фотокопий. На микропленках имею копии газет «Красная звезда» и «Правда» за 1939—1941 годы. Компьютеров тогда не было, а были микропленки. Прочитал я все эти газеты и после этого хожу в очках, зрение сорвал. В целом книга была готова в 1981 году, но работа над «Ледоколом» продолжалась. Все время его совершенствовал. В 1985 году я решил поставить точку.

В 1985 году было 40-летие Победы. И я решил «Ледокол» опубликовать как придется, хоть кусками. Первая публикация (главами) была в «Русской мысли» в мае 1985 года. Но никто не реагировал. Было множество антисоветских издательств, но никто эту книгу у меня не взял. На русском языке за границей эта книга никогда не была опубликована. В 1989 году она вышла в Германии по-немецки. А в то же время я очень хотел выпустить ее на русском языке.

На Брайтоне, в Нью-Йорке, книгу собрались издавать, но вмешались какие-то темные силы. Это было издательство «Либерти», Левков. Что-то затягивается, затягивается. Они перерабатывали текст, решали что-то между собой. Мне ничего не говорили. Я звоню туда. Говорят, что, мол, все нормально, работаем. Осталось немного, через три дня завершим работу над текстом. Я

спрашиваю: «Чего?» Они говорят, что уже почти все сделано. Я говорю: «Эй, пришлите-ка текст мне обратно!» Присылают они мне текст — это было что-то за-предельное... Если бы это вышло на русском языке, это был бы конец... У меня, видите ли, стиль не такой. Они решили переписать книгу, чтобы стиль был хороший. Всю мою терминологию переделали. Я пишу «генеральское звание» — они пишут «генеральский чин». А «чины» у нас отменены в 1917 году. Чепуха какая-то.

— *Что это, глупость просто?*

— Я до сих пор не понимаю, что это такое. Вместо моих слов «Верховный главнокомандующий» они написали «главнокомандующий». Главнокомандующих у нас было хоть пруд пруди, а Верховный был один. Я пишу: 123-й истребительный авиационный полк. Но им-то лучше знать. Они считали, что в авиации полков не бывает. И без моего разрешения правили: 123-я эскадрилья. И не считали нужным меня ставить в известность о проделанной работе. В школе бывает 10 «А» класс, 10 «Б», но если сказать, что был еще и 123 «Щ», то народ этому не поверит. В полку может быть три эскадрильи, иногда четыре, пять. Бывают большие номера для эскадрилий, но тогда в названии присутствует очень важное слово — «отдельная». Это был сплошной анекдот. Я потребовал публиковать мой текст. Они ответили: если с чем не согласен — исправляй. Но если я все исправлю, то получится мой первоначальный текст. Зачем мне переписывать мою книгу, если у вас есть чистая копия моей рукописи. Ее надо опубликовать. Если редактор с чем-то не согласен, если в чем-то сомневается, пусть спросит, вместе согласуем. Но так они работать были не согласны.

— *Кто этим занимался?*

— Какая-то тетя, звали ее Ася, добросовестно за два месяца переписала всю книгу, уверяя, что мой стиль никуда не годится. Она своими словами все изложила. Пи-

шу «генерал-майор» или «генерал-полковник», а они все это сократили до «генерала». У меня пишется, что «был генерал-майором, стал генерал-полковником», а у них получится «был генералом — стал генералом». Пишу: «На Курской дуге в 1943 году создали такую оборону, что плотность минирования достигала 17 тысяч мин на километр. Имеются в виду погонные километры. Она переправила это на «квадратные километры». И прочее. Далее, я писал, что Сталин почистил армию, но в критический момент никто ему бомбу под стол не сунул, как сунули Гитлеру. В тексте на полях ими написано: «Ха-ха, что это такое? Это — фашистская пропаганда! Что, сами гитлеровцы могли подбросить Гитлеру под стол бомбу?» Они не могли себе представить, что бомбу Гитлеру могли подсунуть гитлеровцы же!

Я-то думал, что придет туда книга, им нужно запятые проверить и прочее. Если «корова» через «е» написано, то исправить. Опечатки же есть, тогда все на машинках печаталось! А они переписали книгу! Тогда я и говорю: «Стоп, ребята, давайте текст обратно!» Слава богу, не вышло тогда. По-английски «Ледокол» вышел в 1990 году в Великобритании. Но кто-то скупил тираж, а книгу истребили. Сейчас продают экземпляр книги по цене 999,99 доллара. Спрашиваю, почему такая странная цена. Отвечают: единственный экземпляр, сильно потрепанный.

— *А кто скупил тираж? Кто истребил книгу?*

— Я не знаю. Кто-то, кому понадобилось, чтобы книги не было. Возможно, КГБ. Кто скупил, тот и истребил.

— *И дальше? По-русски книга уже вышла в 1992 году?*

— Да, в 1992-м. История была вот такая. Перестройка в разгаре, все пошло вразнос. И журнал «Нева» обратился ко мне с просьбой дать что-нибудь для публикации. Я дал им «Аквариум». Напечатали. «Аквариум» идет на «ура»... Пошли письма от читателей. Давай, мол, давай! Студенты из МГУ писали, что они на следую-

ший год все подписались на «Неву» в ожидании новых публикаций. «Нева» снова обращается ко мне: «Есть ли у тебя что-то еще?» Говорю: есть. И посылаю «Ледокол». Говорю: «Вы его, конечно, не опубликуете». «Давай!» — говорят.

Посылаю. Наступает пауза. Звоню, чтобы узнать, в каком номере и так далее все это будет. Отвечают: понимаешь, нужна же какая-нибудь дата, чтобы к ней приурочить публикацию. Я говорю, что все понимаю: вот даты у них нету! Наступает дата. Звоню: ну как? Говорят: понимаешь, мужик, в чем дело, ведь не можем же мы обидеть наших ветеранов в такую дату!

И тянется это снова. Тянется до тех пор, пока не появляется на горизонте Сергей Леонидович Дубов. Один из первых российских магнатов, олигархов. Он купил издательство «Новое время» и журнал, на Пушкинской площади громадное здание купил, приехал ко мне и говорит: «Давай». Первый пробный тираж — 320 тысяч. Странная цифра: не 300, не 350... Объяснение тут вот какое. Он решил публиковать на оберточной бумаге без картинок, без карт. Я говорю: давай по-человечески. Что это за книга воснная — без карт? Нельзя, понимаешь? Думал он, думал и решил: 300 тысяч он даст на оберточной бумаге и в мягкой обложке.

— *Она у меня есть. Вот лежит.*

— Какой тираж?

— *320 тысяч.*

— Вот-вот. Он хотел таких 300 тысяч, а 20 тысяч — в твердой обложке, с картинками, картами и так далее. Был он тогда в Лондоне. Уехал он к себе и выпустил все 320 тысяч на оберточной бумаге. Вот какое объяснение тиража 320 тысяч. Второе издание он шархнул на миллионный тираж. Сказал: тебе слава, а мне деньги. А 1 февраля 1994 года его убили. Перед его домом.

— А какова была реакция на «Ледокол»?

— Самая интересная реакция была в «Огоньке», в рубрике «Книга недели». Вот, дескать, появилась книга такая-то, «Ледокол». Но она опоздала. Кто же не знает, что СССР собирался напасть на Германию! Мы это все знали и так. Опоздал ты, Суворов! Так что вопрос закрыт. Нам и так все ясно.

Когда меня фашистом или кем угодно еще обзывают, это я понимаю. Но то, что книга опоздала, — это меня развеселило.

— А как реагировали историки?

— Они сразу принялись за меня: «Где архивы?» И тогда я обратился к маршалу Куликову Виктору Георгиевичу с таким, примерно, предложением. Я считаю, что вы, товарищ маршал Советского Союза, довели мою страну до полного разорения и распада под лозунгом: «Лишь бы не было войны». Так вот, вы зря это делали, потому что война была развязана Советским Союзом, не такие мы невинные. Поэтому ваш аргумент, что мы должны вооружаться, как бы на нас еще кто-нибудь не напал, — этот аргумент — фальшивый. Так что, конным или пешим, выходите грудь на грудь к ракитовому кусту. Выходите на открытый разговор, будем биться под телекамерами. Маршал увернулся.

Были попытки с Волкогоновым и прочими. Со всем высшим командным составом персонально. Персонально посылались им письма, и получал персональные «ответы» — молчание! Выступая по телевидению, по радио — на Би-би-си, на «Немецкой волне», я постоянно повторял, что я готов к открытой дискуссии. Пожалуйста, разоблачите меня. У меня нет архивов, у вас есть. Встретимся перед телекамерой, пусть народ скажет, кто из нас дурак. Но по сию пору никого под телекамеры мне вытащить не удалось.

— Книжек и статей против Суворова выходило и выходит множество. Как можно суммировать главные претензии? То, что Суворов — фальсификатор и все врет, — это понятно. А еще?

— Главная претензия: «нехороший человек». И расписывается, какой я плохой, жена у меня плохая, и дочь плохая, и сын у меня плохой.

Недавно один дядя, полковник ГБ, объявил, что, когда я убежал, мой дед от позора повесился. А мой дед Василий Андреевич был махновцем, всю жизнь скрывал это, советскую власть ненавидел очень и очень люто. Если бы он дожил до того момента, когда я убежал, он от радости напился бы... Он все время упрекал меня за то, что не той власти я служу.

Так вот, самое главное — это не разоблачение моих книг, а разоблачение меня. Но еще древние римляне знали, что как только в споре в сенате кто-то переходит на личности и утверждает, что оппонент дурак, то ему сразу засчитывают поражение. И считается, что все его аргументы исчерпаны. И вот, когда там пишут всякие гадости про меня, какой я нехороший, что я совращаю детей и животных и чего еще там делаю, — я прихожу домой и говорю: «Татьяночка, открывай шампанское!» Это всегда свидетельство моей победы, свидетельство того, что крыть им нечем.

— *Основная масса критики была именно такая?*

— Да. А потом пришли придирки совершенно не по существу, но иногда удивительные.

Например, я пишу, что Жуков в своих мемуарах пишет, что вот на Халхин-Голе наши танки горели, как свечки, потому что у нас не дизельные двигатели, а карбюраторные. Ага! И весь мир повторяет: вот, мол, какие русские дураки: у них были карбюраторные двигатели. Я пишу в своей книге «Последняя республика», что Советский Союз был единственной страной, которая создала быстроходный танковый дизель мощностью 500 л. Он стоял на Т-34 и самоходках СУ-85, СУ-100 и СУ-122. Тот же двигатель в форсированном варианте использовался и на тяжелых танках и самоходках КВ-1, КВ-2, ИС-1, ИС-2, ИСУ-122 и пр. Кроме того, тот же самый дизель использовался на нашем тяжелом артиллерийском тягаче. Ни у кого в мире ничего подобного не

было. Как тут на меня бросились! А вот в Японии у них был танк с дизельным двигателем. Прежде всего, сколько было танков в японской армии? Их было за всю войну произведено меньше, чем во время войны произведено в Советском Союзе танков за один месяц! Второе. В каких сражениях японские танки отличились? Где? Было ли что-то подобное на Курской дуге или чего-то такого? Никто таких сражений никогда не видел. Третье. Был у них танк с дизельным двигателем — автомобильный, не быстроходный, не танковый, мощностью 90 л.с. — а у нас 500! Быстроходный, V-образный, а у японцев — однорядный. Маломощный. А танки у них — клепаные уроды! А вооружение — пушка 37 мм, а на наших самых «устаревших» танках уже давно стояли пушки 45 мм! А потом и 76, далее 122, а на самоходках — даже 152 мм! Все японские танки можно просто вообще не учитывать, потому что они нигде не отличились.

Это такая мелочь, о которой я знаю и преднамеренно сию пренебрегаю. Она вообще никакого отношения к моим доказательствам не имеет.

Я говорю: возьмите ведро дизельного топлива и ведро с бензином, поднесите факел к бензину. Может полыхнуть. Вы еще не коснетесь факелом этого ведра, если жаркий день и бензин испаряется, он полыхнет. А теперь возьмите факел и суньте в ведро с дизельным топливом. Факел гаснет. Вот что такое дизель! Выступал один дядя, некий Грызун, зубоскалит: гы-гы-гы, так ведь не факелами же немцы воевали. А бронбойному снаряду один черт — что карбюраторный, что дизельный двигатель. Вот я сейчас пишу ему ответ: мил человек, отчего же ты раньше молчал, когда Жуков на весь мир оплевывал наши танки, что они пожароопасные, что у них карбюраторные двигатели, а нужны дизельные. Почему же тогда молчал? Надо было объяснить товарищу Жукову, что снаряду один черт, какой танк бить. Чего же ты молчал? А дело не в снаряде. Дело в том, что если двигатель бензиновый, то любая искра, вышибленная бронбойным снарядом, может вы-

звать пожар. Тем более если используется высокооктановый (авиационный) бензин. А в дизельном этого не будет!

— Ну, это всякие шутники. А как у людей, выглядевших серьезнее — Гарева, Горьков, — какие у них основные претензии?

— Серьезных просто не было. Я с ними просто не берусь спорить. Несерьезно все это.

— Например?

— Ну, например. Тот же Гарев рассказывает, зачем мы захватили Северную Буковину. Оттого, что там проходила стратегическая дорога с юга на север, европейская дорога, суженная по сравнению с нашей, и там было много подвижного состава — паровозов, вагонов. И нам для наступательной войны это было очень важно. Я его процитировал, и он от своих слов отказался. Вот такие примерно у нас с ним отношения.

Горьков же выставляет документы, показывающие, что у нас был план прикрытия границы. Не обороны, а прикрытия! И сразу говорит: «Конец глобальной лжи». То есть — моей. И приводит планы прикрытия! Я тогда говорю: если у нас был план оборонительной войны, тогда объясните, почему этот план не сработал? Потому что не было плана? И если так, то объясните, пожалуйста, чем полгода занимались Жуков и прочие в Генеральном штабе? Нет, мне даже не хочется спорить с ними, потому что ни разу, никогда они ничего умного не сказали.

— Я взял журнал «Посетители кабинета Сталина» и просто подсчитал, что с начала января 1941 года, когда Жуков стал начальником Генерального штаба, до 22 июня Жуков был в кабинете Сталина 33 раза. Ни малейшего намека на то, чем они там занимались, у Жукова в мемуарах нет.

— Жуков пишет, что Сталин изредка выслушивал начальника Генерального штаба и что у него «не было

возможности поговорить со Сталиным». В то время как встречи его со Сталиным в сталинском кабинете продолжались и по полтора часа, и по шесть...«День М»

— Если в «Ледоколе» собраны материалы, доказывающие, что Советский Союз готовил Вторую мировую войну, то в «Дне М» собрана аргументация в пользу того, что нападение на Европу вообще и на Германию в частности должно было состояться именно в июле. Как можно сформулировать основную идею книги? Обычно в бесконечных дискуссиях ее содержание обсуждается отрывочно, по мелочам и кусочкам. И никогда в комплексе.

— Основная идея книги заключается в том, что решение начинать Вторую мировую войну было принято в Кремле 19 августа 1939 года. Это было не спонтанное, а обдуманное решение. То, что делало тогда кремлевское руководство, имело необратимый характер. Все решения, которые они приняли в августе 1939 года, автоматически ввели страну в войну, и сойти с этих рельсов было невозможно. Страна катилась к войне. Как нельзя сказать, что женщина немножко беременная, так нельзя и преуменьшать такое событие, как мобилизация. Мобилизация — это процесс, который рождает войну.

— Почему именно 19 августа? Насколько я помню, когда писался «День М», никто еще ничего не знал о речи 19 августа, текст был найден позднее.

— Это число было мной вычислено. Причем это вычисление особого труда не составляло. Нужно было просто сесть и подумать. Головой. Подумать вот о чем. До самого вечера 18 августа Гитлер считался врагом прогрессивного человечества, людоедом и злодеем. А с утра 19 августа Гитлер считался нормальным политическим деятелем, с которым можно подписать какие-то документы, с представителем которого можно выпить бокал шампанского. С ним можно было вести переговоры о чем-то.

— Почему именно с утра 19 августа? Откуда это известно?

— Известно это из того, что 19 августа Советский Союз отправил Гитлеру как бы приглашение к переговорам. В принципе, все было организовано так, что якобы инициатива исходила от германской стороны. До этого рубежа вся наша пресса, радио, политические деятели — все дружно говорили о том, что Гитлер — нехороший человек. И вдруг все изменилось. Идет шифровка в Германию — присылайте Риббентропа. Риббентроп прилетает, они быстренько делят Европу пополам, и начинается через неделю Вторая мировая война. Приглашение послано 19 августа, Риббентроп прилетает 21-го, пакт подписывается 23-го...

— Видимо, в этот день, 19 августа, произошло много, скажем так, мелких событий.

— Ну, не только мелких, но и крупных. До 19 августа Гитлеру никаких приглашений не посылали. Ну, были там какие-то контакты, был в Берлине наш представитель Астахов и другие, потом Шкварцев, который поехал в Берлин. Что-то там такое происходило, что-то тлело, но это был подспудный огонь. И вдруг приглашение Гитлеру — давай, присылай Риббентропа, будем делить Польшу, подпишем договор о дружбе и так далее.

Так вот, по моим расчетам выходило, что если до этого дня Гитлер — враг, а после этого дня Гитлер — свой человек, так, значит, именно в этот день Сталин должен был собрать свое ближайшее окружение и дать новую установку.

Как командир полка, который собирает командиров батальонов, рот, быть может, и взводных и говорит: «Братцы, мы вот вчера на картошке работали, а сегодня нас отправляют лес валить» или «отправляемся в лагерь». Что-то новое происходит. Раньше было так, а теперь будем делать иначе. Сталин должен был в этот день объяснить ситуацию.

Я должен признаться, что предположение о том, что

в этот день было заседание Политбюро и Сталин произносил речь, содержание которой я примерно вычислил, было с моей стороны проявлением нахальства. Потому никаких документов у меня не было. Но был расчет, была простая логика, рассуждение, которое потом полностью подтвердилось. Да, было такое совещание Политбюро, держал речь Сталин, и Сталин разъяснил своему ближайшему окружению, что мы сейчас будем делать.

— *Имеется в виду запись речи Сталина, распространенная агентством ГАВАС?*

— Да. Это номер один. А потом Татьяна Семеновна Бушуева нашла эту речь в изложении. Сейчас люди, которые серьезно этим занимаются, собрали доказательства того, что речь настоящая. Но самое главное — если все, что написано в этой речи, агентством ГАВАС придумано, то надо снять шляпу перед ним и поклониться. Ибо они все, что потом случилось, предсказали. Можно до бесконечности спорить о том, была ли эта речь или не была. Но мы видим дела Сталина. А совпадения простые и удивительные.

Дело было вот в чем. Любые знания превращаются в науку только в том случае, если эти знания систематизированы. К примеру, сведены географические координаты в сетку на земном шаре — после этого они превратились в науку, географию. До этого мореплаватели плавали «на глазок».

И меня всегда удивляло отсутствие системы в изложении нашей истории. Сам я постоянно старался известные мне данные по мере сил своих и возможностей систематизировать. И когда эта систематизация удавалась, то она сопровождалась совсем небольшими открытиями.

Вот несколько примеров.

Сколько у нас было полевых армий? Никто этого никогда не говорил. Я завел карточки и стал туда записывать сведения, которые удавалось найти. Вот первая Краснознаменная армия на Дальнем Востоке, вот вто-

рая. вот третья. Известно, когда они были созданы и кто ими командовал...

Далее, сколько у нас было военных округов? Начиная читать: вот Московский округ, вот Забайкальский округ... А сколько их? В то время нигде таких данных найти было невозможно. Но я собрал их: 16 военных округов и один фронт — Дальневосточный. Кто ими командовал? Написал. И тут вдруг выявляется — я делаю для себя небольшое открытие.

— *Прошу прощения, один технический вопрос. Фронт — это понятие, связанное только с военными действиями? Когда организуются фронты?*

— Фронт — это понятие, имеющее несколько значений. Первое — общее, например советско-германский фронт. Второе: организационная единица — фронт во главе с командующим. Фронт — это группа армий. Она создается для войны. Так вот, с 1939 года существовал фронт на востоке — Дальневосточный фронт. А на всей остальной территории существовали военные округа. Иногда у нас все происходит наоборот. Самые мощные военные округа на западе имели гораздо больше сил, чем Дальневосточный фронт. Например, Западный особый военный округ имел раза в 3—4 больше танков, чем на Дальнем Востоке. Зачем это делалось? Чтобы показать всему миру, что, мол, у нас фронт только один — на Дальнем Востоке, командовал им генерал армии Апанасенко Иосиф Родионович. А на западе у нас все мирно. Хотя западные округа уже были превращены во фронты решением Политбюро от 21 июня 1941 года.

— *До нападения немцев? Это очень сильный момент. А по правилам, военным нормам, в какой момент округ превращается во фронт? За сколько времени до начала боевых действий?*

— Дело в том, что между военным округом и фронтом, в принципе, различие только в названиях. Ничего

более там не меняется, отличий нет. Вот, к примеру, есть генерал армии Павлов, командующий Западным особым военным округом. Он же в какой-то момент превращается в командующего фронтом. И его штаб, начальник оперативного отдела, начальник разведки полковник Блохин — все там и остаются. У него по-прежнему в подчинении четыре армии: 10-я по центру, правее — 4-я, левее — 3-я и позади — 13-я. А название меняется в самый последний момент.

— По вашим расчетам, за две недели?

— Да, по моим расчетам — за две недели. Дело-то в том, что для окружающих эта смена названий совершенно не видна никак, даже для военнослужащих... Дивизия живет, идут учения, сверху спускаются приказы... От командира корпуса, от командующего армией... А там уже развернут фронт. Командные пункты фронтов были вынесены вперед ранней весной 1941 года. Мы знаем, что во время войны округ будет превращен во фронт, и заранее для фронта строим командный пункт, строим подземный узел связи и так далее. А название сменить — это раз — и все.

Вернемся к систематизации. Я расписал, сколько у нас армий, выписал фамилии командующих... Стоп! Сразу — открытие! Вы можете это назвать как угодно, для меня это — открытис. Северо-Кавказский военный округ. Командующий генерал-лейтенант Конев Иван Степанович. 19-я армия. Командующий — генерал-лейтенант Конев Иван Степанович. Как, он и округом, и армией командует? Что-то тут не так. Смотрю далее.

20-я армия. Орловский военный округ, берем командующего армией и командующего округом. Тот же человек — генерал-лейтенант Ремезов Федор Никитич.

21-я армия — генерал-лейтенант Герасименко, и Приволжский военный округ — тоже генерал-лейтенант Герасименко. Однофамилец? Нет. Все тот же Василий Филиппович. Непонятно!

18-я, 19-я, 20-я, 21-я, 22-я, 24-я, 28-я армии — они

все имеют командующих, являющихся одновременно командующими округами! Те же лица!

Теперь берем сообщение ТАСС, допустим, от 13 июня 1941 года. И все, что относится к 13 июня, собираем в отдельную папку.

— *А каково содержание этого сообщения ТАСС?*

— Содержание таково. Ходят слухи, что Германия собирается на нас напасть. Но это — чепуха. Германия на нас нападать не собирается.

Итак, номер один. Эффект удара по голове! Почему всегда и везде мы говорили, что враг вокруг, что враг не дремлет, а тут один только раз в истории, 13 июня 1941 года, мы объявили, что враг на нас нападать не хочет! На это все обычно говорят: «Какой глупый Сталин!»

Сейчас это сообщение есть в любом справочнике. А в то время его ну нигде не было! Все его цитировали, но текста не было. Я нахожу это сообщение, читаю.

И там написано вот что: ходят слухи, что Германия собирается напасть на Советский Союз. Все это чепуха. Германия выполняет свои обязательства так же хорошо, как и Советский Союз. А еще ходят слухи, что Советский Союз хочет на Германию напасть. Ну что вы! Никогда! А что касается переброски войск, так это мы ради учений.

Интересно, думаю. В самый урожай. Как раз когда надо собирать урожай, осенью, организуют учения. Какая-то чепуха.

Все обычно обращают внимание на первую часть. Но первая часть — это преамбула. В нашей стране всегда так делалось. Допустим, в конце 1938 года выходит Постановление ЦК о работе НКВД. Начинается все с ритуальных похвал. Что вот НКВД добилось больших успехов в борьбе с врагами народа. И рассказывается о том, каких успехов они добились. Далее следует страшное слово «однако...». И — понеслось. В результате товарищ Ежов слетел со своего поста, потом он был расстрелян, и вся ежовская братия была перестреляна. То есть пре-

амбула о больших успехах — это просто вводная часть, которая никакого отношения к содержанию не имела.

То же самое и это сообщение ТАСС: «Ходят слухи, что Германия желает на нас напасть». Ага. А дальше что написано?

Эта вводная часть была нужна, чтобы плавно перейти к главному. Что, мол, ходят слухи, что Советский Союз желает напасть. Так вот, нет, ни в коем случае! Просто идет переброска войск.

13 июня прозвучало это сообщение ТАСС, 14 июня оно было опубликовано в газетах. Так вот, 14 июня — это день скорби прибалтийских государств, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии. В этот день чекисты тысячами выталкивали жителей из их квартир, из их домов и отправляли их туда, откуда эти люди никогда не вернулись. Шло очищение прифронтовой полосы, высылались так называемый «нежелательный элемент». С одной стороны, ходят слухи, что мы, мол, не желаем нападать, с другой стороны, действуем иначе: в ночь с 13 на 14 июня тысячи людей в теплушках отправляются в Казахстан, на Дальний Восток и так далее. Говорим одно, а делаем другое.

Дальше. Смотрю и вижу: 16-я армия из Забайкалья выдвигается в западные районы Советского Союза, 19-я армия — из Северо-Кавказского военного округа, 20-я — из Орловского и так далее.

Это значит, что генерал-лейтенант И.С. Конев из войск Северо-Кавказского военного округа сформировал 19-ю армию и тайно выдвигает ее в западные районы Советского Союза, 21-я армия выдвигается из Приволжского округа, 22-я — из Уральского, 24-я — из Сибирского... Все командующие внутренними военными округами бросили свои округа, забрали все свои штабы, все свои войска и тайно движутся на запад.

Вот сообщение ТАСС... Мы не желаем нападать на Германию. А вот — действия Советского Союза.

Еще о систематизации. Возвращаемся в 1939 год. 19 августа посылает Сталин Гитлеру послание с приглашением в Москву Риббентропа. Риббентроп едет. В

тот же день, 19 августа, товарищ Сталин принимает решение установить с Гитлером общую границу. И в тот же день, 19 августа, начинается титаническое, небывалое развертывание Красной Армии. Читасшь историю дивизии: сформирована по приказу от 19 августа 1939 года. И таких — множество. До этого, на 18 августа 1939 года, у нас было 96 стрелковых дивизий, а на 21 июня 1941 года — 198! Вдвое увеличили количество стрелковых дивизий. А каждая дивизия — это 14 800 человек. Было на 19 августа 1939 года танковых дивизий — 0, а стало на 21 июня 1941 года — 61 дивизия. Моторизованных дивизий было 2, стало — 1.

Гитлер напал на Польшу, имея 6 танковых дивизий. А тут звучит над страной, что мы нападать не собираемся...

Повторяю еще раз — систематизация, и только!

— *Кстати, «День М» — это было официальное выражение?*

— Да, да. Оно очень часто встречается. Например, у маршала Советского Союза Рокоссовского: «Мы знали, что нам предстоит делать в «день М». Но когда вскрыли пакеты, там было написано много чего, но за исключением того, что нам предстоит делать, если на нас нападет враг».

— *Итак, о мобилизации, начавшейся 19 августа.*

— Говоря о мобилизации, мы должны вспомнить о Борисе Михайловиче Шапошникове. В Советском Союзе был только один человек, которого Сталин называл по имени и отчеству: Борис Михайлович. Это — Шапошников. Маршал Советского Союза. Правда, в момент подписания договора с Риббентропом он был еще не маршалом, а только командармом первого ранга. Когда Молотов и Риббентроп подписывали документы, он стоял рядом со Сталиным. Они оба стояли сзади и потирали руки. Борис Михайлович Шапошников еще в конце 20-х годов выдал мощную книгу под названием «Мозг

армии». В этой книге он объяснил, что такое мобилизация. Мобилизация — это ситуация, когда мы страну и армию переводим с мирного положения на военное. Шапошников приводит пример. Стоит часовой, и у него пистолет в кобуре. Это мирное время. Вот он вытягивает руку, выхватил этот свой револьвер и взвел курок. Вот это мобилизация. Дальше идет война. Шапошников предупреждает, что мобилизация не может быть частичной, мобилизация — это война. Если ковбой схватился за пистолет и взвел курок, то обратного хода уже нет. Если мы решились начинать мобилизацию, то мы идем до конца. Если мы начинаем мобилизацию, начинается мобилизация и противник. Мы можем и хотели бы остановиться, но противник этого не знает... Если мы выхватили пистолеты и взвели курки, то противник стремится выстрелить раньше. Он же не знает, что мы будем делать дальше. Поэтому его интерес состоит, чтобы скорее выстрелить.

Шапошников разработал очень мощную и очень умную систему. Он разъяснил, что львица, которая охотится на зебру, не может догнать зебру, ибо не так она устрасна. Поэтому ее нападение делится на две части. Сначала она тайно подкрадывается, а потом следует рывок. Страшный, мощный рывок. И мобилизацию он рекомендует делать так же. Сначала мы подкрадываемся, подкрадываемся, а потом совершаем рывок. Этот рывок — начало открытой мобилизации — не должен проходить до начала военных действий.

Шапошников пишет о глупости всех стран в Первой мировой войне. Объявлена война, и все начинают мобилизацию своих армий: Австро-Венгрия, Германия, Россия, Франция. Граница противника открыта, пустая, иди вперед! Но мобилизация еще не закончена. Когда все отмобилизовались, вышли к границе — уже поздно. Все армии отмобилизовались, подошли друг к другу — позиционный тупик. Шапошников предлагает провести тайную мобилизацию, отмобилизовать ударные эшелоны вторжения, и в момент, когда мы начинаем войну, эти эшелоны вторжения немедленно входят на террито-

рию противника. Немедленно, не давая ему отобилизоваться, занимая его территорию. А вот под прикрытием этих войск мы отобилизовываем второй эшелон, третий и так далее.

«День М» — это конец тайной мобилизации и удар по противнику, под прикрытием которого можно, никого не стесняясь, проводить открытую мобилизацию в стране.

— *Эта концепция агрессора, которая ни в коем случае не годится для обороны?*

— Ни в коем случае! Причем тот, кто принял решение о мобилизации (это слова Шапошникова), тот принял решение о войне. Он не разделяет эти понятия. Мобилизация не может быть частичной, она может быть только всеобщей. Так же, как и беременность не может быть частичной. Мы начали мобилизацию, значит, мы приняли решение о войне. Увернуться от этого невозможно!

Так вот, 19 августа 1939 года, когда Сталин дал зеленый свет Гитлеру, был приглашен Риббентроп для переговоров, одновременно в этот же самый день началась тайная мобилизация Красной Армии. А «день М» — такой день, когда эта тайная мобилизация должна была превратиться в дело. Когда тайно отобилизованные войска ворвутся на территорию противника и будет объявлен «день М», тогда мы открыто будем делать то, к чему стремимся.

— *Тайная мобилизация началась формированием новых армий?*

— Дивизий, бригад, корпусов, армий. Допустим, в августе 1939 года у нас было 4 танковых корпуса. Они назывались сначала механизированными, потом с 1938 года — танковыми, потом — снова механизированными. Когда Гитлер напал на нас через два года, их было уже 29. В августе 1939 года у нас не было воздушно-десантных корпусов. Когда Гитлер напал, их было уже пять и еще пять — в стадии подготовки. Когда готовилось

предложение Гитлеру о разделе Польши, в европейской части Советского Союза армий не было. В округах были корпуса, но не армии. Армий было только две — Первая Краснознаменная и Вторая Краснознаменная — на Дальнем Востоке. Когда Гитлер напал, армий было уже 28. 23 — на западных границах Советского Союза или в пути на запад. А на Дальнем Востоке — пять армий. Причем очень слабых...

— *Всеобщая мобилизация касалась не только армии?*

— Да, конечно. Мобилизация касалась и экономики. Прежде всего были созданы наркоматы боеприпасов и пр. Вся промышленность была переведена на режим военного времени...

— *Что это означало?*

— Ресурсы были мобилизованы. Осенью 1940 года были созданы так называемые «Трудовые резервы». Миллионы подростков принудительно посадили на казарменное положение, прикрепили к военным заводам и заставили вкалывать. Механизм закабаления был простым. Было объявлено, что жизненный уровень советского народа поднялся так высоко, что за обучение в вузах и в старших классах школ следует платить. Мотивировка совершенно удивительная: «в связи с возросшим уровнем жизни» — давайте, платите. Но гражданам платить было нечем, поэтому из старших классов и из высших учебных заведений валом повалил народ. Остались там только те, которым было чем платить. А обо всех остальных наша родная власть проявила заботу — в «Трудовые резервы». Ты туда попадаешь по мобилизации, а побег из «Трудовых резервов» (а попадали туда в 13—14 лет) был возведен в ранг уголовного преступления. За побег давали полновесный срок и сажали в ГУЛАГ. А оттуда убежать было совсем не просто. «Обучение» в «ТР» — 2 года с сочетанием выполнения производственных норм. Тебя будут учить, а потом

за эту учебу нужно было 4 года отработать на том заводе, к которому тебя приписали, без права выбора места работы и условий труда.

— *Так это — принудительный труд!*

— Не только подростки, но и взрослые были закреплены. Был издан указ, запрещающий переход с места работы без перевода. Так, в Куйбышеве построили гигантские авиационные заводы. К примеру, в Москве брали целый цех и переводили в Куйбышев. Или в Комсомольск-на-Амуре. Отказаться люди не имели права. Крестьянство было закреплено в начале, а рабочие — в конце 30-х годов.

— *Интересное сопоставление. В начале 30-х годов, когда была дикая нехватка инженеров, а промышленность нужно было строить, в высшие учебные заведения заманивали! Через рабфаки и прочее, всех кто хотел, готовили к вступлению в вузы по сокращенным курсам и т.д. А в 1939 году ситуация была противоположной: нужны были работяги, инженеров уже хватало.*

— Даже не так. Те, кто был соответствующего возраста, тех просто «загребали», школьников старших классов — в «Трудовые резервы». А студентов просто отправили в армию и сделали курсантами военных училищ. Вот и моего отца, поступившего в индустриальный институт, призвали в армию.

— *Его призвали в училище?*

— Нет, сначала он отслужил год солдатом. Остался еще год, он надеялся продолжать учебу. Но после этого ему сказали: пойдешь дальше учиться в училище. И желания не спрашивали.

— *Мобилизационным образом?*

— Именно мобилизационным образом. В воспоминаниях маршала Советского Союза Виктора Георгиевича

Куликова тоже описана такая ситуация. В 1939 году он попал в пехотное училище. А выпустили его 19 июня 1941 года. Он успел получить звание лейтенанта. Мой отец не успел.

— *Выходит, что механизм мобилизации в экономике получается такой: внезапный призыв в армию всех возрастов, а вакуум в промышленности заполняется школьниками и студентами.*

— Только школьниками. Студентов — в военные училища.

— *В этом и состоял основной процесс перевода экономики на военные рельсы?*

— Именно. Выступает вдруг некая Паша Ангелина и призывает сто тысяч подруг сесть на трактор. Сто тысяч подруг! Подготовлено было двести тысяч трактористок для сельского хозяйства. Звала она сто тысяч, а мобилизовали двести тысяч. О мужчинах Красная Армия позаботилась, забрали под теплос крыло. А женщины заменили всех на заводах — заводы комплектовались женщинами! Тракторные бригады — женщинами. В колхозах — женщины одни остались.

— *То есть тайная мобилизация предполагала мгновенный, в течение года-двух взрывной рост армии и военной промышленности. Перевод всей страны окончательно на принудительный труд.*

— Да. Из всех моих книг я больше всего люблю «День М» не оттого, что она такая хорошая, а за то, что это был материал, который можно доказывать, как теорему в геометрии.

Обычно в армию призывали одну треть призывного контингента, остальные в армии не служили. И вот 19 августа 1939 года товарищ Сталин принимает решение о созыве 4-й внеочередной сессии Верховного Совета. Зачем-то ему понадобилась внеочередная сессия.

31 августа товарищ Ворошилов делает доклад о необходимости введения всеобщей воинской обязанности, а утром 1 сентября 1939 года, одновременно с нападением немцев на Польшу, эта сессия принимает закон о всеобщей воинской обязанности. И нам объясняют, что это было правильное и вполне логичное решение, закон был принят в условиях уже начавшейся Второй мировой войны. Но тот, кто давал приказ делегатам собраться в Москве и принять такой закон, думал об этом 19 августа! Гитлер 1 сентября не знал, что он начал Вторую мировую войну, а Сталин 19 августа распорядился: ну-ка, ребятки, собирайтесь в Москве, нужен закон о всеобщей воинской обязанности в условиях начавшейся Второй мировой войны. Здорово? 3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили Германии войну, и Гитлер был оглушен этой новостью. Он не рассчитывал на такой поворот. Он во Вторую мировую войну вляпался по глупости. А вот товарищ Ворошилов 31 августа 1939 года уже докладывал народным представителям, что без всеобщей воинской обязанности нам никак не прожить. Пока Гитлер был врагом и людоедом, кое-как без всеобщей перебивались, а тут подписали с ним мир, а сами топоры точим.

Кстати, в тот же день, 1 сентября, вводится звание подполковника. У нас до этого был младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант. Это — «кубари». А далее были старшие офицеры: капитан, майор, полковник. Соответственно — одна, две и три «шпалы». Когда же 1 сентября 1939 года ввели звание подполковника, то он стал носить три шпалы, а полковник уже с того времени стал носить четыре шпалы.

— *Когда был принят армейский устав? В соответствии с какими уставами планировались боевые действия?*

— Армия имеет много уставов: строевой, дисциплинарный, внутренней службы, караульный. На тактическом уровне подразделения и части ведут боевые действия, руководствуясь боевыми уставами: БУП — бое-

вой устав пехоты. БУБА — боевой устав бомбардировочной авиации и т.д. А на оперативном и стратегическом уровне, то есть от дивизии и выше, действует единый для всех полевой устав. Уставы постоянно обновляются и совершенствуются. В 1939 году был введен в действие ПУ-39. Вот только одна фраза из него: «Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий». И далее все в том же духе. А мне говорят: «Так он же не подписан». То есть он был не утвержден. Правильно: на титульной странице значилось: «проект». Однако предыдущий ПУ-36 был отменен, а ПУ-39 был отпечатан и разослан в войска. По нему учили в военных академиях, проводили учения и маневры, планировали войну, по нему действовали войска. И никакого другого устава не было. Кстати, и предыдущий ПУ-36 был ничем не лучше. Просто не такой откровенный: а предписывал он все те же действия. Отсутствие утверждающей подписи объясняется просто. Шла совершенно жуткая грызня в наших верхах. Что-то принимается, но и оставляется лазейка для отхода. Допустим, была «Временная инструкция по ведению глубокого боя». «Временная» инструкция! То есть если тебя начнут обвинять из-за нее, что ты враг народа, то ты говоришь, что это не постоянная, а временная инструкция!

Но никакой другой нет, только временная. Или: «История ВКП(б). Краткий курс». Никакого другого курса нет и не предвиделось! Только краткий курс! Если даже какого-нибудь товарища, даже и товарища Сталина, начнут упрекать, что вот ты то не отразил или это, есть отговорка — это же краткий курс!

Так что у нас был проект полевого устава. Других документов никаких нет и не будет. Есть проект, по которому действовала вся Красная Армия. Действующий проект — вот в чем дело. Все годы я пытаюсь достать это, но нигде, абсолютно нигде его нет! Уничтожен, замели следы...

Сталин уже 19 августа 1939 года знал, что он введет в стране всеобщую воинскую обязанность. Это позволи-

ло мгновенно увеличить армию до пяти с половиной миллионов человек (а сейчас говорят, что еще больше!). Срок службы все же был установлен 2 года. Чтобы людей не пугать.

Итак, Сталин требует созвать Внеочередную сессию ВС и 1 сентября 1939 года принимает новый закон. Но не мог он не понимать, что через два года, 1 сентября 1941 года, всю эту массу людей предстоит отпустить по домам. Или... До 1 сентября 1941 года он должен вступить в войну.

— *Но экономическая нагрузка на государство при такой армии настолько немыслима, что все теряет смысл, если войну не начинать.*

— Это было полное разорение всего государства. Кормить армию было нечем, потому что поголовье скота было ниже, чем в 1916 году. А 1916 год — это уже зверский год, когда все мужики на фронте, бабы в хозяйстве в России. Это кризисный год Первой мировой войны. У нас в мирное время поголовье скота было ниже, чем в 1916 году. И прокормить себя страна не могла. То есть эта мобилизация означала или войну, или экономический коллапс государства. Одна только ситуация с транспортом чего стоила!

— *Какие еще моменты указывают именно на начало июля как на предполагаемый срок нападения на Германию? Другие историки, которые вольно или невольно вас поддерживают, все более-менее согласны, что июль. Споры о том, идет ли речь о 6 июля, как это предполагается в «Дне М», или о десятом, или о пятнадцатом...*

— Вот какие. Сообщение ТАСС прозвучало, армии второго стратегического эшелона двинулись вперед. Вот передо мной цифры. Допустим, 19-я армия Ивана Степановича Конева, про которого мы только что говорили, имела 110 339 человек, 20-я армия — 113 093 человека, 21-я армия — 106 112 человек, 22-я — 83 162 человека,

24-я — 88 029 человек. 16-я армия имела 1443 танка. Вы только представьте себе — 1443 танка. Когда Гитлер напал на Польшу, у него было меньше 4000 танков. А тут только одна армия из Забайкалья, второй стратегический эшелон — 1443!

Они все движутся. И дата полного сосредоточения четко определена — 10 июля 1941 года. И мне говорят, вот же она, дата — 10 июля. Дата — когда должен был сосредоточиться второй эшелон! Следовательно, Красная Армия должна была вступить в войну после 10 июля. Казалось бы, так? Не так.

Потому как все наши учебники довоенные говорят о том, что ждать сосредоточения второго стратегического эшелона просто незачем. И это было подтверждено многократно. Допустим, начинает Советский Союз войну против Японии. Это такая же образцовая война, как и против Германии, только против Японии все удалось, а против Германии не удалось. Война с Японией для нас является тем образцом, по которому мы проверяем 1941 год!

Все «ошибки» 1941 года в 1945 году были повторены. Мы вынесли аэродромы к границе, командные пункты и прочее. И шло гигантское перемещение войск с Запада на Восток. 5-й армии, 53-й армии, 39-й армии... Так вот, считалось, что зачем же нам сосредотачивать весь второй эшелон, когда ему негде там сосредоточиться! А вот когда первый эшелон пойдет вперед, тогда на его места — в брошенные казармы, лагеря, какие-то места разгрузки, — вот туда приходит и разгружается второй эшелон. Не надо дожидаться его прихода. Поэтому мой вывод — не после 10 июля, а до 10 июля!

Про 6-е мы можем спорить... Кроме того, это воскресенье. Сталин любил в воскресенье нападать.

— В статье Михаила Мельтюхова сказано, что единственный аргумент Суворова, почему он считал 6 июля днем «М», была любовь Сталина к воскресным нападениям.

— Нет, это не так. Хотя правда Сталин любил напа-

дать в воскресенье, как и Гитлер, между прочим! Это номер один. Номер два, и что очень важно, — это было последнее воскресенье перед полным сосредоточением второго стратегического эшелона.

И многочисленные проговорки. Как то: генерал армии Иванов, заместитель начальника Генерального штаба, писал, что Гитлеру удалось нас предупредить на две недели. Как это «упредить»? Уже одним этим он утверждает, что война была предупредительная. Это говорит генерал армии, советский, официально!

Что значит — предупредить? Если я готовлю оборону, как ты можешь меня предупредить? Вот на Дальнем Востоке сидят в окопах, блиндажах. И вдруг японцы напали. Ну, как они нас могут предупредить? Что это значит — «упредили на две недели»?

— В «Дне М» упоминаются допросы Власова, во время которых он подтвердил наступательные намерения Красной Армии. Где они цитировались?

— Протокол допроса Власова от 8 августа 1942 года хранится в городе Фрайбурге в центральном военном архиве ФРГ. Протоколы неоднократно публиковались, в частности, отрывки из него печатала «Красная звезда» 27 октября 1992 года. Там же, во Фрайбурге, хранятся и другие протоколы допросов советских генералов: Лукина, Понеделина, Трухина...

Когда речь идет об опоре на источники, тут нужно вот еще что заметить. Официальная военная история очень редко опирается на документы. Например, наша официальная наука говорит о том, что Сталин истребил сорок тысяч полководцев, военачальников. Я спрашиваю: а откуда это взято? Товарищи дорогие, а есть ли у вас документы, подтверждающие эту цифру? Кто первым это сказал? Сам нашел документ, ткнул их носом в документ, а в документе написано, что было сорок тысяч уволенных. Из которых огромное количество было возвращено назад. Я гораздо чаще опираюсь на документы, чем мои противники.

Что касается критики в мой адрес... Ну, вот один об-

разец критики. Я написал, что немцам перед нападением на СССР следовало бы заготовить шесть миллионов тулупов. Волкогонов по этому поводу дико смеялся: «Так ведь они же планировали захватить Советский Союз за три месяца!» Я говорю: «За три месяца захватить, так потом все равно зима будет! С партизанами воевать, оккупационную службу нести и так далее». То есть глупейшее замечание было совершенно.

Дело в том, ни Гареев, ни Волкогонов, ни кто-либо другой из восначальников, из тех, кто носит большие звезды на погонах, никто никогда конкретно меня не критиковал. Когда Гареев пишет что-то про меня, он пишет мимо меня. Он никогда меня не уличает в чем-то, в каких-то неправильных вещах. Он разглагольствует, и все остальные тоже. Самый блестящий образец — Городецкий. «Миф «Ледокола». Наши сочинения лежат в разных плоскостях, они не пересекаются никак.

— *Но в чем-то же Городецкий с «Ледоколом» не согласен?!*

— Ни в чем! Заявка там такая: «Не буду же я спорить с Суворовым!» И рассказывает он, что вот прилетел Гесс в Британию, описал, чем его кормили, какой-то дипломат кому-то что-то сказал... Ко мне это вообще никакого отношения не имеет. Ни за, ни против... Это не пересекается со мной никак.

— *А попыток каких-то серьезных возражений не было?*

— Нет. Есть придирки по мелочам. Вот, например, очень «мощная придирка»: я говорю, что если двигатель танка находится в корме, а силовая передача впереди, то нужно от двигателя к силовой передаче перебросить карданный вал. А раз карданный вал у тебя через весь танк идет, то пол башни (ее вращающаяся часть) нужно поднимать над карданным валом. Все это ведет к увеличению высоты танка, а за каждый сантиметр высоты ты расплачиваешься броней. А броня — это вес, а

лишний вес — это как для человека с мешком картошки на шестой этаж бегать. Выступаст один дядя, страшно-страшно смеется и говорит: присутствие карданного вала не влияет на высоту танка, а влияет на высоту корпуса танка. Вот корпус танка становится выше. Ну, говорю, что в лоб, что по лбу! Ведь если корпус танка стал выше, а у тебя та же самая башня и та же самая подвеска, то и танк стал выше! Вот как меня уловили!

— *Есть в Интернете один очень активный персонаж, к тому же коммунист, я с ним сталкивался. Написал пару статей, которые, по его заявлению, «опровергли Суворова». Основной его тезис был тот, что, не помню в какой книге, при подведении статистических данных о голосовании в пользу нацистов в 1932 году вроде бы цифры, приведенные вами, были не верны. Мне даже не хотелось вникать, верны ли они или нет. Но вывод из этого был такой: раз на этом поймали, значит, и все вранье..*

— Да, да. Я с этими цифрами разобрался. Дело в том, что там было множество голосований, они шли одно за другим, и когда я эти цифры приводил — я же их не сам придумал, тоже откуда-то списал, из какого-то источника. — какой-то советский источник дал такие цифры, я их повторил. Оказалось, что есть другие цифры. Ну и что? Возьмите одни цифры или другие, а общая картина никак не меняется: коммунисты своим поведением обеспечили Гитлеру победу.

— *Дело совершенно не в цифрах, дело в логике: человек на основе такого нелепого материала публично заявляет, что он Суворова опроверг. Тогда наш спор, кстати, закончился совершенно забавно. Я сказал: «Отлично. Если вы его опровергли, тогда, пожалуйста, на полстранички — основные тезисы «Ледокола» и какие из них опровергнуты». И все. Замолк.*

А еще смешнее было, когда недавно я говорил с одним очень симпатичным немцем, очень квалифициро-

ванным историком, и спросил его, кто бы из немцев мог выступить, поучаствовать в дискуссии на эту тему. Он ответил: «Из политкорректных соображений вы не найдете ни одного историка, который зависит от получения гранта для своих научных исследований и который бы осмелился выступить в поддержку Суворова. Не потому, что все не согласны, а потому, что они выпадут из системы».

— Недавно мне было предъявлено еще одно очень серьезное обвинение — я умолчал о еврейской проблеме. Статья так и называлась: «О главном Суворов умолчал».

— А зачем о ней было говорить?

— Не знаю. Ну, хрен его знает, как притянуть еще эту проблему к обсуждению планов нападения Сталина на Гитлера!

— Можно ли коротко изложить суть идеи «Ледокола» и «Дня М»? Для людей, которые этих книг не читали. Суть концепции и основные аргументы.

— Номер один. После Первой мировой войны в Европе никто Вторую мировую войну развязать практически не мог. Ибо: Великобритания была занята своими колониальными вопросами, армию имела небольшую, а флот громадный, чтобы защищать колонии и пути сообщения с колониями; Великобритании незачем было начинать войну, никаких у нее амбиций на европейском континенте не было.

У Франции не было никаких резонов начинать войну, ибо по Версальскому договору она получила все, что хотела, и сверх того строила на своих границах линию обороны наподобие Великой китайской стены — то есть у нее была чисто оборонительная стратегия.

Германия была полностью разоружена, не буду перечислять, что там и как, но Германия как военная и военно-техническая держава была полностью ликвидирована и тоже не могла начинать какую-либо войну.

В этой ситуации Советскому Союзу жить бы и радоваться. Однако Советский Союз сделал все для того, чтобы Германия снова встала на путь подготовки к войне. Готовили немецких танкистов, летчиков и прочее. Вопрос: против кого? Понятно, не против себя. Значит, против кого? Против остальной Европы.

— В одной брошюре начала тридцатых годов я встретил такой расчет. Красная Армия составляла на 1931 год столько-то человек. Суммарная армия всех соседей — Финляндии, Болгарии, Румынии, всех-всех — составляла столько-то тысяч человек. Для того чтобы Красная Армия могла их всех победить, ей нужно было бы иметь столько-то. Какая-то безумная, бредовая доктрина, которая предполагала, что все эти мелкие страны объединятся против Советского Союза и на него нападут.

— Да-да, бред, конечно, полный. Так вот. Никто, конечно, на Советский Союз напасть не мог, а Советский Союз готовил Германию к новой войне.

Номер два — Сталин помог Гитлеру прийти к власти.

Номер три. Вся внутренняя политика Советского Союза была подчинена агрессивной внешней политике, ибо Советский Союз не мог существовать рядом с другими государствами. Поэтому производство оружия в стране было совершенно чудовищным, но это оружие производилось не для того, чтобы защитить своих людей, ибо ради производства оружия Сталин и его подручные устроили голод с миллионными жертвами. Зачем нам производить оружие, если люди гибнут от того, что мы его производим?

Далее. Если бы Сталин не хотел воевать с Германией, то он должен был сохранять барьер нейтральных государств между Германией и Советским Союзом. Тогда нападения Германии не было бы! Но Сталин с Гитлером вместе разделили Польшу, установилась общая граница между СССР и Германией. Сталин придвинул свои границы к границам Германии везде, где только

это было возможно, — от Финляндии до Румынии. То есть от Ледовитого океана до Черного моря. Все соседние страны стали жертвами Советского Союза. Включая Литву, которая даже границы не имела с Советским Союзом до 1939 года.

Следующий момент. Вторая мировая война была начата Советским Союзом преднамеренно в 1939 году, и с самого начала — с августа 1939 года — Советский Союз был участником Второй мировой войны. И был союзником Гитлера, вместе с Гитлером они крушили Европу. Замысел Сталина заключался в том, чтобы руками Гитлера сокрушить Европу, а потом удушить самого Гитлера. Так же, как руками Ежова Сталин уничтожил всех своих потенциальных врагов и даже тех, кто мог бы быть причислен к ним, а потом удавил и самого Ежова. И все это было названо «ежовщиной», хотя это была чистая «сталинщина».

Все, что делалось в Советском Союзе для обороны после того, как Сталин почувствовал, что он может нанести удар по Гитлеру, что Гитлер уже «вляпался» во Вторую мировую войну и напасть не может, все это начало уничтожаться, а подготовка Красной Армии была исключительно наступательной.

И последнее. Разгром Советского Союза в 1941 году объясняется тем, что все планы, все приготовления — все это шло именно на наступление, ничего не делалось для обороны.

— Большинство «оппонентов Суворова» раздражает, буквально приводит в бешенство сама идея, что Советский Союз мог в 1941 году на Германию напасть и что сама по себе такая подготовка велась. К науке эта позиция отношения не имеет. Она — порождение традиционных ложных пропагандистских советских стереотипов.

— Эта точка зрения моих так называемых «оппонентов» оскорбительна и для всего нашего народа, и для нашей истории. То есть даже если отвлечься от того, кто прав, а кто виноват, если абстрактно посмотреть на

саму идею, то их точка зрения аморальна. Получается, что Советский Союз вел войну с фашизмом вынужденно, что мы освободители Европы поневоле, антифашисты поневоле. Если бы Гитлер не напал, то мы бы так и оставались друзьями Гитлера, так бы и пили шампанское с ним, так бы и крушили вместе Европу, проводили совместные карательные операции, например в Польше, так бы развевались красные флаги над гитлеровскими и над сталинскими концлагерями.

Вот именно так возражал против меня маршал Советского Союза Виктор Георгиевич Куликов. Восвал он с 22 июня 1941 года. Но ведь тогда получается, что вы, Виктор Георгиевич, антифашист поневоле. Если бы на вас не напали, вы бы остались верным гитлеровцем. Вот Власов, оказавшись в плену, начал сотрудничать с немцами, это нехорошо. А в чем же разница между ним и вами?

Ведь вы служили в той армии, что была союзницей Гитлера. И Власов служил в той же армии, что была союзницей Гитлера. В чем же разница между вами? Просто Власова Гитлер взял на службу, а с вами не хотел иметь дело. Вот и вся разница. А если бы захотел, то вы верой и правдой ему бы служили. Так же получается?

— Меня тоже всегда удивляло, почему считается, что предположение о том, что Советский Союз готовился напасть на Германию, каким-то образом компрометирует Советский Союз. Иначе он был бы хорошим, а так получается, что он плохой. После всего, что Гитлер уже успел совершить, казалось бы, стать его открытым врагом — только на пользу репутации страны.

— Вот союз с Гитлером — это компрометирует Советский Союз. Когда говорят, что мы в 1939 году подписали с Гитлером союз, ибо ничего иного нам не оставалось делать, и пошли крушить соседей, чтобы самим живым остаться, — это уж, извините, чисто уголовное, уркаганское отношение к жизни: умри ты сегодня, а я

умру завтра. Давай убивать кого угодно, лишь бы самому живым остаться.

Моя концепция даже формально гораздо патристичнее. Ведь очевидно благороднее намерсваться порвать с Гитлером, чем в союзе с ним завосвывать остальной мир. Последний вариант гораздо более компрометирующий.

—В этих рассуждениях есть один момент, который работает против Суворова. Они ведь основаны на парадоксе, который многие могут принять за чистую монету. Получается, что союз с Гитлером аморален, а нападение на Гитлера как бы моральнее. Оппонентов такой поворот темы, конечно, обескураживает, но при этом напрашивается совершенно ложный тезис, что Сталин «хорошим» нападением на Гитлера компенсировал «плохой» союз с ним. Есть историки, которые поддерживают «концепцию Суворова» о подготовке нападения на Германию и Европу, но считают при этом сталинскую политику совершенно правильной и оправданной. Ну и хорошо сделал бы, если бы напал. Перед СССР открылись бы ослепительные внешнеполитические перспективы.

Хотя, конечно, в реальности о благородстве помыслов Сталина говорить не приходится ни при каких обстоятельствах. Сталин ведь не собирался ни бороться с фашизмом, ни наказывать нацистов за какие-то там грехи. Ему было все равно, на кого нападать первым, на нацистскую Германию или на западные демократии. Он в любом случае собирался сокрушить их все.

Вообще-то можно понять, почему массу людей раздражает сама идея, что Сталин мог хотеть напасть на Германию. Скорее всего, потому, что она тянет за собой еще одну очень опасную мысль. Если согласиться с тем, что Сталин нападение готовил, то возникает следующий вопрос: а дальше на кого? И еще один вопрос — о том, какой в целом была внешняя политика Сталина, чего он хотел достигнуть. А ответ напра-

шивается крайне неприятный: никаких иных целей, кроме достижения мирового господства, у Сталина, а следовательно — у СССР, не было. Немедленно рушится привычный миф о советском антифашизме, об освободительной миссии советского народа и т.д.

— Да-да, именно это всех и раздражает! Про Европу никто не вспоминает.

— *Еще один интересный психологический момент о чисто советском восприятии истории. Вы рассказывали раньше о полковнике, который вам читал историю войны. О том, что про разгром 22 июня можно было говорить, а о разгроме под Киевом — нет. Ведь, в общем-то, это был сознательный обман. Люди, которые читали эту историю, они-то понимали, что это ложь?*

— Нет.

— *Кто-то же это вранье конструировал?*

— Дело в том, что все это вранье конструировалось с самого начала. Уже 22 июня сразу же было заявлено, что вот на нас напали и забудьте все, что было до этого. И всем сразу хотелось забыть, и все всё сразу забыли! Мы же жертвы, на нас напали...

— *Включая генералов, которые все это разрабатывали?*

— Ну... Дело в том, что у многих вышибло это из памяти. В Советском Союзе вообще было принято помнить только то, что безопасно. Для здоровья было лучше. Ведь настоящими воспоминаниями ни с кем нельзя было поделиться. Когда я опубликовал свои книги, в которых на пальцах объяснил, как было дело, то начал получать множество писем от фронтовиков, где говорилось: «Да, правда!» А вот до этого они как-то и не думали об этом и не помнили.

Но если заходит речь о разработчиках этих планов,

то номер один — нарком обороны, маршал Советского Союза Семён Константинович Тимошенко. Он никогда никаких воспоминаний о войне не писал. На него давили, требовали, но он не поддался. Это был честный человек. Он понимал, что правду сказать не позволят, а врать не хотел. Номер два — это Георгий Константинович Жуков. Начальник Генерального штаба. Все планы были в его руках. Вот он мемуары писал. В своих книгах я показываю, что практически все, что он писал, было враньем. Жуков все понимал, он знал, что врет, вранье у него отовсюду лезет.

Я его постоянно ловлю на слове. Вот он пишет, что раньше они сомневались, но когда вечером 21 июня пошли персбежчики, «мы поняли — это война». А потом, через несколько страниц, он сообщает, что вот 22 июня где-то там в три часа утра он начинает звонить Сталину, тот не просыпается, вот такой глупый Сталин!

Я говорю: стойте, подождите, если тебе, товарищ Жуков, вечером 21 июня было ясно, что нападут, и ты сидел в сталинском кабинете, и Сталин пошел спать, как же ты его отпустил, а?

Чепуха же получается, чего же ты его начал в 3 часа будить, если тебе накануне все было ясно... В мемуарах твоих эта сцена должна быть ключевой, основополагающей! «21 июня мне было все ясно, мы сидели в кабинете Сталина, мы ругались, он мне не верил...» Вот ему все ясно было, но он сидел, молчал, а потом в три часа ночи начал названивать Сталину, его будить. Жуковское вранье у меня разоблачено в двух специальных книгах, посвященных Жукову, и в остальных книгах тоже, от случая к случаю...

Еще один человек, который разрабатывал такие планы, — маршал Советского Союза Василевский. Он был генерал-майором в Главном оперативном управлении. Этот тоже врал.

— Но были ведь военные верхнего эшелона, которые все понимали, командующие округами...

— Да, конечно. Но среди них очень мало кто остался

в живых. Мало осталось тех, кто мог бы писать мемуары. Вот, допустим, Западным фронтом командовал генерал армии Павлов. На него свалили всю вину за первые поражения, навешали на шею всех собак и расстреляли. Генерал-полковник Кирпонос — командующий Юго-Западным фронтом — погиб в бою при выходе из окружения. Это была наша самая мощная группировка. Киевский военный округ в начале войны превратился в Юго-Западный фронт. Федор Исидорович Кузнецов — это был крестин, начал войну командующим фронтом, потом спустился на командующего армией, потом закончил войну командиром корпуса. Так вот потихонечку. Мягко говоря, не очень умный человек. Он мемуаров не оставил. Кто еще? Генерал-полковник Черевиченко, Яков Трофимович. У Сталина на 22 июня 28 полностью развернутых армий. Восемь командармов — генерал-майоры, девятнадцать — генерал-лейтенанты и только один командарм — генерал-полковник Черевиченко. Он командовал самой мощной из всех советских армий — 9-й. Которая почему-то была развернута на границе с Румынией. Так вот, Черевиченко Гражданскую войну описал, а о Второй мировой войне промолчал. А ведь интересно было бы знать, почему самую мощную из всех своих армий Сталин поставил на румынскую границу.

Северо-Кавказским военным округом командовал генерал-лейтенант Иван Степанович Конев. Он перед войной превратил все боевые части своего округа в 19-ю армию, с которой и двинулся в район Черкасс. Это был второй стратегический эшелон. Туда выдвигалось семь армий, включая 19-ю. Он о начале войны не пишет ничего. Он начал свои мемуары с 1945 года. Первая книга посвящена концу войны. А вторая книга — о 1943—1944 годах. Войну Конев описывает не с той стороны. До 1941 года он так и не дошел.

Михаил Федорович Лукин. Командовал 16-й армией, которая выдвигалась на Запад из Забайкалья. Он тоже молчал. Он тоже мемуаров писать не стал. Люди такого плана все понимали. В Советском Союзе была цензура

и была самоцензура. Не говори лишнего. Ляпнешь лишнего — будет нехорошо. И все предшествующие события память перерабатывала самым решительным образом. Последующие события накладывали неизгладимый отпечаток на все предыдущие воспоминания, искажали их и преломляли.

«Гитлер напал!» Это было настолько шокирующе, что все по простоте душевной забыли про все, что было до этого. А тот, кто помнил, тот помалкивал.

Вот генерал армии Батов Павел Иванович. Был заместителем командующего Закавказским военным округом. Перед войной его перевели в Крым, там он готовился к проведению десантной операции. Но куда можно высаживать наши войска, если их погрузили на корабли в Крыму, а противника на нашей земле нет? В мемуарах об этом он ничего не пишет. Ни слова о том, как и почему он там оказался, чем занимался...

—Книги Суворова набиты аргументами о том, что Советский Союз собирался напасть на Германию. Давайте попробуем собрать в кучку основные аргументы. То, что абсолютно неопровержимо доказывает, что подготовка к нападению действительно велась.

Номер один. Была линия укрепленных районов на старой границе, которую мы разоружили и бросили.

Номер два. Стали строить новую линию укрепленных районов вдоль новой границы. Могут сказать, что, мол, вот оно, оборона... Нет! Это чисто наступательная линия. Почему? Перед ней не создается никаких препятствий, огневые оборонительные сооружения выдвигались прямо к границе. И строилось это все на второстепенных направлениях, для того, чтобы получить возможность оголить второстепенные участки и собрать все ударные силы в кулак на главных направлениях. Строительство новой линии укреплений не было предназначено для обороны.

До войны существовали заранее подготовленные партизанские отряды, секретные партизанские базы в

лесах с запасом оружия, боеприпасов, средств связи, медикаментов и пр. Отряды разогнали к чертям, а базы ликвидировали.

Были заминированы все мосты, железнодорожные станции, водокачки. Это очень важно, потому что снабжение войск агрессора в стратегическом масштабе может осуществляться только по железным дорогам. А железные дороги были на паровозной тяге, а паровоз не может ходить без воды, ему нужна уйма воды. Если бы взорвали наши при отходе все водонапорные башни, то весь блицкриг к чертям бы захлебнулся. Но наши все это дело разминировали.

Пограничники резали колючую проволоку на своих участках.

— *Делали проходы?*

— Да. Для кого? Для агрессора? Разминировали пограничные мосты. Для чего? Для агрессора?

Было брошено на границе четыре миллиона комплектов карт. Все — карты Европы. Карт для своей территории не было. Страна полностью готовилась воевать только на чужой территории.

— *Эти карты есть в немецких архивах?*

— У меня есть, прямо дома. Есть карта марта 1941 года. Восточная Пруссия. Сверху надписано «Генеральный штаб» и так далее...

Следующий момент. В конце мая — начале июня 1941 года были в огромных количествах выпущены русско-немецкие разговорники для бойцов и младших командиров. Они печатались в Москве, Киеве, Минске, Ленинграде... Русско-немецкие разговорники, которые можно использовать только на германской территории.

Следующее. Писались песни, такие, как «Великий день настал», вышли миллионами записей.

Или вот: «По-над Збручем, по-над Збручем войско красное идет. Мы любить страну научим. Тимошенко нас ведет. Вспомнил, маршал, путь геройский, вспомнил

он двадцатый год, как орел, взглянул на войско и командовал: «Вперед!» И пошли мы грозной тучей, как умеем мы ходить, чтобы новой и могучей мразь фашистскую разбить. Мы идем вперед с боями, и, куда ни погляди, Тимошенко вместе с нами, Тимошенко впереди!»

Я говорю: «Братцы, никогда ничего такого не было. Не смотрел он, как орел, на войско. И не командовал «вперед».

Песня эта написана после 7 мая 1940 года. Ибо до того Тимошенко не был маршалом! Никто не посмел бы писать стихи и называть Тимошенко маршалом до того, как товарищ Сталин ему такое звание не присвоил! Песня написана после 7 мая 1940 года и до июня 1941 года. А когда война началась, о песне все забыли. Иначе не получается — «По-над Збручем... Тимошенко впереди»... Бежали ведь до самой Москвы, а Тимошенко впереди или как понимать?

А «Великий день настал» — это не что-нибудь, это Шостакович!

— *Где эти песни существуют?*

— Они у меня существуют. Я их нашел. Сейчас диктую «Ледокол» на СД, хотел эти песни вставить и там, но материала так много, что песни пришлось вырезать. Но в моих будущих работах они обязательно зазвучат.

Итак, были у нас укрепленные районы — их уничтожили. Были партизанские отряды, созданные в мирное время. То есть враг приходит — они уже действуют. Их разогнали.

Следующее. Была полоса обеспечения. Враг вступит на нашу территорию, а у нас взрываются все мосты к чертям. Попробуй построить мосты через 41 тысячу рек в Европейской части СССР! Должны были быть взорваны все станции, все водонапорные башни... Все это прекратили и начали строить железные дороги к границе, расширять дороги и так далее. Было создано 10 железнодорожных бригад, а железнодорожные бригады — это 3—4 тысячи человек каждая. Эти бригады должны были перешивать узкую европейскую колею на широ-

кий советский стандарт. У них и соответствующее оборудование все было подготовлено.

Следующий момент. Днепровская флотилия. Днепровские мосты по пальцам можно пересчитать. Они все были подготовлены к взрыву. А чтобы противник не навел переправы, существовала Днепровская флотилия. Так ее разогнали в 1940 году.

Если бы Гитлер подошел к Днепру, мы мосты уничтожили бы, а по Днепру ходили бы тяжелые мониторы... Тогда не было этих чертовых водохранилищ, а Днепр был широкий. Левый берег — низменный, весь в протоках, болотах, там прятаться можно было катерам... Как только узнали, что мост немцы где-то наводят, выскочили, разбомбили и снова спрятались в кусты. Там все лозой заросло, болота, птицы...

Итак, ликвидировали эту флотилию и сделали из одной днепровской флотилии две. Одна — Пинская флотилия, вывели ее вверх по течению Днепра в приток. Там построили зимой через болота Днепровско-Бугский канал, чтобы соединить бассейн Днепра с Бугом. Через Буг можно выйти в Вислу, а дальше — рски Германии. Вот это все и было в 1940 году подготовлено.

А вторая часть Днепровской флотилии была опущена вниз до устья Днепра, прошла и вышла в устье Дуная. У нас совсем маленький кусочек советской территории получился у устья Дуная. Никто через дельту Дуная нападать на Советский Союз не мог. Там топи, болота, камыши. Но туда вывели мощные речные корабли. Зачем? Затем, чтобы подняться вверх по течению Дуная.

Самая мощная из всех советских армий была развернута не против Германии, а против Румынии. Вдоль границы были развернуты две горные армии. На нашей границе нет гор, на их территории есть. Цель — отрезать румынскую нефть.

Далее. Воздушно-десантные войска. В оборонительной войне они не нужны. Наша проблема в оборонительной войне заключается в том, чтобы выводить свои войска из окружения, а не бросать туда новые. Но у нас

вместо партизанских отрядов, которые были разогнаны, начали формировать воздушно-десантные корпуса. Пять воздушно-десантных корпусов к июню 1941 года уже были готовы, а пять находились в стадии развертывания.

Следующее. Советский Союз провел тайную мобилизацию. И по этой мобилизации было призвано столько людей в армию, что экономика страны находилась на грани развала. Мы уже говорили о том, что 1 сентября 1939 года ввели всеобщую воинскую обязанность. Почему? Потому что в этот день началась Вторая мировая война. Однако Гитлер 1 сентября 1939 года еще не знал, что началась Вторая мировая война. Почему он этого не знал? Когда 3 сентября Великобритания, а потом Франция объявили Гитлеру войну, для него это было шоком. Он думал, что с Польшей все пройдет, как с аншлюсом Австрии или как с Чехословакией...

Но оказывается, что Польши ему прощать не соби-
рались. Так вот, Гитлер не знал, что 1 сентября нача-
лась Вторая мировая война...

Введя всеобщую воинскую обязанность, Сталин од-
ним махом увеличил армию с полутора миллионов до
пяти с половиной миллионов да еще резервистов заго-
товил. И эти пять с половиной миллионов надо было от-
пустить домой 1 сентября 1941 года! То есть до 1 сен-
тября 1941 года Сталин должен был вступить в войну!
Либо все эти миллионы отпустить по домам.

— Либо нужно было сразу объявить о трехлетней
службе.

— Ну, они на это не пошли. Ведь если солдат отслу-
жил два года, а ему говорят, что вот тебе еще третий
год, то это будет развал армии. На каких-то из первых
Олимпийских игр — не на тех, древнегреческих, а на
общевропейских Олимпийских играх — бегун на даль-
ние дистанции должен был добежать до финиша, а его
попросили еще 50 метров добежать до того места, где
сидела королевская семья. Кажется, это было в Велико-
британии. А он туда добежать уже не смог, сил не оста-

лось. Так вот, если солдату, который отслужил два года, отсчитал часы, минуты и секунды, вдруг говорят, что ему нужно отслужить еще и третий, то армия рассыпается. Такую армию никакими силами не удержишь. В мирное время такое не проходит.

— *Получается, что пик подготовки Красной Армии приходился на лето сорок первого?*

— Да.

— *И затягивать это было нельзя?*

— Ни в коем случае. Нужно было либо начинать войну, либо распускать всех по домам. Но тогда непонятно, зачем были нужны неслыханные расходы на обучение и содержание этой гигантской армии.

— *В 1939 году призвали сразу несколько возрастов?*

— Дело в том, что раньше призывали в армию с 21 года и только одну треть призывного контингента. А тут вдруг ввели призыв с 19 лет! Раньше никто не знал, призовут его или нет. А тут вдруг Сталин решил, что это глупо — призывать с 21 года. Почему? Я над этим задумался. Почему же раньше призывали с 21 года? Я служил в учебной дивизии. Мы получали пацанов с 18 лет, из него лепи, как из пластилина. А если человек имел отсрочки и попадал в армию в 20, 21 и 22 года, это уже был мужик. Он уже кое-что понимал в жизни, с ним очень тяжело работать. Это не пацан со школьной скамьи.

Получается непонятно. Человек работает, и вдруг в 21 год его призывают на службу. А у него, может быть, семья уже есть. Почему бы его в 18—19 лет не призывать? Это — головотяпство. Государству невыгодно! То, что человеку простому это не выгодно, — это ясно. А почему государство на это пошло? Так вот эту систему можно понять только в момент, когда она кончилась. Окончилась она 1 сентября 1939 года. Объявили всеобщую воинскую обязанность, и мы призываем сразу весь контингент, тех, кому 21 год, и всех, кому 20 и кому

19 лет. Правда, здорово?! А тех, кому 18 и у кого среднее образование, тех тоже заграбастали и отправили в военные училища. Вот и мой отец среди них был.

А кроме всего говорят: «Ваня, тебе уже 25, но ведь раньше ты не служил?» Не служил. А вот иди-ка ты сюда! И армия, ее мощь возросла невероятно. Ну, представьте себе, что тебе нужно разместить сейчас на территории Германии хотя бы один миллион солдат. В чистом поле. Представляете, какая это нагрузка на государство?! А там был не миллион. Там был рост с полутора сразу до пяти с половиной миллионов. Не говоря о флоте и частях НКВД. Тех тоже следует учесть.

А с другой стороны, ведь это же работники, их нужно одеть и обуть, а сами они ни черта не производят. Это какая нагрузка на экономику государства! Кроме того, в феврале 1941 года началась переброска войск. На Запад, на Запад... Стали перебрасывать все больше и больше, в мае это достигло каких-то чудовищных размеров, а 13 июня это было полное передвижение Красной Армии со всех дальневосточных, забайкальских гарнизонов на Запад. Всех — на одну границу. Вперед!

И вот я в книге своей задал вопрос, написал его большими буквами, но ни один критик на него не ответил. Я сказал: Красная Армия (это главное доказательство!) не могла вернуться назад. Передвижение началось в феврале. В марте усилилось, далее усиливалось, усиливалось, пока не превратилось во всеобщее. Вернуться назад нельзя. Оставить в приграничных лесах все это воинство нельзя, потому что к весне оно разложится. Зимовать-то можно где угодно, но в пограничных районах нет условий для боевой подготовки. А армия не может жить в землянках и ничего не делать.

Эту массу нельзя было держать на своей территории в пограничных районах и нельзя было вернуть назад! По транспортным причинам... И вообще, какая глупость: с февраля начиная, двигать всю армию к границе, а потом, с июля, обратно ее развозить по своим дальневосточным закоулкам!

Повторяю вопрос: «Красная Армия не могла вер-

нуться назад и не могла оставаться в приграничных лесах на зиму. Вопрос: что ей оставалось делать?»

Ни один из моих критиков никогда не упомянул этот вопрос даже косвенно, даже отдаленно. Никто, никогда!

Сама армия, плюс штабы, плюс командные пункты, плюс запасы, госпитали, госпитальная база, карты, запасы крови, мяса, портянок, жидкого топлива — все это на земле. Все это выкладывалось на землю и не могло существовать больше нескольких недель.

Еще один момент. Был у нас в 1940-м или 1941-м организован наркомат боеприпасов. Уже между подписанием пакта с Гитлером и гитлеровским нападением. Наркомат боеприпасов выдавал такое количество боеприпасов, которое негде было хранить. А производство нарастало. Промышленность с февраля 1941-го перешла на режим военного времени. Авиационная промышленность, например, точно перешла.

— *Что это означает — «режим военного времени»?*

— Режим военного времени реально означает, что смена — 10 часов, а смены две! Гитлер стал переводить свою военную промышленность на режим военного времени после Сталинградского разгрома. До того у него работали в одну смену. Восьмичасовой рабочий день у него соблюдался.

— *Тут еще можно вспомнить, кстати, закон 1940 года о запрете менять место работы.*

— Да. Все вместе это и означало полную мобилизацию промышленности. Рабочие были прикреплены к заводам. Крестьяне были прикреплены к земле еще раньше.

— *В «Ледоколе» есть чрезвычайно убедительный эпизод с планерами.*

— Да. Два слова об этом. Самые мощные и самые большие самолеты в мире строил наш конструктор Олег Антонов. Но Антонов перед войной строил не только

транспортные самолеты, но и планеры. Что интересно — эти планеры имели говорящие названия. Один — КТ-40, это — «Крылья танка». К легкому танку цепляли крылья, вытягивали его вверх буксировщиком, бомбардировщиком ДБ-3, затем планер отцеплялся и планировал. Садиться он мог только на автостраду. В полете он включал двигатель, разгонял гусеницы на максимум и садился где-нибудь.

Но никаких автострад внутри наших границ нет. Зато есть вблизи наших границ — где-нибудь в районе Кенигсберга. Вот это как раз подходит!

Кроме того, еще один планер Антонова назывался «Массовый». Извините, зачем нам «массовый»? Так вот, весной 1941 года Жуков отдал приказ о массовом производстве планеров. Потому что воздушно-десантные войска — это парашютисты и планеристы. Их высаживают на парашютах или приземляют на планерах. Но хранить планеры трудно. Это очень хлипкая конструкция. Хранить планер нужно в ангаре. Если их в массовом порядке производили весной 1941 года, то сохранить их под снегом и дождем до 1942 года было невозможно: планеры строили, но ангары для них не строили.

— Они, в общем, одноразовые?

— Ну, в принципе, да. Если у тебя есть тот, который садится на территорию противника, тот одноразовый. Однако Антонов пошел и дальше. Он создал надувной планер, который можно было сбросить туда, потом выпустить воздух, собрать в комок, погрузить на транспортный самолет, привезти и снова надуть. Так вот планеров, которые нигде было хранить и которые не могли под открытым небом пережить зиму, наготовили бешеное количество как раз к весне 1941 года.

Советская промышленность и до мобилизации была рассчитана на выпуск в первую очередь военной продукции. У меня уже лет двадцать лежит незаконченная глава, которая называется «Необратимое чудо».

Глава вот о чем. Вот какой-то вязально-штопальный цех в Белоруссии на второй день войны вдруг начал

производство плащ-палаток для армии. Немцы напали, и они сразу же начали производить плащ-палатки. Но ведь, чтобы начать производство, нужно иметь запасы для этих плащ-палаток. Нитки зеленые, образцы, оборудование. Говорят, произошло чудо: началась война, и мы сразу же, мгновенно начали выпуск военной продукции. А с другой стороны — обратно это чудо у нас никак не получается. Стоит этот ВПК — и ни хрена, сколько ты ни бейся, конверторы там, государственная программа... Не получается взять и сделать так, чтобы военный завод выпустил что-нибудь для народа... Никак не получается. Война кончилась 60 лет назад, а военная промышленность мирную продукцию производить не может. Вот танки выпускать — пожалуйста. Самый большой самолет в мире — пожалуйста. В космос ракеты запускать — пожалуйста. А автомобиль построить — так это нужно спецзавод купить в Италии с образцами и оборудованием. А сами выпускать не можем. Тем более — перевести какой-нибудь военный завод на производство мирной продукции. Не получается...

— В начале тридцатых годов американцы спроектировали и оснастили оборудованием все советские тракторные заводы — Сталинградский, Челябинский, Харьковский... Реконструировали Кировский в Ленинграде. До этого Советский Союз не был в состоянии выпустить хотя бы один собственный трактор. Пытались производить цельнотянутые «Фордзоны» в Ленинграде, но неудачно.

Казалось бы, благородное дело — обеспечение сельского хозяйства механизмами. Странно только, почему для того, чтобы помочь деревне тракторами, понадобилось сначала эту деревню разрушать, а людей гробить миллионами. Изначально сомнительно, чтобы Сталин для деревни старался.

— *То, что тракторные заводы строились изначально как военные, — тут никаких сомнений. Да и почти 600 тысяч автомобилей для армии должны бы-*

ли выпустить (и выпускали) заводы, тоже построенные американцами.

— *Никогда не встречал цифр тракторов, поставленных в сельское хозяйство в тридцатые годы. Но вот в статье Михаила Мельтюхова «Преддверие Великой Отечественной войны» обнаружил такие данные: по плану мобилизации 1941 года «после мобилизации численность вооруженных сил СССР должна была составить 8,9 млн человек, войска должны были иметь 106,7 тыс. — орудий и минометов, до 37 тыс. — танков, 22,2 тыс. — боевых самолетов, 10,7 тыс. — бронесамобилей, около 91 тыс. — тракторов и 595 тыс. — автомашин». То есть тракторов в войсках предполагалось иметь в 2,5 раза больше, чем танков. Какова роль тракторов в армии?*

Ответ тут очень простой. Опубликован дневник Гальдера, начальника штаба сухопутных войск Германии. Он там пишет: «Хорошо русским. Их артиллерия имеет тракторную тягу, а мы на конях». Есть фотографии, где наши тракторы вытягивают застрявшие в грязи немецкие автомобили. Те тракторы, которые были нами брошены, немцам оченьгодились. Трактор очень широко использовался в качестве артиллерийского тягача.

— Тухачевский в одном из писем Сталину предлагал десятки тысяч тракторов второго эшелона одеть в броню и пустить вперед в качестве тихоходных танков...

— Да, я как раз об этом сейчас пишу. Ну это технологическое варварство.

— Читая «Последнюю Республику», обратил внимание на такую вещь. Там говорится о количественном и качественном соотношении немецких и советских танков. Приводятся доказательства того, что советские танковые войска были намного сильнее немецких — и количественно, и качественно. И возникла

такая мысль — трудно допустить, что немецкие конструкторы были просто глупее и слабее советских...

— Конечно. Военные конструкторы решают задачи, которые перед ними ставит военное руководство.

— Получается, что перед немецкими конструкторами до 1942 года просто не ставилась задача создать танки, способные захватить Советский Союз и противостоять советским танковым войскам. Притом эти самые немецкие танки — в малом числе, легкие, с противопульным бронированием, вооруженные пулеметами или пушками небольшого калибра — блестяще выполнили те задачи, которые перед ними были поставлены до 1941 года. Захватили Францию, захватили другие европейские страны. Роммель с ними в Северной Африке довольно успешно воевал. И при этом не было жалоб на техническое несовершенство танков. Проблемы выявились только в 1941 году, после нападения на СССР.

— Да, конечно.

— Вот. Получается, что не собирался Гитлер заранее ни под каким видом воевать с Советским Союзом. Не планировал, в отличие от Сталина, нарушать пакт Молотов — Риббентроп. А если бы планировал, то и начал бы с подготовки войны против СССР, причем еще до заключения пакта, а не годом позже. Не пытался бы всеми силами захватить островную Англию, от которой пользы — в смысле завоевания жизненного пространства, — как от козла молока. Тем паче когда с СССР — общая граница. Еще один аргумент в пользу спонтанности, превентивности нападения Гитлера на СССР.

— Получается, что не собирался. Если бы изначально существовали планы завоевать СССР, хотя бы европейскую часть, то и танки следовало бы разрабатывать соответствующие. По мощности, морозостойкости... Просто чтобы суметь дойти до Урала в один прием.

— *Интересна реакция людей на ваши выступления. Кто как в разных странах реагирует? Как дискуссии проходят? Один раз, кажется, чуть-чуть не побили.*

— Да, мне тогда очень сильно повезло. Дело было в Австрии, я там выступал перед офицерами. Мне повезло в том, что я не похож на профессора. Так же, как — написано в «Аквариуме»! — главное для шпиона — быть не похожим на шпиона. И на профессора я тоже не похож. А со мной в президиуме сидел дядя, очень похожий на профессора. Так все табуретки летели в него.

Свою задачу как историка-просветителя я вижу в том, чтобы довести своих читателей, слушателей, зрителей до мордобоя. Фигурально выражаясь! Большой я себе задачи не ставлю. Что это значит? Я должен пробудить интерес! Человек должен сам искать. Довел я до мордобоя, ну, скажем, определенные слои читателей в России? Я считаю, что довел!

— *Не то слово! Еще бы.*

— По крайней мере, идет битва, и уже не кончится.

Первые публикации были четверть века назад.

А битва не стихает!...

— *Когда «Ледокол» был впервые опубликован?*

— Первая публикация отдельных глав — в мае 1985 года в газете «Русская мысль». До того не брали, но вот подходит сорокалетие Победы! Мне сказали, что к 9 мая мы такую хрень, такую чепуху публиковать не будем, тут будут публиковаться люди серьезные, такие, как Александр Моисеевич Некрич. Они тогда с его помощью объясняли, какой Сталин был глупый. А вот, говорят, когда мы закончим эти публикации, то, чтобы повеселить публику, указать на разные точки зрения, мы напечатает главы из «Ледокола».

Где-то конец мая был мой. Пошла первая глава, которая начиналась с «Сообщения ТАСС». И — понеслось! После того битва не стихает! Вот сейчас мне прислали наводку на книгу «Что произошло 22 июня 1941 года» А. Усова, 2006 год. «Она, — как написано в предис-

словии, — разбивает Резуна и резунистов». Наконец-то со мной будет покончено!

Так вот, я считаю, что пока ты человеку внушаешь что-то, это не эффективно. А вот когда начались споры, люди ищут сами доказательства своей точки зрения, правильной или ложной, ругаются, ищут сами, как мы искали, расставаясь, говорят «дурак» — «сам дурак», но после всего этого приходят к тому, что не могут спать, копаются в библиотеке, чтобы показать, что другой — дурак, ищут доказательства своей правоты в каких-то учебниках, в каких-то мемуарах... Вот это — моя скромная задача. Я не желаю никого убедить. А только распалить внимание.

— *Как вас встречают в разных странах?*

— Как правило, очень хорошо. Вот, например, однажды — в Таллине. Провели там долгую программу. Ко мне очень по-доброму отнеслись. Выпили, закусили, а с утра мы уезжаем. И вот в последний момент до кого-то дошло, что Суворов уезжает, а Центральное телевидение не показало это в новостях. Мне нужно проходить контроль, а тут телекамера, тут народ стоит. С одной стороны, я человек стеснительный, а с другой стороны, приятно. Телекамера меня снимает, начинают задавать вопросы. Голос у меня громкий, я захожусь, начинаю кричать в телекамеру. Про президента Путина меня спрашивают, про то, что я делал в Таллине. Тут народ начинает отталкивать телекамеру, суют мне билеты, на которых я должен расписываться, тут же читатели задают мне вопросы. Я говорю: «Братцы, у меня самолет сейчас улетит!»

Меня просто в самолет запихнули, и мы с Татьяной полетели.

По большому счету самый мой большой триумф был в мае 1992 года в Польше. Это было первое публичное выступление, меня там чуть не раздавили. Но в Польше вообще не было негативных моментов. Было так. Я выхожу в аэропорту, мне сразу репортеры задают вопрос, не является ли это провокацией: наш Лех Валенса по-

летел в Москву рассказывать, как мы тут сидим без топлива, а тут Суворов в Варшаве...

Я об этом ничего не знал. Контракт с издателем был подписан раньше, за семь месяцев до выхода книги, а в нем стояло, что в тот день, когда «Ледокол» выйдет, я должен находиться в Варшаве. Для рекламы. Издатель не знал, пойдет книга или не пойдет, хотел подстраховаться. Вот я и приехал.

Тут еще была целая предварительная история — как я попал в Варшаву. Правительство мне отказало в приеме. Кто-то откуда-то проговорился, что я появлюсь. А я же не знал за семь-то месяцев, что именно в этот день Лех Валенса полетит в Москву рассказывать Борису Ельцину, как поляки любят русских и что цены на нефть нужно было бы и скинуть. Так вот, он только улетел, а я — прилетаю.

Правительство Польши обратилось к правительству Великобритании, с тем чтобы меня задержали, не выпускали, ибо получится дипломатический скандал.

— Подождите, а виза польская у вас была?

— В конечном счете да. Я обратился за польской визой и ее получил. Вдруг в последний момент польский МИД сообразил, что получается накладка, и обращается в британский МИД: слезно просим, задержите его. Британский МИД относится с пониманием и настоятельно рекомендует мне не ехать...

Я поехал в кассу и билет сдал. Приехал обратно и звоню Буковскому. Говорю: «Володя, у меня контракт. Мне хрен с ним, со всем этим, но у меня контракт. Издатель по-своему прав, он сделал книгу, по контракту я должен быть в Польше. Но меня туда не пускают. А издатель вправе содрать с меня за невыполнение условий контракта. И сейчас он обдерет меня полностью... А у меня денег нет, откуда у меня деньги? Книжки мои никто не публикует». И те не пускают, и эти не рекомендуют ехать. Да и зачем Великобритании эти скандалы... А Буковский говорит: никаких проблем, сейчас поедешь. Я говорю: а как? Он отвечает: положишься на меня, все будет.

Он звонит в Польшу. А «Солидарность» еще жива.

еще дышит. Он допускает «утечку информации». Вы, мол, поляки, за что боролись? Что терпите? Они, конечно, «как это?!». Польский гонор, вы ж понимаете.. Он и отвечает, что вот автор написал книгу, немножечко против Советского Союза, против коммунизма, а его Польша не принимает...

— А с кем он говорил?

— У него там свои контакты — в прессе, в «Солидарности»... И пресса взорвалась. За что боролись?! Человека в Польшу не пускают! Чтобы понравиться Москве! Польский МИД тон сменил. Звонят в британский МИД: мы его приглашаем! От имени правительства! Ну, мне звонят из Министерства иностранных дел и говорят: собирай чемодан и езжай. А я говорю, что у меня билета нет. И самолета в Варшаву нет. Тогда они не каждый день ходили. Поезжай, отвечают, тебя правительство Польши просит. Есть самолет из Хитроу в Вену, а из Вены в Варшаву. А тогда в Варшаве не было цивилизованного аэропорта. Я говорю: хорошо. Только самолет улетает в Вену в 4 часа утра. Я говорю: а что я там буду делать? Все тебе оплачено, люкс в аэропорту, переспитай, тебя снимут и посадят в Вене.

Хорошо. Прилетаю я. Если в четыре самолет вылетал, то, значит, ни черта не спал. Выхожу в аэропорту — моего чемодана нет. Жара в Польше — жуткая. Май месяц, кажется 21-го, жара — за 33 градуса. Оттого, что я такой важный, VIP, в Вене мой чемодан оставили. Меня так охраняли.

Не успел выйти — вопросы ко мне. Потом смотрел новости — «Вот он летит! Вот он приземляется! Вот он!..» А я грязный, ночь не спал. Чемодана нет.

Выхожу, телекамеры, куча журналистов. Мне первый вопрос: Лех Валенса улетел в Москву, а ты вот прилетел!

Я говорю — ну и что? А они свое: Лех Валенса в Москву полетел, а ты сюда! Я говорю: так в чем вопрос? Вы что, хотите, чтобы я сказал, что в Москве об этом подумают? Там был какой-то коммуняка, он меня подталкивал на то, чтобы я высказался... Вот что, мол, там

подумают? Я говорю, что подумают, что Польша — свободная демократическая страна, приглашает того, кого желает, больше уважать будут! В тот день в Варшаве было продано 28 тысяч экземпляров «Ледокола». В один день. Продали бы больше, но не было.

Получилось так, что трое суток я там не спал. Очень сильное нервное напряжение. С утра встаем, меня куда-то везут. Телекамеры. Пресс-конференции. «Давай водки выпьем!» Какие-то еще вопросы. Потом иду спать, захожу в отель, а спать не могу. Открыл окошко, смотрю на звезды, хожу, хожу. А в пять часов нам надо ехать в Краков. Я спускаюсь вниз, а у меня ни рубашки чистой, ничего — все осталось в том, потерянном чемодане. Мне переодеться не во что. Не горюй, говорят, поехали, там найдем, во что тебе переодеться.

Ехали, не помню сколько времени, от Варшавы до Кракова. Жара жуткая. Приехали туда. Мне бы в душ залезть. Не надо, говорят. Вот тебе водки — и выступай. Выступал целый день без остановки. Потом в Краковском замке мне какую-то комнату королевскую дали. А я выхожу на балкон и — спать не могу, так взвинтился. На третий день повезли меня в Быдгощь... Потом приезжаем в Варшаву, а там сенсация. Чемодан Суворова украден! КГБ увезло его в Москву! Желтая пресса, коричневая и прочая...

Вот это был мой триумф.

— В Болгарии вас тоже любят?

— В Болгарии любят. Там даже есть «Клуб любителей Суворова». Ездили мы по Болгарии с охранником с пистолетом. Цветан Цветанов его звали. Всю Болгарию мы с ним объездили. А там ночью на автострадах (было это в октябре 1996 года) — дороги пустые. Никого нет. Потому что бензина нет, машины стоят, люди нищенствуют. Жуткий ужас. Едем по дороге, а по ним ездят только турецкие автобусы, турецкие рефрижераторы, гонят турецкий чай, табак или еще что-то в Европу через Болгарию. Цветан ведет машину только ночью. Из Варны мы ехали в горы Пирин, там санаторий Центрального Комитета, в котором мы должны были два

дня отдыхать. И вот мы едем через горы ночью. А ночью в горах уже морозит, и дорога идет по серпантину. Он гонит, Татьяна в меня вцепилась, я в нее. Люди-то южные, а на дороге столбиков нету... Пропасть, и он над пропастью так лихо... А сзади пристроился турецкий автобус. Прямо в задницу упирается, светит фарами. И уступить ему нельзя, узко. А автобус жмет и жмет. Турок на болгарина нарвался!

И вот так едем мы пять, десять минут. Цветан опускает окно. Мы на заднем сиденье, и на нас холодный ветер. С открытым стеклом он едет минуту-две. У нас уже зубы стучат. Вдруг он левой рукой достает громадный пистолет и выставляет его в окошко. Машину ведет правой. Оказалось, это он выбирал такой поворот, чтобы водитель автобуса сразу увидел, что у него в руке. Тот сразу же отстал.

— *Это правительство дало охрану?*

— Да, правительство. Мы приехали в Болгарию по приглашению генерального прокурора Ивана Татарчева. Мне он написал в письме: «Я вас приглашаю от имени правительства и от своего имени. То, что там думает о вас Россия, я не знаю, но Болгарии вы ничего плохого не сделали, я буду вас охранять, как своих личных гостей, поэтому приезжайте». Мы приехали утром, нас встретил генеральный прокурор, потом он поручил нас своим ребятам. Не знаю, гласная или негласная это была охрана. В конце он приехал к нам, привез нас в аэропорт, к трапу, и сказал: «Вот тут моя миссия кончается, это граница Болгарии, болгарская противоздушная оборона предупреждена». Не знаю, насколько он шутил, но то, что нас встретил и проводил генеральный прокурор от трапа и до трапа, — это было.

— *После побега вы, естественно, получили британские документы с новым именем. Под какими именами вы ездите?*

— Ну, паспортов у меня много. В Таллин, например, ездил с документами Виктора Суворова.

Михаил Веллер
ЛЕДОКОЛ СУВОРОВ

После «Ледокола» история Второй мировой войны в прежнем виде не существует.

Сидели за литровой бутылкой: полковник, журналист, военный историк и писатель. Каждый предпочитал лезть не в свое, так что авторские ремарки после прямой речи бессмысленны: «кто сказал» и «что сказал» перемешались в окрошку. Все — стратеги.

— Ведь ничего принципиально нового Суворов и не сказал. Помню, еще студентом читал я «Записки заместителя начальника Генерального штаба» генерала Штеменко. Шестидесятые годы, советские мемуары, военная цензура, все в порядке. И вот: сентябрь 39-го, освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Входим в Польшу. Едем ночью в «эмке» к месту назначения. Кажется, сбились с пути. Стоп: начинаем разбираться в карте. Заблудиться — не стоит. Боимся заскочить за демаркационную линию к немцам.

Эге, думаю: как так? А? Еще бои идут у немцев с поляками кое-где. Еще мы с немцами не встретились, не сошлись. Еще никаких совместных советско-немецких парадов победы в Бресте не было. А демаркационная линия — уже есть!!

Значит — заранее провели? Значит — еще до встречи договорились, кому что? Значит — заранее была проведена граница? Значит — был, что ли, предварительный сговор, тайные протоколы к пакту «Молотов — Риббентроп»? А уж так мы их отрицали!

Прокололся генерал-полковник Штеменко. Прохлопала военная цензура. Опаньки! Поделили с немцами Польшу еще до 1 сентября.

Вот тогда до меня доходить и стало — что мы точно так же, как немцы, хапали все, что могли. И верить официальным версиям невозможно.

— Дорогой мой, ну как же можно было и до этого верить официальным советским версиям? Вся Прибалтика отлично помнила, как в 40-м году происходили «революции» и «приглашались» красные войска. Берешь толстенный том «Советская Эстония», раскрывашь раздел «История», листашь до 1940 года — и кушаешь пилюльку: ветеран вспоминает: «Мы знали, что вскоре будет революция!» Не «готовили», не «боролись», а «знали!» И как одновременно, как вовремя три эти революции произошли! А вот и фото счастливой встречи населения с попрошенными освободителями: жидкие цепочки на тротуарах, и то на один квартал лишь хватает, и кучка активистов у головного танка с транспарантом. И все яснее ясного: нормальная оккупация, прикрытая для приличия фиговым листком.

Чтобы врать — нужна голова как у лошади: большая. Обязательно всякие несуразицы наружу вылезут.

— Почему Сталин до последнего запрещал сдавать Киев? Да потому, что по всем военным законам немцы не могли его взять!!! Наступающий должен иметь трехкратное численное превосходство над обороняющимся — это закон старый. Один в землю врылся, местность пристрелял, запас копил — другой прет на него по чисту полю, уязвимый для всех видов огневого воздействия. Так преимущество по видам было под Киевом у нас, обороняющихся! Нас было больше, а не их! И что? Разнес нас фриц в пух и прах!.. Жуков-то уже хоть знал, что воевать мы не умеем, а до товарища Сталина все не доходило, что войск вроде много — а толку мало.

И сразу вопрос: а на хрена же собрали столько войск и чему их учили? Если наших больше, а обороняться они не умеют, — для чего их столько и что они умеют?

— Погодите. Будем справедливы. Суворов — человек упертый. Во всем видит только советскую агрессию. До абсурда доходит. Вот он пишет с нажимом про «БТ»:

«танк-агрессор». Понял, да? Агрессия уже на уровне проектирования техники. А про «танк-защитник» ты когда-нибудь слышал?! Мирный советский танк с пушкой для самообороны, ага.

Да танк — любой — это в принципе оружие наступательное, оружие прорыва, взлома обороны, наступления. И Суворов это отлично знает. Но никак ему не удержаться от передергивания: смотрите — все, что было у СССР военного, было исключительно для агрессии.

—А с тяжелыми бомбардировщиками? Мол, построили бы мы тысячу «Пе-8» и могли бы одним рейдом обвалить на германские тылы пять тысяч тонн тротила, это пять мегатонн, это уже атомная бомба. — и хана Германии, и подавили бы мы первой же ответной бомбардировкой немецкую мощь, и обресли на провал немецкую агрессию: вот лучшее оружие обороны! Но Сталин отказался от стратегических бомберов — не ждал нападения, сам хотел нападать, и все средства вложил в самолеты нападения, сопровождения своей армии вторжения.

Ну, во-первых, в пятитонной бомбе тротила не пять тонн. Основной вес приходится на корпус сталистого чугуна. Да и в любой бомбе взрывчатка весит лишь меньшую часть. От силы 20%. Так что не пять килотонн понесет эшелон в тысячу машин, а только одну. Но это — мелочь.

А вот во-вторых: союзники за войну наклепали 30 000 (тридцать тысяч!) стратегических четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков. Но «выбомбить» Германию из войны не смогли. Довосенная «доктрина Дуэ» себя не оправдала. Так что наша одна тысяча ничего бы не решила, и Сталин, получается, был прав.

В-третьих: прав он был не от избытка агрессивности, а от недостатка мощностей, материалов и двигателей на все военные программы. Пять тысяч потребных двигателей (потому что пятый стоял в фюзеляже для наддува на высотах в остальные четыре) съела истребительная и бомбардировочная фронтовая авиация, потребность в которой была острее, настоятельнее.

— Суворов вообще — принципиальный перпендикуляр. Ищет ложь во всем, опровергает все утверждения, что были до него, и впадает сплошь и рядом в бред сам. Вот одна из устоявшихся версий: перед войной истребили свои командные кадры, поэтому воевали хуже и потери несли больше. Нет, говорит Суворов! Вот читайте дневники Геббельса от весны 45-го: «Плохи наши генералы, вот русские генералы лучше». А отстреляли бы немцы перед войной, как товарищ Сталин, четыре тысячи бездарей в генеральских погонах — глядишь, и у них бы генералы нашлись получше, говорит Суворов.

Во-первых, плохому танцору генералы мешают. Пока, значит, в 41-м — 42-м немецкие генералы били и гнали превосходящего противника — они были Геббельсу хорошие. А когда в 45-м уже не могли сдерживать многократно превосходящего противника — стали плохими. Надо же найти виноватых в поражении! Не сама же нацистская верхушка политически проиграла войну!

А во-вторых — ну не было у немцев четырех тысяч генералов. Не Россия. Все командиры дивизий, корпусов, групп, их заместители, штабные аппараты — и половины столько генералов не наберется. Это пришлось бы расстрелять всех и еще полковников прихватить. Это большая потеря для нас, что Суворов не родился раньше и не работал до войны главным советником Гитлера.

— Раньше писалось, что у нас в начале войны техника была хуже немецкой? Ну так он пытается утверждать, что немецкая была хуже, плохой была и глупой. Оригинальность! Неожиданность! Создание скандалов, переворот истории, привлечение масс читателей! Да он же шоумен от военной истории. Жириновский сорок первого года!..

Вот сверхпушка «Дора» обстреливает Севастополь. Да, можно считать, что расходы по ее созданию, транспортировке и охране себя не оправдали. Однако знаменитую 30-ю батарею она все-таки уничтожила: снаряды

прошли толщу брони и бетона и разрушили башни и казематы. Суворов это, очевидно, знает, но умалчивает.

Зато пишет другое. Во-первых, стреляли по карте, артиллеристы цели не видели, такая стрельба не может быть точной, эта пальба по квадратам неэффективна: обадду и эти немцы! Суворов придумывается, что не знает о стрельбе с закрытых огневых позиций, об арткорректировщиках и артрязведчиках и так далее: якобы он не слышал об азах артиллерии.

Во-вторых: и от снарядов-то «Доры» и «Карла» толку не было даже при попадании! Вот свидетельство, вот в книжке воспоминаний написано: огромная нора в глубь земли диаметром в диаметр суперснаряда и круглая пещерка внизу: туда и ушла вся сила разрыва. Ну чудо, а не офицер разведки! Такой тип разрыва называется «камуфлет» — когда снаряд, особенно с фугасным взрывателем, замедленным, по крутой навесной траектории входит глубоко в мягкий или зыбкий грунт, гасящий разрыв. Это может быть и с семидесятипятимиллиметровой гаубицей при большом угле возвышения, если снаряд попал в мягкий дуг или торфяник, скажем. Для «Доры», долбящей трехтонными фугасами железобетонный укрепрайон, попадание в мягкую землю — все равно промах, и незачем выбрасывать наверх вагон земли. А вот при попадании в укрепленную и заглубленную в землю преграду — хана бункеру с трехметровым бетонным колпаком, спрятанному на пять метров под землю. И знает это Суворов отлично — просто удержаться не может, чтоб свою линию не гнуть.

— Жаль, что подобные передергивания заставляют людей вдумчивых сомневаться вообще во всем, что Суворов написал.

— С точки зрения серьезных военных историков, Суворов вообще оперирует какими-то произвольными домыслами. Достоверных, задокументированных и проверенных фактов у него нет, вот и фантазирует по собственному усмотрению.

— Ах, с точки зрения военных историков? А кто такие советские военные историки? Наемные чиновники.

которые за зарплату приводят историю в соответствие полученному приказу и идеологической установке. Как прикажете — напишем, так точно! Что нас было меньше и техника была хуже. Или что нас было меньше, но техника была лучше, но вероломное нападение застало нас врасплох. Или что немецкие потери были больше. Или равные с нашими. Или наши больше в три раза. Те же люди — писали то одно, то другое и за все получали звания и премии. Дармоеды и демагоги!..

— М-да, вышло уже несколько толстых книг, опровергающих Суворова, но интерес к ним исчез мгновенно, а Суворова читать продолжают. Книжонки опроверженцев-то вообще дешевые.

— Дорогие господа и историко-литературные товарищи! По части отыскания пятен на Солнце любой критик даст сто очков вперед доберману, обнюхивающему наркокурьера. Сам предмет нашего разговора уже свидетельствует о том, что теория Суворова устоялась и затвердела в пространстве-времени, как гора, по которой могут лазать альпинисты и даже вбивать в нее крючья.

Выброс по вертикали — вот что главное в науке. Ковырять факты может любой клерк. Собрать их в мозаику и ошарашить мир впервые увиденной картиной — вот что отличает ученого от подметалы по научной части.

Сегодня-то все умные, и из этих умных половина несогласных. А вышел «Ледокол» впервые — то-то народ рты пораскрывал: пыхтит, пыхтит, а возразить так сразу и нечего.

— Ну, классическая эволюция признания: сначала — «что за бред!», потом — «что-то, вообще-то, тут есть» и наконец — «да кто же этого не знает». Легко быть сведущим и понимающим, когда тебе объяснили на пальцах. Ах, как все у Суворова просто и даже примитивно! Вот только почему-то раньше это все никто в единую картину не сводил. И полвека стонов: ах, какой Сталин был дурак доверчивый, и как нас было мало, и плохо мы были вооружены перед немецкой стальной лавиной!..

— Вот что я вам, историкам, скажу: доктором исторических наук может стать, в сущности, любой элементарно образованный и разумный человек. А вот офицер-аналитик резидентуры Главного разведуправления — это уже элита. С него спрос куда жестче, да? И ответственность на нем круче, да? И уметь анализировать ему по должности положено. И вламывание офицера резидентуры ГРУ в вотчину тихих историков — это как в старину канадский профессионал разбрасывал хоккеистов-любителей.

— Хороши, кстати, вопли о бездаре-неудачнике Резуне. Пацан без волосатой лапы ракетой вошел в элиту разведки.

— У Суворова можно опровергнуть многое. Подтащивщик, фантазер, спорщик, нонконформист, называйте как угодно...

Но главное — остается, и оно неопровержимо! Оппоненты стараются самые неопровержимые места у Суворова обходить, умалчивать.

Ответьте: зачем в июне 41-го мы разминировали пограничные мосты?! Если сами готовились к наступлению — логично, ясно, правильно. Но никакого, ни одного другого объяснения просто нет!!!

Зачем перед войной стали ликвидировать задолго созданные партизанские базы в своих лесах?! Армию увеличиваем — а возможность партизанского движения уничтожаем. Это подготовка к чему?!

Почему было в достатке карт чужой территории — но не было карт на территорию собственную? Это предусматривает оборонительную войну?!

Почему заранее готовили и тиражировали военные плакаты, разговорники, даже песни?! Так к чему готовились? К войне? Но к обороне были не готовы? А к чему? Ага...

— Сталин справедливо полагал, что Гитлер не самоубийца, ввязываться в войну на два фронта — явное поражение. А вот Англии было куда как выгодно столкнуть Германию с СССР — и пусть истощают друг друга. Как тут верить предупреждениям Черчилля, лица крайне заинтересованного? А Гитлер рассудил, что на-

пасть первым — единственный шанс, меньшее из зол, если Союз ударит первым — конец, быстрый и неминуемый. Все логично.

— Бросьте. Образец суворовской клюквы — «Аквариум». Книга для тех, кто ничего не знает об армии и СССР. Для западных дурачков и любителей горяченького. «В случае опасности старший группы обязан первым делом шифровальщика убить, а блокнот уничтожить». Такую информацию от всех и надолго не засекретишь. И тогда в случае опасности первым делом шифровальщик будет убивать старшего группы.

Да, это не документ. Это армейская романтика. Но из нее многие и о многом узнали впервые. Ведь даже аббревиатуры ГРУ раньше не слышали!

— И все-таки, и тем не менее. Суворов первый и единственный сделал удачную и всеобъемную попытку понять и объяснить, что же и почему произошло к 22 июня 41-го года. Ни одна другая теория критики не выдерживает. Его — объясняет все. Если это неправда — почему никто другой не говорит правды, которая хоть походила бы на правду? Прикиньте все сами: конечно, так оно и было, ребята. Просто нам долго морочили головы, загаживали мозги.

А что касается его мономании — все лыка вязать в одну строку — это уже психология. Это типично для всех людей, разработавших и путивших в мир новую и сильную идею. Идея захватывает их, и все предметы они уже видят в ее свете. Весь мир их постоянно интересуется прежде всего под углом зрения их сверхценной идеи. Все, что возможно, они трактуют в ее пользу и поддержку. Тут перегибы неизбежны. И Дарвин, и Маркс, и Фрейд — все этим страдали. Это нормально. Перегибы потом отыщут и поправят последователи и изучатели. Зато насчет главного этим частым неводом будет выловлено все, что только можно. Вот вместе с рыбешкой и мусор загребается.

Наливай по последней за перебежчика Резуна. Предателей было много, а великая нешкурная идея нашлась пока вроде только у одного. Мужик не так слабо заплатил за свою славу и бабки.

ТРИ ПЛАНА ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Есть факт. На рассвете 22 июня 1941 г. нападение Гитлера на Советский Союз стало для товарища Сталина страшной неожиданностью. В возможность такого развития событий Сталин не верил. Даже вечером 21 июня, когда от командования приграничных округов в Москву полетели шифровки о том, что немцы снимают колючую проволоку на границе и в воздухе висит гул танковых моторов, когда по меньшей мере три солдата вермахта переплыли пограничный Буг в попытке предупредить Родину трудящихся всего мира. — даже тогда товарищ Сталин усомнился в достоверности этих сообщений. Да и утром 22 июня Сталину потребовалось несколько часов для того, чтобы принять наконец реальность к сведению.

Советское радио передавало бодрую воскресную музыку и зачитывало сводки с полей в то время, когда радиостанции всего мира транслировали заявления Гитлера и Риббентропа. Министр иностранных дел фашистской Италии до полудня безуспешно пытался найти советского посла, чтобы вручить ему официальную ноту с объявлением войны. — в воскресенье 22 июня советский дипломат изволили отдыхать на пляже. Поверенный в делах Соединенного Королевства (английского посла С.Криппса к тому времени уже де-факто выпроводили из Москвы) Баггалей до 12 часов дня 22 июня не мог добиться встречи с Молотовым, а заместитель наркома иностранных дел Вышинский высокомерно отказался от какого-либо обсуждения вопросов оказания помощи Советскому Союзу со стороны Великобритании, ссылаясь на отсутствие руководящих указаний.

Нападение Германии изумило обитателей кремлевских кабинетов, ошеломило их и повергло в состояние шока. Это есть факт.

Есть еще один факт, точнее говоря — большая группа фактов. В мае-июне 1941 г. Вооруженные силы Советского Союза находились в состоянии скрытого стратегического развертывания. Причем все составляющие стратегического развертывания (мобилизация резервистов, стратегическая перегруппировка и сосредоточение войск, оперативное развертывание группировок) производились в режиме строжайшей, небывалой даже по сверхжестким сталинским меркам, секретности.

Войска западных округов выдвигались к границе ночными переходами, а днем прятались в лесах; соединения внутренних округов перебрасывались на Запад в заколоченных фанерными щитами вагонах, причем место выгрузки (и уж тем более — цель перегруппировки и боевую задачу) не знали даже командиры соединений. Призыв резервистов производился персональными повестками под видом «учебных сборов». Правительство СССР до самого последнего часа не предъявляло Германии никаких претензий, связанных с концентрацией немецких войск у границы. Более того, официальный рупор советского руководства — агентство ТАСС —

14 июня распространило умиротворяющее заявление: никакой войны между СССР и Германией не предвидится, стороны строго соблюдают условия Пакта о ненападении: слухи о близящейся войне *«являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил»*.

В июне 41-го года Советский Союз готовился к широкомасштабным военным действиям, но при этом всеми возможными способами старался скрыть ведущуюся подготовку. Это есть факт.

Перед историками возникла задача: соединить эти два факта в одну картину, дать им внутренне непротиворечивую интерпретацию. Проще говоря, предстояло разъяснить один-единственный вопрос: если Сталин не ожидал немецкого вторжения, то для какой надобности

тысячи воинских эшелонов шли к границе, а на базе приграничных округов были развернуты управления ФРОНТОВ, и уже 19 июня — за два дня до нападения, которого Сталин не ждал. — фронтовые управления по приказу из Москвы начали выдвижение на полесвые командные пункты?

Двадцать лет назад развернутый ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов. Он предположил — и обосновал имевшимися в его распоряжении открытыми советскими публикациями, — что Сталин готовился к войне. Готовился всегда, с самого первого дня своей власти. Коллективизация, индустриализация, Большой террор — все это лишь разные грани многогранной работы товарища Сталина по превращению Страны Советов в огромный военный лагерь и разделению строителей коммунизма на две категории: «рабсила» и «пушечное мясо». В августе 1939 г. Сталин принял окончательное решение — поддержать Гитлера. Поддержать его так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники) для того, чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройти триумфальным маршем. В июне 1941 г. подготовка к этому маршу была прервана неожиданным для ослепленного манией величия Сталина вторжением вермахта.

В дальнейшем гипотеза В. Суворова продемонстрировала главный признак истинной научной теории, а именно: все новые факты и документы укладывались в рамки концепции Суворова, как патроны в обойму. Точно и четко, не разрушая конструкцию, но лишь повышая ее «убойную мощь». П. Бобылев, Т. Бушуева, В. Данилов, В. Киселев, М. Мельтюхов, В. Невежин, И. Павлова, М. Солонин, Ю. Фельштинский — вот далеко не полный перечень российских историков, в работах которых приведены сотни документов и фактов, подтверждающих гипотезу В. Суворова и фактически переводящих ее из разряда «гипотезы» в ранг научно установленной истины (вопреки модной ныне политкорректно-

сти я считаю, что истина таки существует, и задача исторической науки заключается именно в поиске истины, а не в одном лишь «написании текстов»).

С другой стороны, за истекшие после выхода в свет «Ледокола» двадцать лет альтернативных концепций сформулировано не было. Нет ни одной книги, нет ни одной статьи. Никто и ни разу не пытался дать другое объяснение, другую интерпретацию двум названным мною выше фундаментальным фактам. Зато есть огромный, возрастающий с каждым днем поток критики Суворова.

Информационное поле заполнено и переполнено диким шумом, гамом, визгом, глумливым хохотом. Огромные площади карельских лесов изведены на издание пасквильных книжонок, в которых с ритуальными выкриками повторяется ставший уже стандартным набор «предъяв». По косточкам разобрана личность Суворова, и «как дважды два доказано», что он очень, очень плохой человек. Не наш он человек. Редиска. До бесконечности повторяются претензии по поводу ошибок в производственных индексах продукции Харьковского паровозостроительного (то бишь танкового) завода или неверно указанного диаметра левого заднего поддерживающего катка.

По глубоко верному замечанию Д. Хмельницкого, производителей «антисуворовской» макулатуры *«даже бессмысленно упрекать в недобросовестности — авторы исключительно добросовестно выполняют задачу, исключаящую добросовестный научный подход. Ни по форме, ни по сути она не может числиться по ряду научно-исторической литературы. Это сочинения, консолидирующие идеологическое сообщество»*. (Подчеркнуто мной. — М.С.) От полной безнадеги иные критики ограничиваются лишь бесконечным повторением мантры: «Суворов врёт в каждом слове». На «посвященных», т.е. на членов секты «воинствующих антирезунистов», эти выкрики производят магическое действие, аналогичное камланию шамана.

«Мне не нужна критика, мне нужна версия». Эта

фраза, которую записал на одном из бесчисленных интернет-форумов анонимный посетитель, предельно четко описывает сложившуюся к 2008 году историографическую ситуацию. Версии, альтернативной гипотезе/теории В.Суворова, как не было, так и нет. Особенно примечательно гробовое молчание мэтров отечественной «исторической науки». Сразу же спешу уточнить — под «молчанием» я понимаю отсутствие ВЕРСИИ, отсутствие логичной, связной, опирающейся на факты интерпретации действий Сталина в 1939—1941 годах. Шума, крика и призывов «прекратить переписывать историю» полным-полно. Иные выступления российских академиков заставляют лучших отечественных юмористов стогать от зависти.

Вот, например, выступает на страницах газеты «Красная звезда» (а это, если кто забыл, — официальный печатный орган Министерства обороны РФ) товарищ О. Ржешевский и говорит такие слова:

«Отвергнутая как несостоятельная большинством российских и западных историков, эта версия (версия В.Суворова. — М.С.) тем не менее проросла на отечественной почве прежде всего по той причине, что в средствах массовой информации фактически не дают возможности противопоставить ей имеющиеся достоверные документы и факты»¹.

Вот оно что — не допускают заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, президента ассоциации историков Второй мировой войны, доктора исторических наук, профессора Ржешевского к редакциям и издательствам. Не может маститый ученый предъявить публике «имеющиеся у него достоверные документы и факты». Я, «историк-любитель из Самары», могу предъявить, а президенту и профессору рот затыкают. Страшное дело. Не иначе, как и здесь «англичанка гадит»...

И не только товарищ Ржешевский связан по рукам и ногам. В одной лишь Москве златоглавой в столичном

¹ «Красная звезда». 10 апреля 2001 г.

отделении Академии военных наук числится 257 докторов и 436 кандидатов наук. И это только в Москве. По статуту докторская диссертация должна представлять собой «фундаментальное исследование, формирующее новое направление в науке». 257 научных открытий в области военной истории! Выдающиеся ученые движутся к познанию истины тучными стадами. А ведь кроме докторов военных наук на российских нивах, обильно орошенных нефтедолларами, пасутся несравненно более многочисленные отары докторов исторических наук. А нынче завелись еще и социологические, и политологические доктора...

Оглушительное молчание официальной военно-исторической науки — это не просто «знак согласия» с гипотезой Суворова. Это белая простыня капитуляции, свисающая с подоконников генеральских дач. Имея в своем распоряжении все архивы России, имея толпу штатных, оплаченных за счет налогоплательщика подчиненных, они так и не смогли за 20 лет предъявить «городу и миру» ни одного документа, подтверждающего миролюбивые устремления Сталина.

Если научная дискуссия об общей направленности военно-политических планов Сталина к настоящему времени может считаться завершенной, то вопрос о запланированных сроках начала вторжения в Европу по-прежнему остается открытым. И это неудивительно — для сокрытия и извращения информации по этой проблеме официальная советская/российская «историческая наука» приложила максимум усилий. Не будем забывать и о том, что выявление конкретных планов и сроков в принципе невозможно без доступа к тому массиву документов высшего военно-политического руководства СССР, какие и по сей день наглухо закрыты для любого независимого исследователя.

Как будет показано ниже, планы эти ТРИЖДЫ менялись, и причудливое переплетение обрывков инфор-

мации о трех, весьма различных по замыслу, планах Сталина ставит перед историками чрезвычайно сложную задачу. Единственное, что можно сказать сегодня со всей определенностью, — это то, что в рамках имеющейся источниковой базы РЕШИТЬ эту задачу не удастся. Если что и возможно, так это лишь сформулировать ряд ГИПОТЕЗ, которые будут подтверждены либо опровергнуты следующим поколением историков. Тем, кто считает обсуждение недоказуемых гипотез бесполезной тратой времени, нет смысла продолжать чтение данной статьи. Всех остальных я прошу смириться с присутствием в этом тексте огорчающих и меня самого слов-паразитов: «возможно», «скорее всего», «вероятно», «не исключено», «можно предположить»...

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Известные ныне тексты, в частности, опубликованный французским агентством «Гавас» 28 ноября 1939 г. так называемый «доклад Сталина от 19 августа 1939 г.»; опубликованная Т.Бушуевой запись этого «доклада», обнаруженная ею в Особом архиве (хранилище трофейных документов)¹; опубликованный М. Шаули отчет группы чехословацких коммунистов об инструкциях, полученных ими в октябре 1939 г. в Москве от руководства НКВД СССР², скорее всего, вполне адекватно передают намерения Сталина образца осени 1939 года — хотя проблема аутентичности самих текстов еще требует своего разрешения.

План № 1 — это попытка реализации древнекитайской притчи про мудрую обезьяну, наблюдающую с горы за схваткой двух тигров. *«В результате своего скудоумия, Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя... С точки зрения экономики, Гитлер зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции... Война обессилит Европу, ко-*

¹ «Новый мир». 1994. № 12.

² Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., Яуз-ПРЕСС, 2008 г.

торая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны...» Если заменить ритуальное в разговоре между «товарищами коммунистами» слово «революция» на гораздо более адекватные ситуации слова «разруха, хаос и анархия», то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе.

Осенью 39-го об установлении конкретных сроков вторжения в Европу не могло быть и речи: война еще только-только разгоралась, до полного разорения и истощения противоборствующих сторон было еще очень далеко. На этом этапе именно Германия представлялась Сталину слабой стороной конфликта, которой он оказывал разнообразную политическую, психологическую, экономическую помощь с тем, чтобы война не прекратилась в самом своем начале по причине разгрома Германии. В этой связи стоит отметить один примечательный момент. В упомянутом выше отчете чехословацких коммунистов приводится фраза А.М. Александрова (заведующий Центрально-Европейским отделом НКВД) о том, что *«мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла»*. Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю.

Произнес ее сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 г. в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 г. Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина, заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: *«Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию»*¹. Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию Риббентропа публично припугнуть ненавистных англо-

¹ СССР — Германия. 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс, «Моклас», 1989, т. 2. С. 18.

французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так: *«Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз, поэтому, не может одобрить действия западных держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение»*¹. Эта переписка была опубликована 60 лет назад Госдепом США в знаменитом сборнике трофейных документов германского МИДа «*Nazi — Soviet Relations*», и никаких сомнений в ее подлинности у историков нет.

Дело (т.е. антизападная направленность политики Сталина) не ограничилось одними только словами. Красная Армия вторглась в Польшу и оккупировала чуть более половины ее территории — действие, которое формально ставило СССР на грань войны с Великобританией, давшей Польше пресловутые «гарантии» неприкосновенности ее территории. Затем было нападение на Финляндию — традиционного союзника западных демократий, исключение Советского Союза из Лиги Наций и уже не формально-юридическая, а вполне реальная перспектива вступления Советского Союза в европейскую войну в качестве противника англо-французского блока.

Удивительный документ (удивительный не своим содержанием, а тем, что его вовремя не уничтожили) сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 г. заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном доме Красной Армии доклад о международном положении... Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной

¹ Там же. С. 20.

стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока... Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер...»¹

В последних строках докладной записки заместитель главного «особиста» НКВД СССР делает в высшей степени странные выводы: *«Многие командиры считают выступление тов. Калинина путаным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным»*. Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор «особисты» стали прятаться за «мнение многих командиров»? И это после того, как НКВД успешно пересажало и перестреляло многие тысячи командиров Красной Армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 г. тов. Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет восвать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать Ворошилова с тем, чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям — 4 июня 1940 г. С.А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом, — доклад с открытыми заявлениями о «неизбежности войны против англо-французского блока», да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

О войне против Англии и ее союзников не просто говорили в «окружном доме Красной Армии». К ней настойчиво готовились. Ряд историков авиации (В. Белоконь, А. Степанов) обратили внимание на явную «антианглийскую» направленность развития советских ВВС на рубеже 30—40-х годов. Уже имея в серийном производстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в 1 тонну пролететь 3300 км (самый дальний на тот мо-

¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 70, л. 18—19.

мент немецкий He-111 имел боевую дальность не более 2700 км), Сталин в январе 1939 г. ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика с дальностью 5000 км. В соответствии с этими требованиями был разработан и запущен в серийное производство на крупнейшем воронежском авиазаводе №18 двухмоторный бомбардировщик ДБ-240 (Ер-2). Куда, в какую даль предстояло лететь «сталинским соколам» на бомбардировщиках с огромным радиусом действия? От Минска до Берлина — 1000 км, от Минска до Гамбурга — 1200 км, от Киева до Мюнхена — 1400 км, от Владивостока до Токио — 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки указанных целей. А вот для удара по Британским островам действительно требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона 1900 км, до Манчестера — 2000 км).

Самым фантастическим проектом было «изделие ПБ-4»: дальний, тяжелый, 4-моторный и при всем при этом — пикирующий (!!!) бомбардировщик. Столь невероятное (никогда и никем не реализованное в металле) сочетание параметров обуславливалось задачей: самолет предназначался для борьбы с крупными надводными кораблями, которые он должен был поражать сверхтяжелой бомбой, разогнанной в пикировании до скорости, позволяющей пробить броневую палубу линкора. ПБ-4 разрабатывался в «шарашке» — тюремном КБ НКВД, в котором Берия заботливо собрал весь цвет советской инженерной мысли: Бартини, Глушко, Егер, Королев, Мясишев, Петляков, Стечкин, Туполев, Чаромский... По воспоминаниям Егера, при разработке ПБ-4 в качестве типового объекта для бомбометания рассматривался английский линкор «Нельсон» и база Королевского ВМФ в Скапа-Флоу. И хотя создание самолета с такими параметрами превосходило возможности авиационной техники той эпохи, работы по проекту ПБ-4 продолжались до конца 1939 года.

В разговоре о том, как «под руководством Коммунистической партии накануне войны создавалась мощная

оборонная промышленность», обязательно вспомнят и назовут танки Т-34 и КВ, реактивные минометы («катуша»), штурмовик Ил-2. При этом принято забывать о грандиозной программе строительства военно-морского флота. В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939—1940 гг. в Германии (в обмен на кормовое зерно, жмых и очесы льна), едва ли не половину составляют многочисленные образцы корабельной (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок) и береговой артиллерии, минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер «Лютцов», достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 миллиардов рублей, ассигнованных в 1940 г. по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 млрд) выделялась наркомату ВМФ¹. К началу мировой войны на вооружении ВМФ великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, Германии — 57, Италии — 68, Японии — 63. Огромная континентальная страна СССР имела на вооружении (правда, не к сентябрю 39-го г., а к июню 41-го г.) 267 подводных лодок. Двести шестьдесят семь. Вопрос — морскую блокаду какой страны должен был осуществлять этот огромный подводный флот?

В «Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ» (не ранее 27 марта 1940 г.) читаем:

«Вероятный противник: Англия, Франция, Румыния, Турция.

Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...»²

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота

¹ ГАРФ, ф. Р—8418, оп. 24, д. 2, л. 41.

² РГА ВМФ, ф. Р—1877, оп. 1, д. 195, л. 1.

на 1940—1941 г.г. предполагал следующее развитие событий:

«...Задачи авиации по театрам военных действий:

1. *Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна...*

2. *Эгейское море: Салоники, Смирна...*

3. *Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи... Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и Средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации...»¹*

В эти же месяцы весны 1940 г. Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием: *«Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор)*. На 34 страницах был составлен «Перечень военно-промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии². Все перечисленные страны — колонии или союзники Великобритании.

11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного политуправления Красной Армии Мехлису, в которой с большой тревогой пишет о *«необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре»*.

Вся эта «маниловщина», сладкие сны про «перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор» на пути к Индийскому океану и освободительный поход на Иерусалим, рассыпалась в пух и прах в мае 1940 г. Франция и ее союзники были разгромлены в течение одного месяца. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира.

¹ РГА ВМФ, ф. Р—1877, оп. 1, д. 150, л. 2.

² РГВА, ф. 29, оп. 56, д. 92, л. 1—34.

Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина срочно менять стратегический план войны.

Еще совсем недавно (17 апреля 1940 г.), менее чем за месяц до начала немецкого наступления на Западе, выступая на совещании высшего состава Красной Армии, Сталин выразил свою обеспокоенность пассивностью вяло дерущихся империалистов; *«Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено»*. Два месяца спустя немецкие войска прошли парадным маршем под Триумфальной аркой Парижа, и перед шибко мудрой обезьяной замаячила перспектива оказаться один на один с разъяренным, попробовавшим вкус крови тигром. Но пронесло. Летом 40-го года Гитлер в первый (но еще не в последний) раз помог Сталину выкарабкаться из крайне тяжелой ситуации.

Вместо того, чтобы вовремя остановиться и, выражаясь циничным языком биржевых спекулянтов, «зафиксировать прибыль», Гитлер решил добить непокорную Англию. И вот тут-то коса нашла на камень. 22 июня (да, странные шутки отпускает порой История...) 1940 года советский посол И. Майский докладывал из Лондона в Москву:

«Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства, несмотря на капитуляцию Франции, продолжать войну находит всеобщую поддержку населения... Большую роль в этом сыграли выступления Черчилля. Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца...»

В августе 1940 г. началось крупномасштабное воздушное наступление на Британские острова. Однако, несмотря на значительное численное превосходство люфтваффе, блицкриг в небе над Лондоном не состоялся. Не удалось задушить Англию и удавкой морской

блокады, хотя немецкие подводники и добились огромных успехов, отправляя на дно морское ежемесячно по 300 000 тонн тоннажа уничтоженных судов. Война, которая в июне 40-го казалась уже завершенной, разгоралась с новой силой, распространяясь на огромной территории от побережья северной Норвегии до пустынь Северной Африки. Товарищ Сталин смог облегченно вздохнуть и приступить к разработке «плана № 2».

План № 2 — это план войны с Германией. Не вместе с Германией, а против Германии.

В отличие от «плана № 1», о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, «план № 2» известен сегодня достаточно подробно. В первой половине 90-х годов были рассекречены и опубликованы в ряде сборников следующие документы:

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, не позднее 16 августа 1940 г.¹

— Документ с аналогичным названием, но уже с номером (№103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 г.)².

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и В.М. Молотову № 103313 (документ начинается словами *«докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на 1941 год»*, в связи с чем его обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания»)³.

— Докладная записка начальника штаба Киевского ОВО по решению Военного Совета Юго-Западного

¹ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 1—37.

² ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 197—244.

³ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 84—90.

фронта по плану развертывания на 1940 г., б/н. не позднее декабря 1940 г.¹.

— Выдержки из доклада Генштаба Красной Армии «О стратегическом развертывании Вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке», б/н. от 11 марта 1940 г.².

— Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командирующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа. б/н. апрель 1941 г.³.

— Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б/н. не ранее 15 мая 1941 г.⁴.

К документам, описывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА. К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М.Василевского (в качестве заместителя начальника Оперативного управления Генштаба он участвовал в разработке всех вышеуказанных оперативных планов), который прямо указывает на то, что «в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил»⁵.

Строго говоря, информации для размышления предостаточно. В распоряжении историков имеется пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и Западного.

¹ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 245—277.

² ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 1—16.

³ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 48—64.

⁴ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1—15.

⁵ «Новая и новейшая история». 1992. № 6. С. 5—8.

В рамках данной статьи следует отметить лишь несколько ключевых моментов.

Во-первых, оперативный план Большой Войны существовал (*«оперативный план войны против Германии существовал, и он был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими войсками и штабами западных приграничных военных округов Советского Союза»* — А.М. Василевский). Странно, что это надо особо подчеркивать, но иные пропагандисты в своем «усердии не по разуму» доходили и до утверждения о том, что «наивный и доверчивый» Сталин заменил разработку военно-оперативных планов любовным разглядыванием подписи Риббентропа на пресловутом «Пакте о ненападении». Разумеется, план войны с Германией существовал, и многомесячная работа над ним шла безо всяких оглядок на Пакт. В упомянутых выше планах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР (т.е. начиная с августа 1940 г.) Англия в качестве возможного противника СССР уже не упоминается (!!!); главным противником неизменно считается Германия, которую предположительно могли поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия.

Внимательное сопоставление документов позволяет высказать предположение о преднамеренной (с целью скрыть истинные планы высшего военно-политического руководства страны) дезинформации собственных войск, которая поднималась вплоть до уровня командующих военными округами. Документы, адресованные командованию округов (или составленные в округах в соответствии с директивными указаниями Генштаба), и содержательно и текстуально совпадают с общим планом стратегического развертывания Красной Армии и общим планом первых наступательных операций. Но есть одно важное отличие.

В первых строках «окружных документов» (записка начальника штаба Киевского ОВО от декабря 1940 г. и Директива на разработку плана оперативного развертывания Западного ОВО от апреля 1941 г.) содержится такая фраза: *«Пакты о ненападении между СССР и*

Германией, между СССР и Италией в настоящее время, можно полагать, обеспечивают мирное положение на наших западных границах». В документах же высшего руководства (докладных записках наркома обороны на имя Сталина и Молотова) пресловутый «Пакт» не упоминается ни разу! Далее, в апреле 1941 г. Директива наркома обороны СССР так ориентирует командующего войсками Западного особого военного округа:

«СССР не думает нападать на Германию и Италию. Эти государства, видимо, тоже не думают напасть на СССР в ближайшее время. Однако, учитывая (далее идет перечень различных внешнеполитических событий. — М.С.), необходимо при выработке плана обороны СССР иметь в виду не только таких противников, как Финляндия, Румыния, Англия, но и таких возможных противников, как Германия, Италия и Япония».

И это при том, что в «кремлевских документах» главным противником однозначно называется именно и только Германия, а про возможную войну с Англией нет ни слова!

Во-вторых, все опубликованные на сей момент планы стратегического развертывания представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстовальное сходство всех планов. Все без исключения планы представляют собой **план наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР.** Стратегическая оборонительная операция на собственной территории не рассматривалась даже как один из возможных вариантов развития событий будущей войны! Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских и прусских городов и рек. Глубина наступления в рамках решения «первой стратегической задачи» составляет 250—300 км, продолжительность операции — 20—30 дней.

В-третьих, только августовский (1940 г.) вариант

плана ставит выбор направления развертывания главных сил Красной Армии в зависимость от вероятных планов противника (*«считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья»*). С большой натяжкой эту логику еще можно назвать «планированием ответного контрудара». Все же последующие варианты устанавливают направление главного удара исключительно из соображений военно-оперативных и политических «удобств» для наступающей Красной Армии. Оценка вероятных планов германского командования (нанесение немцами главного удара к северу или к югу от болот Полесья) несколько раз меняется, но это уже никак не влияет на выбор направления главного удара Красной Армии. Конкретнее: начиная с сентября 1940 г. все варианты оперативного плана предусматривают развертывание главных сил Красной Армии в районе так называемого «Львовского выступа» для нанесения удара в общем направлении на Краков — Катовице. Выбор именно такой схемы развертывания составители документов обосновывают сугубо наступательными соображениями: отсутствием у противника на данном направлении долговременных оборонительных укреплений; характером местности, позволяющей в большей степени реализовать ударную мощь танковых соединений; возможностью уже на первом этапе войны отрезать Германию от сырьевых (нефть) и продовольственных ресурсов Юго-Восточной Европы.

Если сам замысел операции понятен и дискуссия возможна лишь в плане уточнения отдельных деталей, то даже ориентировочную дату начала «освободительного похода» установить на основании рассекреченных документов невозможно.

Высказанная В. Суворовым и И. Буничем гипотеза о том, что вторжение в Европу Сталин намеревался начать в тот момент, когда немецкие войска высадятся на Британских островах, не находит подтверждения в известных документах. Нет слов, гипотеза красивая и ло-

гичная, но для историка одной только «красоты замысла» мало. Не может считаться подтверждением этой гипотезы и имеющаяся в Докладной записке начальника штаба Киевского ОВО (декабрь 1940 г.) фраза: *«вооруженное нападение Германии на СССР наиболее вероятно при ситуации, когда Германия в борьбе с Англией будет победительницей и сохранит свое экономическое и военное господствующее влияние на Балканах»*. Ни в Москве, ни в Киеве пассивно ждать «вооруженного нападения Германии на СССР» не собирались; план наступления должен был быть реализован еще до того, как *«Германия в борьбе с Англией будет победительницей»*, но когда именно — об этом в Докладной записке нет ни слова.

Большие вопросы вызывает Доклад Генштаба Красной Армии от 11 марта 1941 г., который — вопреки всем писаным и неписаным правилам научной публикации исторических документов — был опубликован в крайне усеченном виде. Фактически рассекречен лишь подробный обзор предполагаемых планов и группировки противника. Собственные планы советского командования преднамеренно оставлены «за кадром».

Интерес к этому документу подогрел не кто иной, как сам М.А. Гарсев, имевший неосторожность заявить, что в Докладе от 11 марта 1941 г. (в той его части, которая не была опубликована) рукой Ватутина была вписана фраза: *«Наступление начать 12.6»*. На интернет-форуме сайта «Воснная литература» некий товарищ утверждал, что держал этот документ в руках, что в архивном формуляре уже имеется 12 фамилий людей, работавших с документом, и что указанная рукописная надпись на обороте одного из листов действительно имеется. Однако никто из этих загадочных «двенадцати посвященных» полный текст Доклада от 11 марта 1941 г. так и не опубликовал.

Разумеется, ничего, кроме горького смеха сквозь слезы, такая «историографическая ситуация» вызвать не может. Государство российское продолжает успешно играть с независимыми историками в прятки. Помнит-

ся, в годы моего детства была такая радиопередача: «Угадайка, угадайка — интересная игра...»

Вернемся, однако, к опубликованным документам. Они дают некоторое основание предположить, что загадочная надпись *«наступление начать 12 июня»* (если только она существует в действительности!) никак не могла быть связана с 12 июня 1941 года. Скорее всего, речь шла о лете 1942 года. И вот почему.

Апрель 41-го наступил после 11 марта 1941 г. Соответственно, апрельская (1941 г.) Директива наркома обороны на разработку плана оперативного развертывания войск Западного ОВО должна была учитывать решения, принятые Сталиным по Докладу военного руководства от 11 марта. В соответствии с этой Директивой войска Западного ОВО должны были нанести сокрушительные удары *«в общем направлении на Седлец, Радом с целью полного окружения, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом, Люблинской группировки противника... Овладеть на третий день операции Седлец и на 5 день — переправами на р. Висла»*. Главной ударной силой округа (фронта) должны были стать пять мехкорпусов: 6 МК, 11 МК, 13 МК, 14 МК и 17 МК. Из них к июню 1941 г. почти полностью укомплектован боевой техникой и автотранспортом был один только 6 МК; два других мехкорпуса (11-й и 14-й) по планам Генерального штаба заканчивали формирование лишь в начале 1942 года. Что же касается 13 МК и 17 МК, то они находились на ранней стадии формирования, и даже к концу 1941 г. их плановая укомплектованность танками не превышала 25—30%. Начать намеченное Директивой наступление 12 июня 1941 г. такая танковая группировка никак не могла.

В целом, вся развернутая в феврале 1941 г. программа формирования гигантских бронетанковых сил в составе тридцати мехкорпусов по тысяче танков в каждом, перевооружение этой чудовищной бронированной орды на «танки новых типов», т.е. КВ и Т-34, не могла быть завершена до конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек — а Сталин, без сомнения, был

человеком трезвомыслящим и чрезвычайно осторожным — не стал бы затевать такой грандиозный «капитальный ремонт» за несколько месяцев до Великой Войны. Очень может быть, что в бесконечных заклинаниях советской исторической пропаганды («Сталин надеялся оттянуть нападение Германии до лета 1942 года») есть изрядная доля истины. Правда, истины причудливо искаженной. Сталин не для того создавал крупнейшую армию мира, чтобы с замиранием сердца гадать: «нападет — не нападет...». Сталин вел свою собственную, активную и наступательную политику; он вовсе не ждал нападения Гитлера, а выбирал оптимальный момент для нанесения сокрушительного первого удара. В марте 1941 г. этот момент, скорее всего, был отнесен не к лету 41-го, а к началу лета («12 июня») 1942 или даже 1943 года.

«В поле две воли» — говорит старинная русская поговорка. Драматическое развитие событий мировой войны не позволило Сталину подготовиться к вторжению в Европу основательно, «с чувством, с толком, с расстановкой».

В какой-то момент весны 1941 г. Сталин понял, что «оттянуть» до лета следующего года не удастся, и нанести удар первым возможно лишь в том случае, если Красная Армия начнет наступление не позднее сентября 1941 года. Так умер, не успев реализоваться, «план № 2», и высшему военно-политическому руководству Советского Союза пришлось разрабатывать «план № 3».

Когда произошел этот резкий поворот в планах Сталина? Как ни странно, но мы можем определить этот момент времени с точностью до одного-двух месяцев (что в отсутствие прямых документальных свидетельств может считаться высокой точностью). Не раньше 6 апреля — и не позже 24 мая 1941 г.

6 апреля 1941 г. — один из наиболее загадочных дней в истории Второй мировой войны. Напомним основную канву событий. В ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел военный переворот, инспирированный то ли английской, то ли советской спецслужбами. Новое

правительство генерала Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу.

3 апреля (т.е. всего лишь через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве с самим Сталиным. Несмотря на то, что Германия через посла Шуленбурга довела до сведения Молотова свое мнение о том, что *«момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление»*, в 2.30 ночи 6 апреля 1941 г. советско-югославский договор был подписан.

Через несколько часов после его подписания самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, и немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз никак и ничем не помог своему новому другу. 6 апреля, примерно в 16 часов по московскому времени Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о вторжении вермахта в Югославию, ограничился лишь меланхолическим замечанием: *«Крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным...»*¹

Что это было? Для какой надобности Сталин демонстративно «дразнил» Гитлера, не имея желания (да и практической возможности) оказать Югославии действительную военную помощь? Доподлинно известно, что в Берлине этот странный дипломатический демарш восприняли с крайним раздражением. Позднее (22 июня 1941 г.) именно события 5—6 апреля были использованы в германском меморандуме об объявлении войны Советскому Союзу как главное свидетельство враждебной политики, которую Советский Союз проводил в отношении Германии (*«с заключением советско-югославского договора о дружбе, укрепившем тыл белградских заговорщиков, СССР присоединился к общему англо-юго-*

¹ СССР — Германия, 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс, «Моклас», 1989. Т. 2. С. 156.

славо-греческому фронту, направленному против Германии»).

6 апреля — это последний день, про который можно с уверенностью сказать, что в этот день советско-германские отношения были весьма напряженными и недружественными. Далее **внешняя** (подчеркнем и это слово тремя жирными чертами) канва событий резко меняется. Причем меняется в сугубо одностороннем порядке — Москва начинает демонстративно и навязчиво дружить с Берлином.

13 апреля 1941 г. произошло крупное событие мирового значения: в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией — соглашение, которое развязывало Сталину руки для действий на Западе. В этот же день случился и небольшой эпизод на московском вокзале, привлечший, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов всего мира. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой «Срочно! Секретно!» отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так:

«..Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуоку и японцев, которые там присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь все для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей там».

Жаркие объятия у дверей вагона были вскоре дополнены и другими, столь же демонстративными действиями. В Москве были закрыты посольства и диплома-

тические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, «еще не просохли чернила».

С другой стороны, взаимоотношения с Великобританией дошли до такой точки замерзания, что английский посол С. Криппс 6 июня 1941 г. был отозван из Москвы в Лондон «для консультаций». В мае 1941 г. Советский Союз с молниеносной готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном по отношению к Германии духе решались все вопросы экономического сотрудничества. В меморандуме МИД Германии от 15 мая 1941 г. отмечалось:

«Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены в весьма конструктивном духе... У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года... В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то, что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно...»¹

Престарелый граф Шуленбург был совершенно очарован объятиями гостеприимных московских хозяев (к слову говоря, в 1944 г. бывший посол Германии в СССР был казнен за участие в заговоре против Гитлера, так что его «наивная доверчивость» могла быть и не столь наивной, как кажется). 24 мая 1941 г. в очередном донесении в Берлин он пишет:

«... То, что эта внешняя политика, прежде всего, направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели (подчеркнуто мной. — М.С.), тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызы-

¹ СССР — Германия, 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс. «Моклас», 1989. Т. 2. С. 164.

вающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений...»¹

5 мая 1941 г. Сталин назначил себя Председателем СНК, т.е. главой правительства СССР. Это событие удивило тогда всех — кроме, разумеется, граждан Страны Советов, которые горячо и единодушно одобрили очередное мудрое решение. Все остальные терялись в догадках. Позднее, осенью 1941 г., С. Криппс писал в своем докладе на имя министра иностранных дел Э.Идена:

«... в СССР начали происходить вещи, имевшие, очевидно, некоторые специальные цели. Вскоре после Первомайского парада был опубликован Указ о назначении Сталина на пост премьер-министра, что, несомненно, было актом громадного политического значения. Все утверждали, что за этим его шагом скрывается какая-то важная цель, но никто с уверенностью не знал, что это значило...»

Тайна сия велика есть. Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая 1941 г. товарищ Сталин, будучи всего лишь одним из многих депутатов Верховного Совета СССР, обладал абсолютной полнотой власти. И до 5 мая 1941 г. товарищ Молотов, являясь номинальным Председателем СНК, согласовывал любой свой шаг, любое решение правительства с волей Сталина. Долгие годы Сталин управлял страной, не испытывая нужды в формальном оформлении своего фактического статуса единоличного диктатора. Что же изменилось в начале мая 41-го года?

10 мая 1941 г. в Комитете Оборона при СНК СССР был утвержден «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании» (кого с кем — не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: «*О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны*». 12 мая 1941 г. подготовлен «Перечень вопросов в ЦК ВКП (б)». Пункт 7: «*О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) в военное время*».

Особого внимания заслуживает следующий документ. 4 июня 1941 г. нарком ВМФ Н. Кузнецов направ-

¹ СССР — Германия, 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс. «Мокелас», 1989. Т.2. С. 165.

ляет заместителю Председателя СНК (т.е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: «совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка — в нем впервые рядом со словосочетанием «восное время» появляются абсолютно конкретные даты: *«Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению на военное время с 1.07.41 по 1.01.43. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 е/г составляет 50% от общей потребности на период до 1.01.43 г.»*¹.

Как видим, нарком ВМФ планирует воевать уже в следующем месяце. Оперативный план этой большой морской войны уже составлен — в противном случае Н.Г. Кузнецов не мог бы прогнозировать конкретное распределение расхода минно-торпедного вооружения по каждому полугодию.

В мае (не ранее 15 мая, точная дата не известна) был составлен очередной вариант «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза». Майские «Соображения» — полностью повторяющие все предыдущие варианты по целям, задачам, направлениям главных ударов, срокам и рубежам — содержат некоторый новый момент. А именно: *«Германия имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар»*. Во всех других известных вариантах плана стратегического развертывания подобной по содержанию фразы нет. Далее разработчики плана настойчиво предлагают *«ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, предупредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»*.

¹ ГАРФ ф. Р—8418, оп. 25, д. 481, л. 32—33.

Исключительно важно подчеркнуть, что речь идет вовсе не о «большой агрессивности» майских «Соображений» — все предыдущие варианты также не предлагали ничего иного, кроме проведения крупномасштабной наступательной операции за пределами государственных границ СССР. Что же до намерения опередить противника и «ни в коем случае не давать ему инициативы действий», то оно является всего лишь элементарным требованием здравого смысла. Существенная новизна заключается в том, что в мае 41-го советское командование уже не столь уверено в том, что ему удастся это сделать, и поэтому просит Сталина незамедлительно провести все необходимые мероприятия. *«без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле».*

24 мая 1941 г. в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были:

- заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов;
- нарком обороны Тимошенко;
- начальник Генерального штаба Жуков;
- начальник Оперативного управления Генштаба Ватутин;
- начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев;
- командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС этих округов.

Других столь же представительных совещаний высшего военно-политического руководства СССР не было ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Не менее примечательным является и перечень тех лиц, которых на Совещании 24 мая 1941 г. не было. Не были приглашены:

- председатель Комитета Обороны при СНК СССР маршал Ворошилов;

- заместители наркома обороны: маршалы Буденный, Кулик, Шапошников, генерал армии Мерецков;
- начальник Главного управления политической пропаганды РККА Запорожец;
- нарком ВМФ Н. Кузнецов;
- нарком внутренних дел Л. Берия;
- секретари ЦК ВКП (б) Жданов и Маленков, курировавшие по партийной линии военные вопросы и входившие в состав Главного Военного Совета.

Вот, собственно, и весь «массив информации». Ничего большего не известно и по сей день. Ни советская, ни российская официальная историография не проронила ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили в своих мемуарах и немногие дожившие до смерти Сталина участники Совещания. Рассекреченные уже в начале 21-го века Особые Папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) за май 1941 г. (РГАСПИ, ф.17, оп. 162, д. 34—35) также не содержат даже малейших упоминаний об этом Совещании. И лишь маршал Василевский в своей статье, пролежавшей в архивной тиши без малого 27 лет, вспоминает: *«За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии, точной даты, к сожалению, назвать не могу, вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих военных округов».*

Какие выводы можем мы сделать на основании имеющихся обрывков информации? 24 мая 1941 г. состоялось Совещание высшего военно-политического руководства страны. Состав участников Совещания достаточно странный: отсутствуют маршалы, занимающие высокие и громкие по названию должности, зато присутствуют генерал-лейтенанты из округов. Если бы в кабинете у Сталина происходило обычное «дежурное мероприятие», что-нибудь вроде обсуждения итогов боевой подготовки войск и планов учений на летний период, то состав участников, скорее всего, был бы иным. Остается предположить, что память не подвела Василевского, и именно в ходе Совещания 24 мая 1941 г. со-

держание сверхсекретных оперативных планов было доведено до сведения исполнителей, т.е. командования приграничных военных округов (будущих фронтов).

Если это так, то тогда становится совершенно понятным и подбор участников Совещания (только те, кто разрабатывал последний вариант оперативного плана войны и кому этот план предстояло выполнять) и строжайшая, непроницаемая завеса секретности, которая окружала (и окружает по сей день) все, что связано с тайной Совещания 24 мая.

Если наше предположение верно и на Совещании 24 мая 1941 г. утвержденный Сталиным план войны против Германии был доведен до сведения будущих командующих фронтами, то «диапазон возможных дат» начала операции сужается практически до двух месяцев: от середины июля до конца августа 1941 г.

Кратко поясним этот, достаточно очевидный, вывод. Если бы в мае 41-го вторжение в Европу планировали начать в 1942 (и уж тем более — в 1943-м) году, то 24 мая 1941 г. сверхсекретные оперативные планы не стали бы передавать командованию военных округов. Слишком рано. Опасно — резко увеличивается возможность утечки информации. Да и бессмысленно — до лета 1942 г. военно-политическая ситуация могла многократно измениться. И сам факт проведения Совещания 24 мая, и явно обозначившаяся с середины апреля политика показного «миролюбия» в отношении с Германией, и официальное принятие Сталиным должности главы правительства СССР, и — самое главное — начавшаяся с конца мая скрытая мобилизация и крупномасштабная передислокация войск позволяют предположить, что план Сталина №3 предполагал начать вторжение в Европу уже летом 1941 года.

Указать точную конкретную дату начала стратегического сосредоточения войск Красной Армии не представляется возможным. Красивая метафора, предложенная В. Суворовым («лев в саванне сначала долго и бесшумно подползает к своей жертве и только в последний момент, с оглушительным рычанием, бросается

на нее в открытом прыжке»), как нельзя лучше описывает ситуацию мая-июня 1941 г. Стратегическое развертывание Красной Армии происходило в обстановке небывалой секретности, с нарушением многих «обще-принятых» правил. *«Общий объем перевозок войсковых соединений составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянutosть выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранением режима работы железных дорог по мирному времени»,* — пишут авторы коллективного труда «1941 год — уроки и выводы» (составлен большой группой военных историков СССР в 1992 г.).

Фраза о «растянутости выдвижения войск», да еще и с «сохранением режима работы железных дорог по мирному времени», заслуживает особого внимания. Для многомиллионных армий первой половины 20-го века железные дороги, поезда и паровозы стали важнейшим «родом войск», во многом предопределявшим исход главных сражений двух мировых войн. Соответственно, все страны имели разработанные еще в мирное время планы перевода железнодорожного движения на режим «максимальных военных перевозок». Так, на этапе стратегического развертывания вермахта для вторжения в СССР железные дороги перешли на график максимальных военных перевозок с 23 мая. Режим военных перевозок в европейской части СССР вводился (12 сентября 1939 г.) даже на этапе стратегического развертывания Красной Армии перед войной с полуразрушенной вторжением вермахта Польшей¹. Однако в июне 1941 года ничего подобного сделано не было!

По расчетам, содержащимся в предвоенных планах советского командования, для осуществления перевозок по планам стратегического развертывания войск Красной Армии требовалось от 8 дней (для Северного фронта, т.е. Ленинградского ВО) до 30 дней (для Юго-Западного фронта, т.е. Киевского ОВО). Фактически же, в условиях сохранения режима работы железных дорог

¹ Мельтюхов М.И. «Упущенный шанс Сталина». М., Вече, 2000. С. 110.

мирного времени, перегруппировка войск не форсировалась, а фактически затягивалась. Затягивалась со вполне понятной, откровенно названной в 1992 г. группой советских историков целью — обеспечить максимально возможные «меры маскировки». Говоря еще проще — не вспугнуть «дичь» раньше времени.

Первыми начали выдвижение находящиеся в Забайкалье и в Монголии соединения 16-й армии и 5-го мехкорпуса. 22 мая 1941 г. началась погрузка первых частей в эшелоны, которые с учетом огромного расстояния и сохраняющегося графика работы железных дорог мирного времени должны были прибыть на Украину, в район Бердичев — Проскуров — Шепетовка в период с 17 июня по 10 июля. С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генштаба о начале выдвижения к западной границе еще двух армий резерва Главного командования. 22-я армия выдвигалась в район Великие Луки — Витебск со сроком окончания сосредоточения 1—3 июля, 21-я армия сосредоточивалась в район Чернигов — Гомель — Конотоп ко 2 июля. 29 мая принято решение о формировании 19-й армии и развертывании ее в районе Черкассы — Белая Церковь к 7 июля. Не ранее 13 июня принято решение о формировании на базе соединений Орловского и Московского ВО еще одной, 20-й армии, которая должна была сосредоточиться у Смоленска к 3—5 июля.

«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля 1941 г.». Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии «1941 год — уроки и выводы» следовало бы наградить медалью «За отвагу». Фактически эта фраза означает, что при разработке «оперативных планов», в частности — при составлении графика развертывания, немецкое вторжение не предполагалось. Хронология тут очень простая. Войска, завершившие сосредоточение к 10 июля, закончат оперативное развертывание и изготовятся к бою не раньше 15—20 июля. В целях проведения стратегической **ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ** операции

это уже безнадежно поздно (что и было беспощадно подтверждено на полях сражений лета 1941 г.).

Наивно было бы ожидать, что Гитлер — если он решится напасть на СССР в 1941 году — станет тянуть с началом вторжения до второй половины июля. Как известно ныне, по первоначальному плану германского командования вторжение должно было начаться 15 мая, после окончательного просыхания грунтовых дорог европейской части СССР от весенней распутицы. Балканская кампания «смешала карты» Гитлера и привела к отсрочке нападения на СССР на целых пять недель (не секрет, что, по мнению многих военных специалистов — и не только из числа «битых гитлеровских генералов», — эта задержка фатальным образом отразилась на итогах кампании). Начать же наступление во второй половине июля было бы полным безумием — даже при отсутствии всякого сопротивления со стороны Красной Армии немецкой пехоте (а это четыре пятых армии вторжения) предстояло брести к установленной в плане «Барбаросса» линии Архангельск — Астрахань по пояс в снегу...

«Завершение сосредоточения в районах, намечасмых оперативными планами», в первой декаде июля означает готовность к началу стратегической НАСТУПАТЕЛЬНОЙ операции с 15—20 июля. Это «нижняя граница» даты начала вторжения в Европу по сталинскому «плану № 3». Верхнюю границу также не сложно определить, исходя из оценки природно-климатических условий восточноевропейского ТВД.

Главный удар, как было уже отмечено выше, предстояло нанести в направлении Львов — Краков, с дальнейшим развитием наступления на Катовице. Плановая продолжительность решения «первой стратегической задачи» составляла 25—30 дней. Но не все на войне идет по плану, к тому же за успешным решением «первой задачи» должна была последовать очередная. С другой стороны, в южной Польше, в Румынии, Словакии и Венгрии тоже бывает осень и даже зима — сырая, слякотная, с дождями, туманами и мокрым снегом. Для

действий авиации и моторизованных войск это значительно хуже «нормальной» русской зимы с крепкими морозами, которые превращают все дорожные направления в «дорогу с твердым покрытием» и сковывают озера и реки ледяным «мостом». Таким образом, конец августа — начало сентября может считаться предельным сроком, после которого начинать крупномасштабное наступление в южной Польше и на Балканах было бы слишком рискованно.

Стоит сравнить хронологию стратегического развертывания Красной Армии с тем, как шла подготовка к вторжению по другую сторону будущего фронта. В декабре 1940 г. Гитлер сообщил своим генералам: *«Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции»*. Это обещание («восемь недель») Гитлер выполнил — день начала операции (22 июня 1941 г.) был окончательно установлен и доведен до сведения верховного командования вермахта 30 апреля, т.е. за 52 дня до начала операции. Отсчитав те же восемь недель от даты Совещания 24 мая, мы попадаем в 19 июля — вполне реалистичный срок завершения всех мероприятий по стратегическому развертыванию Красной Армии.

В качестве предполагаемого срока начала войны называли июль — август 1941 г. и многие из захваченных в плен командиров Красной Армии. Разумеется, круг лиц, допущенных к военной тайне такой важности, как точная дата внезапного нападения, был крайне ограничен, поэтому приведенные ниже показания могут служить лишь отражением общих настроений, «общего духа», который витал в Красной Армии летом 41-го года.

Так, восвращ Котлярский, призванный 30 мая 1941 г. на 45-дневные «учебные сборы» в медсанбат 147-й стрелковой дивизии, сообщил, что *«7 июня медицинскому персоналу доверительно сообщили, что по истечении 45 дней увольнения не последует, так как в ближайшее время будет война с Германией»*.

Капитан Краско, адъютант командира 661-го полка

200-й стрелковой дивизии, показал: *«Еще в мае 1941 г. среди офицеров высказывалось мнение о том, что война начнется после 1 июля».*

По словам майора Коскова, командира 25-го полка 44-й стрелковой дивизии, *«судя по масштабу и интенсивности подготовки к войне, русские напали бы на Германию максимум через 2—3 недели»* (после 22 июня. — М.С.).

Полковник Гасвский, командир полка 29-й танковой дивизии (в документах 29-й тд нет упоминаний о полковнике с такой фамилией. — М.С.), показал: *«Среди командиров много говорили о войне между Германией и Россией. Существовало мнение, что война начнется примерно 15 июля».*

Майор Соловьев, начштаба 445-го полка 140-й стрелковой дивизии: *«В принципе конфликта с Германией ожидали после уборки урожая, примерно в конце августа — начале сентября. Поспешную передислокацию войск к западной границе можно объяснить тем, что срок нападения перенесли назад».*

Подполковник Ляпин, начальник оперативного отделения штаба 1-й мотострелковой дивизии, показал, что *«советское нападение ожидалось осенью 1941 г.».*

Генерал-майор Малышкин (перед войной — старший преподаватель, затем начальник курса в Академии Генерального штаба; начальник штаба 19-й армии Западного фронта, пленен 11 октября в вяземском «котле»; один из главных сподвижников Власова, повешен 1 августа 1946 г.) заявил, что *«Россия напала бы в середине августа, используя около 350—360 дивизий»*¹.

Показания, данные во вражеском плену, да еще и лицами, активно сотрудничавшими с оккупантами, вызывают понятные сомнения. Однако злополучный месяц август, как вероятный срок начала войны, всплывает в самых неожиданных документах.

В январе 1941 г. Генеральный штаб провел с высшим командным составом Красной Армии две стратегиче-

¹Гофман И. «Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, Документы». М., АСТ-Астрель, 2006. С. 84—85.

ские военные игры. Руководил подготовкой и проведением игр лично нарком обороны маршал Тимошенко, об их результатах было доложено Сталину. Странно, но ход игр был привязан не к абстрактным числам («первый день операции», «пятый день операции»...), а к неким августовским (!!!) датам.

В начале июня 1941 г. советскую военную базу на «арендованном» финляндском полуострове Ханко посетил с инспекцией командующий Ленинградским ВО генерал-лейтенант М.М. Попов. 15 июня М.М. Попов написал доклад, направленный в наркомат обороны СССР, в котором выразил обеспокоенность недостаточной, по его мнению, обороноспособностью базы в Ханко и высказал целый ряд конкретных предложений по ее укреплению. Заканчивался же доклад следующей фразой: *«Все эти мероприятия необходимо провести не позднее 1 августа 1941 г. (подчеркнуто мной. — М.С.)»*¹.

17 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение *«призвать в армию 3700 политработников запаса для укомплектования среднего политсостава. Призыв произвести с 1 июля по 1 августа 1941 г.»*².

18 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП (б) принимает следующее решение: *«выдать наркомату обороны в июне из госрезервов 750 тыс. штук автомобильных шин с возвратом в УГМР [Управление государственных мобилизационных резервов] в сентябре. Разрешить Наркомрезинпрому прекратить с 18 июня отгрузку а/м шин всем потребителям, за исключением наркоматов и ведомств, указанных в Приложении 1, с переносом недогрузов на 4-й квартал»*³.

В этом документе нет слова «август» — но есть четкое понимание того, что в июне — июле у наркомата обороны возникнет экстренная, «пиковая» потребность в авторезине. Эту потребность решено покрыть с использованием чрезвычайных мер, а образовавшуюся в запасах и снабжении гражданских ведомств «брешь» посте-

¹ РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л. 59.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 10.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 11.

пенно восполнить, начиная с сентября — октября. Можно с большой долей уверенности предположить, что экстренная потребность в авторезине была связана с запланированной на июль — август открытой мобилизацией, в рамках которой из народного хозяйства в Красную Армию предстояло передать порядка 240 тыс. автомобилей.

В архиве Коминтерна хранится интереснейшая коллекция документов — отчеты о проделанной работе (в большинстве случаев — подрывной) финских коммунистов, перешедших в сентябре 1941 г. линию фронта. Среди прочих лежит и доклад товарища Рейно В. Косунена «О работе парторганизаций в Хельсинки и Куопио». Заканчивается отчет следующим самокритичным замечанием:

«Мы, члены партии, не были на уровне международных событий в то время, когда началась новая война. За две недели до начала войны между Германией — Советским Союзом и Финляндией (так в тексте. — М.С.) я получил от руководства партии доклад об оценке положения, т.к. я должен был выехать в партийную командировку в Коркила.

Доклад содержал следующее:

1. Война продолжается и распространяется. Это не молниеносная война.

2. В положении Финляндии не ожидается изменений до осени (подчеркнуто мной. — М.С.), таким образом война пока не ожидается.

Мы, значит, не готовились к войне раньше, чем осенью».

Способность к самокритике украшает человека — но в данном случае товарищ Косунен несправедлив к себе и неназванным «членам партии». Партия эта управлялась не из Хельсинки, а из Москвы. Никаких других «оценок положения», кроме тех, что поступали от московского руководства, финские товарищи выработать не могли (да и не имели права). И если финские коммунисты готовились к войне, которая начнется «не раньше

осени», то эту мысль им подсказали не случайно. Не случайно и то, что дата предполагаемого начала войны названа с некоторым запаздыванием — продуманная дезинформация рядовых исполнителей является важным и общепринятым приемом сокрытия подлинной информации...

Строго говоря, на этом краткий обзор трех планов Сталина можно считать завершённым. Подробная детализация и уточнение важных деталей станут возможными лишь с расширением источниковой базы. С другой стороны, самое важное доподлинно известно уже сейчас — ни один из этих планов так и не был реализован.

В июне 1941 г. фактически еще только-только начинавшееся стратегическое развертывание Вооруженных сил СССР было прервано гитлеровским вторжением. Не завершившие от мобилизации войска, разбросанные на огромных пространствах, не успевшие построить ни запланированные наступательные, ни импровизированные оборонительные группировки, подверглись сокрушительному удару вермахта и фактически были разгромлены по частям. И лишь огромные размеры этих «частей», колоссальные людские ресурсы (во втором полугодии 1941 г. в Красную Армию было призвано 11 790 тыс. человек), циклопические горы оружия, накопленного в предвоенные годы, мощная, географически не доступная для немецкой авиации оборонная промышленность позволили избежать полного поражения.

Есть, однако, еще один вопрос, еще одна историческая проблема, безо всякого преувеличения заслуживающая названия «тайна июня 41-го». Проблема заключается в том, что в последние мирные дни (ориентировочно с 13 по 22 июня 1941 г.) высшее военно-политическое руководство СССР совершало действия (или не менее удивительные бездействия), абсолютно неадекватные сложившейся обстановке. Или мы имеем дело с проявлением безумия, приступом временной невменяе-

мости товарища Сталина (что, к слову говоря, вполне допустимо — история переполнена примерами безумных поступков сильных мира сего), или в те дни вступил в действие некий, пока еще никем толком не дешифрованный, «план Сталина № 4».

В чем конкретно состояли эти «неадекватные действия и бездействия»?

Для Гитлера момент перехода от стадии скрытного «подкрадывания» к последнему решительному рывку наступил 6—10 июня 1941 г.. В эти дни началась погрузка в идущие на восток железнодорожные эшелоны танковых и моторизованных дивизий вермахта (до этого момента у западных границ СССР накапливалась пехота, постепенно нарастающая концентрация которой не давала еще оснований для однозначных выводов о целях немецкого командования). 14—20 июня механизированные соединения прибывали на станции выгрузки в 100—150 км от границы и походными колоннами двигались в исходные для наступления районы.

Танковая дивизия вермахта — это в среднем 200 танков и более 2,5 тыс. колесных и гусеничных машин, транспортеров, тягачей и броневиков. Походная колонна танковой дивизии — это грохочущая, поднимающая пыль до неба «стальная лента» протяженностью в несколько десятков километров. Да и не одна дивизия шла к советским границам. Так, на узкой (примерно 35x35 км) полоске «Сувалкского выступа» (на стыке границ Восточной Пруссии, Литвы и Белоруссии) во второй декаде июня сгрудились четыре танковые (20-я, 7-я, 12-я, 19-я) и три моторизованные (14-я, 20-я, 18-я) дивизии вермахта. И это в дополнение к девяти пехотным (26-я, 6-я, 35-я, 5-я, 161, 28-я, 8-я, 256-я, 162-я).

В те же самые дни происходило широкомасштабное перебазирование авиагрупп люфтваффе на приграничные аэродромы. Так, две самые крупные истребительные эскадры (авиадивизии) 2-го Воздушного флота (JG 53 и JG 51) перелетели на аэродромы оккупированной Польши, соответственно, 12—14 и 13—15 июня 1941 г. На аэродромном узле Сувалки (и близлежащих поле-

вых аэродромах) базировались четыре группы (полка) пикирующих «Юнкерсов», пять истребительных авиагрупп и две штурмовые (ZG) группы, оснащенные двухмоторными Me-110. Не заметить такую концентрацию сил противника в полосе 30—50 км от границы советская разведка не могла. Еще труднее было ошибиться в оценке задачи, которую поставило немецкое командование перед войсками, сосредотачиваемыми на узких пятках, вдающихся в советскую территорию на стыке военных округов/фронтов.

По здравой логике, по основополагающим азам военной науки и в соответствии с многолетним практическим опытом в подобной ситуации военно-политическое руководство СССР должно было незамедлительно принять два взаимосвязанных решения: 1. начать полномасштабную мобилизацию (т.е. призвать плановое количество резервистов, изъять из народного хозяйства и передать в распоряжение армии сотни тысяч автомашин и десятки тысяч тракторов, разбронировать мобилизационные запасы военного имущества) и 2. начать операцию прикрытия мобилизации сосредоточения и развертывания.

Именно эти два решения и представляют собой конкретное практическое содержание того, что на быденном языке называется «привести войска в состояние полной боевой готовности».

Однако ни того, ни другого сделано не было.

Советский Союз, эта предельно милитаризованная тоталитарная империя, которая на протяжении многих лет готовилась к Большой Войне с немыслимым для ее соседей размахом, оказалась единственным из числа участников Второй мировой войны (имея в виду крупные европейские государства, а не латиноамериканские банановые республики), который не провел полномасштабную мобилизацию вооруженных сил до начала боевых действий. Более того — открытая мобилизация в СССР была начата даже не в день начала войны, а на второй день — 23 июня 1941 г. Это абсолютно невозможная, невероятная ситуация. Такого не было нигде:

Германия и Польша, Франция и Финляндия, Румыния, Италия и Бельгия — все эти страны начали мобилизацию за несколько дней или даже за несколько недель до начала войны. Единственным исключением из правил оказался Советский Союз.

Мобилизационные мероприятия первого дня мобилизации были расписаны по часам. Каждый час задержки дарил противнику дополнительные преимущества. И тем не менее Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил:

«На основании статьи 49 пункта «Л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета объявляет мобилизацию на территории военных округов — Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года».

Это — полный текст Указа. От начала и до конца. Объявление мобилизации с 23 июня есть действие настолько невероятное, что авторы многих исторических книг, без долгих рассуждений, датой начала мобилизации называют «естественное и понятное всем» 22 июня...

Примечательная деталь — маршал Жуков, отчетливо понимающий всю абсурдность ситуации НЕобъявления мобилизации в день начала войны, начинает выдумывать (и это выражаясь предельно вежливо) в своих мемуарах такую историю:

«...С.К. Тимошенко позвонил И.В. Сталину и просил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. И.В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов (странно, что ранним утром 22 июня могло быть более важным

для пресловутого «Политбюро», нежели доклад руководства вооруженных сил? — М.С.)... *Короткий путь от наркомата до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Нас встретил А.И. Поскребышев и сразу проводил в кабинет И.В. Сталина...*»

Сколько времени могла занять эта поездка «на предельно большой скорости» от одного здания в центре Москвы до другого? Если бы свидетельство Жукова было правдой, то Поскребышев открыл бы перед Тимошенко и Жуковым дверь в кабинет Хозяина примерно в 9 часов 20 минут. Больше 20 минут и не надо для того, чтобы доехать от дома к дому, предъявить документы охранникам и подняться бегом по лестнице. Увы, «Журнал посещений» молча, но твердо уличает Жукова во лжи: в кабинет Сталина и он, и маршал Тимошенко вошли в 14.00. В два часа пополудни. Машины «мчались» пять часов... Фактически совещание военных в кабинете Сталина началось в 14.00, и в 16.00 Тимошенко, Жуков, Кулик, Ватутин и Шапошников вышли из кабинета Сталина. Телеграмма об объявлении мобилизации была подписана наркомом обороны и сдана на Центральный телеграф Министерства связи в 16 ч. 40 мин. 22 июня 1941 г.

«Мобилизация — это война». Комплекс мобилизационных мероприятий настолько велик, что скрыть от противника начавшуюся мобилизацию не удастся (в случае же объявления Указа Президиума ВС о «скрытности» мобилизации и говорить-то не приходится). Объявление (или фактическое начало) мобилизации может подтолкнуть противника к началу военных действий. Такая угроза вполне реальна. Именно по этой причине во всех без исключения планах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР, равно как и в планах оперативного развертывания войск военных округов, было предусмотрено проведение на начальном этапе операции по прикрытию мобилизации и сосредоточения.

В период с 5 по 14 мая 1941 г. в округа была направлена Директива наркома обороны на разработку полно-

ценных планов прикрытия, и эта работа была завершена в конце мая — начале июня 1941 г. Планы прикрытия существовали, они были детализированы до уровня армий, корпусов и дивизий и хранились в штабах в знаменитых «красных пакетах». Дело оставалось за малым — планы прикрытия надо было достать из сейфа и ввести в действие.

И вот тут-то возникает большая проблема. В отличие от часового на посту (который не только имеет право, но и обязан принять решение на применение оружия самостоятельно, не дожидаясь никаких руководящих указаний сверху) ни один командир не имел права начать проведение операции прикрытия без прямого приказа вышестоящего начальника. На «вершине пирамиды», на уровне командования военных округов/фронтов планы прикрытия заканчивались следующей фразой: *«План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписью наркома обороны СССР, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года».*

Но эти четыре слова так и не были произнесены. Вместо короткой, заранее оговоренной фразы («ввести в действие план прикрытия») поздним вечером 21 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков (а по сути дела — Сталин) отправили в округа целое сочинение, вошедшее в историю под названием «Директива № 1». Вот ее полный текст:

«1. В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Обсуждение и анализ смысла этого текста продолжится уже более полувеска. Одни утверждают, что главное в Директиве — требование «не поддаваться на провокации». Другие резонно возражают, указывая на фразу «встретить возможный удар немцев». Третьи справедливо указывают на явную двусмысленность Директивы: как можно «встретить удар немцев», не проводя при этом «никаких других мероприятий», кроме рассредоточения и маскировки? Как можно привести в «полную боевую готовность» неотмобилизованные, не укомплектованные по штатам военного времени войска? Как в условиях жесточайшего дефицита времени командующие округами должны различить «провокационные действия» от «внезапного удара немцев»?

Вплоть до самых последних минут мирного времени Москва так и не отдала прямой и ясный приказ о введении в действие плана прикрытия.

В показаниях командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова (протокол первого допроса от 7 июля 1941 г.) события ночи 22 июня описаны следующим образом:

«...В час ночи 22 июня с. г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета кор-

пусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?» Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге: по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувалкский выступ или непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения.

На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». На этом разговор закончился...

Итак, в дополнение к сотням других донесений, которые поступали в Генеральный штаб Красной Армии, командующий войсками приграничного округа сообщает, что противник снял проволоку заграждений и к границе непрерывно идут колонны танков и мотопехоты. Связь между Минском и Москвой есть, и она устойчиво работает. Приказ наркома — не паниковать. При этом Тимошенко высказывает предположение о том, что утром 22 июня «может случиться что-то неприятное». Неужели такими словами маршал и нарком обороны обозначил возможное нападение 3-миллионной немецкой армии?

«...В 3 часа 30 мин народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил — что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны...»

Еще раз отметим, что связь устойчиво работает, командующие в Москве, Минске, Гродно, Белостоке и Кобрине не спят, по другую сторону границы приказ о наступлении уже более 12 часов назад доведен до сведения трех миллионов солдат и офицеров вермахта (что

должна была бы зафиксировать и советская военная разведка). Но нарком обороны упорно не желает произнести четыре заветные слова: «Вести в действие план прикрытия». Впрочем, в 3 часа утра 22 июня такой приказ уже мало что мог бы изменить...

Существуют два описания реакции товарища Сталина на сообщение о немецком вторжении. Оба они принадлежат одному человеку — маршалу Жукову. На протяжении многих лет хрестоматийно-известным был следующий текст:

«...Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия.

И.В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И.В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. И.В. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... — ответил С.К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И.В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом.

— *Надо срочно позвонить в германское посольство, — обратился он к В.М. Молотову.*

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В.М. Молотову...»

Как только в начале 90-х годов приоткрыли свои тайны некоторые архивные фонды, стали очевидны многочисленные «ошибки» в этом отрывке из «Воспоминаний и размышлений» Жукова. Совещание в кабинете Сталина началось не в 4.30, а в 5.45. К этому моменту посол Шуленбург уже передал Молотову официальное заявление германского правительства с объявлением войны, соответственно, «срочно звонить в германское посольство» было уже незачем. В кабинете Сталина (не считая военных) собралось не все Политбюро, а ровно два его члена: Молотов и Берия. Был там, правда, еще один человек, которого Жуков не упомянул и которому, судя по его формальному статусу, на совещании такого уровня и с такой повесткой присутствовать не полагалось: нарком Госконтроля товарищ Мехлис. Причем — что еще более удивительно — за последние 12 часов Мехлис оказался в кабинете Сталина дважды — вечером 21 июня он присутствовал (участвовал?) в обсуждении «Директивы № 1» и вышел из кабинета вместе со всеми военными (Тимошенко, Жуковым, Буденным) в 22.20.

Есть и вторая версия. За много лет до написания мемуаров, 19 мая 1956 г. Г.К. Жуков составил и передал для утверждения Н.С. Хрущеву проект своего доклада на Пленуме ЦК КПСС. Пленум, на котором предполагалось дать жесткую оценку «культу личности», так и не состоялся, и текст произнесенной речи Жукова пролежал в архивном заточении без малого полвека. Описание событий утра 22 июня 1941 г. во многом совпадает с мемуарным, но есть там и несколько важных отличий:

«...Мы с тов. С.К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную

трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий (подчеркнуто мной. — М.С). Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть Вам и Тимошенко». Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня...»

Эта версия значительно точнее — и по хронологии, и по названным участникам совещания (член Главного Военного совета Г. Маленков был утром 22 июня в кабинете Сталина, правда, появился он там лишь в 7.30). Следует отметить и то важное обстоятельство, что свой доклад на Пленуме товарищу Жукову предстояло произнести в присутствии живого свидетеля событий — весной 1956 г. Молотов был еще членом ЦК. Это дополнительная причина поверить в большее правдоподобие данной версии, в соответствии с которой Сталин не просто расценил произошедшее как «провокацию немецких военных», но и прямо запретил ответные действия!

Почти точно указан и момент времени, в который войскам разрешили отвечать огнем на огонь. Директива № 2 была отправлена в западные округа в 7.15. Составлена она была в следующих выражениях:

«22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.»

В связи с неслыханным по наглости нападением со

стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫ-ВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Ни по форме, ни по содержанию Директива № 2 абсолютно не соответствует уставным нормам составления боевых приказов. Есть стандарт, и он должен выполняться. Этот стандарт был установлен не чьими-то литературными вкусами, а ст. 90 Полевого Устава ПУ-39 («Первым пунктом приказа дается сжатая характеристика действий и общей группировки противника... Вторым пунктом указываются задачи соседей и границы с ними. Третьим пунктом дается формулировка задачи соединения и решение командира, отдающего приказ... В последующих пунктах ставятся частные задачи (ближайшие и последующие) подчиненным соединениям...»).

С позиции этих уставных требований Директива № 2 есть не более, чем эмоциональный (если не сказать — истерический) выкрик. Обрушиться и уничтожить — это не боевой приказ. Где противник? Каковы его силы? Какими силами, в какой группировке надо «обрушиться»? На каких направлениях?

На каких рубежах? С какой стати главной задачей ВВС стало «разбомбить Кенигсберг и Мемель» (Клайпе-

ду)? И с каких это пор в боевом приказе обсуждается «неслыханная наглость противника»?

Совершенно неуместная в секретном боевом приказе эмоциональная взвинченность Директивы № 2 выглядит особенно странно на фоне отстраненно-холодного стиля и слога Указа Президиума ВС с объявлением мобилизации.

В тексте судьбоносного Указа (а он и на самом деле определил судьбы миллионов людей) нет даже малейших упоминаний об уже состоявшемся вторжении немецких войск, о вероломном нападении врага, о священном долге защитников Родины...

Странные и загадочные события последних предвоенных дней не могли не привлечь к себе внимание историков и журналистов. На эту тему написаны уже сотни статей и книг. Первой по хронологическому порядку была выдвинута потрясающая по своей абсурдности версия о том, что товарищ Сталин был не доверчивый, а супердоверчивый. Наивный и глупый. Воспитанница института благородных девиц, краснеющая при виде голых лошадей на улице, могла бы считаться «гением злодейства» по сравнению с этим простодушным дурачком. Оказывается, Сталин любовно разглядывал подпись Риббентропа под Пактом о ненападении вместо того, чтобы привести войска в «состояние полной готовности»...

Затем эту версию несколько видоизменили и «усовершенствовали». Нет, Риббентропу наш тиран не поверил, он просто растерялся и впал в прострацию. Для пущей важности был вызван израильский профессор Г. Городецкий (он, к слову говоря, не репатриант из бывшего СССР, а урожденный израильтянин), который в книге с восхитительным названием: «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии» без тени иронии написал такое:

«Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением... Сталин, по-видимому, знал прочь любую

мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован...»

Немногим уступали «иностранным консультантам» и местные кадры. Один товарищ написал дословно следующее: *«Ожидая в случае войны скорого поражения, а для себя лично — гибели, Сталин, вероятно, счел сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготавиться к бою вовремя... В первые дни войны он выпустил из рук руководство, совершенно не принимая участия ни в каких делах...»*

Эта потрясающая по силе «рокового самообмана» (хотя в данном случае, скорее всего, надо говорить не о самообмане авторов, а о целенаправленном обмане окружающих) версия не смогла пережить первой же встречи с тем массивом документов и фактов, который открылся в первой половине 90-х годов. Сегодня уже не вызывает ни малейших сомнений то обстоятельство, что весной 41-го Сталин вовсе не был парализован, растерян и испуган до умопомрачения. Он не только не «гнал прочь любую мысль о войне», а готовился к ней с предельным напряжением сил. Начиная со второй декады июня в обстановке глубочайшей секретности начали осуществляться мероприятия, которые невозможно интерпретировать иначе, как подготовку к войне. К войне, которая должна начаться не в каком-то «обозримом будущем», а в самые ближайшие дни и часы.

Наиболее значимым фактом является создание фронтовых управлений и вывод их на полевые командные пункты. В мирное время фронты в составе Красной Армии никогда не создавались (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить как раз примером «исключения, подтверждающего правило» — граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). И, напротив, фронтовые управления создавались перед каждым «освободительным походом» (11 сентября 1939 г. — за шесть дней до вторжения в Польшу, 7 января 1940 г. — после того, как «триумфальный марш на Хельсинки» превратился в настоя-

щую войну, 9 июня 1940 г. — за двенадцать дней до оккупации Бессарабии и Северной Буковины). Формирование на базе войск округов действующих фронтов, вывод штабов фронтов из окружных центров (Риги, Минска, Киева, Одессы) на полевые командные пункты, начавшийся 19 июня 1941 г., — это непосредственная подготовка к близкой и неизбежной войне.

Не менее показательны и другие решения и действия советского командования, однозначно свидетельствующие о напряженной подготовке к боевым действиям, которые должны начаться в самые ближайшие дни. Вот, например, какие приказы и распоряжения отдавались командованием Прибалтийского Особого военного округа:

Приказ № 0052 от 15 июня 1941 г.

«...Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчетом, чтобы в течение трех часов минное поле было установлено... Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно... С первого часа боевых действий (здесь и далее выделено мной. — М.С.) организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... Самолеты на аэродромах рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках, не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету. Парки танковых частей и артиллерии рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который полностью выполнить к 25 июня с. г.»¹.

¹ «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» № 34. М., Воениздат, 1953. С. 11—12.

Приказ № 00229 от 18 июня 1941 г.

«... Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... К 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района (ПВО)... Не позднее утра 20.6.41 г. на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к утру 20.6.41 г. по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи... Определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41 г.... Создать на тельзийском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной, противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Готовность отрядов 21.6.41 г. План разрушения мостов утвердить военным советам армий. Срок выполнения 21.6.41 г. Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения 21.6.41 г.»¹

В тот же день, 18 июня командир упомянутого выше 12-го мехкорпуса генерал-майор Шестопалов отдал приказ № 0033. Приказ увенчан наивысшим грифом секретности («особой важности, совершенно секретно»), что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Начинается приказ № 0033 такими словами: «С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия

¹ «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» № 34. М., Воениздат, 1953. С. 22—25.

по боевой тревоге, по самой тревоге не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя». Дальше идет указание начать в 23.00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в глухих лесах¹.

Строго говоря, ничего удивительного в этих и других, подобных им, документах нет. Разумеется, в последние мирные дни июня 41-го Сталин гнал не «мысли о войне», а в максимальном темпе завершал последние приготовления к началу войны. Удивительно лишь то, что это приходится доказывать как некое «сенсационное открытие». Невероятным и почти необъяснимым является другое: буквально за 1—2 дня до фактического начала войны в войсках западных приграничных округов начали происходить события, которые трудно охарактеризовать иначе, как **преднамеренное снижение боевой готовности!**

Факты подобного рода разбросаны главным образом по мемуарной литературе и поэтому могут вызвать определенное недоверие. И тем не менее, нельзя более игнорировать многочисленные свидетельства участников событий. Есть многочисленные сообщения о случаях отмены ранее отданных приказов о повышении боевой готовности, о неожиданном объявлении выходных дней, об отзыве зенитной артиллерии приграничных частей на тыловые полигоны. Заслуживает внимания и «большой театральный вечер», состоявшийся 21 июня 1941 г. Известно, что командование Западного ОВО провело вечер 21 июня в минском Доме офицеров, на сцене которого шла комедия «Свадьба в Малиновке». Все, кто писал об этом, громко возмущались «близорукостью беспечностью» командующего округом. Однако даже самый беглый просмотр мемуарной литературы позволяет убедиться в том, что вечером 21 июня в «культпоход» отправился не один только генерал армии Павлов.

¹ «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» № 33. М., Воениздат, 1952. С. 23—24.

«...В субботу, 21 июня 1941 года, к нам, в авиагарнизон, из Минска прибыла бригада артистов во главе с известным белорусским композитором Любаном. Не так часто нас баловали своим вниманием деятели театрального искусства, поэтому Дом Красной Армии был переполнен...»

«...В субботу 21 июня сорок первого года в гарнизонном Доме Красной Армии, как и обычно, состоялся вечер. Приехал из округа красноармейский ансамбль песни и пляски. После концерта, по хлебосольной армейской традиции, мы с командиром корпуса генерал-лейтенантом Дмитрием Ивановичем Рябышевым пригласили участников ансамбля на ужин. Домой я вернулся лишь в третьем часу ночи...»

«...21 июня заместитель командира 98-го дальнебомбардировочного авиаполка по политчасти батальонный комиссар Василий Егорович Молодцов пригласил меня на аэродром Шталово, где в местном Доме Красной Армии должен был состояться вечер художественной самодеятельности...»

«...Вечером 21 июня мы всей семьей были в театре. Вместе с нами в ложе находился начальник политотдела армии, тоже с семьей...»

«...У меня есть одно приятное предложение: в восемь часов на открытой сцене Дома Красной Армии состоится представление артистов Белорусского театра оперетты — давайте посмотрим...»

—С удовольствием, — согласился я. — Надеюсь, спектакль минской оперетты будет не хуже, чем концерт артистов московской эстрады в Бресте, на который поехали Шлыков с Рожковым...»

Генерал армии С.П. Иванов (в первые дни войны — начальник оперативного отдела штаба 13-й армии Западного фронта) в своих мемуарах даст очень интересное объяснение таким действиям советского командования:

«...Сталин стремился самим состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гит-

леру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность (странное, однако же, стремление для того, кто готовится к обороне. — М.С.). Причем делалось это, что называется, в самом натуральном виде. Например, зенитные части находились на сборах... В итоге мы, вместо того чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили ее до крайне низкой степени...»

Загадочные события последних предвоенных дней можно, на мой взгляд, объяснить, связать в некую логическую цепочку в рамках следующей версии. Сразу же оговорюсь — прямых документальных подтверждений этой версии у меня нет (да и трудно поверить в то, что они когда-либо будут найдены). Тем не менее гипотеза эта заслуживает обсуждения хотя бы уже потому, что позволяет рационально объяснить многие из перечисленных выше, внешне противоречивых и невероятных фактов.

Итак, предположим, что слово «провокация», которое на все лады повторяется и в мемуарах Жукова, и в приказах Сталина, появилось совсем не случайно. И нарком обороны Тимошенко совсем не случайно предупредил командующего Западным фронтом Д.Павлова о том, что *«сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите»*. Сталин, Тимошенко, Жуков абсолютно точно знали, что, в воскресенье 22 июня 1941 г. *«нападение может начаться с провокационных действий»*. Знали потому, что они сами это нападение и эту провокацию подготовили.

Секретных планов Гитлера на столе у Сталина никогда не было, но фактическая передислокация немецких войск отслеживалась советской агентурой, авиационной и радиоразведкой достаточно подробно. На основе этой информации строились вполне реалистичные оценки вероятных планов противника. В июне 1941 г. советская разведка зафиксировала начавшееся оперативное развертывание ударных группировок вермахта у границ

СССР. Из этого факта были сделаны правильные выводы — Гитлер готовит вторжение, которое произойдет летом 1941 года, в самые ближайшие недели или даже дни. Роковая ошибка была допущена лишь в определении времени, которое потребуется немецкому командованию для завершения сосредоточения войск, и соответственно, в установлении даты возможного начала вторжения.

Менять общий стратегический замысел начальных операций войны Сталин не стал. Он так долго, так настойчиво, так тщательно готовил свой «блицкриг», что ему очень не хотелось ломать план войны, которая должна была начаться сокрушительным внезапным ударом по противнику. Сталин действительно «гнал от себя всякую мысль» — но не мысль о войне (ни о чем другом он уже и не думал), а о том, что Гитлер в самый последний момент сумеет опередить его. Поэтому после долгих и, можно предположить, мучительных раздумий, после многократных совещаний с военным руководством (в июне 41-го Жуков и Тимошенко были в кабинете Сталина семь раз: 3-го, 6-го, 7-го, 9-го, 11-го, 18-го, 21-го числа — причем в иные дни военные приходили к Сталину дважды и обсуждение затягивалось на четыре часа) решено было еще раз изменить срок начала операции в сторону приближения. Вероятно, предполагалось начать наступление Красной Армии в последних числах июня 1941 г. В рамках этого плана (условно назовем его «план № 4») днем начала открытой мобилизации был установлен понедельник, 23 июня 1941 г.

Решение о начале открытой всеобщей мобилизации в понедельник было вполне логичным. В Советском Союзе центром жизни было рабочее место. Завод. Именно там концентрировались «призывные контингенты», именно там утром 23 июня 1941 г. должны были состояться «стихийные митинги» трудящихся, на которых будет объявлен заранее подготовленный Указ Президиума ВС СССР об объявлении мобилизации. Именно потому, что текст Указа готовился заранее, в нем и не было ни ма-

лейших упоминаний о гитлеровском вторжении и фактически начавшейся войне.

Но товарищ Сталин был мудр, и он понимал, что одного только Указа Президиума будет мало. Особенно после того, как на протяжении двух лет сталинская пропаганда объясняла трудящимся, что призывать к *«войне за уничтожение гитлеризма, прикрываемой фальшивым флагом борьбы за демократию»* (речь В. Молотова на сессии Верховного Совета СССР от 31 октября 1939 г.) могут только враги народа, подлые наемники англо-американских поджигателей войны. Разумеется, Сталин ни на секунду не усомнился в покорности воспитанного им народа, но одной покорности для такого дела, которое он замыслил, было недостаточно. Нужна была «ярость благородная», сжигающая сердца. Проще говоря, нужно было организовать и провести крупномасштабную кровавую провокацию.

В качестве конкретного содержания такой провокации была избрана инсценировка бомбового удара немецкой авиации по советскому городу (городам). Предшествующий дню начала мобилизации воскресный день 22 июня 1941 г. как нельзя лучше подходил для осуществления задуманного. Для получения максимально возможного числа жертв среди мирного населения бомбардировка днем в воскресенье была оптимальным вариантом: теплый солнечный выходной день, люди отоспались после тяжелой трудовой недели и вышли на улицы, в сады и скверы, погулять с детьми... Технические возможности для инсценировки были: еще в 40-м году в Германии были закуплены два бомбардировщика «Дорнье-215», два «Юнкерса-88» и пять многоцелевых Me-110, не говоря уже о том, что на высоте в 5—6 км никто, кроме специалистов высшей квалификации, и не распознал бы силуэты самолетов.

У товарища Сталина были твердые представления о том, в каких именно формах должна проявляться «неизменно миролюбивая внешняя политика» Советского Союза. Эти представления он с неумолимой настойчивостью «Терминатора» проводил в жизнь. Все должно бы-

ло быть «правильно». Советский Союз не мог напасть на Финляндию. Красная Армия должна была пресечь провокации белофинской военщины, которая предательски обстреляла советскую территорию в районе поселка Майнила. В июне 41-го предстояло начать войну неслыханно большего масштаба, соответственно, и очередная «предвоенная провокация» должна была быть гораздо более заметной и кровопролитной.

Чрезвычайно важно отметить, что первая часть, первый шаг Большой Инсценировки состоялась в реальности. Это не гипотеза. Это факт. 13 июня 1941 г. было составлено и 14 июня опубликовано знаменитое Сообщение ТАСС. Да-да, то самое:

«...ТАСС заявляет, что, по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...»

За этим, первым, этапом должен был неизбежно последовать второй: инсценировка бомбардировки немецкими самолетами советских городов. В ответ на миролюбивейшее заявление ТАСС — бомбы в солнечный воскресный день. Вероломное и подлое убийство мирных советских граждан. Трупы убитых женщин и детей на свежей зелени парков и скверов. Белоснежный голубь мира — с одной стороны, черные вороны — с другой. И вот только после всего этого — всеобщая мобилизация. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Грубо? Излишне нарочито? Да, но именно такой «фасон и покрой» любил товарищ Сталин. Грубо, нелепо, неряшливо «сшитые» провокации. В ходе открытых «московских процессов» 36-го года обвиняемые призна-

вались в тайных встречах с давно умершими людьми, каковы «встречи» якобы происходили в давно снесенных гостиницах. Главой «народного правительства демократической Финляндии» был объявлен секретарь Исполкома Коминтерна, член ЦК ВКП (б) «господин Куусинен», безвылазно живущий в Москве с 1918 года. *«Ювелирная точность бегемота»* (А.И. Солженицын). И ничего. Трудящиеся в ходе стихийных митингов горячо одобряли и всецело поддерживали...

Гипотеза о назначенной на 22 июня провокационной инсценировке не только соответствует общему стилю сталинских «освобождений», но и позволяет объяснить сразу несколько наиболее «несобъяснимых» фактов кануна войны.

Прежде всего, становятся понятными те действия по демонстрации благодушия и беспечности, которые происходили 20—21 июня. Для большего пропагандистского эффекта провокации бомбы должны были обрушиться на советский город в мирной, внешне совершенно спокойной обстановке. В босвых частях — выходной день. Командование наслаждается высоким театральным искусством, рядовые бегают комсомольские кроссы и соревнуются в волейбольном мастерстве. Мы мирные люди, а наш бронепоезд ржавеет на запасном пути... Кроме пропагандистского эффекта, понижение боеготовности и бесконечные заклинания «не поддаваться на провокации» имели и вполне практический смысл: провокационная бомбардировка должна была успешно состояться и ни одного ответного выстрела по сопредельной территории не должно было прозвучать.

Становится понятным и неожиданное появление Мехлиса в сталинском кабинете вечером 21-го и ранним утром 22-го июня — начиная с 1924 года этот человек был рядом со Сталиным, выполняя роль особо доверенного порученца по тайным и грязным делам.

Наконец, становится психологически понятной реакция Сталина на сообщение о начале войны (а если быть совсем точным — на сообщение о начавшихся на рассвете 22 июня бомбовых ударах немецкой авиации).

Сталин был потрясен, ошеломлен и едва не лишился дара речи — а как могло быть иначе? Поверить в такое невероятное совпадение было невозможно. Это же все равно, что во время дуэли попасть пулей в пулю противника! Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда...

Марк Твен как-то сказал: *«Правда удивительнее вымысла, потому что вымысел должен держаться в пределах вероятного, а правда — нет»*. Изложенная выше версия событий июня 41-го достаточно невероятна для того, чтобы в конечном итоге оказаться правдой.

Владимир Бешанов
МИФ О НЕГОТОВНОСТИ

Во времена моей юности не было в истории ничего более скучного, чем история Великой Отечественной войны Советского Союза. В любом ее варианте на авансцене стояло бесконечно мудрое партийное коллективное руководство, которое отчего-то ассоциировалось с погребенным под килограммами орденов брежневско-сусловским Политбюро ЦК КПСС. На втором плане блистала маршальскими и геройскими звездами когорта воспитанных партией, непогрешимых советских полководцев, опирающихся «на единственно научную теорию познания — марксистско-ленинскую методологию» и благодаря этому освоивших в совершенстве вершины оперативного искусства, в принципе недоступные «реакционным» буржуазным полководцам, вышеозначенным методом не владевшим. Далее сплоченно выступали массово героические труженики фронта и тыла, десятками и сотнями ложившиеся на амбразуры, бросавшиеся под гусеницы танков, все время что-то таранившие, проводившие «дни и ночи у мартеновских печей», и все как один беззаветно преданные делу защиты завоеваний социализма. Где-то на задах выламывался из декорации выпукло зримый, как ни старались его зашпаковать, Верховный Главнокомандующий со своим «культом».

Захлопывая очередной том бесконечно однообразных «воспоминаний», а также «размышлений», я с увлечением окунался в античную историю: деяния Кира Великого, Мильтиада, Кимона или кого-нибудь из двенадцати Цезарей — вот где кипели страсти и настоящая человеческая жизнь.

Пока пятнадцать лет назад Виктор Суворов не бросил в хрустальную витрину булыжник своего «Ледокола».

Суворов до самого дна взбаламутил застоявшееся болото истории Великой Отечественной войны, одновременно поставив тем самым в нелепую позицию целые поколения советских историков. Он замахнулся на «святое», объявив, что разоблаченный съездами и пленумами, но оттого ничуть не менее любимый товарищ И.В. Сталин со свойственной ему тщательностью сам готовил вероломное нападение на Германию, однако Гитлер, как истинный революционер, первым успел ударить противника по черепу. Всего-то.

Казалось бы, что в этом допущении такого уж эрстического? Чему оно противоречит?

Идеологии классиков большевизма, провозгласивших любую войну против «отсталых государств», любого, не понравившегося им соседа оправданной и справедливой?

Моральным принципам товарища Сталина, не признававшего никакой морали, кроме той, которая «способствует делу революции»?

Миролюбивой политике СССР? То-то всю «дружбу» с Гитлером порушили, требуя от него права на оккупацию/освобождение территорий Финляндии, Румынии, Болгарии и Черноморских проливов.

Публикации Суворова развернули в нашем обществе невиданную ранее дискуссию. Сколько авторов благодаря ему сделало себе имя, сочиняя «Антиледоколы» и «Антисуворовы», сколько защищено диссертаций, даже романы написаны, сколько копий сломано!

Как у всякого увлеченного своей идеей автора, в аргументации Суворова есть факты, которые могут показаться притянутыми за уши, другая часть доводов может толковаться двояко. Но если он прав, все аргументы ложатся «в цвет», как укладывались в таблицу Д.И. Менделеева предсказанные им элементы. Притом нельзя забывать, что «Ледокол» написан в тот период, когда большинство наших граждан все германские самоходки считало «фердинандами», а истребители — не-

прменно «мессершмиттами», совершенно нереальным делом было найти справочник по немецкой или советской военной технике. Зато теперь, спасибо Суворову, мы так много узнали о колесно-гусеничных и прочих танках. Для ради нас, чтобы хоть как-то уконтропуть «перебешчика Резуна», рассекретили сугубо тайную индексацию, присваиваемую мирным советским «паровозам» и «сеялкам» с вертикальным взлетом. Теперь любой желающий может убедиться, что не было никакого автострадного танка, а все рассуждения о нем — это «большая ложка маленького человечка». Где же прятались эти просветители раньше? Ждали очередного постановления партии об исторической науке?

Когда генерал армии И.А. Плиев врал советским читателям о том, на какой срундовой ленд-лизовой технике приходилось ему воевать — крайне ненадежных «английских танках «Шерман», представлявших собой «братскую могилу на четверых», никто не бросался объяснять, что американский «Шерман» с экипажем из пяти человек был одним из лучших и надежнейших танков Второй мировой войны, никто не обвинил усмирителя Новочеркасска в военной безграмотности. Понятное дело — «большой человек», сам своих мемуаров не писал и не читал, танки терял бессечно, разве все типы запомнишь, займут, чего доброго, всю генеральскую память.

Суворов внятно ответил на вопросы, которые было бессмысленно задавать нашим «корифеям»: все равно ответ получишь дурацкий. Например, почему немцы оказались под Москвой? А это Иосиф Виссарионович, «величайший вождь и полководец», специально их туда заманил, — объяснял генерал П.А. Жилин, заслуженно возглавивший Институт военной истории, — в рамках сталинского учения о контраступлении, чтобы тем вернее «загубить» лучшие силы германской армии. И под Сталинград тоже «гениально заманил», — вторил А.М. Самсонов и не прогадал, вышел в академики. Опять же, никто не сказал, что от сих теорий за версту несет продажностью и холопством — как не понять,

«время было такое». Впрочем, для придворных лизоблюдов, считающих своим священным долгом учить нас «патриотизму», оно всегда было подходящим.

Чтобы опровергнуть Суворова и положить «конец глобальной лжи», было опубликовано столько архивных документов, что, как говорится, вам и не снилось все предыдущие сорок лет. Только за это я готов снять перед Владимиром Богдановичем шляпу, если бы когда-нибудь ее носил.

И, главное, все «Антиледоколы», повествующие о паническом страхе Сталина перед германской агрессией или разбирающие до винтиков устройство различных танков и самолетов, ничего, по сути, не опровергли. Допустим, не было «автострадных танков». В них ли дело?

Развитие РККА в 1939—1941 гг. было фактически скрытым мобилизационным развертыванием, которое должно было привести к созданию армии военного времени численностью в 8,9 миллиона человек.

Большая часть запланированных сил уже была сформирована или заканчивала формирование к лету 1941 г.

Первый эшелон, в который входили 114 дивизий, укрупрайоны на новой границе, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС и 34 артполка РКГ, должен был завершить отмобилизование в течение 2—6 часов с момента объявления мобилизации. Основная часть войск развертывалась на 10—15-е сутки, полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось на 15—30-е сутки. Главной задачей советских дивизий у границы было прикрытие сосредоточения и развертывания своих войск и подготовки их к переходу в наступление.

8 марта было принято постановление Совнаркома, согласно которому предусматривалось провести скрытое отмобилизование 903,8 тысячи военнотружущих запаса под видом учебных сборов. Эта мера позволила к началу июня призвать 805,2 тысячи человек.

Весной 1941 г. вермахт повернул на юг, на Балканы и Средиземноморье, осуществил десантную операцию

на Крит — репетицию высадки на Британские острова, демонстрировал подготовку в операции «Морской лев».

В апреле началось скрытое стратегическое развертывание Красной Армии, которое должно было составить завершающий этап подготовки к войне.

Именно с апреля, когда вермахт занимался завоеванием Югославии и Греции и ничем не угрожал стране победившего пролетариата, Сталин стал панически опасаться «провокаций». До этого наши военные на них вполне «поддавались», не страшась никаких «осложнений». Например, адмирал Н.Г. Кузнецов рассказывает: «В конце февраля и начале марта немецкие самолеты снова несколько раз нарушили советское воздушное пространство. Они летали с поразительной дерзостью, уже не скрывая, что фотографируют наши военные объекты... Я предложил Главному морскому штабу дать указание флотам открывать по нарушителям огонь без всякого предупреждения. Такая директива была передана 3 марта 1941 г. 17 и 18 марта немецкие самолеты были несколько раз обстреляны над Либавой...

...перечитывая сейчас донесения с флотов, нахожу среди них доклады, и в частности от командующего Северным флотом А.Г. Головки, что зенитные батареи открывают огонь по немецким самолетам, летающим над нашими базами. Кстати говоря, Сталин, узнав о моем распоряжении, ничего не возразил, так что фактически в эти дни на флотах уже шла война в воздухе: зенитчики отгоняли огнем немецкие самолеты, а наши летчики вступали с ними в схватки на своих устаревших «чайках»... Глупо заниматься уговорами бандита, когда он лезет в твой дом.

После одного из таких случаев меня вызвали к Сталину. В кабинете, кроме него, сидел Берия, и я сразу понял, откуда дует ветер. Меня спросили, на каком основании я отдал распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям. Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня. Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение.

Главный морской штаб дал 1 апреля новую дирек-

тиву: «Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки противника на аэродромы».

С апреля 1941 г. начался полномасштабный процесс сосредоточения в западных округах выделенных для войны с Германией 247 дивизий (81,5% наличных сил РККА). После мобилизации резервистов и доведения численности до полных штатов они насчитывали бы свыше 6 миллионов человек, около 70 тысяч орудий и минометов, свыше 15 тысяч танков и 12 тысяч самолетов. С 12 апреля началось выдвижение к западной границе четырех армий, созданных из войск из внутренних округов, готовилось выдвижение еще трех армий, которые должны были завершить сосредоточение к 10 июля. Эти армии, объединявшие 77 дивизий, составляли второй стратегический эшелон. 12—16 июня Генштаб приказал штабам западных округов начать под видом учений скрытное выдвижение вторых эшелонов армий прикрытия и резервов округов, которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20—80 км от границы.

Понятно, что эти приготовления были окружены завесой строжайшей секретности и обеспечивались мощной дезинформационной кампанией. К примеру, из дневников Ф. Гальдера следует, что немцы так и не вскрыли наличие в Белостокском выступе ударной советской группировки (10-я армия) в составе двух стрелковых, одного кавалерийского и двух механизированных корпусов — почти 1500 танков. Да что говорить, если наличие у русских танков Т-34 и КВ, принятых на вооружение в 1939 году, участвовавших в войне с Финляндией, оказалось для немцев сюрпризом.

Режим маскировки распространялся даже на Коминтерн, которому было отказано в публикации воззвания к 1 мая 1941 г. с обстоятельным анализом международного положения на том основании, что это «могло раскрыть наши карты врагу». Вообще в апреле — июне советское руководство вело столь осторожную внешнюю политику, что это дало ряду авторов повод говорить о политике «умиротворения Германии». Дескать, Сталин

боялся Гитлера. Еще круче: «Сталин знал, что весной и летом 1941 г. армия не была готова к войне... Неготовность армии к войне явилась причиной стремления Сталина оттянуть сроки начала войны. В конце концов он убедил себя в том, что войны в 1941 году не будет».

Вот странность: Сталин боялся «спровоцировать» германское нападение и одновременно выдвигал на запад 77 дивизий второго стратегического эшелона, в прямое нарушение секретных договоренностей приказал сформировать 238-ю стрелковую дивизию, «укомплектованную личным составом польской национальности и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе Красной Армии». С какой целью? Для парада в «освобожденной» Варшаве? Это ли не «провокация»?

С чего бы Сталину бояться? Он обладал всей полной информацией о силах вермахта и возможностях германской промышленности. Он имел перед собой цифры. Он знал, что советская боевая техника значительно превосходит германскую количественно и не уступает ей качественно. Он верил, что по боевой выучке красноармейцы и их командиры не уступят германским солдатам и офицерам. Он собирался напасть внезапно, в самый выгодный момент огромными силами. Он прекрасно понимал, что в случае выступления СССР против Германии неизбежно получит в союзники Англию и Соединенные Штаты. Он вполне логично рассуждал, что нападение на Советский Союз — самоубийственная затея, на которую Гитлер никогда не пойдет. Одно только не могло прийти в голову «вождю всех народов» — что Гитлер не считает его серьезным противником, так же как и «непобедимую и легендарную» Красную Армию, и собирается разгромить СССР за четыре недели. Привыкнув играть в свои игры со скулящими «старыми большевиками», ломать волей все преграды, иметь дело с подбострастными ничтожествами, Иосиф Виссарионович дал маху в психоанализе германского фюрера. У Адольфа была своя логика, имелись свои планы, «дух Ильича» на челе Сталина не повергал его в трепет, как Н.И. Бухарина.

Откуда Сталин мог знать о «неготовности армии»? Совсем наоборот.

По свидетельству адмирала Н.Г. Кузнецова: «И.В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на приграничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу».

На приеме в Кремле в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г. вождь уверенно заявил: «Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к политике наступательных действий... Война против Германии неизбежно перерастет в победоносную народно-освободительную войну».

Победы германской армии в Европе советское руководство объясняло слабостью противников, немецким нахальством и численным превосходством. С Красной Армией подобный номер не пройдет: «Все то новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армией, не так уж сложно и теперь воспринято и изучено ее противниками, так же как не является новостью и вооружение германской армии. На почве хвастовства и самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус в дальнейшем улучшению военной техники. Если в начале войны Германия обладала новейшей военной техникой, то сейчас... военно-техническое преимущество Германии постепенно уменьшается». То есть, с точки зрения товарища Сталина, ничего особенного вермахт из себя не представлял.

К середине мая был готов окончательный план будущей войны.

В этом документе прямо была сформулирована мысль о том, что Красная Армия должна «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Таким образом, основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развернутых на границе войск западных округов завершит сосредоточение на театре военных действий сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление.

Поскольку никаких документов по плану «Барбаросса» советской разведке добыть не удалось, задуманная Сталиным война не являлась превентивной. «Величайший стратег всех времен» не верил в германское нападение на Советский Союз и считал, что «для ведения большой войны с нами немцам, во-первых, нужна нефть, и они должны сначала завоевать ее, и, во-вторых, им необходимо ликвидировать Западный фронт, высадиться в Англии или заключить с ней мир». Отсюда делался вывод, что Гитлер двинет вермахт либо на Ближний Восток, либо на Британские острова, но не пойдет на риск затяжной и безнадежной для него войны с «великим и могучим», имея в тылу Англию.

В целом видно, что в советских планах отсутствовала всякая связь действий РККА с возможными действиями противника. Отсюда вырисовывается сценарий начала войны: под прикрытием войск западных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, ведя одновременно частные наступательные операции. Завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее наступление по всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по Южной Польше.

Немецкие войска в советских планах обозначены термином «сосредоточивающиеся», а значит, инициати-

ва начала войны будет исходить полностью от советской стороны, которая первой начинает и заканчивает развертывание войск на театре. Переход в наступление был привязан не к ситуации на границе, а к моменту сосредоточения назначенных сил — это 20-й день начала развертывания.

Войскам ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало «первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин, и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка, река Нарев, Лович, Лодзь, Крецбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь: наступление из района Катовице в северном или северо-западном направлении с целью разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией Южной, Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице...» Для обеспечения мощного первого удара основные силы планировалось развернуть в восемнадцати армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений. В тылу у них развертывались семь армий второго стратегического эшелона, а за ними — еще три армии третьего стратегического эшелона. Роль ударных подвижных группировок должны были сыграть 29 механизированных корпусов, по 1031 танку в каждом, формирование которых началось в июне 1940 г.

К лету 1941 г. Вооруженные силы СССР были крупнейшей армией мира. К началу войны в них насчитывалось 5774,2 тысячи человек, из них в сухопутных войсках — 4605,3 тысячи, в ВВС — 475,7, в ВМФ — 353,8, в погранвойсках — 167,6, во внутренних войсках НКВД — 171,9 тысячи человек. В сухопутных войсках имелось 303 дивизии, 16 воздушно-десантных и 3 стрелковые бригады. Войска располагали 117 581 орудием и минометом, 24 488 самолетами и 25 886 танками. В первой

половине 1941 г. советская промышленность выпускала 100% танков и 87% боевых самолетов новейших типов, завершив переход только на выпуск этих образцов. Ежегодный прирост военной продукции в 1938—1940 гг. составил 39%, втрое превосходя прирост всей промышленной продукции в стране.

Одним словом, Сталин решил первую из важнейших задач: превратил-таки СССР в «базу для дальнейшего развития мировой революции».

20 мая «всесоюзный староста» Калинин заявил: «Капиталистический мир полон вопиющих мерзостей, которые могут быть уничтожены только каленым железом священной войны». В стране раздувался военный психоз, прикормленные трубадуры изнывали от нетерпения: «Когда ж нас в бой пошлет товарищ Сталин?» В общественном сознании формировалось представление о войне как об относительно безопасном и безусловно героическом занятии, закладывалась уверенность, что война начнется, когда мы пожелаем, и закончится, когда мы этого захотим.

27 мая издан приказ о создании полевых фронтовых командных пунктов.

При этом советское руководство знало о сосредоточении у границ Советского Союза германских войск, но, судя по всему, его это не слишком беспокоило. Сталин, а вместе с ним и посвященные в Большой план Тимошенко с Жуковым почти до самого 22 июня верили в оборонительный характер германских мероприятий и продолжали подготовку наступательной операции.

Например, в сводке разведывательного отдела штаба Западного Особого округа от 5 июня 1941 г. отмечали наращивание германских войск у границы. Но в выводах подчеркивалось, что усиление группировки происходит «преимущественно артиллерийскими и авиационными частями», причем одновременно немцы «форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы».

цы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов, завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО». Говорилось также, будто «антивосные настроения в германской армии принимают все более широкие размеры». Подобные донесения, поступавшие в Генштаб, скорее должны были создать убеждение, что вермахт готовится к обороне против возможного советского вторжения, но сам на СССР в ближайшее время нападать не собирается.

18 июня Сталину передали донесение агентов из Германии о дислокации немецких истребителей и назначении будущих глав оккупированных русских земель. Ослепленный захватывающими дух перспективами, Освободитель Европы поставил резолюцию: «Можете послать ваш источник на...»

«Кремлевский горец» не сомневался, что Красная Армия сильнее вермахта и что бояться должен Гитлер. Бояться и, вполне естественно, принимать оборонительные меры против советского вторжения. Маршал Жуков в одном из вариантов бессмертных своих мемуаров так и пишет: «Помню, как однажды в ответ на мой доклад, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и военную разведку, И.В. Сталин сказал: «Они боятся нас». Сам Сталин опасался одного — спугнуть «зверя», и был озабочен лишь одним — до последнего момента сохранить тайну, не раскрыть раньше времени свои планы.

Германское командование в это время было обеспокоено аналогичными проблемами. Так, Геббельс 18 июня (по случайному совпадению, в тот же день, когда была наложена историческая матерная резолюция) записал в дневнике: «Мы соблюдаем во всех вопросах, касающихся России, абсолютную сдержанность... Мы не должны позволить сейчас спровоцировать нас». И никто не делает вывода, что Гитлер боялся. Все понимают, что это — маскировка агрессором своих гнусных намерений.

С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указание вывести фронтовые и армейские

управления на полевые командные пункты. Советская подготовка выходила на финишный этап.

К 22 июня 1941 г. группировка советских войск первого эшелона на западе насчитывала 3088,2 тысячи человек, 57 041 орудие и миномет, 13 924 танка, 8974 самолета. Кроме того, в авиации флотов и флотилий имелось 1769 самолетов. Из состава второго эшелона к этому времени уже прибыли 16 дивизий — 10 стрелковых, 4 танковые и 2 механизированные, в которых насчитывалось 201,7 тысячи человек, 2746 орудий и минометов и 1763 танка.

В западных военных округах было сосредоточено 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7133 самолета. Кроме того, имелось 4 дальнебомбардировочных корпуса и 1 дальнебомбардировочная дивизия — всего 1339 самолетов. С 10 апреля начался переход на новую систему организации авиационного тыла. В апреле в западных округах были сформированы пять воздушно-десантных корпусов. 12 июня создано Управление воздушно-десантных войск. Одновременно шло развертывание тыловых и госпитальных частей. На стационарных складах и базах непрерывно шло накопление запасов.

До дня «М» оставались полторы-две недели.

Можно бесконечно дискутировать на тему, собирался ли Сталин напасть первым. И сторонники, и противники этой версии приводят множество аргументов, которые на самом деле почти ничего не доказывают и ничего не опровергают. Спор зашел в тупик по причине отсутствия документов. Российские архивы продолжают хранить секреты погибшей империи, тайны товарища Сталина. Хотя сам факт того, что оперативные планы Красной Армии на 1941 год до сих пор «не нашлись», наводит на размышления.

Во всяком случае, наши оборонительные мероприя-

тия впечатления не производят. К примеру, из работ бывшего начальника штаба 4-й армии Западного ОВО генерала Л.М. Сандалова следует, что никакой обороны в приграничных районах не строили и обороняться не собирались: «кто решался задавать вопросы об обороне на брестском направлении, считался паникером». Не только на брестском. Ни окружные, ни армейские планы прикрытия создания тыловых фронтовых и армейских линий обороны не предусматривали. Конкретно войска 4-й армии готовились к форсированию Буга и наступлению к Висле. В марте — апреле штаб армии участвовал в окружной оперативной игре на картах. В ходе ее отработывалась фронтовая наступательная операция на Бяла Подляску. Подготовка шла поэтапно во всех командных звеньях. 21 июня прошло штабное учение 28-го стрелкового корпуса на тему: «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды», а на 22 июня было запланировано новое учение: «Преодоление второй полосы укрепленного района». Это — «армия прикрытия», так она собиралась «прикрывать».

Советские планы прикрытия изначально не предусматривали противодействия сосредоточению войск со стороны противника. Так, полное развертывание войск приграничных округов в полосах прикрытия занимало по планам до 15 дней. Причем при нападении противника войска первого эшелона заведомо не успевали бы занять свои полосы обороны на границе. Снова Сандалов: «Взаимное расположение укрепленных районов и районов дислокации войск не обеспечивало в случае внезапного нападения противника своевременного занятия укреплений не только полевыми войсками, но и специальными уровскими частями. Так, например, в полосе 4-й армии срок занятия Брестского укрепленного района был определен округом для одной стрелковой дивизии 30 часов, для другой — 9 часов, для уровских частей — 0,5—1,5 часа. На учебных тревогах выявилось, что эти сроки являлись заниженными».

Таким образом, советский Генштаб исходил из тако-

го варианта начала войны и создавшейся обстановки, при котором удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести от мобилизованные: «Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного наступления превосходящих вражеских сил. Сущность тактического маневра сводилась к тому, что надо было быстро собраться и совершить марш к границе. Предполагалось, что в районах сосредоточения будет дано время для окончательной подготовки к бою».

Лишь под влиянием ряда тревожных сигналов за несколько часов до германского нападения Сталин решился дать войскам знаменитую Директиву № 1 — «на провокации не поддаваться». С точки зрения повышения боеготовности в предвидении вражеской агрессии документ совершенно дурацкий. Но сталинские колебания можно понять: буквально две-три недели оставалось до начала «Грозы», может быть, действительно немецкие генералы некой «разведкой боем» пытаются вскрыть группировку советских войск. Очень не хотелось раскрывать свои карты.

Поэтому вместо директивы о приведении войск западных округов в полную боевую готовность на случай войны Сталин велел дать короткую директиву с указаниями, что нападение может начаться с провокационных действий. Он еще надеялся, что удастся начать дипломатические переговоры и под их прикрытием завершить сосредоточение сил для наступления. Но здесь действительно «история отвела мало времени». Проведение мобилизации директивой не предусматривалось.

Маршал Баграмян, сообщая, что прием первой директивы в штабе КОВО продолжался около двух часов, разъясняет:

«Читатель может спросить, а не проще было бы в целях экономии времени подать из Генерального штаба короткий обусловленный сигнал, приняв который ко-

мандование округа могло бы приказать войскам столь же коротко: ввести в действие «КОВО-41» (так назывался у нас план прикрытия государственной границы). Все это заняло бы не более 15—20 минут. По-видимому, в Москве на это не решились».

В том-то и дело, за сигналом «КОВО-41» должны были последовать совершенно определенные действия, не имевшие отношения к отражению агрессии. Пока имелась надежда — а вдруг Гитлер блефует, войскам слались предупреждения вроде «ничего не предпринимать» и «границу не переходить».

Причина в том, что, вложив весь талант организатора и все силы в план «Гроза», других планов Сталин не имел. Никаких оборонительных операций советский Генштаб не планировал. Никаких планов на оборону, «красных пакетов», специальных «коротких» сигналов на этот случай в войсках не было. Внезапный удар противника большими силами не рассматривался даже теоретически, а значит, не имелось на этот счет никаких продуманных решений.

Вот флоту на первом этапе Большой войны наступательных задач не ставилось, и нарком ВМФ вместо дезориентирующих директив просто объявил флотам «Готовность № 1». Этого оказалось достаточно, чтобы моряки войну встретили подготовленными: они знали, что нужно было делать в этом случае, и сделали. Не могли Кузнецову помешать выполнить свои прямые функциональные обязанности ни Сталин, ни Жданов, курировавший флот, ни Тимошенко с Жуковым.

И еще один вопрос. А если бы Гитлер не напал на Советский Союз в 1941 году, что предпринял бы товарищ Сталин? Приказал бы дивизиям Уральского, Северо-Кавказского, Московского и прочих округов грузиться в эшелоны и отправляться обратно на зимние квартиры? Можно еще более упростить. Если бы вермахт совершил прыжок через Ла-Манш и вторгся в Англию, соблюдал бы в такой ситуации Советский Союз договор о дружбе с Германией? Положительный ответ рисует

Сталина в роли наивного и доверчивого простака, чего просто невозможно представить.

Никто из критиков Суворова так и не сумел непротиворечиво объяснить логику действий советского руководства весной 1941 г., сути грозного движения гигантской советской военной машины на запад, красоту сталинского замысла, воплощавшегося в жизнь в полном соответствии с марксистско-ленинской «методологией».

И потому плавание «Ледокола» продолжается.

Дмитрий Хмельницкий
СТАТЬИ И ПИСЬМА
ВИКТОР СУВОРОВ, СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ
И СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

Значение ключевых книг исторической серии Суворова — «Ледокола» и «Дня М» — далеко выходит за рамки собственно военной истории. Хотя совершенно закономерно, что ключевое для истории СССР открытие совершил военный историк — ведь главные цели Сталина были именно военными. Но именно потому, что сталинский СССР был милитаризованным государством, существовавшим ради решения исключительно военных задач, концепция Суворова дала ключ для понимания всей советской истории. Она логично и непротиворечиво склеила воедино во многом еще мозаичную и неясную картину сталинской культуры и сталинского государства.

Вот один пример из близкой мне области — истории архитектуры.

В апреле 1941 года журнал «Архитектура СССР» публикует материалы архитектурного конкурса, в котором приняли участие все ведущие зодчие СССР. Тема — «Здание для панорамы «Штурм Перекопа». Гигантская панорама (130 х 18 м), посвященная победе Красной Армии в 1920 году, писалась группой художников с 1934 по 1941 год. Это был последний крупный архитектурный конкурс перед началом советско-германской войны.

Трудно объяснить исходя только из истории архитектуры, почему именно весной 1941 года Сталину вздумалось занять самых титулованных советских архитекторов таким странным заданием — монументом в

честь полузабытой победы Красной Армии в Гражданской войне.

Может, это, конечно, чистая случайность, но мне так не кажется. Сталин вообще ничего не делал случайно. Если действительно на лето 1941 года готовилось нападение на Германию, то весна — самое время, чтобы начать разработку архитектурных символов будущих побед Красной Армии. Как вполне своевременно, тоже именно весной 1941 года сочинять песни, которые должны были воодушевлять бойцов Красной Армии на эти победы. Такие песни, как как раз тогда заказанная «Священная война».

А храм в честь штурма Перекопа мог быть без малейших проблем чуть позже перепосвящен штурму Парижа, Всны, Берлина, Мадрида... И построен где угодно.

Дискуссии вокруг книг Виктора Суворова только выглядят дискуссиями о Суворове. На самом деле — это дискуссии о Сталине. В них в концентрированном виде выявился главный и нерешенный вопрос всей советской истории — чего добивался Сталин, ломая и калеча страну и людей, выстраивая личную, неповторимую и ни на что не похожую систему власти? Ради чего происходило все то, что происходило в его правление?

Вариантов ответа даже теоретически может быть только два. Один — крайне лестный для советского прошлого. Второй — исключительно неприятный.

Первый ответ нам хорошо знаком. Несколько поколений советских людей разучивало его буквально с детского сада. Он гласит: СССР всегда последовательно боролся за мир. Сталин стремился предотвратить мировую войну. Пакт 1939 года был спасительным для СССР, а оккупация с согласия Гитлера территорий нескольких европейских стран была вынужденным оборонительным шагом. Сталин к нападению на Германию в 1941 году не готовился, он готовился к обороне и именно с этой целью вывел на границу всю Красную Армию.

Но армия, которая готовилась только оборонять свою страну, защищаться почему-то не смогла и погибла летом 1941 года в результате коварной агрессии Германии.

Второй ответ впервые в полном виде дал в своих книгах Виктор Суворов. Он звучит так: Сталин сознательно, с первого же момента прихода к единоличной власти в конце 20-х годов начал готовить завоевание Европы. Его цель была — милитаризовать страну, спровоцировать мировую войну, вступить в нее в самый удобный момент и остаться в конечном счете единственным победителем. Провокация войны удалась в 1939 году. Кульминация советского нападения на Европу должна была прийти на лето 1941 года, но Сталин ошибся в сроках и позволил Гитлеру напасть первому.

Иногда встречается и третий вариант — Сталин вообще ни о чем не думал, ни к обороне, ни к нападению не готовился, никаких планов не имел, а войска двигал туда-сюда без всякой цели. Но рассматривать всерьез вариант Сталина-идиота не имеет смысла.

В научных спорах вокруг сталинской политики с обеих сторон принимает участие множество людей, но имя Виктора Суворова по-прежнему остается в центре полемики. Обойти его невозможно, хотя сам Суворов в прямых дискуссиях практически не участвует. Виктор Суворов первым сформулировал проблему, расставил точки над «i» и привел множество доказательств правоты своей концепции сталинской истории. И поставил своих противников перед необходимостью не только опровергнуть его доводы в пользу версии «Сталин-агрессор», но и последовательно аргументировать альтернативный вариант — тезис о «Сталине-миротворце».

Всего в России вышло к 2005 году около двух десятков книг, оспаривающих Виктора Суворова. Большая часть из них направлена против него лично. Это поношения «предателя Резуна», авторов которых даже с большой натяжкой невозможно рассматривать как диспутантов в научном споре. Попытки опровергнуть кон-

цепцию Суворова более или менее корректными способами до сих пор ни к чему не привели.

Ситуация оказалась для его оппонентов крайне неудобной. Практически вся связная «антисуворовская» деятельность свелась к малоуспешному оспариванию второстепенных и третьестепенных деталей его книг, до упора набитых аргументацией. Главных контраргументов, то есть доказательств того, что Сталин нападение на Европу вообще и на Германию в частности в 1941 году НЕ готовил, а наоборот, готовил оборону, никто не привел. И похоже, в природе их не существует.

Выстроить последовательную защиту альтернативного варианта советской истории тоже до сих пор никто не решился. Для этого следовало бы доказать, что Сталин не только в принципе не готовил захват Европы, но и что у его внешней, внутренней, экономической и культурной политики были какие-то другие, неизвестные пока цели. Сегодня мы достаточно много знаем о Сталине, чтобы с большой долей уверенности утверждать: такая версия недоказуема.

Остается суворовский вариант развития советской истории, но согласиться с ним мешает очень многое. В первую очередь это означает пересмотр — «ревизию» — устоявшихся и канонизированных послевоенной политкорректностью взглядов на историю Второй мировой войны. В той ее части, где речь идет о роли Советского Союза. Смена статуса сталинского СССР с «жертвы и освободителя» на статус «палача и агрессора» тяжело дается даже людям, не испытывающим симпатий к сталинизму. Даже если они специалисты по истории СССР. И тем более, если они — советские специалисты по военной истории СССР.

Впрочем, и на Западе, скажем в Германии, научный истеблишмент крайне раздраженно реагирует на книги Суворова. Причина раздражения прямо противоположна мотивам российских «антиревизионистов». Последние защищают благородную репутацию СССР во Второй мировой войне.

Немецкие исследователи (не все, но очень многие)

боятся неожиданного обеления репутации Гитлера. Логика здесь простая, но абсурдная. Если Суворов прав и Гитлер опередил нападение Сталина всего на несколько недель, значит, нападение было превентивным и оправданным. Значит, Гитлер был прав.

Ни одного слова, оправдывающего Гитлера, в книгах Суворова нет. Мотивы поведения Гитлера, его мораль и его политика никак не могли зависеть от того, собирался Сталин на него напасть или нет. Заподозрить Гитлера в симпатиях к СССР в любом случае невозможно. Вынужденность — «превентивность» — нападения Германии на СССР именно летом 1941 года, а не в другое, более удобное для этого время, никак не может оправдать Гитлера.

Странным образом получается, что репутация Гитлера, уже развязавшего вместе со Сталиным Вторую мировую войну, напавшего на множество европейских стран и установившего нацистский режим на половине Европы, зависит от того, напал он на своего союзника по агрессии превентивно, упреждая его удар, или просто потому, что очень этого захотел.

Однако репутация Сталина весьма сильно зависит от ответа на вопрос, было нападение Гитлера «превентивным» или нет. В первом случае Сталин — агрессор, хоть и не вполне состоявшийся, во втором — практически невинная жертва.

Накал эмоций, очень сильно мешающий научным исследованиям, и превращает дискуссию вокруг теории Виктора Суворова в постоянный общественный скандал.

В дискуссиях российских историков о причинах и характере Второй мировой войны есть один любопытный момент. Обе стороны оперируют второстепенными или косвенными материалами. Ключевых архивных документов нет. Точнее, считается, что как бы нет.

В книге М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина», вышедшей в 2000 году, — фундаментальнейшем исследовании по предыстории Второй мировой войны, в главе «Советское военное планирование в 1940—1941 гг.» из 122 ссылок только семь — на документы из архивов

(Российского государственного военного архива и РГАСПИ). Это все, что было доступно исследователю. Мельтюхов пишет: «...Комплексное исследование всех этих материалов, в совокупности составлявших советский оперативный план, обеспечивающий организованное развертывание и вступление в боевые действия Красной Армии в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций, все еще остается, к сожалению, неосуществимым. Пока же мы вынуждены ограничиться рассмотрением доступных текстов четырех докладных записок на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, содержащих основные идеи военных планов...»¹.

В опубликованном журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина можно легко выяснить, что Жуков со 2 января по 21 июня 1941 года (начальником Генерального штаба он был назначен 13 января 1941 года) побывал в кремлевском кабинете Сталина 33 раза. В среднем каждые 5 дней. Только в июне — 10 раз. Ни малейшей информации о том, чем они там занимались, нет. Хотя можно легко догадаться, что именно военным планированием.

Мельтюхов: «...В конкретных военных приготовлениях СССР ключевое место занимала деятельность Генерального штаба по военному планированию, до сих пор содержащая, к сожалению, значительное количество «белых пятен», что связано с сохранением секретности соответствующих документов 1939—1941 гг. Ныне отечественная историография располагает довольно цельной картиной хода выработки документов военного планирования на стратегическом уровне, однако их содержание, а также связь с планированием на уровне военных округов все еще остаются слабо изученными»².

Иными словами, хорошо известно, где именно находятся все документы, касающиеся предвоенного военного планирования. Легко вычислить людей, которым эти документы доступны, которые могут любоваться ими

¹ М. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 371.

² М. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. С. 370.

хоть каждый день. Это сотрудники архива Генерального штаба и Президентского архива, бывшего архива Политбюро. Ну и их начальство. То есть самые главные противники суворовской концепции. А прочие ученые в целом уже догадываются о том, как именно происходила разработка этих документов, но ничего не знают об их содержании...

Получается, что где-то совсем рядом лежат буквально тонны недоступных для исследования бумаг — ключевых документов, публикация которых мгновенно разъяснила бы ситуацию и ответила на все вопросы. А дискуссии разворачиваются лишь вокруг нескольких, случайно выпавших из папок и из контекста. При этом есть люди, по долгу службы прекрасно обо всем осведомленные, — хранители секретных архивов. Но они в дискуссиях не участвуют. А может, и участвуют, но информацию свою держат в секрете.

Очевидно, что никакой пользы для себя из обладания секретами архивов Генерального штаба казенные российские военные историки извлечь не могут, иначе бы давно все было бы рассекречено. Единственная польза — сокрытие научной информации, чтобы ею не смогли воспользоваться их противники.

Сторонникам концепции Суворова намного легче. Приказы Генштаба и решения Политбюро можно скрыть в архивах, но реальные процессы, захватившие всю страну в результате исполнения секретных приказов, спрятать невозможно. Это позволяет и без секретных архивов вполне достоверно реконструировать секретный смысл сталинской политики и те же самые недоступные для изучения приказы.

Дискуссии о том, каковы были предвоенные планы Сталина, автоматически оказываются дискуссиями вокруг концепции Виктора Суворова. Это часто порождает иллюзию того, что Суворов — единственный защитник своей идеи. Однако Суворов с самого начала не был

одиночкой. Его концепцию поддержало достаточно много очень серьезных историков — и российских, и иностранных. Просто эта поддержка высказывалась, как правило, в сугубо научных публикациях, не имеющих широкой аудитории. При этом она часто выражалась не в форме прямого согласия лично с Суворовым, а в виде самостоятельных научных изысканий, результаты которых совпадали с выводами Суворова. Можно сказать, что на сугубо научном уровне концепция Суворова уже одержала полную победу. Аргументация его главных противников — генералов Махмуда Гареева и Юрия Горькова, полковника А. Мерцалова и Л. Мерцаловой, Габриэля Городецкого и пр. — опровергнута не только и не столько самим Виктором Суворовым, сколько работами Михаила Мельтюхова, Владимира Невежина, Татьяны Бушуевой, Владимира Данилова, Владимира Дорошенко, Ирины Павловой и многих других.

Сейчас можно с очень большой долей уверенности утверждать, что научной альтернативы суворовской идее о том, что Сталин готовил агрессию против Германии и Европы, нет, поскольку не существует ни малейших доказательств того, что СССР в 1939—1941 годах готовился к обороне, а внешнеполитические планы Сталина носили оборонительный характер. Не существует также никакой внятной альтернативы и предположению, что подготовка агрессивной войны против Запада была главной целью Сталина в течение всего периода его правления и предопределяла всю внутреннюю и внешнюю политику СССР.

Среди историков, фактически поддержавших концепцию Суворова, одно из самых важных мест принадлежит доктору исторических наук Михаилу Мельтюхову. Во-первых, он автор основополагающего труда о подготовке СССР ко Второй мировой войне «Упущенный шанс Сталина». Во-вторых, его нельзя заподозрить как в личных симпатиях к Виктору Суворову, так и в том, что он разделяет политические взгляды Суворова. Подготовку к нападению на Европу, которую Суворов

считает преступлением, Мельтюхов воспринимает как совершенно разумный шаг.

Тем важнее совпадения выводов Суворова и Мельтюхова относительно характера подготовки Сталина к мировой войне.

В 1996 году Михаил Мельтюхов опубликовал в сборнике «Советская историография», вышедшем под редакцией академика Ю. Афанасьева, статью «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол»¹. Статья интересна не только взвешенным взглядом на работу самого Суворова, но и жесткой оценкой выступлений его российских критиков — Ю. Горькова, М. Гареева и других. Вот как оценил Мельтюхов основные тезисы книги Суворова на фоне тогдашнего состояния дел в российской историографии:

«Основная идея В. Суворова заключается в том, что главной целью внешней политики большевистского руководства было осуществление «мировой революции». Для ее достижения был разработан четкий план по подготовке мировой войны, которая разрушила бы Европу, облегчив ее «советизацию». С этой же целью в Советском Союзе создавался колоссальный военно-промышленный комплекс и наращивались мощные вооруженные силы.

Кроме того, Москве был необходим политический лидер, которого она могла бы использовать для развязывания войны в Европе. Таким политиком и стал Гитлер, по мнению Суворова, сотворенный и приведенный к власти при помощи Сталина.

Используя экспансионистские устремления Германии, советское руководство всячески способствовало обострению международной ситуации в Европе и возникновению войны. Автор «Ледокола» утверждает, что коммунисты «руками Гитлера... развязали в Европе войну и готовили внезапный удар по самому Гитлеру, чтобы захватить разрушенную им Европу». Из этого

¹М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол». в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 488—521.

проистекает и общий вывод В. Суворова о том, что Советский Союз — главный виновник и зачинщик Второй мировой войны»¹. <...>

«Версия Суворова о Гитлере — «Ледоколе Революции», который подорвет капиталистическую систему и в нужный момент будет разгромлен Красной Армией, для отечественной историографии нова. Но материалы об оценке советским руководством событий Второй мировой войны в 1939—1941 гг., имеющиеся у историков, позволяют говорить о ее определенной плодотворности. Вряд ли стоит отрицать, что советское руководство действительно пыталось использовать любое столкновение между великими державами для осуществления «революции» в Европе, рассматривая в качестве основных своих противников Англию и Францию. И все же смысл советской позиции заключался не в том, чтобы самим начать войну (это могло бы привести к образованию единого антисоветского фронта), а в том, чтобы использовать такую войну в своих интересах. Кроме того, Англия и Франция также надеялись использовать Гитлера для уничтожения СССР, на что справедливо указал А.Д. Орлов, а США намеревались воспользоваться войной в Европе для расширения своего влияния. Другими словами, подход В. Суворова столь же тенденциозен, как и подход некоторых отечественных ученых, видящих во всей предвоенной ситуации только козни «западных империалистов». <...>

«Версия В. Суворова о советско-германском разделе Польши и советских территориальных захватах в Восточной Европе с целью создать будущий плацдарм для удара по Германии также стала достоянием отечественной историографии. Официальная историография продолжает поддерживать версию о том, что нападение Германии на Польшу и ее быстрый разгром обеспокоили СССР и вынудили его начать военные приготовления и ввести Красную Армию на территорию западного соседа. Среди сторонников этой версии очень популярна

¹М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 488—489.

мысль об антигерманской подоплеке советских действий в Польше¹. Ряд авторов, наоборот, отмечают, что действия советского руководства в отношении Польши были предопределены договоренностью с Германией о разделе сфер интересов в Восточной Европе и сталинской политикой территориальных захватов. Отсюда делается вывод, что 17 сентября 1939 г. Советский Союз нарушил свои договоры с Польшей и совершил против нее агрессию. В результате договора 28 сентября 1939 г. СССР и Германия поделили Польшу и та исчезла с политической карты мира, а следовательно, рухнула Версальская система в Восточной Европе»². <...>

«Рассуждения В. Суворова о наступательном характере советской военной доктрины, опирающиеся на работы советских военачальников 20—30-х гг.³, в целом сопоставимы с теми идеями, которые уже высказывались в отечественной литературе. Как правило, указывается, что основной идеей советской военной доктрины являлась оборона и быстрый переход в контрнаступление для разгрома агрессора⁴. Правда, ознакомление с тогдашними военно-научными разработками не подтверждает это мнение⁵. В литературе приводятся также

¹См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. С. 395—404; История Второй мировой войны. Т. 3. С. 345—355; История внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. С. 391—392, 420—425; Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер: 1939—1941 гг. М., 1991. С. 110—116; Орлов А. С. СССР — Германия: август 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1991. С. 5, 8-И; Парсаданова В.С. «Польская» политика СССР в сентябре 1939 — июне 1940 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940 г.). М., 1990. С. 53—66; Волков С.В., Емельянов Ю.В. Указ. соч. С. 150—160; Антосяк А.В. Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 52.

²См.: Орлов А.С. Указ. соч. С. 14—15; Бережков В. М. Прочет Сталина // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 19; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 84; Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 112—113; Лебедева Н.С. Капиль: преступление против человечества. М., 1994. С. 9—34.

³М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 492.

⁴Суворов В. Ледокол. С. 55—64.

⁵См.: А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 80—86; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 34—37.

материалы, свидетельствующие о том, что применительно к проблеме начального периода войны в них доминировала идея внезапного упреждающего удара по противнику, исключая пассивное ожидание его действий¹. <...> Вопреки содержанию военно-теоретических разработок того времени в отечественной историографии преобладает точка зрения о сугубо оборонительной военной доктрине Красной Армии. Лишь некоторые авторы отмечают, что оборонительный характер военной доктрины не препятствовал подготовке наступательных действий войск, которая, судя по приводимым в литературе данным, преобладала². При этом в стороне остается вопрос, почему явно наступательную военную доктрину в литературе упорно именуют «оборонительной»? Вместе с тем в историографии ряд авторов считают ошибкой то, что военной доктрине был присущ наступательный характер³. Однако, даже признавая наступательную направленность боевой подготовки Красной Армии, авторы отмечают, что советская военная доктрина не содержала агрессивных устремлений⁴. Тот факт, что Красная Армия не раз использовалась по приказу советского руководства против соседей СССР, позволяет скептически отнестись к подобным утверждениям.

Кроме того, не следует забывать, что военная доктрина и не может содержать агрессивных устремлений, поскольку в ней эти вопросы вообще не рассматриваются. Агрессивным бывает внешнеполитический курс государства, а военная доктрина отражает вопросы подготовки Вооруженных сил к войне, методов ее

¹ См.: Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 75—76.

² См.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Т. 2, ч. 1. С. 56—57; Орлов А.С. Так кто же начал войну? // Армия. 1993. № 8. С. 17; Хорьков А.Г. Указ. соч. М., 1991. С. 51—58.

³ См.: Исаев С.И., Раманичев Н.М., Чевела П.П. Советский Союз накануне Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 30—31; Бабин А.И. Канун и начало Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 56; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. С. 56; Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 306—307; Павленко П.Г. Была война. М., 1994. С. 40—72.

⁴ См.: Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 37; Орлов А.С. СССР — Германия. С. 17.

ведения. <...> Поэтому попытки некоторых критиков обвинить В. Суворова в том, что он «смешивает преднамеренную агрессию с наступательным маневрированием»¹, выглядят совершенно бездоказательными, поскольку обходят молчанием вопрос о целях «маневрирования»². <...>

«Рассуждения В. Суворова о состоянии инженерной подготовки театра военных действий (ТВД) накануне войны»³ непривычны для отечественной литературы, в которой эти вопросы изучены слабо. Наиболее подробно описано строительство на новой границе укрепленных районов (УР), которое осталось незавершенным, поскольку было длительным и дорогостоящим процессом и, по мнению ряда авторов, просчетом, так как их сооружение по линии границы не позволяло создать полосу обеспечения и велось фактически на виду у противника⁴. Подобное размещение УР было утверждено Москвой, хотя в случае внезапного нападения противника войска все равно не успевали их занять⁵. В литературе указывается, что эти сооружения предназначались и для обороны, и для наступления, а УР на старой границе вопреки распространенной версии об их уничтожении были лишь разоружены и законсервированы⁶. Освещая вопросы аэродромного строительства в приграничных округах, которое велось чрезмерно близко к границе, и отмечая неподготовленность мостов на пограничных реках к взрыву, отечественная историография не предлагает никакого серьезного объяснения

¹ См.: Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 294; См. также: Свободная мысль. 1993. № 6. С. 51.

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996, с. 496—497.

³ См.: Суворов В. Ледокол. С. 73—105.

⁴ См.: А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 76—78; Ки р ш и н Ю.Я., Ра м а н и ч е в П.М. Накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 8—10; Х о р ь к о в А.Г. Указ. соч. С. 98—107; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 281—283; И с а е в С.И., Ра м а н и ч е в П.М., Ч е в е л а П.П. Указ. соч. С. 47—48; В л а д и м и р с к и й А.В. На Киевском направлении. М., 1989. С. 38—41.

⁵ См.: С а н д а л о в Л.М. Первые дни войны. М., 1989. С. 7—10, 34.

⁶ См.: Х о р ь к о в А.Г. Указ. соч. С. 98—107; 1941 год — уроки и выводы / Под ред. В.П. Неласова. М., 1992. С. 32—34, 206—207.

всем этим фактам¹. Поэтому версия В. Суворова имеет под собой определенные основания и требует дальнейшего изучения»². <...>

Тезис В. Суворова о наступательной подготовке Красной Армии³ не слишком популярен в отечественной историографии.

Общее мнение по этому вопросу состоит в том, что солдаты обучались напряженно, но лишь с лета 1940 г. воинская подготовка перешла на более высокий уровень в связи с назначением нового наркома обороны. В литературе преобладают малосодержательные высказывания о недостаточной выучке войск⁴. Лишь немногие авторы рассматривают проблему боевой подготовки на конкретном историческом материале, который подтверждает общий вывод о резком усилении боевой подготовки с лета 1940 г., показывают ее содержание по родам войск в приграничных округах. Анализируя данные боевой подготовки войск западных приграничных округов, носившей преимущественно наступательный характер, А.Г. Хорьков приходит к выводу, что, хотя индивидуальная подготовка бойца была невысока, в целом войска оказались неплохо подготовленными к ведению наступательных действий. Вместе с тем исследователь отмечает слабую отработку взаимодействия родов войск на поле боя⁵.

¹ См.: Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 34, 225—227; 1941 год — уроки и выводы. С. 34—37, 198—199; Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 27; Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 46—47; Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 68—69; Владимирский А.В. Указ. соч. С. 56.

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996, с. 497—498.

³ См.: Суворов В. Ледокол. С. 105—136.

⁴ См.: Афилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 67—70; Самсонов А.М. Вторая мировая война: 1939—1945. М., 1990. С. 118; Партийная жизнь. 1991. № 12. С. 29; Киршин Ю.Я., Рамаиичев Н.М. Указ. соч. С. 11; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. С. 139—141; Прозектор Д.М. Указ. соч. С. 301—304; Исаев С.И., Рамаиичев Н.М., Чевела П.П. Указ. соч. С. 32—50; Мельтюхов М.И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 26—27; 1941 год — уроки и выводы. С. 45—47.

⁵ См.: Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 51—85; См. также: Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 38—42; Кожевников М.П. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 26—31; Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 269.

Большинство критиков «Ледокола» специально этот вопрос не рассматривали, ограничиваясь общими фразами о недостаточном уровне подготовки войск или преувеличении В. Суворовым боевых и технических возможностей Красной Армии¹. В. Анфилов, ссылаясь на «Акт о приеме Наркомата обороны СССР» 1940 г., пытается обосновать мнение об отсталости Красной Армии и невозможности ведения ею наступательных действий. Однако в послесловии к публикации документа указывается на его тенденциозный и предвзятый характер и отмечается, что «Советские Вооруженные Силы даже в то время были современными, по многим показателям не уступали армиям большинства капиталистических государств»². С другой стороны, Ю.Н. Афанасьев и А.С. Орлов считают, что подготовка советских войск была наступательной³. Е. Крохмаль, по сути, солидаризируется в этом вопросе с В. Суворовым, указывая, что войска к наступлению не были готовы, но моряки успешно наступали⁴. Вывод В. Суворова о том, что защиту государственной границы советскими войсками предполагалось осуществить переходом армий прикрытия в наступление⁵, не имеет аналога в отечественной историографии. Правда, вопреки мнению критиков В. Суворова, эти идеи принадлежат не ему, а А.И. Егорову и М.Н. Тухачевскому, в чьих трудах 1932—1934 гг. они детально обоснованы⁶. В ряде работ и других отечествен-

¹См.: Солнышков Ю.С. По поводу статьи генерал-полковника Ю.А. Горькова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 240; Свободная мысль. 1993. № 6. С. 52; Д а н и л о в В. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Сегодня. 1993. 28 сентября; Соколов Б. Как началась Вторая мировая война? // Независимая газета. 1993.31 декабря.

²Российская газета. 1993. 10 июля; Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193-209.214.

³См.: Афанасьев Ю. Указ. соч.; Орлов А.С. Указ. соч. С. 10.

⁴См.: Крохмаль Е. Указ. соч. С. 36.

⁵См.: Суворов В. Ледокол. С. 136—165.

⁶См.: Егоров А. И. Тактика и оперативное искусство на новом этапе // Военно-исторический журнал. 1963. № 10; Тухачевский М.И. Избранные произведения. М. 1964. Т. 2. С. 212—221.

ных историков было показано, что идеи этих военачальников не только не были забыты, но, наоборот, к 1941 г. претворились в жизнь¹. Такой вывод подтверждается и работами, в которых приводятся сведения о направленности боевой подготовки и военного планирования в приграничных округах, не противоречащие новому взгляду на эту проблему»^{2,3} <...>

«Что же противопоставляют тезису В. Суворова его критики? Д.А. Волкогонов утверждает, что во всех документах все было нацелено на оборону, но конкретных примеров не приводит⁴. Ю.А. Горьков для опровержения утверждений В. Суворова использует материалы периода конца 1940 г. Мало того что автор цитирует лишь отдельные фразы этих обширных документов, из его примеров следует, в частности, что Киевский особый военный округ (КОВО) получил приказ подготовить наступление, а армиям округа приказано подготовить только оборону⁵. Ю.А. Горькова не смущает, что подобные положения лишены всякой логики.

Об оборонительных задачах армий прикрытия пишет и В.Б. Маковский, а в доказательство цитирует одну (!) фразу из обширной директивы Генштаба командованию КОВО от 5 мая 1941 г.⁶ Однако известно, что 10 апреля 1941 г. заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майор А.М. Василевский составил директиву на разработку плана оперативного

¹ См.: Филиппов А. О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 г. // Военный вестник АПН. 1992. № 9. С. 6—8; Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 г.: Опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 1214.

² См.: Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 10—16; № 7. С. 14—21; № 8. С. 28—35; Петров Б.И. Указ. соч. С. 10—17; Гуров А.А. Боевые действия советских войск на Юго-Западном направлении в начальном периоде войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 32—37; Семидетко В.А. Указ. соч. С. 22—31; Владимирский А.В. Указ. соч. С. 8—57.

³ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996. С. 498—499.

⁴ См.: Волкогонов Д.А. Эту версию уже опровергли историки.

⁵ См.: Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 33.

⁶ См.: Маковский В.Б. Указ. соч. С. 52.

развертывания войск приграничных округов. К сожалению, Б.Н. Петров приводит из этой директивы задачи лишь Западного особого военного округа, который должен был совместно с Юго-Западным фронтом, наступая на Седлец — Радом, «разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец. Луков (так в документе. — М.Н.) и захватить переправы через р. Висла... Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»¹.

Подобные материалы как минимум ставят под сомнение утверждение отечественной историографии о чисто оборонительных намерениях армий прикрытия»². <...>

«Рассуждая о советском плане войны с Германией, В. Суворов делает вывод о том, что главный удар Красная Армия должна была нанести по Румынии»³. В отечественной литературе содержание советских военных планов излагается по устоявшейся схеме: планы разрабатывались в ответ на рост германской угрозы и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение ответных контрударов и общий переход в наступление для разгрома противника⁴. Однако новые документальные материалы и исследования последних лет существенно корректируют подобные подходы. Прежде всего, стало известно, что советское военное планирование боевых действий против Германии началось в октябре 1939 г. и продолжалось до середины мая

¹ Петров Б.Н. Указ. соч. С. 12.

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996, с. 500.

³ См.: Суворов В. Ледокол. С. 148—152.

⁴ См.: Анфилов В.А. Указ. соч. С. 80—86; Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 22—37; Захаров М.В. Указ. соч. С. 213—225; Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 85—130; Кирьян М.М. Указ. соч. С. 12—13; Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // Военно-исторический журнал. 1988. № 4. С. 46—47; Медведев П.Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 82; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. С. 132—136; Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 29—39; Маковский В.Б. Указ. соч. С. 51—58; Кишин Ю.Я., Раманичев П.М. Указ. соч. С. 12—15.

1941 г.¹. Опубликованные материалы и работы ряда авторов показывают, что основным содержанием советского военного планирования было внезапное наступление на Германию в подходящий момент»².

«А.С. Орлов разделяет мнение В. Суворова о том, что главный удар советских войск должен быть направлен в сторону черноморских проливов³. Остальные критики «Ледокола» вопреки фактам пытаются отрицать наличие каких-либо планов, которые бы подтверждали замысел Сталина совершить нападение на Германию в определенный момент⁴. В литературе признается, что последний вариант советского военного плана предусматривал нанесение внезапного удара по противнику. Большинство авторов утверждают, что такой план был Сталиным отвергнут, хотя материалов, содержащих данные о его мнении по этому вопросу, нет⁵. Но сведения о порядке рассмотрения подобных документов советским руководством, сообщаемые А.М. Василевским, вносят полную ясность: все указания Сталин давал устно.

А.Афанасьев полагает, что в войсках не было никаких наступательных планов, так как во время войны они были бы захвачены и опубликованы немцами⁶. Однако Ю.А. Горьков утверждает, что «за несколько недель до нападения фашистской Германии ...вся доку-

¹ См.: Захаров М.В. Указ. соч. С. 213; Проектор Д.М. Указ. соч. С. 307—312; Волконогов Д.А. Триумф и трагедия. С. 133; Исаев С.И., Раманичев Н.М., Чевела П.П. Указ. соч. С. 50—58; Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 31—39.

² См.: Петров Б.Н. Указ. соч. С. 10—17; Киселев В.И. Указ. соч. С. 14—17; Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 г. С. 4—22; Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 29—45; Исаев С.И., Раманичев Н.М., Чевела П.П. Указ. соч. С. 55—56; Волконогов Д.А. Триумф и трагедия. С. 136.

³ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996. с. 501.

⁴ См.: Волконогов Д.А. Эту версию уже опровергли историки: Орлов А.С. Так кто же начал войну. С. 18; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 130—138, 284—289.

⁵ См.: Исаев С.И., Раманичев Н.М., Чевела П.П. Указ. соч. С. 55—59; С. 36—39; Афанасьев А. Указ. соч.; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 294—297.

⁶ См.: Афанасьев А. Указ. соч.

ментация по окружным планам была передана из Генштаба командованиям и штабам округов»¹. Правда, в литературе имеются сведения о том, что эта документация не передавалась не только в штабы армий, но даже и в штабы округов, а все распоряжения отдавались устно². Таким образом, опровергается версия А.В. Афанасьева и мнение М.А. Гареева о том, что утвержденные планы стратегического развертывания для упреждающего удара отсутствовали и в Генштабе, и в штабах округов³. Ю.А. Горьков настаивает на необходимости поисков документов, подтверждающих наличие решения о начале войны со стороны советского политического руководства и правительства⁴. Однако не совсем ясно, какой именно документ он хочет обнаружить⁵. <...>

«Одним из наиболее содержательных мест книги В. Суворова являются его рассуждения о сосредоточении и развертывании частей Красной Армии накануне войны⁶. О том, что такие меры принимались, было известно и ранее, но только теперь открылись конкретные данные о сроках, месте и составе сосредоточиваемых войск. Сосредоточение началось в феврале, а выдвижение войск из внутренних округов — в апреле 1941 г.⁷. Ныне в литературе уточнен состав армий второго эшелона, сроки и места их сосредоточения на Западном ТВД, приводятся материалы, позволяющие уточнить запланированную группировку войск. Судя по ним, 20-ю и 21-ю армии предполагалось использовать в первом эшелоне войск Юго-Западного фронта, хотя позднее

¹ См.: Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 39.

² См., например: Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 64—65; Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. М., 1973. С. 24—25; Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 51.

³ См.: Гареев М.А. Указ. соч. С. 202.

⁴ См.: Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 37.

⁵ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996, с. 501—502.

⁶ См.: Суворов В. Ледокол. С. 186—233.

⁷ См.: 1941 год — уроки и выводы. С. 80—86.

они действовали на центральном участке советско-германского фронта в районах Смоленск — Гомель¹. Приводятся данные о сосредоточении ближе к границе войск приграничных округов, начавшемся 12—16 июня 1941 г.² Все это опровергает распространенное мнение о том, что перегруппировки войск в приграничных округах были запрещены Москвой, а Сталин, несмотря на настойчивые просьбы военного руководства, отказывался разрешить передислокацию войск и всячески тормозил проведение подобных мер³. К сожалению, эти проблемы все еще слабо разработаны в литературе.

Вопрос о целях подобного сосредоточения, который В. Суворов справедливо считает основным⁴, не получил серьезного освещения в отечественной историографии. Имеющаяся версия — усиление войск прикрытия в преддверии германского вторжения — наталкивается на утверждения ряда авторов, что Сталин не верил в возможность нападения Германии до разгрома ею Англии, доверял Гитлеру⁵, и тем самым опровергается. По мнению некоторых авторов, эти меры были направлены

¹ См.: Гуров А.А. Указ. соч. С. 32; Владимирский А.В. Указ.соч. С. 50—52; Захаров М.В. Указ. соч. С. 258—262; Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 167—168; 1941 год — уроки и выводы. С. 80—88, 214—223.

² См.: Петров Б.Н. Указ. соч. С. 12—13; Семидетко В.А. Указ. соч. С. 31; Киселев В.Н. Указ. соч. С. 14—15; Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 96—97; Владимирский А.В. Указ. соч. С. 50—52; Волкогионов Д.А. Триумф и трагедия. С. 125—128; 1941 год — уроки и выводы. С. 84—86; Филиппов А. Указ. соч. С. 4.

³ См.: Якушевский А.С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3. С. 22; Перечнев Ю.Г. Указ. соч. С. 49; Данилов В.Д. Советское Главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 18—19; Самсонов А.М. Указ. соч. С. 112—118; Анфилов В.А. Указ.соч. С. 94—97; Исаев С.И., Раманичев Н.М., Чевела П.П. Указ. соч. С. 48—58; Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 36; Гареев М.А. Указ. соч. С. 202; Коммунист. 1988. № 9. С. 88—94.

⁴ См.: Суворов В. Ледокол. С. 259—260.

⁵ См.: Орлов А.С. Так кто же начал войну. С. 19; Волкогионов Д.А. Триумф и трагедия. С. 60; Язов Д.Т. Впереди была война // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 5—6; Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 82; Самсонов А.М. Указ. соч. С. 116; Якушевский А.С. Фактор внезапности... С. 13—14.

на осуществление советского плана нападения на Германию¹, что сразу же устраняет все противоречия, имеющиеся в литературе, и делает понятными действия советского военно-политического руководства.

Критики В. Суворова пытаются доказать, что передвижения войск были ответом на рост германской угрозы. Это, впрочем, не мешает им же признавать тот факт, что Сталин не верил в возможность германского нападения². В.А. Анфилов вообще отрицает факт движения войск к границе, хотя данные об этом приводятся в его книгах³. М.А. Гареев отрицает разрешение Сталина на сосредоточение войск у границы и их развертывание, оставляя в стороне объяснение причин проведения всех указанных мер⁴. Иначе говоря, вместо изучения проблем вновь воспроизводится старая, ничего не объясняющая официальная схема.

Версия В. Суворова о значении Заявления ТАСС от 13 июня 1941 г.⁵ очень любопытна, тем более что ныне стали известны материалы о дезинформации Берлина Москвой, открывшие новую тему в изучении кануна войны⁶. В литературе этот документ традиционно расценивается как приглашение Германии на переговоры или просто дипломатический демарш СССР⁷,

¹ См.: Петров Б.Н. Указ. соч. С. 12—13; Киселев В.И. Указ. соч. С. 14—16; Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 г.; Хоффман Й. Подготовка Советского Союза к наступательной войне: 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 19—31; Отечественная история. 1994. № 3. С. 4—22.

² См.: Орлов А.С. Так кто же начал войну. С. 18; Свободная мысль. 1993. № 6. С. 52; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 283—284, 287.

³ См.: Анфилов В.А. Указ. соч. С. 94—101; См. также: Красная звезда. 519. 1993. 20 февраля.

⁴ См.: Гареев М.А. Указ. соч. С. 202.

⁵ См.: Суворов В. Ледокол. С. 193—266.

⁶ См.: Вишлев О.В. Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4—5. С. 242—253.

⁷ См.: Вишлев О.В. Почему медлил И.В. Сталин в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 78—79; Орлов А.С. СССР — Германия. С. 55—56; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. С. 122; Березков В.М. Указ. соч. С. 27; Волков В.К. Указ. соч. С. 17; Некрич А.М. 1941. 22 июня. М., 1965. С. 142; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 317.

но критики «Ледокола» не уделили ему должного внимания.

Проблемы, связанные с репрессиями комсостава, упоминаемые автором «Ледокола»¹, рассматриваются в отечественной историографии довольно широко. Среди критиков В. Суворова наиболее четко мнение о развале Красной Армии репрессиями сформулировал М. Серго-масов: «С кем, спрашивается, Сталин собирался завос-вывать Европу?»², в пылу полемики забыв о тех, кто выиграл войну»³. <...>

«Рассуждения В. Суворова о войсках НКВД накану-не войны⁴ не находят отражения в отечественной исто-риографии. В литературе в основном изучаются вопро-сы, связанные с деятельностью пограничных войск на-кануне войны, которая рассматривается с точки зрения эффективности охраны границы. Лишь в некоторых ра-ботах приводятся отдельные материалы об усилении погранвойск и их подготовке к войне. В целом на сего-дня имеется довольно полная картина, раскрывающая организацию охраны границы, численность погранвойск, их действия по охране границы, меры по ее усилению накануне войны⁵. Вместе с тем остаются нераскрытыми вопросы о планах использования погранвойск в начале войны, нет убедительного объяснения тем мерам по усилению погранвойск, которые выходят за рамки обо-ронительных, почти ничего не известно о численности, дислокации и задачах войск НКВД на территории за-падных приграничных округов. Рассуждения автора «Ледокола» о причинах занятия Сталиным поста Пред-седателя СНК СССР, о его речи 5 мая 1941 г. и об изме-

¹ См.: Суворов В. Ледокол. С. 240—245.

² Сергомасов М. Указ. соч. С. 119—120.

³ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика во-круг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историогра-фия». Москва, 1996, с. 502—503.

⁴ См.: Суворов В. Ледокол. С. 64—72.

⁵ См.: Чугунов А.И. Граница накануне войны. М., 1985. С. 86—173; Беляев В.И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Ве-ликой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 50—55; Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 131—152.

нении направленности пропаганды¹ не имели аналогов в отечественной историографии. А.С. Орлов считает: Сталин занял этот пост в целях умиротворения Германии и оттягивания войны², что совершенно не подтверждается тогдашними действиями советского руководства. Краткая запись речи Сталина 5 мая ныне опубликована³, а исследования поворота в пропаганде начаты работами В.А. Невежина и М.И. Мельтюхова⁴, материалы которых в целом подтверждают мнение В. Суворова. Интересна точка зрения В. Суворова, объясняющая провал советской разведки в определении намерений Германии в 1941 году⁵. Отечественная историография ограничивается лишь общими фразами об успешной работе разведки, а неиспользование добытых ею данных объясняет тем, что Сталин верил в договор с Германией. Существует версия, что разведка не смогла убедить Сталина в скором нападении Германии⁶. Вместе с тем высказывалось мнение, что раскрытие наступательных намере-

¹ См.: Суворов В. Ледокол. С. 166—188.

² См.: Орлов А.С. Так кто же начал войну. С. 20.

³ Сталин И.В. Речь в Большом Кремлевском дворце, 5 мая 1941 г. // Искусство кино. 1990. № 5. С. 10—16.

⁴ См.: Невежин В.А. Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939—1941 гг. // Преподавание истории в школе. 1994. № 5. С. 8—19; Он же. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 гг. // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 164—171; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Сб. ст. М. 1995. С. 122—167; Невежин В.А. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2. С. 54—69; Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая — июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны // Там же. С. 70—85.

⁵ См.: Суворов В. Ледокол. С. 303—314.

⁶ См.: Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 88—94; Волконогов Д.А. Триумф и трагедия. С. 137—148; Проктор Д.М. Указ. соч. С. 312—314; Самсонов А.М. Указ. соч. С. 118; Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 178—188; Ивашкин П.И. Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 55—59; Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 131—152; Язов Д.Т. Указ. соч. С. 4—14; Киселев В.Н. Указ. соч. С. 15—16; Воюшин В.А., Горлов С.А. Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 13—23; Якушевский А.С. Фактор внезапности... С. 3—16; Павленко Н.Г. Указ. соч. С. 227—235; Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 46—60; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 139—145, 298—299.

ний Германии не являлось приоритетной задачей деятельности разведки¹. На сегодняшний день имеются многочисленные материалы, свидетельствующие, что советской разведке были известны замыслы Германии. Многие историки в своих работах осудили Сталина, пренебрегшего данными разведки. Только В.М. Кулиш поставил вопрос: почему же Сталин ошибался, если ему все это было известно?² Автор «Ледокола» предложил свой ответ, но он требует дальнейшего изучения темы. Критики В. Суворова отвергли его версию, не предложив никакой взамен³ <...>

«В военно-исторической литературе пересмотр официальной версии только начался и появление «Ледокола» В. Суворова, который предложил новую концепцию, послужило толчком к его ускорению. В то же время ход связанной с книгой дискуссии свидетельствует о том, что отечественная историография еще не готова к радикальной перемене устоявшихся подходов»⁴.

В обширной статье «Преддверие Великой Отечественной войны. 1939—1941 гг.: становление великой державы», вышедшей в 2006 году, Михаил Мельтюхов сформулировал основные идеи своей книги «Упущенный шанс Сталина». Вот несколько выдержек из нее, демонстрирующих близость результатов собственных исследований Мельтюхова к выводам и идеям Виктора Суворова:

«Прежде всего следует отрешиться от навязанной со-

¹ См.: Пранович А. Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 г. (критический анализ) // Военный вестник АИИ. 1992. № 2—3. С. 1—15.

² См.: История и сталинизм. С. 324—328.

³ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996, с. 504—505.

⁴ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография». Москва, 1996, с. 509.

ветской пропагандой совершенно фантастической идеи о некоем патологическом миролюбии СССР, благодаря которой в историографии сложилась довольно оригинальная картина. Если все прочие государства в своей международной политике руководствовались собственными интересами, то Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы советской внешней политики было практически невозможно»¹.

«Летом 1941 г. для Советского Союза существовала благоприятная возможность нанести внезапный удар по Германии, скованной войной с Англией, и получить как минимум благожелательный нейтралитет Лондона и Вашингтона. Правильно отмечая нарастание кризиса в советско-германских отношениях, советское руководство полагало, что до окончательного разрыва еще есть время, как для дипломатических маневров, так и для завершения военных приготовлений. К сожалению, не сумев правильно оценить угрозу германского нападения и опасаясь англо-германского компромисса, Сталин как минимум на месяц отложил завершение военных приготовлений к удару по Германии, который, как мы теперь знаем, был единственным шансом сорвать германское вторжение. Вероятно, это решение «является одним из основных исторических просчетов Сталина»², упустившего благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране. В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление плана «Барбаросса» и Советскому Союзу при-

¹М. Мельтюхов. «Преддверие Великой Отечественной войны. 1939—1941 гг.: становление великой державы», в сборнике «Правда Виктора Суворова», с. 31.

²Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг. // Вопросы истории. 1995. - № 7. С. 38.

шло 3 года вести войну на своей территории, что привело к колоссальным людским и материальным потерям.

Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором. Первоначально вермахт намеревался завершить военные приготовления к 16 мая, а Красная Армия — к 12 июня 1941 г. Затем Берлин отложил нападение, перенес его на 22 июня, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок — 15 июля 1941 г. Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе»¹.

В 1995 году в журнале «Отечественная история» № 3 была опубликована статья полковника, кандидата исторических наук Владимира Данилова «Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность»². Причины поражений Красной Армии летом 1941 года Данилов видит в том же самом, что и Виктор Суворов — Красная Армия готовилась не к обороне, а к мощному упреждающему удару по Германии.

«Обратимся к языку цифр и фактов, характеризующих начало войны.

К середине июля 1941 г. из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромленными, 70 дивизий потеряли свыше 50% своего личного состава и техники. Особенно жестокие потери понесли войска

¹ М. Мельтюхов. «Преддверие Великой Отечественной войны. 1939—1941 гг.: становление великой державы», в сборнике «Правда Виктора Суворова», с.99—100.

² В. Данилов. «Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность». Отечественная история. № 3, 1995.

Западного фронта. Из общего числа разгромленных на советско-германском фронте дивизий 24 входили в состав этого фронта. В катастрофическом положении оказались и остальные 20 дивизий этого фронта. Они потеряли в силах и средствах от 50 до 90%.

За первые три недели войны Красная Армия лишилась огромного количества военной техники и вооружения. Только в дивизиях (без учета усиления и боевого обеспечения) потери составляли около 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. орудий противотанковой обороны, около 12 тыс. минометов и около 6 тыс. танков. Военно-Воздушные Силы за это время потеряли 3468 самолетов, в том числе значительное количество машин новых конструкций. Уже к полудню 22 июня в ходе бомбардировок советских аэродромов немцы уничтожили 1200 самолетов, из них свыше 800 — на земле. Потери советского Военно-Морского Флота составили:

1 лидер, 3 эсминца, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров, ряд других судов и транспортов.

К концу 1941 г. Красная Армия потеряла практически весь первый стратегический эшелон — наиболее подготовленные кадровые войска. Только военнопленными, как это теперь установлено, потери за это время составляли около 3,9 млн человек. К 10 июля немецкие войска продвинулись в глубь советской территории: на главном, Западном направлении — на 450—600 км с темпом продвижения 25—35 км в сутки, на Северо-Западном направлении — на 450—500 км с темпом 25—30 км в сутки, на Юго-Западном направлении — на 300—350 км с темпом 16—20 км в сутки. Для сравнения: потери вермахта за этот период составили около 40% танков от первоначального состава, из них 20% — боевые потери; 900 самолетов; на Балтике — 4 минных заградителя, 2 торпедных катера и 1 охотник. В личном составе потери вермахта, по немецким данным, составили около 100 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести 27. Такие потери немцев, хотя и превышали значительно их потери в предыдущих боях

в Западной Европе, ни в какой мере не были сопоставимы с потерями советских войск.

В связи со всем сказанным возникает законный вопрос: в чем причина трагедии 22 июня? Среди многих факторов обычно называются «ошибки» и «просчеты» советского военно-политического руководства. Но при более внимательном рассмотрении некоторые из них оказываются вовсе не наивными заблуждениями, а следствием вполне продуманных мероприятий с целью подготовки упреждающего удара и последующих наступательных действий против Германии. Этому стратегическому замыслу и был подчинен принцип оперативного построения войск первого стратегического эшелона. На деле же войну пришлось начинать в условиях мощного неожиданного удара со стороны противника неорганизованными оборонительными действиями. К тому же войсками, практически повсеместно застигнутыми врасплох.

Другой факт. Генштаб с учетом нанесения главного удара по противнику на Юго-Западном направлении наметил сосредоточить здесь группировку войск, которая в полтора раза превышала группировку войск противника. Да и задачи, поставленные фронту на этом направлении, преследовали наступательные, а не оборонительные цели. Следовательно, не из мифических ожиданий главного удара противника, а исходя из наших расчетов на успех на Украинском направлении именно здесь была сосредоточена соответствующая группировка войск. Противник же нанес главный удар на Западном, Белорусском направлении, где наш Генштаб предполагал вести в основном активные оборонительные действия.

Как уже отмечалось, для Генштаба Красной Армии не было тайны немецкого плана нападения на СССР — плана «Барбаросса». Через 10 дней после утверждения этого плана Гитлером, т.е. 28 декабря 1940 г., его основные положения находились в руках советской военной разведки. А это означает, что советское Главное командование располагало информацией относительно немец-

ких планов нанесения главного удара по советским войскам севернее Припятских болот, а также о наступлении особо сильными танковыми клиньями из района Варшавы и севернее ее с задачами разбить силы русских в Белоруссии и т.д. Почему же советский Генштаб сосредоточил довольно сильные группировки войск в Белостокском и Львовском выступлениях? Не надо быть стратегом, чтобы ответить на этот вопрос. Даже беглый взгляд на конфигурацию советско-германской границы (линии будущего фронта) показывает возможность использования Белостокского и Львовского выступов для нанесения здесь многообещающих концентрических ударов по немцам. Генштаб не мог не использовать такой шанс. Но, как известно с времен сражения при Каннах (216 г. до н.э.), манящий выступ при определенных условиях может превратиться в пожирающий котел. Именно в таких котлах оказались войска Красной Армии. Триумф германского командования стал одновременно трагедией сотен тысяч советских воинов¹.

Безоговорочным единомышленником Суворова является доктор исторических наук Юрий Фельштинский:

«Безусловная заслуга В.Суворова состоит в том, что им была названа дата принятия Сталиным решения о начале военных действий против Германии: 19 августа 1939 года — день подписания советско-германского пакта о ненападении. Это может показаться парадоксальным, но только так можно объяснить все дальнейшее поведение Сталина, чему и посвящает свои книги В. Суворов.

В смысле позиции Гитлера загадок нет. Можно утверждать, что принципиальное решение о разрыве со Сталиным он принял во время визита Молотова в Берлин в конце 1940 года. Молотов потребовал тогда от немцев согласия на советскую оккупацию Румынии.

¹В. Д а н и л о в. «Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность». Отечественная история, № 3, 1995.

Болгарии, Финляндии и Проливов. Гитлер ответил решительным отказом и подписал директиву о нападении на СССР.

Перед самой войной, в 1938/39 финансовом году, Германия тратила на вооружение 15% своего национального дохода — столько же, сколько Англия. Гитлер не хотел вооружаться за счет благосостояния германского народа. К тому же это могло привести к падению его популярности.

В Советском Союзе на оборонные расходы в первые три года третьей пятилетки официально было затрачено 26,4% всех бюджетных ассигнований, причем в 1940 году этот процент был равен 32,6%. А в 1941-м на оборону планировалось затратить 43,4% бюджетных ассигнований.

Эти сухие цифры подводят нас к выводу, что советское правительство готовилось к войне»¹.

«Для изучения проблематики начального периода Второй мировой войны В. Суворов сделал больше, чем вся советская и западная историографии. Он нашел ответы на очень многие, мучившие нас десятилетиями, вопросы. Он очень многое объяснил, и объяснил, безусловно, правильно. Заслуга его неоценима»².

«В заключение несколько слов о еще одной дате, установленной В. Суворовым: 6 июля 1941 года, «Дне М». Приводимые автором аргументы в пользу этой даты очень серьезны. И все-таки здесь нам, видимо, не обойтись без дополнительной информации, которой пока нет. Может быть, нам помогут недоступные сейчас архивы. Может быть, станут известны протоколы заседания Политбюро 21 июня 1941 года. Как историк я склонен считать, что В. Суворов прав. Если окажется, что «день М» был назначен на 13 или 20 июля, это, в конце концов, не так уж будет важно. В. Суворов открыл для нас целый пласт нашей истории. В этом его величайшая заслуга. По его стопам, я уверен, пойдут теперь дру-

¹ Юрий Фельштинский. «Читая книги «Ледокол» и «День М» Виктора Суворова», «Вестник» №26(207), 22 декабря 1998.

² Там же.

гие — поправляя, дополняя и уточняя. Они будут вторыми, третьими...десятыми. Виктор Суворов был первым»¹.

Доктор исторических наук Ирина Павлова — автор исключительно интересной и важной книги «Механизм власти и строительство сталинского социализма», вышедшей в Новосибирске в 2001 году. В главе «Поиски правды о кануне Великой Отечественной войны» Павлова пишет: «Относительный покой в среде российских военных историков разрушила публикация на русском языке книг В. Суворова (В. Резуна), который поставил под сомнение то, что в СССР ранее никогда и никем не подвергалось сомнению. (Его книга «Ледокол» имеет подзаголовок «Кто начал Вторую мировую войну?») Своими книгами он стремился доказать, что главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны — Советский Союз. Используя метафорический оборот, он назвал день фактического вступления СССР в войну — 19 августа 1939 г. В. Суворову удалось вычислить, что в этот день состоялось заседание Политбюро ЦК, которое приняло решение о начале тайной мобилизации. «Многие историки, — пишет он, — думают, что сначала Сталин решил подписать с Гитлером мир, а потом решил готовить внезапное нападение на Германию. Но факты открыли и подтвердили мне, что не было двух разных решений. Подписать мир с Германией и окончательно решиться на неизбежное вторжение в Германию — это одно решение, это две части единого замысла». И далее: «Поэтому я считаю 19 августа рубежом войны, после которого при любом раскладе Вторая мировая война должна была состояться. И если бы Гитлер не начал ее 1 сентября 1939 года, Сталин должен был бы искать другую возможность или даже другого

¹Юрий Фельштинский. «Читая книги «Ледокол» и «День М» Виктора Суворова», «Вестник» №26(207), 22 декабря 1998.

исполнителя, который бы толкнул Европу и весь мир в войну. В этом суть моего маленького открытия»¹.

В. Суворов не замкнулся на одном 1939 году, а рассмотрел все основные события вплоть до начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г., увязав их в единое логическое целое: «Тайная мобилизация должна была завершиться нападением на Германию и Румынию 6 июля 1941 года... Тайная мобилизация была направлена на подготовку агрессии. Для обороны страны не делалось ничего. Тайная мобилизация была столь колоссальна, что скрыть ее не удалось. Гитлеру оставался только один и последний шанс — спасти себя превентивным ударом. И 22 июня 1941 года Гитлер — на две недели — упредил Сталина»².

Публикация книг Суворова разделила историков на две неравные группы. Подавляющее большинство — историки со стажем и именами, которые в своих трудах «освящали» просталинскую концепцию войны. Работая много лет под эгидой Института военной истории Министерства обороны СССР, они не смогли принять даже той половинчатой правды о войне, которая стала достоянием официальной гласности. Об этом свидетельствует провалившаяся попытка подготовить новую 10-томную «Историю Великой Отечественной войны советского народа». Но и те военные историки, которые (как, например, А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова) резко критикуют Сталина и сталинизм за неготовность советских войск к началу войны, за некомпетентность и произвол, безнравственность и жестокость³, оказались не готовы к тому, чтобы спокойно обсуждать концепцию В. Суворова.

Объяснить это можно лишь тем, что суворовская концепция ломала не только устоявшуюся историографическую традицию, но и наносила удар по личным чувствам и представлениям о войне. Тем более что мно-

¹ В. Суворов. Ледокол. М., 1992. Он же. День М. М., 1994, с. 130, 131.

² В. Суворов. День М. с. 249.

³ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930—1990). М., 1994.

гие военные историки, как А.Н. Мерцалов, сами были ее участниками. Это не просто неприятие, но и нежелание понять. Книги В. Суворова, по их мнению, не заслуживают развернутых рецензий военных историков, потому что «с помощью «ледоколов» осуществляется конъюнктурный пересмотр важнейших моментов отечественной и мировой истории», бросается «тьма на реальные исторические факты, которые давно и с научной точки зрения безукоризненно (! — И.П.) установлены мировой историографией»¹.

По мере распространения влияния книг В. Суворова на общественное сознание в России усиливалось и их отрицание. От замалчивания эти историки перешли к ругани и неправдоподобным обвинениям. Они заклеили его как «не историка, не мемуариста, изменника, агента иностранных спецслужб». Оказывается, его книги «написаны разными людьми, скорее группами людей», участие В. Суворова «обнаруживается лишь в отдельных литературных приемах, жаргоне, междометиях»².

...В отличие от своих маститых оппонентов, В. Суворов понял, хотя и не занимался специально, механизм власти сталинского режима, основной принцип деятельности Сталина в политике — по возможности не оставлять документов, не оставлять следов, окружать правду «батальонами» лжи»³.

«В советское время историки не только не имели доступа к секретным материалам партийных и государственных органов, но и воспитывались на строгом соблюдении принципов партийности и классового подхода. Это предполагало следование той интерпретации событий, которая была заложена в самих источниках. В результате в трудах историков воспроизводилась идеоло-

¹ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. «Непредсказуемое прошлое или преднамеренная ложь?», «Свободная мысль», 1993, № 6, с. 50—51.

² Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Между двумя крайностями, или Кто соорудил «Ледокол»? // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 83.

³ Ирина Павлова. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001, с. 352—355

гия и логика документа. Основная трудность в преодолении советского историографического наследства заключалась в том, чтобы научиться вскрывать подлинный смысл событий, которые по-своему отражали оставшиеся документы советской эпохи — секретные и несекретные. Надо отдать должное В. Суворову, проявившему себя в книге «Ледокол» как историк-разведчик, сумевший раскрыть главную тайну советской военной политики и истории. Сделал он это, опираясь в основном на опубликованные советские источники, которые были им сопоставлены, переосмыслены, очищены от идеологической маскировки и маркировки¹.

В 1995 году в Москве в издательстве «Прогресс-академия» вышла книга израильского историка Габриэля Городецкого «Миф «Ледокола». Издана она была в Москве, но печаталась в Берлине, и весьма большим тиражом. Я узнал об этом случайно, просто оказалось, что жил тогда прямо напротив берлинской типографии, выполнявшей заказ, и в случайном разговоре сотрудники типографии о нем рассказали. Если московское издательство в середине 90-х заказывает печатание некоей книги в Берлине, значит, денег у него на эту книгу имеется немерено. И легко догадаться об источнике этих денег. Книга Городецкого рекламировалась как научное достижение иностранного историка, которому удалось сделать то, на что оказались неспособны российские. Городецкого пригласили в Москву работать в закрытых архивах и оказывали ему всяческую официальную поддержку. Расчет простой — в России традиционно верят больше иностранцам, говорящим нечто выгодное властям, чем собственным казенным ученым, поскольку их дрессированность и зависимость от власти заведомо очевидны.

Городецкий таких тонкостей, вероятно, не понимал и

¹ Ирина Павлова. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001, с.356.

искренне считал, что тиражи его книги, как и исключительно уважительное обращение с ним в Москве, объясняется пистетом перед его научным весом и эрудицией. Это видно из почти анекдотического ответа Городецкого на вопрос, появились ли после выхода книги в Москве оппоненты среди российских историков или военных.

Городецкий: «Презентация моей книги проходила в Москве. Должен сказать, что это было нечто монументальное. Она просто не сходила с экрана телевидения и со страниц газет. И историки, и военные — все повторяли одно: «Вы сделали за нас то, что мы не могли сделать. Очень, очень сильно». Вопрос, который повторялся все время: «Почему именно израильтянин решился на это — человек со стороны?» Во всем этом я ощущал очень сильный элемент самокритики с их стороны. Я ожидал, конечно, критических высказываний со стороны профессионалов, но критики не последовало. На презентации был один человек, связанный с Суворовым, — Борис Соколов. Так вот, 99 процентов присутствовавших на него буквально набросились. Вот вам разница в настроениях, которые царят на улице, и в настроениях тех людей, которые обладают необходимыми знаниями»¹.

Книга Городецкого и по сию пору остается наиболее научной по форме и респектабельной попыткой опровергнуть Суворова. Тем более на фоне макулатурных поделок всевозможных анонимов с очевидной кагэбэшной подкладкой.

Мне книга Городецкого показалась вопиюще некачественной. Даже не в том дело, что Городецкий конечно же не смог опровергнуть Суворова, он там практически и не пытается это делать. Городецкий очень плохо понимает советскую историю вообще, не различает психологии и мотивов действий сталинской власти, которая управляла политическими событиями.

¹ Зеев Бар-Селла, Татьяна Шрайман. «Анти-Ледокол». «Вести», 02.03 — 08.03, 1995. С. 4.

не врубается даже в те немногие документы, которые приводит.

В израильской русскоязычной газете «Вести» в марте 1995 года появилось интервью с Габриэлем Городецким и убийственный комментарий к интервью и книге, сделанный известным израильским историком Зеэвом Бар-Селлой. Вот несколько ключевых выдержек из статьи Бар-Селлы:

«Сам Сталин неудачи первого периода войны объяснял просто — внезапность! Гитлер, коварно злоупотребив доверием, вероломно напал на мирный Советский Союз. А единственное в мире рабоче-крестьянское государство, естественно, к войне готово не было. Точнее, Гитлер свою армию отобилизовал, а Красная Армия отобилизоваться не успела. Просто и внятно.

Только один вопрос возникает — неотобилизованная Красная Армия в самые первые месяцы войны теряет только пленными более 4 миллионов человек! Откуда они взялись, эти солдаты, если мобилизации не было? Ведь после 22 июня мобилизовать и пригнать эту массу на фронт — за столь краткий срок и при известном состоянии русских дорог — было физически невозможно. Так, значит, мобилизация была проведена заранее? И значит, никакой внезапности не произошло? И Сталин страну к войне готовил? И если судить по количеству пленных, количеству захваченных врагом боеприпасов — 25 тысяч вагонов, числу потерянных в боях и брошенных танков, самолетов — многие тысячи, орудий — десятки тысяч, — Сталин страну к войне приготовил?! Тогда в чем же дело? Почему же все обернулось так, а не иначе?

В 1988 году ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов, сотрудник Главного разведывательного управления, сбегавший на Запад. И ответ этот — чудовищный, не лезущий ни в какие рамки. Но ответ, не оставляющий места никаким вопросам. Сталин не был ни слепцом, ни дураком. Он был — преступник. И вины за развязывание Второй мировой войны на нем не меньше, чем на Гитлере. Да, Гитлер хотел войны и 1 сентября

1939 года ее начал. Но начать ее он смог лишь потому, что ему помогал Сталин. Сам же советский вождь помогал Гитлеру не из альтруизма и не по глупости, а потому, что сам хотел захватить и Германию, и Польшу, и Чехословакию, и Венгрию, и Румынию, и Финляндию, и Францию, и Италию, и Англию... И армию свою Сталин отобилизовал и готовил ее к нападению на Европу, именно к нападению, а не к обороне. И тогда масса неслучайностей и загадок получает свое объяснение и разгадку. И если кто-то, говорит Суворов, думает, что под Сталиным Европе было бы легче и лучше, чем под Гитлером, то это еще как посмотреть. Сталин к тому времени уничтожил, выморил голодом и загнал в лагеря уже четверть населения собственной страны. Полагать, что к европейцам он по какой-либо причине отнесся бы иначе, будет, по меньшей мере, неосмотрительно.

В 1992 году книга В. Суворова «Ледокол» вышла наконец и в России. И, естественно, вызвала бурную реакцию. Одни склонялись к тому, чтобы ему поверить, другие (по числу печатных откликов — большинство) яростно возражали. А Суворов меж тем выпустил вторую часть — «День М», в которой привел новые данные, полностью подтверждающие выводы первой книги. И тогда пришел Габриэль Городецкий и дал Суворову развернутый отпор.

Сразу оговорюсь — я ни в коей мере не ставлю своей целью защиту или апологию концепции Суворова. Защита или опровержение таких концепций — это дело военных историков.

И здесь с Г. Городецким мы находимся в равном положении. Поэтому рассмотрим приемы аргументации и полемики, представленные в книге «Миф «Ледокола».

Как уже говорилось, Суворов считает, что Сталин планировал нападение на германскую армию. Опровержение Городецкого: «Документы германской разведки, цитируемые далее в этой книге, определенно свидетельствуют о том, что развертывание советских войск носило оборонительный характер и не представляло никакой опасности для вермахта» (стр. 10). На стр. 29 (при-

мечание 8) указано: «См. наст. изд., с. 115—119». Т.е. на данных страницах обещано процитировать соответствующие аргументы германской разведки, наголову разбивающие домыслы Суворова. Открываем книгу на указанных страницах — раздел «Германия и превентивная война», — обнаруживаем: не цитируется ни один документ германской разведки, нет ни одной ссылки на хоть какой-то документ германской разведки. А что есть? Есть замечание, что «даже Паулюс, который был бы рад представить такие данные в Нюрнберге, неохотно признал, что «в наше поле зрения не попали какие-либо факты, свидетельствовавшие о подготовке Советского Союза к нападению» (стр. 117).

Я, в отличие от Городецкого, не знаю, что должно было радовать или печалить бывшего фельдмаршала, но мне достоверно известно, что задолго до Нюрнбергского процесса (в 1943 г.) Паулюс попал в советский плен, вступил в руководство антигитлеровского комитета «Свободная Германия», находился в плену в момент Нюрнбергского процесса и оставался в плену еще долгие годы после процесса. Если показания такого свидетеля (не подкрепленные ни одним документом) Городецкий считает доказательством — воля его.

Впрочем, как отмечает Городецкий, все прочие немецкие генералы на том же процессе в Нюрнберге твердо стояли на том, что вермахт нападения Красной Армии ожидал. Но с этими ненужными показаниями Городецкий разделяется без труда — «благоприятная обстановка «холодной войны». После чего хладнокровно отмечает: «Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что немецкая разведка таких сведений вообще не поставляла» (стр. 116—117). Ссылок на данные «архивные материалы» не приводится. Да и откуда им взяться, этим ссылкам, если все материалы ОКБ (Верховного командования вермахта) находятся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (г. Подольск, Московской обл.) и ни одному западному историку никогда не выдавались. Это с одной стороны. А с другой стороны, «превентивная война — совершенно чуждая

идея в советском военном арсенале». Если кто-то готов рассматривать данное заявление Городецкого как аргумент — воля его.

Одно из центральных мест в системе доказательств Суворова занимает проблема странного невнимания советского командования к строительству оборонительных сооружений вдоль новой (после сентября 1939 года) западной границы. Рассмотрению этой странности (вкюпе с не менее поразительным разрушением старой оборонительной «Линии Сталина» — одной линии еще нет, а вторую уже разрушают!) Суворов посвящает 20 страниц своей книги, приводя данные мемуаристов и официальных публикаций. И приходит к выводу: Сталин думал не об обороне, но о нападении. Новая же линия оборонительных сооружений ни для какой обороны не предназначалась, а была на самом деле не слишком тщательно изготовленным макетом.

Что же противопоставляет суворовским аргументам Городецкий? Во-первых, отмечает он, «в архивах полно документов, касающихся вопросов строительства укрепленных районов на новых границах» (стр. 283). Отлично — приведи хоть один. Не приводит. А откуда сведения о том, что полно? Источник — и этого, и того, «что работы шли полным ходом и были прерваны только немецким вторжением», — две советские журнальные публикации 1988 года общим объемом в 6 страниц; значит, сам Городецкий никаких архивов не видел и о том, что там на самом деле есть или чего нет, судить не может. Но он советским публикациям хочет верить. И верит.<...>

В интервью Г. Городецкий приводит интереснейшие суждения о Коминтерне. Во-первых, он сообщает, что просмотрел все коминтерновские архивы.

Коминтерн, III Коммунистический Интернационал, существовал с 1919 по 1943 год. А теперь потрудитесь представить, сколько бумаги было исписано коминтерновцами за 24 года упорного труда! Кроме того, Коминтерн работал по секциям, и даже допустив, что язык документов германской, американской или палестин-

ской секций доступен Г. Городецкому, я не смею утверждать, что столь же свободно разбирается он в материалах секций японской и китайской. Скорее всего Городецкий просто не представляет себе ни специфики, ни масштабов работы Коминтерна, ни, соответственно, объема документального материала. Но это к слову. Из всех документов ссылка имеется лишь на один — неопубликованный дневник Георгия Димитрова. Из чтения данного дневника Городецкий уверенно приходит к выводу, что Сталин хотел Коминтерн распустить. А при распущенном Коминтерне ни о какой революционной войне и речи быть не может — значит, Суворов кругом неправ.

Умение читать и понимать написанное столь же разнятся меж собой, как смотреть и видеть. А Сталин говорил Димитрову следующее: «...следовало бы компартии сделать совершенно самостоятельными, а не секциями К.И. Они должны превратиться в национальные компартии, под разными названиями — рабочая партия, марксистская партия и т.д. Название не важно. Важно, чтобы они внедрились в своем народе и концентрировались на своих особых собственных задачах» (стр. 183). О чем здесь идет речь? А речь идет о том, что национальные компартии, давно скомпрометировавшие себя как агентура Москвы, должны внедриться (обратите внимание на термин — «внедриться»!) в политическую жизнь своих стран. Для чего это нужно? А как раз для того, чтобы при захвате той или иной страны Красная Армия не выглядела оккупантом. Пример Финляндии налицо — старый московский сиделец Отто Куусинен объявил в Сестрорецке о создании Демократической Республики Финляндия и призвал на помощь Советский Союз. Куусинена пришлось поставить председателем ДРФ после того, как генсек финской компартии от такого предложения отказался. Потому-то в преддверии будущей войны и понадобились якобы независимые от Коминтерна компартии во всех подлежащих захвату странах. Только и всего.

В интервью Городецкий уверяет, что в его руки по-

пали и протоколы того самого заседания Политбюро, на котором Сталин резко отверг планы Жукова и Тимошенко нанести по германской армии превентивный удар, а Тимошенко даже угрожал расстрелом. Если это правда — Суворову придется туго. Правда ли это? Зависит от источника, а источник здесь никакой не протокол заседания Политбюро, а переданная Городецкому Львом Безыменским записка, подписанная генералом Н. Пашенко, которому об этом заседании рассказал Тимошенко (стр. 341). Когда была составлена записка, что и когда рассказывал Тимошенко, рассказывал ли вообще — все под вопросом. Необходимо помнить только, что ответственность за катастрофу начала войны со Сталиным делили и начальник генштаба Жуков, и нарком обороны Тимошенко, и после смерти Сталина им приходилось оправдываться. Но как бы там ни было, Городецкий или нетвердо помнит, что он в своей книге написал, или плохо понимает, что такое документ. Можно долго перечислять все несообразности этого сочинения — материала хватает, 350 страниц. Но остановимся только на одном рассуждении Городецкого — относительно речи Сталина перед выпускниками военных академий («академиками Красной Армии», как называл их вождь) 5 мая 1940 года. Существует несколько версий этой речи. Городецкий долго думает, как эти версии примирить, и в конце концов приходит к сногшибательному выводу — Сталин, оказывается, в один день прочел три речи, перед тремя различными группами выпускников. Я, со своей стороны, могу дать небольшую справку: речь была одна, но состояла из двух частей. Первая часть была опубликована сразу, а вторая — секретная — никогда. Во второй части и содержались те самые знаменитые слова о том, что «Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне». А знаю я об этом от одного из присутствовавших «академиков» — моего отца.

Но Городецкому идеи о трех разных речах мало —

ему кажется, что он самого Суворова за руку схватил. В интервью он так и говорит — фальсификация, из слова «контрнаступление» Суворов выбрасывает частицу «контр», и получается «наступление»!

А вот как он проводит эту мысль в книге (стр. 293): «...читатель должен обратить внимание на то, что Сталин несколько раз повторяет слово «наступление», означающее контрудар, т.е. противоположное «нападению», что означало бы войну, начинаемую по собственной инициативе».

Для человека, знающего русский язык, здесь загадок нет: «наступление» — это наступление, «контрнаступление» — контрнаступление, а вот «нападение» — это не наступление. Нападают на нас (гитлеровская Германия, например), а мы — мы ни на кого не нападаем, мы — наступаем.

Так что не надо, русского языка не зная, о русском языке рассуждать. Даже если очень хочется.

Городецкий — Суворову не соперник. Он никому не соперник. Пишет о войне, не имея военного образования, об архивах, не читая... Что же заставило его взяться за это гиблое дело? Во-первых, конечно, приятно — те самые советские коллеги, которые раньше поворачивались к нему только спиной, теперь поворачиваются другим местом. Документы дают. А если не хотят давать, то говорят, что таких и вовсе нету. И как им не поверить? («Нет оснований не доверять Дмитрию Волконову, который (...) удостоверяет, что (...) не было документов, свидетельствовавших о воинственных намерениях Сталина в отношении Германии» — стр. 18). Во-вторых, конечно, есть у Городецкого и собственный интерес — российскому историку Сталина защищать неудобно, а израильскому еврею — в самый раз. А кто он такой — не важно. Особенно если в доску свой.

«Суворов избрал интеллектуальный орган белоэмигрантов, чтобы начать крестовый поход против...» (стр. 7)

«Во время «холодной войны» было принято исходить из того, что Сталин последовательно проводил идеологизированную политику, направленную на разжиган-

ние войны... Суворов, конечно, изучал (...) курс марксизма-ленинизма, и тем удивительнее ложная интерпретация им основных марксистских положений»... (стр. 61)

«Суворов (...) размахивает жупелом коммунизма (...); этим методом пользовались еще историки периода «холодной войны», пугая Запад...» (стр. 19)

Только в вечно мерзлом грунте социалистического Израиля и мог, пожалуй, еще сохраниться такой реликт»¹.

Если в сугубо научных дискуссиях концепция Суворова однозначно выстояла и серьезных альтернатив не имеет, то общественная позиция самого Суворова и его идей выглядит гораздо хуже. Только относительно небольшая часть постсоветского общества готова либо согласиться с ним, либо даже всерьез, без ажиотажа и всплесков ненависти рассматривать ее идеи. Дело тут не в Суворове, а в хаосе, который оставила после себя советская власть в головах советского населения.

К тому же судьба автора концепции — беглого советского разведчика тоже не оставляла участников споров равнодушными. Для одних он — герой, для других — предатель, человек изменивший присяге, ренегат. Его противникам часто кажется, что, скомпрометировав Суворова лично, можно подорвать убедительность его исторических изысканий. Что скандальная идея, высказанная предателем-одиночкой, на которого к тому же ополчились и общественность, и научный мир, по определению не может не быть курьезом. Таким образом судьба исторической концепции и судьба ее автора в общественном сознании оказались тесно связанными и часто воспринимаются в равной степени экзотическими.

В общественных дискуссиях научный вес аргументов не играет почти никакой роли. Ключевую роль играет идеологическая сторона. Чисто советский тезис о том,

¹ Зеэв Бар-Селла. Вечная мерзлота. «Вести», 02.03 — 08.03, 1995. С. 8—9.

что советский народ вынес невыносимые беды и катастрофы только ради того, чтобы спасти мир от фашизма, до сих пор сидит глубоко в подсознании бывшего советского населения. Этот тезис для многих единственное оставшееся моральное оправдание всей их жизни и основа самоуважения. Сознание из-за всех сил сопротивляется мысли, что все было не так. Что жизнь советских людей, переживших сталинскую эпоху, моральных оправданий вообще не имеет. Что ее остается только стыдиться, как стыдятся немцы четырнадцати лет нацистского правления.

Суворов не пишет этого напрямую, но иного вывода из его концепции советской истории сделать невозможно. А желающих любой ценой защитить свое прошлое и свое достоинство всегда гораздо больше, чем желающих добровольно обсуждать свою возможную ответственность за соучастие в преступлениях. За общественным возмущением книгами Суворова стоит совершенно естественный инстинкт морального самосохранения. Иногда такое возмущение принимает форму квазинаучных публикаций, но характер аргументации мгновенно выдаст действительные их мотивы.

Характерным примером такого подхода может служить один из первых откликов на книги Суворова — статья доктора исторических наук, профессора Арона Черняка «Глазами участника и историка», опубликованная в 1994 году в № 93 израильского журнала «Двадцать два», вскоре после выхода двух первых книг Суворова на русском языке. Профессор Черняк — специалист по истории артиллерии и военной промышленности, фронтовик, прошедший всю войну с начала до конца. Логика и методика спора Черняка типична для множества дискуссий, будоражащих постсоветскую общественность уже больше 10 лет.

Черняк не согласен с Суворовым категорически, полагает его теорию недоказанной и ненаучной, а сами книги — образцом мистификации. И первое, что возмущает Черняка, — это терминология Суворова, который считает «Великую Отечественную войну» лишь эпизо-

дом Второй мировой войны, агрессивно начатой СССР в 1939 году.

Черняк пишет: «...если автор говорит о том, что он разрушает «память о справедливой войне», «освободительной», то какова же она в глазах Суворова? Понятно — несправедливая, несвободительная, захватническая. Но тут же встает сакраментальный, быть может, самый главный вопрос: кто же тогда десятки миллионов, погибших на фронтах, в тылу, фашистских концлагерях, — как их теперь называть? Защитниками своей Родины или захватчиками? Героями или преступниками?.. Что за захватническая война, которая начинается с сильно затянувшегося оборонительного периода? Как это захватчик обороняется от обороняющегося противника?.. Рассуждения Суворова о характере Великой Отечественной войны — это образец нравственного абсурда, и они делают его книги глубоко безнравственными — от этого вывода уйти никуда нельзя»¹.

Стоп, а при чем здесь Суворов? Разве Суворов впервые рассказал нам, что СССР начал Вторую мировую войну одновременно с Третьим рейхом нападением на Польшу, Финляндию и Прибалтику и что этому предшествовал пакт, поделивший весь мир на сферы влияния Германии и СССР? Что СССР насильственно установил коммунистические режимы в оккупированных им странах Восточной Европы и поддерживал их существование с помощью Советской Армии, периодически устраивая вооруженные интервенции, вплоть до 1990 года? Если профессор Черняк услышал об этом не впервые, то его рассуждения о безнравственности книг Суворова — чистой воды демагогия.

Апелляция к нравственности немедленно превращает дискуссию из научной в идеологическую и высвечивает главную проблему, созданную книгами Суворова сразу для нескольких поколений советских людей.

Воспоминания о благородной роли советского народа в мировой войне — единственное светлое пятно в исто-

¹ Черняк Арон. «Глазами участника и историка», «Двадцать два», 93/1994, с. 211—223.

рии СССР. Единственный раз за 70 лет советским людям разрешили сопротивляться врагу и ненавидеть его. До и после войны потери населения тоже исчислялись миллионами, но убийц в лице органов и партии положено было любить. А тут впервые налицо оказался реальный, не придуманный враг, чужой и жестокий, ненависть к которому не нужно было в себе давить. Светлая идея победы над фашизмом косвенно оправдывала все — все потери, военные, довоенные и послевоенные, рабский труд, нищету, ГУЛАГ. Поэтому отказаться от нее оказалось психологически гораздо труднее, чем распрощаться с самой коммунистической идеологией.

Теория Суворова — будь она доказана — лишает массу людей нравственного оправдания тягот собственной жизни. Если он прав, то они — не спасители мира от фашизма, а агрессоры. То, что советский народ уже был к тому моменту агрессором по отношению к Польше, Финляндии и Прибалтике, в сознании обычно не откладывается.

Риторический вопрос — кто были советские люди в войне, защитники или захватчики? — лишен смысла. Были последовательно и теми, и другими.

Можно было бы задать более разумный вопрос: были ли они антифашистами? Антифашизм определяется не просто позицией в драке, это образ мышления, неприятие государственных режимов фашистского типа. То есть антифашизм — это борьба за демократию, а не наоборот. Красная Армия была сталинистской и поэтому антифашистской быть, по определению, не могла. Политические цели у советского правительства, а следовательно, у Красной Армии были преступными независимо от того, нападала она, оборонялась или мирно выжидала удобного момента. Цель была: установить коммунистический режим насильственным путем там, куда удастся дотянуться. Вторгалась в Польшу и Прибалтику, оборонялась от Германии, давила сопротивление в восточноевропейских странах, подавляла восстание в Венгрии одна и та же армия, буквально одни и те же люди.

Следующая претензия Черняка к Суворову — мсто-

дологическая. Он полагает, что раз Суворов сам заявил, что почти не использует архивных материалов, а пользуется в основном открытыми советскими материалами, то его книги ненаучны. В доказательство перечисляет несколько не использованных Суворовым известных зарубежных изданий о Второй мировой войне.

Аргумент этот имеет смысл только в том случае, если удалось доказать, что использованных автором материалов недостаточно для доказательств его теории, а самому критику известны архивные материалы, этой теории противоречащие.

Ничего подобного мы здесь не видим. Основную массу приведенных фактов Черняк просто не замечает, а собственных источников также не цитирует. Его рассуждения носят привычно общий характер и, как правило, были уже приведены, разобраны и опровергнуты Суворовым в его книгах, чего Черняк тоже как бы не замечает.

Архивы Генерального штаба — единственное место, где Суворов мог бы найти письменные доказательства своей теории. — ему и его сторонникам недоступны. Впрочем, и его противники только там могут найти аргументы в свою пользу. Могут, но почему-то не находят, хотя сами архивы находятся практически в их руках.

Конечно, Суворов не может предъявить собственно-ручных приказов Сталина или Жукова о подготовке агрессии, но он анализирует сам процесс подготовки. И это оказывается совсем не сложно. Процесс налицо, и доказательств в избытке. Как раз основной блок суворовской аргументации — ключевые доказательства подготовки Красной Армии к нападению на Германию весной 1941 года — его противники не пытаются оспаривать.

Цепляются к мелочам, и, как правило, очень неудачно. Скажем, Черняк полагает, что если бы план нападения на Германию существовал, то «...командиры дивизий, корпусов, армий и фронтов, а также командующие флотами и руководители военной промышленности... обязаны были бы знать об этом плане в деталях, прини-

мать активное участие в подготовке, иначе план был бы обречен на нсудачу. Отсюда вывод: сохранить в тайне план развязывания Второй мировой войны невозможно; значит, такого плана не существовало».

Очень неубедительно. Во-первых, с какой стати командиры всех уровней обязаны были знать абсолютно секретный стратегический план во всех деталях? Это все равно что рассказать о нем журналистам.

Полностью в план нападения на Германию могли быть посвящены всего несколько главных разработчиков во главе со Сталиным, Жуковым и Шапошниковым. До нижестоящих командиров план доводился в виде конкретных приказов о передислокации и т.п. Тем не менее многим было ясно по характеру этих приказов, что речь идет отнюдь не об учениях. Суворов приводит массу примеров того, что, отправляясь якобы на маневры весной и летом 1941 года, офицеры догадывались, что предстоит война. И уж никак не оборонительная. Я позволю себе повторить только одну цитату, слова генерал-лейтенанта Телегина: «Поскольку предполагалось, что война будет вестись на территории противника, находившиеся в предвоенное время в пределах округа склады с мобилизационными запасами вооружения, имущества и боеприпасов были передислоцированы в приграничные военные округа».

Забавно и характерно, что, судя по приведенным выше словам Черняка про «план развязывания Второй мировой войны», он считает началом Второй мировой войны нападение Германии на СССР, а не Германии и СССР на Польшу. Для советского историка это естественно, для нормального — странно.

Критике конкретных аргументов Суворова профессор Черняк уделяет крайне мало места, и она какая-то странная. Вот Суворов пишет о том, что до войны советское танкостроение ориентировалось в основном на выпуск легких быстроходных танков БТ. Это был танк-агрессор, рассчитанный на стремительные прорывы по хорошим дорогам, которые тогда были только в Германии.

Черняк возражает: «...эту цель можно было осуществить с одним условием: если по БТ никто стрелять не будет. Максимальная толщина его брони составляла 20 мм, то есть пробивалась крупнокалиберным пулеметом». Но если для прорывов в тылы противника БТ, по мнению авторитетного критика, не годился, то для обороны тем более, тут броня еще важнее. Для чего же его вообще выпускали?

То же и с авиацией. Суворов приводит массу убедительных фактов о том, что перед войной упор был сделан на наступательную бомбардировочную авиацию, которая вся оказалась сосредоточена у самых границ с Германией, что разумно только при наступлении и самоубийственно при обороне. Он описывает гигантские масштабы подготовки военных летчиков в два предвоенных года. Их было так много, что им перестали присваивать офицерские звания, а сроки обучения сократили с трех лет до девяти, шести и даже четырех месяцев. То есть выпускали недоучек, способных только взлететь, отбомбиться и вернуться на аэродром. Вести воздушные бои их не учили, так как советская военная доктрина предполагала, что авиация противника будет в начале войны подавлена на аэродромах.

Критик удивляется последнему факту, а возражает так: «...большинство самолетов были устарелыми. С 1939 года по 22 июня 1941 года армия получила 17 745 самолетов, но из них новых типов... — около 20 процентов». Возможно, но каких типов? Прав Суворов или нет? Не ясно.

Суворов пишет о формировании в СССР перед войной с Германией 10 воздушно-десантных корпусов, что служит явным доказательством агрессивных военных планов. Черняк возражает: «Такие корпуса могли служить и средством сдерживания напавшего противника».

А зачем сдерживать именно таким образом? Кстати, Суворов и пишет о превращении после нападения немцев уцелевших десантных частей в обычные пехотные. Опять Суворов логичнее.

Совершенно неясно, что дало профессору Черняку

право с такой уверенностью заявить в завершение статьи, что книги Суворова «...не выдерживают квалифицированной критики» и являются «образцом мистификации». Доказать это ему не удалось. Как, впрочем, и никому больше.

Чтобы судить о добросовестности научной дискуссии, не обязательно быть специалистом в данной области. У меня есть любимая книга «Стенограмма заседания августовской сессии ВАСХНИИЛ 1949 года». Это когда в СССР надолго покончили с генетикой. Партия сказала тогда свое слово только в последний день заседания. А первые три дня «менделисты-морганисты» вовсю и в открытую рубились с лысенковцами. И не нужно было быть биологом, чтобы просто по характеру аргументов и методике спора определить, кто добросовестен, а кто нет. Кто апеллирует к науке, а кто защищает «политически верную концепцию». Здесь ситуация похожа.

Ущербность позиции подобных критиков Суворова не только в слабости контраргументов, но и в отсутствии альтернативной концепции.

Предположим, что Суворов не прав и Сталин не собирался нападать на Германию в июле 1941 года. Тогда возможны три варианта:

1. Сталин собирался напасть позже, например в 1942 году.
2. Сталин не собирался нападать вообще и готовился только к обороне.
3. Сталин поверил Гитлеру и ни к обороне, ни тем более к нападению не готовился, а занимался другими проблемами.

Первую версию Суворов подробно разобрал в «Ледоколе» и аргументированно отверг.

Доказательств того, что Сталин в 1941 году был озабочен оборонительными мероприятиями, до сих пор обнаружено никаких. Видимо, их не существует в природе. Версию о полной незаинтересованности Сталина в военных проблемах можно не рассматривать за бессмысленностью.

Две последние версии в разных сочетаниях нам на-

стойчиво внушались последние тридцать лет. Они были удобны, так как политически безболезненно объясняли катастрофу 1941 года. Но опирались в основном на веру советского человека в истинность печатного слова. Этот эффект срабатывал на удивление долго. Но теперь, когда Суворов создал и аргументировал свою концепцию, от его противников тоже потребовались аргументы. Оказалось, что нет не только контраргументов, но и самой контрконцепции.

То есть на вопрос, а чем собственно занимался Сталин в предвоенное время, если не подготовкой нападения на Гитлера и Европу, ответа нет. Никакого. Вместо этого — яростное цепляние за второстепенные детали и обрывки прежней идеологии.

Профессор Черняк сквозь зубы признает теоретическую возможность нападения Сталина на Гитлера когда-нибудь, но при этом не утверждает, что подготовка к этому велась. Не утверждает он также, что она и не велась. Он утверждает, что СССР к войне был не готов из-за репрессий против военных в конце тридцатых годов. Привычный аргумент, но несубедительный: если репрессии не помешали Сталину выиграть войну после страшного поражения 1941 года, то тем более не помешали бы победить в гораздо более благоприятных условиях — при внезапном нападении на Германию.

Каковы были действительные планы Сталина и к чему в конце тридцатых годов готовился СССР — к войне, к обороне или ни к чему не готовился, — этого профессор Черняк не объясняет. Что не мешает ему с уверенностью заявить: «...Суворов не понял в Сталине главного: не подлинные интересы страны, а животный страх за свою власть руководил им. Сталин неплохо знал историю и очень боялся Гитлера: понимал, что начать неподготовленную войну с ним смертельно опасно...»

Того, что Сталин руководствовался «подлинными интересами страны», Суворов не утверждал. Наоборот, утверждал обратное: Сталин всегда руководствовался только собственными людоедскими интересами. Интересно другое — откуда взялся миф о патологическом

страхе Сталина перед Гитлером, страхе, помешавшем ему даже организовать оборону? Исторических свидетельств этому не существует.

Статья Черныка — это типичный пример псевдонаучной, а по существу идеологической, чисто советской критики книг Суворова. Материалов такого типа можно найти в изобилии в прессе, а еще больше — в Интернете. Будучи редактором исторического отдела крупной газеты, я получал их кипами. Как правило, авторы таких статей — люди старшего поколения, военного или послевоенного, часто с научными степенями. Движет ими не научный интерес, а оскорбленное патриотическое чувство.

Очень резко против книг Суворова выступил писатель Георгий Владимов, сам автор замечательных книг, в том числе и о войне. Владимов опубликовал в газете «Московские новости» (№ 5, 1999) статью «Была ли та война Отечественной?». Раздражение писателя вызвал не столько сам Суворов, сколько полученная им от других поддержка. В частности, историк Юрий Каграманов, который в большой статье о советском внешнеполитическом мышлении, опубликованной в журнале «Континент»¹, использовал выводы Суворова об агрессивных мотивах вступления СССР во Вторую мировую войну как несомненные и доказанные. Владимов считает теорию Суворова курьезом и на двух газетных полосах опровергает ее. Занятие довольно опасное.

Для того чтобы опровергнуть Суворова, нужно либо доказать, что его сведения неверны, либо, что неверен анализ. И в любом случае следует привести доказательства того, что в 1941 году СССР готовился не к агрессии, а к обороне. Владимов затрагивает только некоторые выводы Суворова, далеко не ключевые. Вглядимся в аргументы.

¹ Юрий Каграманов. «...И разбросайте плоды его», «Континент» №97, 1998.

На довольно второстепенное замечание Суворова о том, что, готовясь к обороне, не стоило переходить в 1940 году Неман, обороняться лучше за водной преградой, Владимов отвечает: формально да, но бывают исключения. И долго рассказывает, как под Сталинградом советские войска оборонялись, имея за спиной Волгу, и победили. Все.

Не читавшие Суворова остаются в убеждении, что этот эпизод с Неманом был единственным его аргументом. На нарисованную Суворовым в двух книгах картину многоступенчатой подготовки к нападению — гигантскую концентрацию живой силы, танков и военных аэродромов прямо на границе, подготовку плацдармов для нападения на румынские нефтепромыслы и занятую немцами часть Польши, срочное формирование воздушно-десантных корпусов, передислокацию в приграничную зону военных складов, и т.д. и т.п. — Владимов просто не реагирует. Как будто не читал.

Строительство перед войной легких танков БТ, которые могли сбрасывать гусеницы и мчаться на колесах по автострадам, имевшимся тогда только в Западной Европе (по Суворову — доказательство агрессивных намерений), Владимов объясняет просто — «обезьянничанье». Дескать, придумал эти танки американец, а «мы у него слизывали, переняли и нежную заботу о европейском асфальте». Довольно странный и обидный для советских инженеров и специалистов из Генерального штаба упрек в идиотизме. Почему-то за эти злосчастные автострадные танки чащи всего безуспешно цепляются критики Суворова из числа возмущенной общественности. Аргумент, конечно, любопытный и убедительный, но совершенно не ключевой.

Бомбардировочную авиацию дальнего действия Владимов не считает оружием наступательным и приводит пример, когда советские войска в начале войны отступали, а прорвавшиеся бомбардировщики внезапно отбомбились в Берлин. Действительно, был такой героический и не имевший никакого значения для обороны случай. Правильное применение дальних бомбардиров-

щиков продемонстрировали в конце войны американцы и англичане, снеся с лица земли многие немецкие города.

Владимов считает, что оружие, в принципе, на наступательное и оборонительное не делится: «в сущности, всякое оружие универсально — и значит, безразлично к версии Суворова». Конечно, можно микроскопом орехи колоть, но вряд ли это признак универсальности микроскопа. Логика вызывающе непрофессиональная.

Гигантское превосходство СССР в самолетах Владимов считает фактором несущественным и не говорящим об агрессивности советских намерений: «Если немецкий пилот за войну сбивает 352 самолета, а наш самый успешный трижды герой — 62, будем ли сравнивать, у кого их больше, у кого они лучше?» Конечно, будем, если не решим, что Сталин сознательно планировал массовую гибель самолетов при обороне.

Как и многие другие критики Суворова, Владимов почему-то считает отсутствие официального приказа о подготовке нападения на Германию доказательством неагрессивных намерений Сталина. Отсутствие документов, подтверждающих подготовку страны к обороне, критика, однако, не смущает. А аргументов в пользу массовой подготовки к нападению, которые Суворов приводит в избытке, Владимов даже не упоминает.

Владимов утверждает, что Сталин даже если и хотел, то не мог бы напасть на Германию раньше 1945 года. Почему? Из-за террора в армии в 1938 году! Суворов этой проблеме посвятил целую книгу, ни одного аргумента из которой Владимов не упоминает и не опровергает.

Владимов повторяет старый советский тезис — о том, что война с «малонаселенной Финляндией» показала слабость Красной Армии, никак не объясняя, почему не прав Суворов, развернуто доказывавший обратное. Критикой такую критику назвать трудно.

Самое интересное в статье Владимова — это его оценка предвоенных советских стихов и песен. Он начисто отказывает им в воинственности и агрессивности:

«... Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Катюша о чем просит своего «си-

зого орла»? «Пусть он землю бережет родную». А что у нас в пропеллерах дышит? «Спокойствие наших границ». А как там наша броня? «Броня крепка и танки наши быстры», так что «заводов труд и труд колхозных пашен мы защитим». Если и слышится угроза, то это «если в край наш спокойный хлынут новые войны» — ну, тогда мы «песню споем боевую», и то — оборонного свойства: «встанем грудью за Родину свою». Так не готовят нацию к вторжению в чужеземье».

Увы, именно так и готовят. Напрасно Владимов полагает, что если бы готовили к агрессии, то призывали бы в песнях: «давайте захватим чужую территорию и поработим соседние народы». Опять — необоснованное подозрение Сталина в идиотизме. Это же был очевидный пропагандистский принцип — чтобы поднять на агрессию, нужно призывать к защите. И в песнях, и в речах.

Семнадцатого сентября тридцать девятого года, в день нападения на Польшу, Молотов призвал советских солдат защитить единокровных братьев — западных украинцев и белорусов. Когда в сороковом отнимали у Румынии Бессарабию, то защищали страдавших под чужеземным игом братьев-молдаван. От агрессивной Финляндии тоже только защищались. Песни и стихи сработали великолепно. За полтора года после пакта Молотов — Риббентроп СССР успел напасть на всех своих европейских соседей и оккупировать территории с населением 23 миллиона человек. Советские люди между тем и через пятьдесят лет после победы в большинстве уверены, что вступили во Вторую мировую войну 22 июня 1941 года. Для советских военных историков-генштабистов такая позиция естественна. То, что ее разделял Георгий Владимов, серьезный писатель и последовательный диссидент, — удивительно.

Такого рода претензии к теории Суворова только внешне выглядят как исторические дискуссии. Как правило, за ними скрывается моральный конфликт. Идет борьба не за историческую правду, а за право на историческую гордость. Владимов сформулировал это четко:

«Оставим наших ветеранов при сознании, что они защитили родину, а не сумасбродный замысел своего правителя».

Можно оставить. Можно и дальше говорить о воинах Красной Армии как о бескорыстных освободителях. Для этого придется забыть о бесчисленных агрессиях и преступлениях против человечности, совершенных Красной Армией и советским режимом. О расстреле 24 000 польских офицеров в «мирное» лето сорокового года, о диком политическом терроре на освобожденных от немцев территориях, о Заксенхаузене, превращенном в часть ГУЛАГа, о людоедских режимах в восточноевропейских странах. О Ким Ир Сене, Мао Цзэдуне и Берлинской стене. Придется врать дальше.

Проблема в том, что Владимов и его единомышленники призывают обманывать не только стариков-фронтовиков из сострадания, а всех вообще из патриотизма. Душевного благородства в этом, к сожалению, нет никакого.

Еще одну статью против Суворова Георгий Владимов опубликовал в 1999 году в газете «Русская мысль»¹. Опять Владимова больше, чем сам Суворов, раздражают его единомышленники, в частности Анатолий Копейкин, Тимур Мурзаев и автор этих строк, выступившие в той же «Русской мысли» в поддержку Суворова. Суворова и «суворовцев» писатель считает профессиональными еретиками, из чистого азарта ставящими вверх ногами давно устоявшиеся истины — «Каспийское море впадет в Волгу, овес кушает лошадей — вот истинный Суворов».

К тому же они еще и молодые циники — «не размякнут перед обидой участника ВОВ, когда ему доказывают, что не родину он защитил, а преступный агрессивный замысел».

Последний упрек — мне персонально. Отвечаю — размякну. Очень жалко несчастных обманутых людей. Но и размякнув, не смогу считать «участника ВОВ», по-

¹ Г. Владимов. «Кушают ли лошади овес?», «РМ», №4279, 1999.

давявшего танками парламентское движение в оккупированной восточной Европе, антифашистом и освободителем. Потому что взгляд на такие вещи определяется не возрастом и чувствительностью, а совестью и здравым смыслом. Потому что знаю, что очень немногие «участники ВОВ» размякли бы перед обидой узников Заксенхаузена 1945—1950 годов. Или перед обидой сотен тысяч собственных соотечественников из перемещенных лиц, с их помощью отправленных в ГУЛАГ в 1945-м. От этого их еще больше жалко.

До Владимова против Суворова не менее эмоционально, но не более убедительно выступил Наум Коржавин¹. Советский военный патриотизм у фронтовиков-диссидентов иногда странным образом соседствует с сознательным антисоветизмом. Но не у всех.

На риторический вопрос Владимова «Была ли та война Отечественной?» еще в 1981 году ответил Виктор Некрасов: «...«За правое дело!» Так называлась книга большого русского писателя Василия Гроссмана... Прочтись он сейчас, Василий Семенович, мурашки пошли бы у него по телу от одного этого названия. Он умный, даже мудрый, много знавший, чего не знали мы, предельно правдивый, даже он считал, что мы воевали тогда за правое дело. Враг будет разбит! Победа будет за нами! Но дело наше оказалось неправое. В этом трагедия моего поколения. И моя в том числе...»

Булат Окуджава, тоже, как хорошо известно, фронтовик, сказал в интервью «Литературной газете»: «Суворова прочитал с интересом... Мне трудно усомниться в том, что мы тоже готовились к захватническому маршу, просто нас опередили, и мы вынуждены были встать на защиту своей страны»².

Юрий Нагибин в романе «Тьма в конце туннеля» писал: «Он (Сталин. — Д.Х.) просчитался с Гитлером не

¹ Наум Коржавин. «О Сталине мудром...», «Континент» №93, 1998. См. также: Анатолий Копейкин. «Еще раз о технической оснащённости Красной Армии на 1941 год», «Русская мысль» №4208, 1998.

² «Литературная газета», 11.05.94.

потому, что свято верил ему или был по уши влюблен, — это годится для сатиры, гротеска (Гитлер, конечно, импонировал ему, как и он Гитлеру), а потому, что случай нарушил точный расчет. Все было сделано безукоризненно: он запудрил мозги Адольфу договором о дружбе, дележом Польши, всемерной помощью сражающемуся рейху, одновременно заказал нашей промышленности танки на резиновом ходу — для гладких европейских дорог и самолеты-штурмовики без заднего прикрытия — все только на атаку, на мгновенный сокрушительный удар. Раздавить Гитлера и пройти, как нагретый нож сквозь масло, уже распотрошенную его временным другом и союзником Европу — вот в чем состоял сталинский план. Ему не хватило какого-то темпа. Гитлер опередил его себе на погибель»¹.

«Стратегия наших военачальников сводилась к забиванию немецких стволов русским мясом. Жуков был просто мясником. Рухнула под ударами англо-американских бомбовозов немецкая оборонная промышленность, и немцы сдались. А пока этого не случилось, на авансцене битвы народов кривлялись двое отвратительных, кровавых и пошлых фигляров: Гитлер и Сталин. Им подыгрывали на вторых ролях два прожженных политика: Черчилль и Рузвельт. И все время шел какой-то омерзительный торг на крови, на жизнях тех, кто еще уцелел, делили земли, народы, вели новые пограничные линии по человеческим сердцам, и все гуще валил дым из газовых печей. А потом оказалось, что спор шел не между фашизмом и всем остальным человечеством, а между двумя фашистскими системами. Фашизм был побежден, фашизм победил»².

Юрий Нагибин писал под явным влиянием книг Суворова, это видно из упоминания танков на резиновом ходу. Но дело тут опять же не в убедительности аргументации Суворова, а в способе исторического мышления. «Фашизм победил» Нагибина не совместим с призывом Владимирова оставить ветеранов-фронтовиков в

¹ Юрий Нагибин. «Тьма в конце туннеля». — М., 1994 г., С. 86.

² Там же. С. 274.

сознании своей правоты. Это не научный, не исторический конфликт, а идеологический. Фронтоник Нагибин на 11 лет старше диссидента Владимова, но освободиться от штампов советского воспитания ему, как и Окуджаве, Виктору Некрасову и прочим — немногим! — фронтоникам оказалось легче.

Этот конфликт не решаем научными аргументами. Те, кто не хочет их видеть, — не видят.

Доказательств того, что СССР в конце тридцатых вообще, а в 1941 году в частности усиленно готовился к агрессивной войне, вокруг нас полно и без сугубо научных военно-исторических исследований. Эта подготовка ведь касалась не только армии, а всей жизни бесправного населения до предела милитаризованной страны.

Вот один пример. Когда мне в начале 90-х первый раз попался в руки «Ледокол» Суворова, наполненный ссылками на мемуары фронтоников, то первая мысль была — а где еще можно найти такие свидетельства? В советское время практически не издавались добросовестные воспоминания о предвоенном времени, а среди относительно добросовестных самой известной (если не единственной) была книга Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Открываю четвертую часть, относящуюся к весне 1941 года, и глазам своим не верю.

24 апреля 1941 года Эренбургу звонит Сталин. Хвалит первую, опубликованную часть его романа «Падение Парижа» и осведомляется, не собирается ли Эренбург показать в книге немецких фашистов. Да, отвечает Эренбург, собирается, но боится, что цензура не пропустит. Сталин шутит: «А вы пишете, мы с вами постараемся протолкнуть...»

На вопросы родных о разговоре мрачный Эренбург отвечает: «Скоро война...» И добавляет: «...я сразу понял, что дело не в литературе, Сталин знает, что о таком звонке будут говорить повсюду, — хотел предупредить».

Итак, в апреле 1941-го Сталин лично сообщил Эренбургу, что собирается напасть на Германию и ему понадобится пропагандистский материал. И даже срок указал, месяца через три — столько приблизительно вре-

мени требуется на подготовку к изданию и выпуск книги. А лично позвонил для убедительности — посреднику осторожный Эренбург мог бы и не поверить, решить, что провокация. То, что речь идет о нападении, — однозначно. Иного варианта советская военная доктрина тех лет не допускала.

И мрачность Эренбурга понятна. Наверное, после 22 июня он, несмотря на катастрофичность ситуации, вздохнул с облегчением. Так и не пришлось ему стать трубадуром агрессии. Бог миловал. Все-таки обличать агрессоров порядочному человеку психологически легче.

Главное, весной 1941 года Эренбург все знал. И знание свое пронес через всю жизнь, ни с кем напрямую не поделившись. А может, надеялся, что вдумчивому читателю и написанного достаточно, чтобы догадаться. Как выяснилось, зря надеялся.

Надо полагать, людей, знавших или догадывавшихся, как Эренбург, о ближайшем запланированном будущем, было предостаточно. Но после войны, начавшейся и закончившейся вопреки этим планам, вспоминать о них было очень не с руки, да и весьма опасно для жизни.

Одним из таких осведомленных людей, несомненно, был писатель Всеволод Вишневский, автор знаменитой пьесы «Оптимистическая трагедия» и сценария фильма «Мы из Кронштадта». Он принадлежал к самой верхушке сталинской интеллектуальной элиты. До войны он был главным редактором журнала «Знамя», возглавлял Оборонную комиссию Союза писателей, присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии, на просмотрах зарубежных военных фильмов. Он бывал на приемах у высших советских сановников и сам был высоким сановником, одним из тех, кто отвечал за военную пропаганду в СССР. Естественно, что Вишневский входил в узкий круг наиболее информированных людей в государстве.

В мае 1995 года журнал «Москва» опубликовал выдержки из дневников Всеволода Вишневского за 1939—1941 годы, подготовленные к печати историком В. Невежиным.

Эти дневники — необыкновенно важный исторический документ. Они полностью подтверждают версию о том, что в конце тридцатых годов Сталин готовил нападение на Германию и Европу. Для посвященного в нюансы советской политической кухни Вишневого нет сомнений в том, каков действительный смысл пакта «Молотов — Риббентроп» для советской стороны. Это способ взорвать мир в Европе, сравить европейские страны в долгой выматывающей войне и в нужный момент вмешаться — «ударить Гитлеру по затылку». Вишевский с восторгом ждет такого развития событий. Как о главных целях советской политики Вишевский пишет о «превентивном ударе» по Германии, о захвате проливов и Балкан, о советизации европейских стран — Германии, Польши, Чехословакии, Румынии... О решении проблем в Азии. О том, что после разгрома Германии СССР останется один на один с Англией и США, с которыми, вероятно, придется временно поделить мир, если сил для продолжения войны будет недостаточно. И о неминуемом продолжении войны за мировое господство еще через 10—15 лет, когда силы будут накоплены. И еще о том, что решающим моментом станет, скорее всего, лето 1941 года...

Вот самые интересные выдержки из дневника Вишневого:

1939 год

28 августа (днем)

Шквал откликов по поводу германо-советского договора. (Может быть, мы сохраняем за собой последнее слово. В случае войны выступим последними. И — вполне возможно — ударим по той же Германии.) <...>

31 августа (утром)

Все время думаю о европейской обстановке. По карте прикидываю: как относятся к германо-советскому договору европейские страны и США. <...>

Мы: 1) выиграем время; посмотрим военную мощь стран в деле; 2) проверим, приобретем опыт — гораздо более полезный, чем в Испании и Китае; 3) приведем себя в максимальное мобилизационное состояние (новый закон о всеобщей воинской обязанности); сохраним первоочередные кадры; 4) а в случае необходимости — через МНР и Китай стукнем Японию, чтобы развязаться на Востоке; 5) сможем улучшить позиции на Западе <...>; 6) сможем выждать роста национально-освободительного движения в урезанной Польше, Чехословакии, Австрии; 7) выждать новых предложений, уже серьезных, от той же Англии, Франции; 8) при случае — денонсировать договор с Германией и ударить. <...>

1 сентября

Днем — по телеграфу доклад т. Молотова о германосоветском пакте. СССР выиграл свободу рук, время. <...> Ныне мы берем инициативу, не отступаем, а наступаем. Дипломатия с Берлином ясна: они хотят нашего нейтралитета и потом расправы с СССР; мы хотим их увязания в войне и затем расправы с ними. <...> Вторая мировая война несомненно расширится. <...> Но с кем ни говоришь: «Мы через год будем бить Гитлера». Об этом, как передают, говорят в армии. <...>

Для СССР пришла пора внешних мировых выступлений. За 22 года мы не только восстановили, умножили силы страны. <...> Тут и вопрос о выходе нашем в Средиземное море, — что не удалось в связи с испанским поражением, но может удалиться через Карпаты, Балканы и, может быть, Турцию. Тут и вопрос о Польше. Возможно, что в нужный момент мы объявим лозунг «восстановления Польши». <...> Нас предпочтут немцам. Мы будем решать и прибалтийские проблемы, и проблемы Чехословакии и Румынии, и Малой Азии. И огромные проблемы Азии.

Гадать, как сложится игра, трудно. Но ясно одно: мир будет вновь перекроен. В данной войне мы постараемся сохранить до конца свои выигрышные позиции. Привлечь к себе ряд стран. Исполдволь, где лаской, где силой. <...>

1940 год

4 апреля

В предвидении различных вариантов мы сохраняем силы, укрепляем армию и флот. Английские политики хотели прийти в конце войны и устроить все в Европе по-своему. Но мы кое-чему научились и перехватили как будто у англичан их здравые намерения.

5 апреля

<...> Дружба с Германией, пакт и пр. — все это временный ход, это тактические приемы. Выиграем ли мы? <...> Или только дадим немцам время, передышку, снабжение. Не знаю. <...>

29 июля

<...> Мы упорно внедряемся на запад и юго-запад. <...> Мы добьемся контроля над проливами. Мы будем на Балканах. <...>

Если мы выиграем эту зиму, если Гитлер сорвется на походе против Англии, дела будут неплохи.

22 октября (днем)

Слушал на активе Московской организации доклад Мануильского.

<...> Уж если восвать, то в наиболее выгодной обстановке. Когда наметится надлом, — хотел бы сказать: надлом Гитлера.

31 декабря

Картина великой войны все яснее и шире перед нами. И вряд ли мы останемся в стороне. Нужно готовиться быстро. Видимо, мы выступим, выждав, ближе к развязке. Думаю: против «оси».

1941 год

31 января

<...> Позиция СССР выжидательна. мы, если будет целесообразно, сможем бросить и свою гирию на весы войны.

<...> Продумывашь возможные варианты — в какой уж раз:

<...> Вариант — из наиболее распространенных в нашем обществе: СССР выжидает, спешно усиливаясь, — перевооружаясь, подтягивая на необходимый уровень свои вооруженные силы. Ждем выступления США и, может быть, других стран. <...> Затем выступаем, чтобы общими силами сломить блок агрессоров. <...>

Положительные наши возможности: движение на Запад, присоединение Польши, Чехословакии, Карпатской Украины, отдельных частей на Балканах. Возможность решения проблемы проливов — проблемы тысяче-летней важности. <...> Возможность серьезных перемен на Ближнем Востоке, в Средней Азии и пр. Сильное давление СССР, в случае разгрома Германии — в Европе. Советская (народная) Германия. Мы и Англия (с тылом США) лицом к лицу. Разделение сфер (слово неразб.: влияния?). В перспективе, однако, новые войны — народная Европа и Азия против старого капиталистического мира: Англия — США. Воображение может увести далеко.

<...> Решит, вероятно, ближайшее лето...

Неизвестно — что желательнее: победа «оси» или англо-американское владычество, с новой цепью держав вдоль наших границ — от Атлантики до Тихого океана. Выбытие из строя одной из основных сторон (Германии или Англии) оставляет СССР наедине с врагом. <...> Поле будет расчищено от посторонних, мешающих. Возможны, конечно, и временные компромиссы: после войны, например, когда все будут утомлены, истощены. Но воспроизводство идет быстро. Сменится одно поколение: еще 20—25 лет, и вопрос может встать во весь рост. Это уже представляется решать нашим тт. внукам.<...>

Ночь на 10 февраля

В прошлый раз я пробовал намстить возможные варианты. <...> Наше выступление против Германии и «оси». <...> Движение на Запад. Проливы и пр. <...> Перспектива советизации некоторых стран (Польша, Чехословакия, может быть, Балканы, частично <...>). Компромисс с Англией и США. Но — в отдалении неизбежность новых столкновений с капиталистическим миром...

Вариант наиболее благоприятнейший. Мы пользуемся старым методом «разделяй и властвуй». Мы вне войны, кое-что платим за это, многое получаем. <...> Помогаем вести войну той же Германии, питая ее по «порциям», на минимуме. Не мешаем империалистам вести войну еще год, два. <...> Выжидаем их ослабления. Затем — выступаем в роли суперарбитра, «маклера» и т.п. Вмешательство, давление может быть и мирным, и вооруженным, — «под занавес». <...>

Вечер 3 марта

<...> Трудно предугадывать развитие событий. Но, вероятно, мы подождем, пока Гитлер серьезно увязнет в большой схватке на Западе. Всего скорее — в операции вторжения. Она потребует огромного напряжения немецких сил. <...> В этих условиях СССР сможет ударить Гитлера «по затылку». <...> С англо-американским миром — враги второй очереди — возможен компромисс, лет на 10—15. Это нужный нам срок для развертывания огромной экономической и оборонной мощи, постройки Великого флота и пр. <...>

Днем 9 апреля

<...> Чувствуешь, однако, — несколько выждав, взвесив, что еще не пришел час нашего вмешательства. Нам надо провести весенний сев, надо выполнять программу, вести учебу, работать, нажимать... <...> Как же сложатся события? <...> Пусть затянется дело до зимы, тогда скажется и оборона Англии, и мощное давление США. <...> Тогда придет наш час!

12 апреля, 5 ч. дня

Сейчас вернулся из Кремля: был у Ворошилова. <...> Перешел к теме Гитлера: человек оказался гораздо умнее и серьезнее, чем мы предполагали. Большой ум, сила. <...> Пусть упрекают: маньяк, некультурный, экспансивный и пр., но в своем деле — гений, сила... Повторил это. <...> Мы внимательно слушали. Трезвая оценка возможного врага. Это серьезное качество К. Е. <...>

14 апреля

Германский удар против нас и наш ответ (или превентивный удар) неминуемы. Идя на пакт, и мы планировали: пусть начнут драку, ослабят друг друга, вскроют свои сильные и слабые стороны, по возможности увязнут; мы их будем умело поощрять, сталкивать и пр., и при случае, по ленинской формуле, — сами перейдем в нападение... У нас будут резервы: народы оккупированных стран, где озлобление против немцев, тяга к миру, к освобождению невероятная. <...> Правда вылезает наружу. Временное соглашение с Гитлером трещит по швам. <...>

13 мая

Воснная речь Сталина в Кремле на выпуске академий. Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление... Речь идет о мировой борьбе: Гитлер тут просчитывается. <...> В дело вступает Америка, ее готовность к 42-му году. И слово скажем и мы: нам до Европы, в частности до славян, ближе, чем кому бы то ни было. У нас есть свежесть, неизрасходованные силы, опыт... <...> Впереди — наш поход на Запад. Впереди возможности, о которых мы мечтали давно.

21 мая

<...> Что-то затевается крупное. Германия с ее 250 дивизиями не может терять Времени, быть «в простое». Она выбирает направление...

За рубежом видят и понимают, что мы выигрываем, копим силы, <...> — и сможем стать, если те, воюющие, продлят кровопускание, суперарбитром в Европе и Азии. Гитлер понимает, что мы ведем дело к тому, чтобы дать ему по затылку, желательно при истощении Германии, этак в 1942 году...

<...> Передовые в «Красной звезде» — информация о мобилизации ряда классов запасных («сотни тысяч»). Печатаются как статейка об учебе запасных. Скромно...

В ближайшие дни будет серия статей — о перерастании революционной политики Франции (Наполсон) в захватническую. Аналогия: Германия в 1939 г., борьба против Версаля, восстановление страны, перерастание войны в захватническую.

2 июня

Сосредоточение войск. Подготовка соответствующей литературы. В частях — антифашистские фильмы — «Мамлок», «Оппенгейм» и др. Чувствуются новые события.

21 июня

Я, взвешивая информацию, — думаю: а может быть, мы, ввиду отказа Германии от консультаций и т.п., с весны начали «тихий» нажим на Германию. <...> Наш нажим тормозит Германию возможность действий на Западе. Вот он, русский фронт, — только в потенции!

Одних дневников Вишневого было бы достаточно, чтобы снять всякие сомнения в правоте Виктора Суворова. Но вряд ли победа в научных спорах поможет ему в обозримом будущем исправить в глазах соотечественников свою репутацию предателя.

Времена, когда люди, в советское время открыто выступившие против советского режима, начнут пользоваться в России всеобщим уважением, таким, каким в

Германии пользуются, например, участники покушения на Гитлера в 1944 году, — такие времена придут еще не скоро. Сам Суворов объясняет это тем, что «пуповина, связывающая нынешнюю Россию с бывшим режимом, — коммунистическая пуповина, — не отрезана... И пока эта кровная и духовная связь сохраняется, гниение будет продолжаться».

Чекисты, до конца выполнявшие свой профессиональный долг и не изменившие присяге, воспринимаются в России и через многие годы после развала СССР героями. Те же, кто помогал этому развалу, изменив присяге, данной советскому режиму, по-прежнему — предатели.

Парадоксальность этой ситуации легко увидеть, сравнив судьбу и репутацию Виктора Суворова с судьбой и репутацией его старшего коллеги по советской разведке полковника Артура Адамса.

Прежде чем стать разведчиком, Артур Адамс был инженером. Успешным и высокопоставленным. Он родился в 1885 году в Швеции в семье инженера-судостроителя. В 1890 году Адамсы переехали в Россию. Юный Адамс учился в школе при Минных классах Балтийского флота в Кронштадте, участвовал в забастовках, был сослан, бежал. В 1906 году уехал из России. Жил в Германии, Италии, Египте, Аргентине. Учился в Торонтском университете в Канаде. В 1913 году переехал в США, работал в разных фирмах инженером. В 1926 году был призван в американскую армию, дослужился до майора.

Потом происходит перелом. Уволившись из армии, Адамс начинает работать в неофициальном торговом представительстве РСФСР, а в 1920 году уезжает в Россию. Он быстро делает карьеру. В 1921 году — управляющий автомобильным заводом «АМО». Потом другие высокие посты в промышленности, частые командировки за границу. В 1934 году Адамс — помощник начальника Главного управления авиационной промышленности. И новый перелом — его переводят в военную разведку. В 1935 году Адамс становится нелегальным

резидентом ГРУ в США под кличкой Ахилл. Он занимался военно-промышленным шпионажем. Получал от завербованных им агентов ценные сведения об американской радиотехнической промышленности, о разработке боевых отравляющих веществ.

В 1938 году Адамса, как и многих других разведчиков, отзывают в Москву, обвиняют в связях с врагами народа, увольняют из разведки, но почему-то не репрессировывают. Однако в 1939 году опять возвращают в разведку и снова посылают в США, где он продолжает прежнюю деятельность. Адамс возглавляет техническую лабораторию и создает агентурную сеть из своих коллег, друзей и знакомых, которые поставляют ему секретную военно-техническую информацию. В 1944 году ему удается получить очень важные данные о разработке американцами атомного оружия. Руководитель секции закрытого научно-исследовательского института передал Адамсу несколько тысяч страниц документации и образцы урана, бериллия и тяжелой воды. В конце концов ФБР начало следить за Адамсом, но разоблачить его не сумело. В 1946 году его с трудом переправляют в Москву и по возвращении присваивают звание инженер-полковника. Адамс умер в 1969 году.

Приблизительно так преподносится история жизни разведчика Артура Адамса в апологетической статье писателя Владимира Лота («Совершенно секретно», № 11, 2001). Очень интересная история. Но особенно интересна заключительная фраза статьи: «В 1999 году Указом президента Российской Федерации Артуру Артуровичу Адамсу было присвоено звание Героя России».

Стоп! Звание Героя Советского Союза Артур Адамс безусловно заслужил. Но Героя России? Тут сразу завязывается целый клубок моральных, исторических и психологических проблем. Адамс начал свою деятельность разведчика в 1934 году. Это пик произошедшего в СССР глобального перелома. Сталин завершил перестройку государственного и партийного аппарата и экономической системы государства. Уничтожил частное сельское хозяйство, превратил ГУЛАГ в крупнейший

производственный концерн и начал строительство военной промышленности в невероятных масштабах. Цель — подготовка мировой войны — была очевидна и Западу, и тем, кто принимал в этом строительстве руководящее участие. Несомненно, и Адамсу. Он работал на чудовищный, бесчеловечный режим, для того чтобы снабдить его оружием. По каким причинам — об этом дальше. Но обманываться он никак не мог. В 1939 году, когда Адамс приехал в Америку во второй раз, СССР начал вместе с Германией войну против западного мира. В 1944 году, когда Адамс добывал атомные секреты, было тоже совершенно очевидно, для чего Сталину нужна атомная бомба. Сам Адамс писал своему руководству в Москву: «...проектируется полное уничтожение и Японии, но нет гарантии, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие». Адамс знал Америку и знал СССР. Он понимал, что «оказать влияние» означает не напасть, а противостоять потенциальной агрессии. Информация, полученная Адамсом, послужила, видимо, одним из самых важных толчков, заставивших Сталина обратить внимание на атомное оружие и начать его разработку. Трудно даже представить себе, что произошло бы с миром, если бы СССР получил атомную бомбу чуть раньше американцев или хотя бы одновременно. А если бы Адамсу повезло с агентом не в 1944-м, а в 1942 году? С точки зрения западной морали Адамс занимался глубоко преступной деятельностью. Постсоветская Россия торжественно заявила устами своих президентов о разрыве с прошлыми ценностями и переходе в лоно западной демократической цивилизации. Запоздалое награждение таких людей, как Адамс, высшими государственными наградами выглядит сегодня так же дико, как если бы ФРГ одарила высшим государственным орденом посмертно за заслуги перед отечеством, скажем, Отто Скорцени. Герой, конечно, всегда герой. И награду заслуживает, даже если, с точки зрения врагов, и преступник. Но награждать должны свои. Похоже, что они и награждают. Тогда получается, что

декларации о пересмотре взглядов и новых демократических ценностях — ложь, дымовая завеса. У тех, кто наградил Адамса, ценности остались прежними.

Другая сторона этой ситуации — психологическая. Люди типа Адамса — с европейским образованием, высокой профессиональной квалификацией и знанием мира — в советской системе — редкость. Что его заставило? Революционные увлечения молодости не объяснение. Они могли скорее отвратить его и от ленинской, и от сталинской государственной систем, нежели привлечь к ним. Более серьезный мотив — профессиональные амбиции. В 1920 году тридцатипятилетнему отставному майору светила в Москве блестящая карьера. Таких людей советские представители по всему миру заманивали в Советскую Россию, лишившуюся почти всей интеллигенции. Предположить, что через 10—12 лет уже никто в России не сможет распоряжаться своей жизнью и даже своей профессией, тогда было трудно.

Понять, почему в 1934 году замминистра авиационной промышленности СССР (так позже называлась его должность) согласился стать резидентом в Америке, легко. Попробовал бы не согласиться. Но почему не сбежал? Романтиками могли быть его агенты, американские левые интеллектуалы, бескорыстно снабжавшие СССР военными секретами и наивно считавшие, что тем самым борются за мир. Но он-то знал систему изнутри. Разгадку можно найти в той же статье. Оказывается, у Адамса была жена, американка Доротея Кин. Они поженились в Берлине в 1930 году. И все годы его шпионской деятельности жена жила в Москве. Они встретились снова только в 1946 году. Вот и объяснение. Жена была заложницей. Обычная советская практика.

Происходит метаморфоза. Вглядываясь в текст наполненной дежурным восхищением статьи, и сквозь образ замечательного патриота, героя, рискуя жизнью добывавшего для любимой страны вражеские секреты огромной важности, проступает облик несчастного человека, из страха за жизнь близких занимавшегося гряз-

ным делом. И дело не в том, что он был разведчиком, а в том, на кого и для чего он работал.

Вообще смена моральных ориентиров в обществе — гораздо более трудный процесс, чем смена режима. Даже зная, как все было на самом деле, трудно совместить это знание с привычным стереотипом.

Все школьники 60—70-х годов помнят, кто такой Николай Кузнецов, он же обер-лейтенант Пауль Зильберт. Все читали книжку «Это было под Ровно». Советский разведчик в немецкой форме бесстрашно действовал на занятой немцами территории. Совершал теракты. Фантастически смело, прямо на улице застрелил несколько высоких немецких офицеров. Погиб в бою, пробиваясь к своим через линию фронта. Несомненный герой.

В конце 90-х годов были опубликованы мемуары бывшего начальника Кузнецова, руководителя диверсионного отдела НКВД генерала Павла Судоплатова. Судоплатов пишет и о Кузнецове. Оказалось — все правда. Действительно, герой. Отчаянной смелости человек. Но оказалось, что и не вся правда. Кузнецова НКВД завербовал в середине 30-х годов. Он был, видимо, человеком с безусловными актерскими данными. В Москве перед войной работал с интеллигенцией, изображал из себя представителя золотой молодежи, тогдашнего «плейбоя». Имел машину (тогда большая редкость) и вращался в художественных, актерских, балетных и дипломатических кругах. Информировал НКВД о том, что там происходило. Короче, сажал художественную интеллигенцию.

Потом началась война, и он стал бесстрашным разведчиком. А может, и никогда не переставал им быть. Совсем не просто совместить образ героя-антифашиста с образом провокатора-осведомителя. А ведь Кузнецов был, надо полагать, человеком цельным. В его возрасте и в его время советская молодежь была почти вся цельной. Плохо представляю себе, что творилось тогда в головах у Николая Кузнецова и Артура Адамса. Но так же плохо представляю себе, что сегодня творится в го-

ловах у авторов статей, прославляющих советских героев в качестве Героев России. И у тех, кто посмертно награждает таких людей уже российскими, а не советскими орденами. Суметь себе это представить — значит суметь понять историю.

В современной России Артур Адамс и Николай Кузнецов по-прежнему — национальные герои, а Виктор Суворов — национальный предатель.

Тем хуже для России.

*Ирина Павлова**

ПОИСКИ ПРАВДЫ О КАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Никому на слово, товарищи,
верить нельзя...

Сталин

В советской историографии многие десятилетия бытовали положения о том, что Октябрьская революция стала «великим началом мировой пролетарской революции; она указывала всем народам мира путь к социализму». Однако, как убеждали читателей авторы шеститомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», партия «видела свою миссию не в «подталкивании», не в «экспорте революции», а в том, чтобы практическим примером убедить народы в преимуществах социалистического строя»¹.

В действительности же все делалось с точностью до наоборот. Правда, в первые месяцы и даже годы после Октябрьского переворота лидеры большевистской партии не скрывали не только своей веры в мировую революцию, но и своих действий, направленных на ее «подталкивание». Не один В.И. Ленин жил надеждой на то, что, «как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот». Исследователь Л.А. Коган суммировал высказывания и предложения других известных деятелей

**Павлова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, бывший ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, в настоящее время — независимый историк, проживающий в США в г. Бостоне. Среди ее работ — книги «Сталинизм: становление механизма власти» (Новосибирск, 1993), «Механизм власти и строительство сталинского социализма» (Новосибирск, 2001), а также статьи по наиболее спорным проблемам советской истории, опубликованные в журналах «Вопросы истории», «Отечественная история», «Russian Studies in History».*

партии того времени на этот счет: Л.Д. Троцкий в 1919 г. предлагал сформировать мощный конный корпус для броска в Индию, так как, по его мнению, путь на Запад пролегал через Афганистан, Бенгалию и Пенджаб. Н.И. Подвойскому принадлежит высказывание о том, что «одно должно претворяться в другое так, чтобы нельзя было сказать, где кончается война и начинается революция». Предлагая создать Генеральный штаб III Интернационала, М.Н. Тухачевский писал в июле 1920 г.: «Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата». Известны и другие сентенции: К.Б. Радек: «Мы всегда были за революционную войну... штык — очень существенная вещь, необходимая для введения коммунизма»; Ф.Э. Дзержинский: «Мы идем завоевывать весь мир, несмотря на все жертвы, которые мы еще понесем»; Н.И. Бухарин: «Рабочее государство, ведя войну, стремится расширить и укрепить тот хозяйственный базис, на котором оно возникло, то есть социалистические производственные отношения (отсюда, между прочим, ясна принципиальная допустимость даже наступательной революционно-социалистической войны)»; «Гражданская война — минус, но она дает возможность перестройки на новых началах». В 1919 г. в Петрограде вышла книга Г. Борисова (псевдоним экономиста и философа И.А. Давыдова) под названием «Диктатура пролетариата», в которой прозвучало откровенное признание: «Нет, не мир, а меч несет в мир диктатура пролетариата»².

После поражения под Варшавой в 1920 г. Ленин стал более осторожным относительно своих планов о будущей советизации Запада. В настоящее время опубликован ранее неизвестный фрагмент его речи на IX партийной конференции 22 сентября 1920 г., где он, в частности, сказал: «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать...»³ В этом выступлении, как уже отмечено в литературе, отразились ленинские планы большевистской экспансии на Запад, включая дислокацию Красной Армии вдоль германской и чехосло-

вацкой границы, а также его одержимость секретностью⁴.

Говоря о планах советизации Польши, Ленин приоткрыл завесу над тем, как принималось решение «использовать военные силы»: «Мы формулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе ЦК и представляющей собой закон для партии до нового съезда. Но между собой мы говорили, что мы должны штыками пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?» (выделено мною. — *И.П.*). Делалось это втайне как от собственной партии, так и от Коминтерна. «Когда съезд Коминтерна был в июле в Москве, — продолжил далее Ленин, — это было в то время, когда мы решали в ЦК этот вопрос. На съезде Коминтерна поставить этот вопрос мы не могли, потому что этот съезд должен был происходить открыто»⁵.

После поражения под Варшавой намерения руководства партии остались прежними. Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов на III Сибирской конференции РКП(б) в феврале 1921 г. рассказал о своем разговоре с Лениным, состоявшемся у него после того, как выяснилось, что 40 тыс. добровольцев, собравшихся в Сибири для поездки на Польский фронт, оказались невостребованными: «...Скажи в деревне, что нам еще придется ломать капиталистическую Европу и что эти 40 тыс. должны сыграть решающую роль. И русская советская винтовка появится в Германии»⁶.

Что же касается принципов конспирации во внешней политике, то они были не только закреплены, но и доведены Сталиным до логического завершения. После первых неудачных попыток надежды на мировую революцию не исчезли и действия по ее «подталкиванию» не прекратились, но были глубоко законспирированы. В результате правда о них оказалась буквально замурована. Кто реально мог отважиться усомниться в утверждении Сталина, когда он в 1936 г. на вопрос американского журналиста Роя Говарда «Оставил ли Советский Союз свои планы и намерения произвести мировую революцию?» ответил: «Таких планов и намерений у нас нико-

гда не было»⁷ (выделено мною. — *И.П.*). Данный ответ чрезвычайно характерен для личности Сталина. Для тех, кто не знал, что такие планы существовали, сталинский ответ означал «не оставил», тот же, кто спрашивал наобум, получил и соответствующий ответ. Здесь даже не двойное, а избыточное отрицание, равное саморазоблачению и достойное расхожего анекдота! В то же время этот ответ можно рассматривать как утонченную дезориентацию противника для внутреннего употребления и выражение неспричастности к той политике, в которой Запад подозревал Советский Союз — для внешнего употребления. Фактически же в нем содержалось грубое издевательство над всеми, кому этот ответ предназначался.

Только с началом радикальных политических изменений в Советском Союзе с конца 80-х гг. правда стала постепенно выходить наружу, но процесс этот оказался намного сложнее, чем тогда представлялось.

«Ключом», который открывает путь к правде о сталинских замыслах по расширению «фронта социализма», является правда о кануне войны.

Сразу после войны по указанию Сталина был создан специальный орган, в разных документах именованный по-разному: «правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу», «правительственная комиссия по организации Суда в Нюрнберге», «комиссия по руководству Нюрнбергским процессом». Во главе этой сверхсекретной комиссии с функциями особого назначения Сталин поставил Вышинского. Членами комиссии были назначены прокурор СССР Горшенин, председатель Верховного суда СССР Голяков, нарком юстиции СССР Рычков и три ближайших сподвижника Берии, его заместители Абакумов, Кобулов, Меркулов. Главная цель комиссии состояла в том, чтобы ни при каких условиях не допустить публичного обсуждения любых аспектов советско-германских отношений в 1939—1941 гг., прежде всего самого факта существования, а тем более содержания так называемых секретных протоколов, до-

полняющих пакт о ненападении (23 августа 1939 г.) и Договор о дружбе (28 сентября 1939 г.). Для того чтобы обеспечить во время следствия действенность указаний тайной комиссии, в Нюрнберг была отправлена и следственная бригада особого назначения во главе с одним из самых свирепых бериевских палачей полковником М.Т. Лихачевым⁸. Сталин боялся в общественном мнении Европы и Америки оказаться в Нюрнберге на одной скамье с нацистскими военными преступниками. А у него были серьезные основания для таких опасений. Поэтому Сталин сделал все, чтобы не допустить на Нюрнбергском процессе обсуждения вопроса о роли СССР в развязывании Второй мировой войны. Ему это удалось — положение победителя позволяло диктовать условия.

26 ноября 1945 г. комиссия Вышинского приняла решение «утвердить... перечень вопросов, которые являются недопустимыми для обсуждения на суде»⁹. Отдельные же попытки подсудимых указать на действительную роль СССР в подготовке Второй мировой войны не изменили общей ситуации. Так, Риббентроп в своем последнем слове заявил: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германопольского конфликта в рамках пакта Бриана — Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы, с портом Либавы, то я могу сразу же вылететь назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...»

Этот абзац не вошел в русское издание материалов Нюрнбергского процесса¹⁰. Правду о кануне войны было приказано забыть. Забыть в прямом смысле слова — Сталин запретил писать дневники и воспоминания о войне. Нарушение запрета могло стоить жизни. Что же касается прямых соучастников Сталина, то забвение было в их собственных интересах. Ярчайшее тому свидетельство — разговор Ф. Чуева с Молотовым: «На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

— Никакого.

— Не было?

— Не было. Нет, абсурдно.

— Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

— Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка»¹¹.

Конечно, Молотов «стоял к этому очень близко», что неоспоримо подтверждается его подписью под секретными протоколами и фотографией, которая запечатлела его рядом со Сталиным и Риббентропом во время подписания этих документов. Показательно, что и спустя десятилетия Молотов оказался неспособен к исторической самооценке, иначе бы его заведомая ложь вербализовалась без интриганских слов «распускают слухи», «подмочить» и утверждения, что «тут все-таки очень чисто», в то время как там было очень грязно, запредельно грязно. Все это еще раз убедительно свидетельствует о моральной характеристике Молотова как политического деятеля, занимавшего положение «второго лица» в стране в ответственный момент ее истории.

Отсутствие необходимых документов (те, что остались, были глубоко запрятаны в секретных архивах), общее мировоззрение военных историков, в большинстве своем живших при Сталине и прошедших войну, воспитанных официальной пропагандой, естественно, обусловили то, что они видели войну с подачи Сталина.

Не будет преувеличением утверждение о том, что и в период хрущевской «оттепели» историки даже не допускали мысли о существовании тайны кануна войны, которая скрывалась Сталиным. Не было ничего подобного тогда и у А.М. Некрича, автора известной книги «1941. 22 июня». Он резко отрицательно высказался по поводу «легенды о превентивной войне», которую «искусственно поддерживают западногерманские неонаци-

сты и некоторые реакционные западногерманские публицисты и историки»¹².

Любая критика действий Сталина, выходящая за разрешенные тогда рамки, вызывала немедленную дисциплинарную реакцию. Характерен диалог, состоявшийся в ходе обсуждения книги А.М. Нскрича в отделе истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 16 февраля 1966 г. между председательствовавшим генерал-майором Е.А. Болтиным и преподавателем Московского историко-архивного института Л.П. Петровским, назвавшим Сталина преступником: «Товарищ Петровский, в этом зале, с этой трибуны нужно выбирать выражения. Вы коммунист?»

— Да.

— Я не слышал, чтобы где-нибудь в директивных решениях нашей партии, обязательных для нас обоих, говорилось о том, что Сталин — преступник»¹³.

После смещения Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС критика «культы личности» Сталина постепенно сошла на нет. В течение последующего двадцатилетия историография Великой Отечественной войны утратила даже то, что было достигнуто ею после XX съезда КПСС. Достаточно сравнить хотя бы 6-томную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» (М., 1960—1965) с 12-томной «Историей Второй мировой войны 1939—1945» (М., 1973—1982). Это признали и сами военные историки. «Остается лишь сожалеть о том, — писал Н.Г. Павленко, — что время потеряно, многие участники и свидетели ушли от нас, и самые существенные проблемы начального периода войны приходится изучать, по сути, заново»¹⁴.

Горы книг о войне, накопившихся к началу перестройки, объединяла общая просталинская концепция кануна войны, состоявшая из набора незыблемых схем и стереотипов. Откроем любую из этих книг, например, «Великая Отечественная война. Вопросы и ответы» (М., 1985): «Обстановка... вынудила СССР пойти на заключе-

ние 23 августа 1939 г. договора о ненападении с Германией, хотя до срыва Англией и Францией московских переговоров этот акт никак не входил в планы советской дипломатии.

...17 сентября Красная Армия начала освободительный поход в Западную Белоруссию и Западную Украину.

...30 ноября 1939 г. не по вине СССР вспыхнула советско-финляндская война...

...22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны напала на Советский Союз».

Более того, и в начале перестройки новое знание о кануне войны пробивалось с трудом. Старейшины советской военной историографии Ф. Ковалев и О. Ржевский и в 1989 г. сочли своим долгом предупредить тех, кто высказывал «точки зрения, недостаточно критически воспроизводящие издавна известные тезисы антисоциалистической пропаганды вроде стереотипов о «прямой ответственности» СССР за развязывание войны...»¹⁵.

Перестройка в историографии кануна войны началась только с созданием комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики во главе с А.Н. Яковлевым. Вот некоторые высказывания, прозвучавшие на заседании этой комиссии 28 марта 1989 г., высказывания воинственные и беспомощные одновременно.

Заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин: «...В недалеком времени мы столкнемся с целой лавиной версий, совершенно оторванных от реальных фактов, навязывающих — особенно несведущим людям, молодежи — вывод, будто Советский Союз был соучастником развязывания Второй мировой войны или, как минимум, способствовал тому, что она приняла столь трагический оборот, который нам известен из истории и из собственного опыта.

...Поэтому относиться отстраненно к тому, что происходит, — а нечто подобное наблюдается и у нас, — нельзя. В нынешнем остром споре нашим союзником выступает правда. Но эта правда должна быть полной. Без подделок и переклестов».

Начальник Института военной истории Министерства обороны СССР Д.А. Волкогонов: «... Все решения, которые принимались в 1939 г., включая августовский, сентябрьский договоры, определялись оборонительной стратегией Советского Союза.

История в конце концов оправдает то, что был подписан пакт 23 августа, оправдает как вынужденный, хотя и чрезвычайно тусклый в нравственном отношении шаг.

Поддерживая в политическом плане необходимость подписания договора от 23 августа, мы в то же время должны осудить сговор, который противоречил ленинским принципам отказа от тайных соглашений».

Директор Института всеобщей истории АН СССР А.О. Чубарьян: «... У нас есть общая концепция, связанная с ответственностью за развязывание Второй мировой войны, которую несет гитлеровский фашизм. Она не требует пересмотра»¹⁶

Итоги работы комиссии А.Н. Яковлев доложил II съезду народных депутатов СССР. По его докладу съезд принял специальное постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», которое стало новым руководством в освещении кануна войны советскими историками: «... Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигающейся войны.

... Съезд считает, что содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований. Однако как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размеживались «сферы интересов» договаривавшихся сторон

от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

...Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания...»¹⁷

Комиссия А.Н. Яковлева не вышла за рамки обсуждения и оценки договора как международно-правового документа. Договор не был поставлен в исторический контекст, и никаких принципиальных выводов о последствиях этого договора в то время сделано не было. Яковлев ограничился замечанием о том, «что у Сталина и некоторых людей из его окружения уже тогда могли быть имперские замыслы, чуждые принципам социализма», а также «иллюзии, которым, судя по всему, предался Сталин после заключения соглашений 1939 года. Иллюзии, не позволившие должным образом использовать полученную мирную передышку...»¹⁸.

Более того, комиссия Яковлева к этому времени еще не знала о том, что оригиналы секретных протоколов хранятся в архиве Общего отдела ЦК КПСС. Выступая на съезде, Яковлев сказал: «В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 г. подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым — Подцеробу. Таким образом оригиналы у нас были, а затем они исчезли...»¹⁹

А в это время оригиналы секретных протоколов были не только найдены, но и известны Генеральному секретарю ЦК. Однако, выступая на съезде народных депутатов, М.С. Горбачев заверил, что «все попытки найти подлинник секретного договора не увенчались успехом». Спустя некоторое время после своего выступления, как пишет В.И. Болдин, «М.С. Горбачев спросил меня как бы между прочим, уничтожил ли я протокол»²⁰. К счастью, этого не случилось, и публикация оригиналов секретных протоколов стала еще одним

серьезным шагом на пути постижения истины. Но каким трудным был этот путь!

В дискуссиях того времени по вопросу о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении высказывались мнения о том, что, заключив этот договор, оба государства несут одинаковую ответственность за начало Второй мировой войны. Однако такие мнения советская историография отторгала автоматически, фактически без аргументации. Вот точка зрения М.И. Семиряги, автора книги «Тайны сталинской дипломатии»: «Утверждение о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны только потому, что в них существовал «одинаковый тоталитарный режим», нельзя считать убедительным. Главную ответственность за это международное преступление все же несет правящая верхушка гитлеровской Германии. Свою долю ответственности советское руководство несет за то, что подписанием договора о ненападении с Германией оно создало определенные условия, способствовавшие развязыванию войны Гитлером»²¹.

Позиция М.И. Семиряги более радикальна, чем позиция историков, которых представлял А.С. Орлов. Несмотря на очевидные факты, он был по-прежнему убежден, что «договор позволил СССР остаться вне военного пожара, охватившего Европу с 1 сентября, а секретный протокол ограничил германскую экспансию на Восток линией северной границы Литвы и рек Нарев, Висла. Сан, дал возможность вынести западную границу СССР на 250—300 км на запад. Договор создавал возможность в условиях мира готовиться к неминуемой схватке с фашизмом». Далее — Красная Армия «вступила в пределы Польши...», и войска «имели ограниченную задачу взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»²².

Относительный покой в среде российских военных историков разрушила публикация на русском языке книг В. Суворова (В. Резуна), который поставил под сомнение то, что в СССР ранее никогда и никем не под-

вергалось сомнению. (Его книга «Ледокол» имеет подзаголовок «Кто начал Вторую мировую войну?».) Своими книгами он стремился доказать, что главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны — Советский Союз. Используя метафорический оборот, он назвал день фактического вступления СССР в войну — 19 августа 1939 г. В. Суворову удалось вычислить, что в этот день состоялось заседание Политбюро ЦК, которое приняло решение о начале тайной мобилизации. «Многие историки, — пишет он, — думают, что сначала Сталин решил подписать с Гитлером мир, а потом решил готовить внезапное нападение на Германию. Но факты открыли и подтвердили мне, что не было двух разных решений. Подписать мир с Германией и окончательно решиться на неизбежное вторжение в Германию — это одно решение, это две части единого замысла». И далее: «Поэтому я считаю 19 августа рубежом войны, после которого при любом раскладе Вторая мировая война должна была состояться. И если бы Гитлер не начал ее 1 сентября 1939 года, Сталин должен был бы искать другую возможность или даже другого исполнителя, который бы толкнул Европу и весь мир в войну. В этом суть моего маленького открытия»²³.

В. Суворов не замкнулся на одном 1939 годе, а рассмотрел все основные события вплоть до начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г., увязав их в единое логическое целое: «Тайная мобилизация должна была завершиться нападением на Германию и Румынию 6 июля 1941 года... Тайная мобилизация была направлена на подготовку агрессии. Для обороны страны не делалось ничего. Тайная мобилизация была столь колоссальна, что скрыть ее не удалось. Гитлеру оставался только один и последний шанс — спасти себя превентивным ударом. И 22 июня 1941 года Гитлер — на две недели — упредил Сталина»²⁴.

Публикация книг Суворова разделила историков на две неравные группы. Подавляющее большинство — историки со стажем и именами, которые в своих трудах «освящали» просталинскую концепцию войны. Работая

много лет под эгидой Института военной истории Министерства обороны СССР, они не смогли принять даже той половинчатой правды о войне, которая стала достоянием официальной гласности. Об этом свидетельствует провалившаяся попытка подготовить новую, 10-томную «Историю Великой Отечественной войны советского народа». Но и те военные историки, которые (как, например, А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова) резко критикуют Сталина и сталинизм за неготовность советских войск к началу войны, за некомпетентность и произвол, безнравственность и жестокость²⁵, оказались не готовы к тому, чтобы спокойно обсуждать концепцию В. Суворова.

Объяснить это можно лишь тем, что суворовская концепция ломала не только устоявшуюся историографическую традицию, но и наносила удар по личным чувствам и представлениям о войне. Тем более что многие военные историки, как А.Н. Мерцалов, сами были ее участниками. Это не просто неприятие, но и нежелание понять. Книги В. Суворова, по их мнению, не заслуживают развернутых рецензий военных историков, потому что «с помощью «ледоколов» осуществляется конъюнктурный пересмотр важнейших моментов отечественной и мировой истории», бросается «тень на реальные исторические факты, которые давно и с научной точки зрения безукоризненно (! — *И.И.*) установлены мировой историографией»²⁶.

По мере распространения влияния книг В. Суворова на общественное сознание в России усиливалось и их отрицание. От замалчивания эти историки перешли к ругани и неправдоподобным обвинениям. Они заклеили его как «не историка, не мемуариста, изменника, агента иностранных спецслужб». Оказывается, его книги «написаны разными людьми, скорее группами людей», участие В. Суворова «обнаруживается лишь в отдельных литературных приемах, жаргоне, междометиях»²⁷.

Даже такой радикально настроенный историк, как Д.А. Волгогонов, который был поставлен посткоммунистической властью в привилегированное положение и

имел допуск ко многим секретным документам, не принял этой концепции²⁸. Однако статья, в которой излагалась его позиция по этому вопросу, по-своему значительна. Во-первых, тем, что он признал факт, угаданный В. Суворовым: 19 августа 1939 г. действительно состоялось заседание Политбюро. Но, как подчеркивал Волкогонов, «военный вопрос стоял лишь такой: «Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск — Карталы (по телеграмме Скворцова)». И все. Никакого упоминания о плане «Гроза» и т.д.».

Во-вторых, статья значительна тем, что демонстрирует непонимание механизма действия сталинской власти. Волкогонов, который получил право распечатать «особые папки» Политбюро довоенного и послевоенного времени, так и не понял, что отсутствие в протоколе Политбюро от 19 августа 1939 г. и в «особых папках» каких-либо сведений о тайных сталинских замыслах нападения на Германию, а также отсутствие подписей Сталина и Жукова на таком, по словам Волкогонова, «разительном» документе, как «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» по состоянию на 15 мая 1941 г. (и не только на этом, но и на других важнейших документах), — это еще не аргумент, тем более решающий, в споре с В. Суворовым.

В отличие от своих маститых оппонентов, В. Суворов понял, хотя и не занимался специально, механизм власти сталинского режима, основной принцип деятельности Сталина в политике — по возможности не оставлять документов, не оставлять следов, окружать правду «батальонами» лжи.

Многочисленные свидетельства советских военачальников о том, как принимались решения по военным вопросам, выше уже приводились. Уж если столь мало знали такие люди, как заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-майор А.М. Василевский, имевший непосредственное отношение к разработке оперативных

планов накануне войны («Соображения по плану стратегического развертывания...» написаны его рукой)²⁹, то вполне закономерно предположить, что нижестоящие знали еще меньше о стратегических замыслах Сталина, более того, порой недоумевали по поводу «нелогичных» действий своего руководства. Историк В.Д. Данилов привел в своей статье весьма характерное свидетельство К.К. Рокоссовского, накануне войны освобожденного из тюрьмы и назначенного командиром 9-го механизированного корпуса в Киевском особом военном округе: «Последовавшие затем из штаба округа распоряжения войскам о высылке артиллерии на полигоны, находившиеся в приграничной зоне, и другие нелепые в той обстановке указания вызвали полное недоумение. Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального подчинения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, ему не соответствовали... Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не отвечал сложившейся к началу войны обстановке»³⁰.

Таким образом, утверждать, что Советский Союз не готовился к войне против Германии в 1941 г. только на основании отсутствия официального «решения на начало войны со стороны советского политического руководства и правительства, в соответствии с которым СССР первым бы приступил к приготовлению к войне, первым бы провел мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на наиболее выгодных рубежах», как это сделал Ю.А. Горьков, по меньшей мере, преждевременно. Тем более в этой же статье он сообщает весьма примечательный факт, что в предвоенное время оперативный план «разрабатывался в единственном экземпляре, на утверждение докладывался только лично Сталину и Молотову»³¹.

В советское время историки не только не имели доступа к секретным материалам партийных и государственных органов, но и воспитывались на строгом соблюдении принципов партийности и классового подхода.

Это предполагало следование той интерпретации событий, которая была заложена в самих источниках. В результате в трудах историков воспроизводилась идеология и логика документа. Основная трудность в преодолении советского историографического наследства заключалась в том, чтобы научиться вскрывать подлинный смысл событий, которые по-своему отражали оставшиеся документы советской эпохи — секретные и несекретные. Надо отдать должное В. Суворову, проявившему себя в книге «Ледокол» как историк-разведчик, сумевший раскрыть главную тайну советской военной политики и истории. Сделал он это, опираясь в основном на опубликованные советские источники, которые были им сопоставлены, переосмыслены, очищены от идеологической маскировки и маркировки.

Весьма примечательно, что к выводу о подготовке в 1939 — 1941 гг. активного вступления СССР в мировой конфликт пришли и другие историки. Прежде всего следует назвать имена Я. Замойски (Польша) и И. Хоффмана (Германия). Статья Я. Замойски «Черная дыра», сентябрь 1939 — июнь 1941 г. (К вопросу о политике СССР в начальный период конфликта) опубликована в 1994 г., но подготовлена намного раньше, к международной конференции историков в апреле 1990 г. в Москве³². Убедившись в том, что действия Советского Союза в тот период «не укладываются в какое-то логическое целое», не зная еще многих документов, в последующие годы опубликованных в России, автор пришел к выводу, что нижеперечисленные решения свидетельствуют о подготовке СССР к наступлению.

Это: 1. Назначение Г.К. Жукова на пост начальника Генерального штаба как победителя на Халхин-Голе, отлично показавшего себя (хотя не без критики) во время январской штабной игры. 2. Нарастающие пополнения частей в западных округах, но еще не в мобилизационном порядке. 3. Огромная программа военного производства и перевооружения РККА, результаты которой были реализованы только в 1942 г. (с учетом достижений немецкой авиации). 4. Передвижение пяти армий (16,

19, 21, 22, 25-й) из глубины страны на запад, но не в пограничные зоны, что важно с оперативной точки зрения. 5. Создание на Украине сильного оперативного кулака из 60 дивизий с тенденцией дальнейшего его укрепления. 6. Реорганизация четырех стрелковых дивизий Киевского округа в горные (Украина в основном равнинная, а перед ней — горное направление на стыке Чехословакии, Австрии с выходом к центральным, жизненно важным регионам Германии — направление, известное из Первой мировой войны). В Киевском округе формировался также воздушно-десантный корпус, инструмент несоборонительного применения. 7. Разоружение укрепленных районов на старой границе. 8. Широкое строительство аэродромов вблизи западной границы и массовый подвоз туда авиабомб, что могло означать их подготовку для наступления. 9. Передвижение военных складов по личному решению Сталина на запад, что впоследствии оказалось крупной ошибкой, но что вполне понятно и правильно при наступательном варианте планируемых операций. 10. Выступление Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. (в тексте статьи 5 января 1941 г. — *И.П.*) о том, что война с Германией неминуема и надо быть к ней готовым в 1942 г. и что возможен не только защитный, но и предупредительный удар. 11. 6 мая Сталин становится главой правительства, что могло означать многое, в том числе и резкий поворот в сторону уступок перед Германией, но прежде всего означало, что СССР входит в период крупных и опасных решений — решений, рассчитанных на успех.

Я. Замойски сделано также важное замечание о «молчащих источниках», в которых отсутствует какая-либо информация о стратегических замыслах Сталина. В частности, акцентировано внимание на прозрачности и многозначительности многоточий в воспоминаниях Г.К. Жукова — «Гитлер... торопился, и не без причин...». В результате у Замойски сложилось убеждение в том, что «Сталин еще в период Мюнхена предпринял огромную, опасную, «с дальним прицелом» игру, рассчитан-

ную на то, что СССР, т.е. он скажет в этом конфликте решающее слово...»³³.

В этом же направлении в своих исследованиях двигался и историк И. Хоффман, долгие годы проработавший в Институте военной истории во Фрайбурге, который пришел к выводу о том, что «Сталин заключил пакт 23 августа 1939 г., чтобы развязать войну в Европе, в которой он сам с 17 сентября 1939 г. принимал участие как агрессор... Военные и политические приготовления Красной Армии к нападению на Германию достигли кульминации весной 1941 г.»³⁴.

В статье Хоффмана, опубликованной в журнале «Отечественная история», содержатся дополнительные доказательства агрессивности намерений СССР. Во-первых, он приводит два очень важных факта: «Заключение нами соглашения с Германией, — сообщал Наркоминдел 1 июля 1940 г. послу в Японии, — было продиктовано желанием развязать войну в Европе». А в телеграмме советским послам в Японии и Китае 14 июня 1940 г. говорилось: «Мы бы пошли на любое соглашение, чтобы обеспечить столкновение между Японией и Соединенными Штатами».

Во-вторых, в допросах военнопленных советских офицеров, хранящихся в немецких архивах, он нашел подтверждения тому факту, что действия Красной Армии на границе с Германией перед 22 июня 1941 г. действительно были окутаны тайной, смысл которой понимали далеко не все.

В-третьих, имеются дополнительные вещественные доказательства существования наступательных планов с советской стороны, захваченные немцами. Так, бывший заведующий кафедрой восточноевропейской истории Майнцкого университета, профессор доктор Готтхольд Роде, в свое время переводчик и зондерфюрер в штабе 3-й немецкой пехотной дивизии, нашел 23 июня 1941 г. в здании штаба советской 3-й армии в Гродно, как он отметил в своем дневнике, «кипу карт Восточной Пруссии, отлично напечатанных в масштабе 1:50 000... Вся Восточная Пруссия как на ладони. Зачем же, — за-

давался он вопросом. — Красной Армии нужны были целые сотни карт?» Далее, в здании штаба советской 5-й армии в Луцке 4 июля 1941 г. были обнаружены документы, среди которых — «План политического обеспечения военных операций при наступлении». Кроме того, немцам были известны листовки, адресованные немецким солдатам, найденные, в частности, войсками 16-й немецкой армии в первый день войны, 22 июня 1941 г., у местечка Шакай в Литве. Таким образом, по мнению И. Хоффмана, хотя «Гитлер не имел ясного представления о том, что действительно готовилось с советской стороны... он своим нападением 22 июня 1941 г. предвосхитил нападение Сталина»³⁵.

Надо сказать, что и на Западе точка зрения о «превентивном» нападении Германии на СССР в 1941 г. подавляющим большинством историков отвергается без обсуждения. Еженедельник «Die Zeit» (7 июня 1991 г.) прямо назвал сторонников этой версии «запоздалыми жертвами нацистской пропаганды»³⁶. Складывается впечатление, что западные историки, в особенности немецкие, больше всего боятся обвинения в симпатиях к фашизму, в неонацистских устремлениях. Эти опасения столь велики, что перевешивают стремление к истине, которым в своей работе должен руководствоваться историк. Поэтому они так агрессивны в своей критике историков так называемой ревизионистской школы, к которой относят прежде всего Суворова и Хоффмана. Недавно в этом ряду прибавилось еще одно имя — немецкий историк В. Мазер выпустил книгу «Нарушенное слово. Гитлер, Сталин и Вторая мировая война» (в другом переводе «Вероломство...»), которая подверглась сокрушительной критике со стороны другого немецкого историка — Г.А. Якобсена вплоть до заявления, что «Мазер показал себя в этой книге несостоятельным как историк». Аргументами в его критике служат такие же категоричные утверждения, как и у наших противников этой концепции: «Нет никаких указаний, документов, которые свидетельствовали бы о том, что у Сталина были политические намерения напасть в какой-то опреде-

ленный день на Германию», и вообще «нет никаких доказательств, что Сталин собирался напасть на Германию в 1941 году». К тому же, по мнению Г.А. Якобсена, «Красная Армия еще только собиралась модернизировать свои танковые войска и авиацию»³⁷.

К сожалению, в этом вопросе не только российские, но и западные историки руководствуются прежде всего идеологическими мотивами. Так, израильский историк Г. Городецкий, автор книг, изданных в 1995 и 1999 гг. на русском языке — «Миф «Ледокола» и «Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз», — провозглашая своей целью «перевод дискуссии с дороги идеологии на рельсы науки», видит в концепции В. Суворова только «грандиозную мистификацию», которая выгодна «для тех, кто хотел ослабить потепление политического климата, а в Германии — реабилитировать нацистский режим»³⁸. В этом заявлении наиболее откровенно раскрывается идеологизированность трудов самого Г. Городецкого. Было бы честнее признать, что и многие западные историки пока не готовы к серьезной научной дискуссии по этим вопросам так, как это сделал, к примеру, американский историк Р.Ч. Раак в рецензии на книгу И. Хоффмана «Сталинская всесокрушающая война 1941—1945»³⁹.

Попытки оправдать действия Сталина в 1939—1941 гг. беспомощны, наивны, а главное, идут вразрез с логикой. Пожалуй, Сталин не желал бы себе лучшего защитника, чем, к примеру, И. Фляйшхауэр. Приведя факт более чем полуметровой (58 см) подписи Сталина на карте — приложении к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., она стремится убедить читателя в том, что это не «империалистический триумф» в связи с подписанием секретного протокола к пакту от 23 августа, а скорее своего рода разрядка в связи с тем фактом, что пакт о ненападении принес свои плоды». Хотя не было бы триумфа, то и не было бы и психологической разрядки. Более того, по мнению И. Фляйшхауэр, «карта закрепляет не разделение Польши пополам, а скорее советский отказ от боль-

шей части Восточной Польши в качестве компенсации за Литву. Сталин тогда явно предпочитал военную безопасность территориальной экспансии на Западе»⁴⁰. В последующем И. Фляйшхауэр и Г. Городецкий пытались даже доказывать, что существительное «наступление» в русском языке означает... «оборона»⁴¹.

Весьма примечательно, что публикации, которые появились в России в те годы на эту тему, — документальные материалы или статьи историков, руководствовавшихся стремлением установить истину, — в целом подтверждали концепцию «Ледокола». «Военно-исторический журнал» (1991, № 12; 1992, № 1, 2) осуществил частичную публикацию вариантов планов стратегического развертывания советских Вооруженных Сил, которые разрабатывались пзред войной Генеральным штабом и Наркоматом обороны СССР (план 1940 г. — основа для подготовки плана от 18 сентября 1940 г., план от 11 марта 1941 г. и частично план от 15 мая 1941 г.). Предваряя эту публикацию под названием «Готовил ли СССР превентивный удар?», редакция журнала сформулировала свою точку зрения: «В целом они (материалы. — *И.П.*) подтверждают, что Советский Союз, делая, по словам Молотова (выделено мною. — *И.П.*), выбор в пользу «наступательной политики», не ставил перед собой агрессивных целей, не провоцировал Германию на «превентивную войну»⁴². Однако историки Б.Н. Петров⁴³ и особенно В.Н. Киселев, от которого редакция даже предпочла отмежеваться примечанием («Мы не считаем точку зрения автора бесспорной»), пришли к иным выводам. По мнению Киселева, «и вермахт, и Красная Армия готовились к наступлению. Стратегическая оборона нами не планировалась, и это общепризнанно. Обороняться должны были только войска прикрытия, чтобы обеспечить развертывание главных сил для наступления. Судя по срокам сосредоточения резервов приграничных военных округов, армий резерва Главного Командования и развертывания фронтовых пунктов управления, наступление советских войск по разгрому

готовящего вторжение агрессора могло начаться не ранее июля 1941 года...»⁴⁴.

Генерал-полковник Ю.А. Горьков одним из первых в России опубликовал «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» по состоянию на 15 мая 1941 г., что нанесло еще один удар по предшествующей советской историографии войны, категорически отрицавшей факт возможной проработки Генштабом Красной Армии плана нападения на Германию. Но сам Горьков не согласен с выводом о подготовке Красной Армии к наступлению. Более того, в усилении Юго-Западного направления он видит не стратегический замысел, а просчет. По его мнению, «замысел оперативного плана войны отражал не наступательную, а скорее зонтичную доктрину. Войскам прикрытия согласно смыслу зонтичной доктрины должна ставиться задача прикрыть прочной обороной развертывание своих войск, выявить состав наступающих войск противника, определить направление главных и других ударов для уточнения задач главным силам своих войск»⁴⁵.

Между тем именно непредвзятое изучение имеющихся документов кануна войны привело к появлению статей В.Д. Данилова и М.И. Мельтюхова⁴⁶. Основной вывод, к которому пришел Данилов, заключался в признании: «Готовились начать войну сокрушительным наступлением, но упустили многие вопросы организации надежной обороны страны. Именно этими «ошибками» и «просчетами» объясняются крупные неудачи наших войск в начале войны».

Что касается статьи Мельтюхова, то решение о ее публикации принималось на специальном заседании редколлегии журнала «Отечественная история», на котором также проявилось резкое неприятие концепции подготовки СССР к нападению на Германию со стороны историков Ю.А. Полякова, В.П. Дмитренко, В.И. Бовыкина, В.А. Федорова и др.⁴⁷. Поляков, несмотря на лавину очевидных фактов, отказывался признавать агрессивней действия СССР по присоединению Прибалтики, За-

падной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и обвинял Мельтюхова в тенденциозности. Дмитренко был убежден в том, что «обсуждать в научном журнале книгу Суворова просто неприлично».

Тем не менее статья была принята к публикации. Заместитель главного редактора журнала М.А. Рахматуллин справедливо оценил ее как одну из первых попыток объективной оценки книг В. Суворова. Мельтюхов не только обосновал факт готовившегося со стороны СССР нападения на Германию, но и указал на то, что план войны с Германией был утвержден 14 октября

1940 г. и его дальнейшее уточнение в документах от 11 марта и 15 мая 1941 г. ничего, по сути, не меняло. «Самое важное, — подчеркнул он, — и в Германии, и в СССР эти планы не остались на бумаге, а стали осуществляться. Сопоставительный анализ подготовки сторон к войне — еще одно из направлений дальнейших исследований кануна войны. Но даже на основе известных сегодня материалов можно утверждать, что этот процесс шел параллельно и с начала 1941 г. вступил в заключительную стадию и в Германии, и в СССР, что, кстати, еще раз подтверждает неизбежность начала войны именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором»⁴⁸.

Что касается даты возможного советского наступления, то, по мнению Мельтюхова, «никакие наступательные действия Красной Армии против Германии ранее 15 июля 1941 г. были невозможны»⁴⁹. Данилов, наоборот, считает, что самым поздним сроком готовности было 2 июля 1941 г.⁵⁰ Несколько позже он назвал другую дату — «примерно после 10 июля 1941 г.»⁵¹.

Далее Мельтюхов коснулся версии о «превентивной войне» Германии против СССР. Он привел определение превентивных действий, данное немецким историком А. Хильгрубером. Превентивная война — это «военные действия, предпринимаемые для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путем собственного наступления». Для этого требуется прежде всего знать о намерениях противника. По мнению Мельтюхова, ни Германия, ни СССР не

рассчитывали на наступление противника, значит, и тезис о превентивных действиях в данном случае неприемлем. Более того, он считает, что «версия о превентивной войне вообще не имеет ничего общего с исторической наукой, а является чисто пропагандистским тезисом для оправдания собственных действий»⁵².

Вопрос о превентивных действиях, на мой взгляд, сложнее, чем его трактует Мельтюхов, и не является только пропагандой. Гитлер действительно не имел ясного представления о том, что готовилось с советской стороны — сошлемся при этом на авторитетное мнение И. Хоффмана. Он не представлял себе размаха этой подготовки и не знал даты предполагаемого нападения. Немцам не было известно практически ничего о систематическом создании танковых соединений в СССР с целью ведения наступательных операций, так что в начале войны для них стало полной неожиданностью столкновение с многочисленными танковыми дивизиями, на которые они внезапно вышли. Но Гитлер имел определенное представление о наступательной военной доктрине СССР и о политических намерениях Сталина. От советника германского посольства в Москве Г. Хильгера он знал о речи Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий РККА, в которой было прямо сказано о войне с Германией в ближайшее время⁵³.

С юридической точки зрения, нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г., безусловно, является агрессией. Действия Гитлера могли бы быть квалифицированы как превентивные в том случае, если бы он, разгромив на границе армии противника, не устремился бы дальше, в глубь страны, захватывая все новые и новые территории СССР. С этого времени военные действия со стороны Германии однозначно являются агрессией, а со стороны СССР — освободительной войной, войной Отечественной. Однако объективно нападение Гитлера на СССР явилось превентивным, потому что оно предотвратило куда более массированное наступление Красной Армии.

В это же время было признано, что официальные советские историки, пытаясь обосновать тезис о военном превосходстве вермахта в момент нападения на СССР, фальсифицировали имеющиеся факты. Приводили, к примеру, число всех немецких танков и самолетов, имевшихся на Восточном фронте, а со стороны СССР только число новейших образцов. Это даже не фальсификация, а прямой подлог. В результате убеждение об абсолютном превосходстве войск вермахта прочно утвердилось не только в советской историографии, но и в обывденном сознании. Теперь даже бывший главный редактор готовившейся по решению Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 г. «Истории Великой Отечественной войны советского народа» В.А. Золотарев признал, что к началу войны «только по танкам и самолетам мы превосходили вооруженные силы Германии, Японии, Италии, Румынии и Финляндии, вместе взятые, почти в два раза»⁵⁴.

Тогда же официальная историография подтвердила, что переговоры с Англией и Францией в 1939 г. зашли в тупик не только по вине этих двух стран, но и по вине СССР: «Никем не доказано, что возможности переговоров СССР с Англией и Францией были исчерпаны, что без согласия польского правительства пропустить войска РККА через территорию Польши военная конвенция с этими государствами была исключена... хотя единственная возможность предотвращения войны заключалась в скорейшем заключении военного и политического союза с Англией и Францией»⁵⁵. В то же время в российской литературе отмечалось, что «до сих пор отсутствует всеобъемлющая документальная картина, которая отразила бы с исчерпывающей достоверностью позицию советского руководства применительно к заключению пакта о взаимопомощи с Лондоном и Парижем, высветила бы глубинные, а не внешние причины срыва этих переговоров и пересорентации Москвы на соглашение с Берлином»⁵⁶.

А в декабрьском номере журнала «Новый мир» за 1994 г. появилась публикация речи Сталина, с которой

он выступил в день заседания Политбюро 19 августа 1939 г. Т.С. Бушусва, которая нашла текст этой речи в секретных трофейных фондах бывшего Особого архива СССР, оценила ее как «безусловно исторический документ, столь откровенно обнаживший агрессивность политики СССР». По ее мнению, именно эта речь «легла в основу позиции советской стороны при подписании сю секретных протоколов с фашистской Германией о разделе Европы»⁵⁷.

Запись речи Сталина на заседании Политбюро ЦК 19 августа 1939 г. публиковалась ранее на Западе. Почти сразу с изложением этой речи выступило французское агентство Гавас, чью публикацию Сталин назвал «враньем» в интервью газете «Правда» от 30 ноября 1939 г. Знали о речи Сталина и некоторые западные историки. Западногерманский историк Е. Еккель даже опубликовал найденную им запись речи Сталина в одном из журналов ФРГ в 1958 г.⁵⁸. Реакцию советских военных историков на эту публикацию можно найти во втором томе «Истории Второй мировой войны»: «Фальсификация очень грубая. Достаточно сказать, что Сталину приписаны такие обороты речи и обращения, которые он никогда не употреблял. Кроме того, в этот субботний день, 19 августа 1939 г., заседания Политбюро вообще не было»⁵⁹. Фальсификацией считает эту речь и такой просталинский настроенный западный историк, как И. Фляйшхауэр⁶⁰.

В 1995 г. в России было торжественно отмечено 50-летие Победы над фашистской Германией и окончания Второй мировой войны. Этот юбилейный год стал годом огромного количества публикаций по теме, продемонстрировавших не только тот уровень свободы, которого достигли российские историки, но и то, с каким трудом правда о кануне войны пробивается наружу⁶¹.

Советская история переполнена тайными преступлениями власти, но из всех ее тайн особо мрачной и хранимой была подготовка военного наступления на Европу в 1941 г. Эту правду приняла пока небольшая часть российских историков.

В качестве примера столкновения прямо противоположных точек зрения может служить опубликованная незапланированная дискуссия «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?» (М.: АИРО — XX, 1995). Наряду со статьями А.В. Афанасьева, С. Григорьева, М.Г. Николаева, С.П. Исайкина, А.Н. и Л.А. Мерцаловых в сборнике представлен альтернативный взгляд на события кануна войны — Б.Н. Петрова, В.Н. Киселева, В.Д. Данилова, М.И. Мельтюхова, В.А. Невжина. Вместе с тем поставленные перед целым рядом очевидных фактов сторонники просталинской концепции были вынуждены, по крайней мере, признать, что «проблема взаимосвязи военной доктрины с технической политикой в СССР всегда была белым пятном для общества...», что «по сравнению с Западом у нас выпущено ничтожно малое число книг, посвященных этой теме»⁶².

Наиболее радикальные выводы содержались в статье М. Никитина, который не случайно скрылся под псевдонимом (правда, весьма прозрачным). На основании идеологических документов мая — июня 1941 г. автор пришел к выводу о том, что «основной целью СССР являлось расширение «фронта социализма» на максимально возможную территорию, в идеале на всю Европу. По мнению Москвы, обстановка благоприятствовала осуществлению этой задачи. Оккупация Германией большей части континента, затяжная, бесперспективная война, рост недовольства населения оккупированных стран, распыление сил вермахта на разных фронтах, близкий японо-американский конфликт — все это давало советскому руководству уникальный шанс внезапным ударом разгромить Германию и «освободить» Европу от «загнивающего капитализма». Этой цели и была посвящена вся деятельность советского руководства в 1939—1941 гг.

Таким образом, — считает автор, — намерения советского руководства в мае — июне 1941 г., устанавливаемые на основе исторических документов, значительно отличаются от тех, которые нам преподносит отечественная историография. Следовательно, неверна вся и

так не очень стройная концепция предыстории Великой Отечественной войны, поскольку она не соответствует известным фактам и документам. Поэтому уже сейчас основной задачей отечественной науки является создание новой концепции истории советского периода вообще и событий 1939—1941 гг. в частности»⁶³.

Однако последующее развитие историографической ситуации показало, как далека российская историческая наука от того, чтобы признать этот вывод. В 1995 г. в России прошли конференции, в том числе специально посвященные кануну войны. На международной конференции в Москве, организованной Институтом всеобщей истории РАН совместно с Институтом Каммингса по исследованию России и стран Восточной Европы при Тель-Авивском университете, «подавляющее большинство — практически все — выступавших опровергло версию Суворова и других авторов, поставив под сомнение сам их метод подхода к анализу событий»⁶⁴. Участники научного семинара в Новосибирске, организованного местным обществом «Мемориал», наоборот, высказались за очищение истории от идеологического камуфляжа. Одним из участников семинара — В.Л. Дорошенко был сделан анализ речи Сталина 19 августа 1939 г., которым убедительно доказано, что текст этой речи, «при всех возможных искажениях, восходит к Сталину и должен быть принят в качестве одного из основополагающих документов по истории Второй мировой войны»⁶⁵.

Из иностранных авторов в юбилейном году российские исторические журналы отдавали предпочтение тем, кто выступал с просталинской концепцией⁶⁶.

Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживают две установочные статьи — директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна и директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова, которые по традиции, идущей с советских времен, определяли возможные пределы исторического поиска, а объективно обозначили те трудности, которые еще необходимо преодолевать на пути к истине. Основным выводом статьи Чубарьяна сводился к тому, что «Сталин

в те тревожные месяцы боялся даже думать о нападении Германии и о начале войны»⁶⁷. Однако уже введенный в научный оборот новый фактический материал о кануне войны не мог не обусловить противоречивый характер статьи. С одной стороны, отметив отсутствие в протоколах Политбюро обсуждения важнейших вопросов внешней и внутренней политики, автор соглашается с тем, что «многие вопросы и не проходили обсуждения на Политбюро: решения по ним, видимо, принимались на совещаниях в узком составе или единолично Сталиным», а с другой — непосредственно коснувшись «Сображений по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» по состоянию на 15 мая 1941 г., вновь утверждает, что «нет никаких свидетельств, что этот документ где-либо обсуждался, так же как нет определенных данных о реакции на него Сталина». Кроме того, повторяется одно из основных положений советской историографии, уже не раз опровергнутое в последнее время. По его мнению, «СССР не располагал силами и возможностями для начала войны с Германией»⁶⁸. Однако в том же номере журнала Г.А. Куманев признал, что «к началу войны оборонная индустрия СССР в целом впервые стала превосходить по количеству, а в отдельных областях военного производства и по качеству показатели фашистской Германии»⁶⁹.

Статья А.Н. Сахарова «Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг.» в большей степени отвечала требованиям времени и учитывала результаты историографии, достигнутые за последние годы. Сахаров официально признал существующее до сих пор стремление «создать и укрепить государственно-идеологические мифы, предать анафеме тех, кто пытается проникнуть или хотя бы приблизительно выяснить истинный смысл происходивших в конце 30-х — первой половине 40-х годов событий, сохранить над ними завесу государственной тайны, что совершенно неприемлемо с точки зрения историка»⁷⁰. Далее Сахаров признал факт выступления Сталина на заседании Политбюро 19 августа

1939 г., процитировав отрывок из него и сославшись при этом (правда, глухо!) на декабрьский номер журнала «Новый мир» за 1994 г. Важнейшим фактом было также подтверждение А.Н. Сахаровым, в отличие от А.О. Чубарьяна, тезиса о том, что «по всем объективным данным, к середине 1941 г. перевес сил почти по всем параметрам был на стороне Советского Союза»⁷¹.

Однако серьезные возражения вызывает общий объективистский подход Сахарова к оценке советской дипломатии в 1939—1941 гг.: «Это была прагматическая, глобалистская дипломатия, покоившаяся на принципах преемственности с политикой старой России и сопровождавшаяся к тому же определенными революционно-идеологическими расчетами большевистского руководства. Защищать и оправдывать ее, как это делала в течение долгих лет советская историография, или порицать и обличать ее, как, скажем, это предпринимает в своих книгах В. Суворов, совершенно бессмысленно. Мораль здесь ни при чем. В политике есть лишь результаты — победы или поражения. Такой была и советская политика, и дипломатия тех лет»⁷².

Избегать нравственной оценки действий сталинской власти невозможно, а попытки эти всегда имеют под собой реальную основу, и, как правило, такой объективистский подход ведет к оправданию действий власти. У Сахарова он определялся, во-первых, тем, что советская дипломатия 1939—1941 гг. рассматривалась им в отрыве от провокационной по своей сути сталинской дипломатии предшествующего периода, во-вторых, он, как и многие другие современные авторы, не избежал влияния «обаяния» сталинского великодержавия. Только с учетом этих обстоятельств можно без внутреннего протеста воспринимать заключительный вывод автора: «...советское руководство действовало вполне в духе времени, решительно, масштабно, инициативно. И основной просчет Сталина и его вина перед Отечеством заключались на данном этапе и в тех условиях не в том, что страна должным образом не подготовилась к обороне (она к ней и не готовилась), а в том, что совет-

скому руководству — и политическому, и военному — не удалось точно определить момент, когда стремление оттянуть войну до приведения своих наступательных сил в полную готовность уже было невозможно, и оно не приняло экстренных мер для мобилизации страны и армии в состояние максимальной боевой готовности. Упреждающий удар спас бы нашему Отечеству миллионы жизней и, возможно, привел бы намного раньше к тем же политическим результатам, к которым страна, разоренная, голодная, холодная, потерявшая цвет нации, пришла в 1945 г., водрузив знамя Победы над Рейхстагом.

И то, что такой удар нанесен не был, что наступательная доктрина, тщательно разработанная в Генеральном штабе Красной Армии и начавшая энергично осуществляться в мае — июне 1941 г., не была реализована, возможно, является одним из основных просчетов Сталина»⁷³.

Определенным итогом историографии темы стала изданная в 1996 г. Российским государственным гуманитарным университетом под редакцией Ю.Н. Афанасьева книга «Другая война: 1939—1945», которая объединила современных авторов, известных своими новыми подходами к изучению не только кануна, но всего периода Великой Отечественной войны. В этой книге в основном переопубликованы статьи В.Д. Данилова, М.И. Мельтюхова, В.А. Невежина, Ю.А. Горькова, А.А. Печенкина и др.

Однако в том же году на фоне набирающей силу волны апологетической литературы о Сталине стало заметно отступление от достигнутого в освещении кануна войны. Символом этого отступления стала иллюстрация к публикации Ю.А. Горькова и Ю.Н. Семина «Конец глобальной лжи. (Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию)»⁷⁴. Это плакат времен войны под названием «Красной Армии метла нечисть выметет дотла!». Среди этой «нечисти» и книга В. Суворова «Ледокол».

Знаками отступления являются фактически отрица-

тельная рецензия А.Ф. Васильева на книгу «Другая война: 1939—1945», опубликованная в 1997 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 7), и новые публикации Г. Городецкого. В ответ на перепечатку речи Сталина 19 августа 1939 г. немецким еженедельником «Die Welt» (12 июля 1996 г.) Городецкий в который раз назвал эту речь фальсификацией. В полном противоречии с известными сегодня историческими фактами он продолжает настаивать на том, что в дни, предшествовавшие подписанию советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., Сталин «более чем когда-либо придерживался своей традиционной оборонительной политики», что он «не выдвигал никаких территориальных претензий, а хотел лишь взаимных германо-советских гарантий неприкосновенности Балтийских стран»⁷⁵.

В таком же ключе выдержаны книга В.Я. Сиполса «Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939—1941» (М., 1997) и рецензия на нее А.С. Орлова, в которой весьма показательна высокая оценка того, что «книгу пронизывает полемика с конъюнктурными трактовками истории 1939—1941 гг., которые на волне безудержной критики истории СССР конца 80-х — начала 90-х годов возобладали в постсоветской историографии». Показательна и логика возражений как Сиполса, так и поддерживающего его рецензента. Оказывается, идея секретных протоколов и раздела «сферы влияния» впервые появилась не в советско-германском договоре о ненападении, а в ходе тайных англо-германских переговоров и в английских предложениях СССР о гарантиях стран Прибалтики⁷⁶.

В этом же году вышла книга В.А. Невежина «Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг.», которая является систематизированным результатом его предыдущих исследований. На основе большого фактического материала Невежин пришел к выводу о том, что «Сталин не отделял национальных интересов страны от конечной стратегической цели — уничтожения «капита-

листического окружения». На исходе 30-х годов большевистское руководство уже не рассматривало саму по себе «мировую революцию» в качестве главного инструмента для достижения этой цели. Миссию сокрушения враждебного «буржуазного мира» должна была взять на себя, по замыслу Сталина, Красная Армия»⁷⁷.

Особый интерес представляет специальная глава книги «Сталинские выступления 5 мая 1941 г.». Это не только речь Сталина перед выпускниками военных академий, но и его реплики и тосты на банкете, устроенном по этому случаю. Подлинный аутентичный текст речи Сталина неизвестен. В распоряжении исследователей имеется лишь запись, причем не только речи, но и сталинских высказываний, сделанная сотрудником Наркомата обороны К. Семеновым и выявленная в РГАСПИ. В настоящее время наиболее полная публикация подготовлена А.А. Печенкиным⁷⁸. Так что обвинение, выдвинутое в 1994 г. историками А.Н. и Л.А. Мерцаловыми против немецкого историка И. Хоффмана в том, что он оперировал «предполагаемыми намерениями Сталина, его речью 5 мая 1941 г., содержание которой науке, к сожалению, неизвестно», лишено всяких оснований⁷⁹. Сам же Невежин, завершая главу о сталинских выступлениях 5 мая 1941 г., делает вывод о том, что «для ближайшего же сталинского окружения все сказанное тогда «вождем» на торжественном собрании и на приеме (банкете) являлось не «мистификацией» и не «дезинформацией», а прямым руководством к действию»⁸⁰.

Однако значение исследования Невежина снижают непоследовательность и противоречивость выводов автора. Не стоило бы уделять этому обстоятельству особого внимания, если бы это не было доказательством обособившегося отступления в историографии. Складывается впечатление, что Невежин боится того, что его поставят в один ряд с В. Суворовым, к которому он относится с очевидным предубеждением, непонятным потому, что на многие выводы и самого Невежина, и других современных исследователей предвоенного периода натолкнул именно «Ледокол». Не отметив положитель-

ных сторон этой книги. Невежин сразу же переходит к ее критике в худших историографических традициях: «...российскими историками было замечено, что В. Суворов (В.Б. Резун) слабо использует документальную базу, злоупотребляет домыслами, тенденциозно цитирует мемуарную литературу, которая сама по себе требует тщательного источниковедческого анализа, искажает факты, произвольно трактует события. Западные ученые также предъявили большие претензии к автору книги «Ледокол». Так, Б. Бонвеч отнес ее ко вполне определенному жанру литературы, в которой просматривается стремление снять с Германии вину за нападение на СССР»⁸¹. Досталось в этом контексте и тем западным исследователям, которые солидаризировались в своих выводах с В. Суворовым — Г. Гилессену, В. Мазеру, Э. Топичу, И. Хоффману.

С уже знакомым предубеждением Невежин относится также к книге «Другая война: 1939—1945». По его мнению, Ю.Н. Афанасьев необоснованно попытался поставить выступление Сталина 5 мая 1941 г. «в один ряд со сталинскими речами, якобы произнесенными на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г. и на главном Военном совете 14 мая 1941 г.». Источник, на основании которого была сделана публикация речи Сталина на Политбюро 19 августа 1939 г., добавляет далее Невежин, «требует критического анализа». Сделав это дополнение, он посчитал необязательным упомянуть, во-первых, о том, что внимание к выступлению Сталина 19 августа 1939 г. привлек В. Суворов, во-вторых, что запись текста этой речи была обнаружена в Особом архиве (ныне Центр хранения историко-документальных коллекций) Т.С. Бушуевой и опубликована ею в журнале «Новый мир» в 1994 г. (№ 12), в-третьих, что анализ этой речи уже сделан В.Л. Дорошенко и опубликован в материалах научного семинара, посвященного пятидесятилетию разгрома фашистской Германии, состоявшегося в Новосибирске 16 апреля 1995 г., а затем перепубликован в книге «Другая война: 1939—1945». На все это нет никаких указаний не только в основном тексте

книги, но и в прилагаемом «Списке использованных источников и литературы».

Что же касается употребленного Невежиным словесного оборота «якобы произнесенными», то же самое можно сказать и в отношении выступления Сталина 5 мая 1941 г. Подлинного текста речи в том и в другом случае не обнаружено. К тому же вся конструкция Невежина распадается, если взять за основу другую запись сталинской речи 5 мая 1941 г., о которой рассказал присутствовавший в Кремле в тот момент Н.Г. Лященко. Спустя десятилетия он смог ознакомиться с записью текста речи Сталина, присланной из Института военной истории. В полученной записи, подчеркивает Невежин, **о войне не было ни слова**. Как очевидец, Н.Г. Лященко сделал вывод, что «над ней кто-то изрядно поработал»⁸². Все это было вполне в духе Сталина. Не случайно он запретил включение записи своей речи 5 мая 1941 г., сделанной К. Семеновым, в предполагавшийся к изданию 14-й том его сочинений.

Такая позиция Невежина не могла не обусловить противоречивость и нечеткость выводов его книги. В главе, посвященной сталинским выступлениям 5 мая 1941 г., он присоединяется к выводу о том, что «сталинские призывы о необходимости перестройки советской пропаганды, прозвучавшие на банкете в Кремле по случаю выпуска военных академий РККА, еще не означали, что СССР готовился летом 1941 г. напасть на Германию» (выделено мною. — *И.П.*)⁸³.

Книгу завершает послесловие профессора Рурского университета (Германия) Б. Бонвеча, в котором он «разъясняет» читателю позицию Невежина. Оказывается, акцент на «наступление» не делает вынужденным «нападением». Автор книги, по словам Бонвеча, «подчас склонен к некоторой драматизации, но в целом его положительно характеризует то, что он на основе явных изменений в советской военной пропаганде после выступлений Сталина 5 мая 1941 г. не делает вывода, будто Советский Союз определенно намеревался напасть на Германию...»⁸⁴. Бонвеч, несмотря на исследование Не-

вежина и других авторов, по-прежнему убежден в том, что «Сталин скрупулезно, и не только исходя из соображений обороны, учитывал государственные интересы, принимая в расчет и возможность войны с Германией. К какому времени он относил начало войны, установить невозможно, но многие данные указывают на 1942 год»⁸⁵.

Об определенной «сдаче позиций» свидетельствует также раздел, написанный М.И. Мельтюховым, в книге «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира» (М.: РГГУ, 1997). Раздел имеет красноречивое название — «Крики об обороне — это вуаль», которое представляет собой фразу Сталина, сказанную им 1 октября 1938 г. на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда, тогда же записанную секретарем ЦК А.А. Ждановым в своем блокноте. Характерно, что Жданов выделил эту фразу как ключевую, раскрывающую подлинные представления Сталина о внешнеполитической миссии Советского государства⁸⁶. Но, с другой стороны, анализируя статьи авторов, которые собраны в книге «Другая война: 1939 — 1945» и фактически представляют собой дискуссию на тему «Готовил ли Сталин наступательную войну?», Мельтюхов несправедливо свел ее к следующему заключению: «...авторы оспаривают не столько вероятность (или необходимость) упреждающего наступления СССР, сколько возможность его осуществления именно в 1941 г. (выделено мною. — *И.П.*). Во всяком случае, сопоставление упомянутых статей, опубликованных в одной книге и отражающих на первый взгляд противоположные точки зрения, полезно. Это помогает лучше понять причины и характер катастрофы, которая произошла в 1941 г. и которая в конечном счете была органически связана с природой сталинского режима»⁸⁷.

Акцент на вопросе о возможности осуществления наступления СССР в 1941 г. — это не более чем попытка отвести дискуссию от выяснения реальных действий Сталина по подготовке к войне. Эта же тенденция отчетливо проявилась и на заседании ассоциации истори-

ков Второй мировой войны в декабре 1997 г., на которой обсуждался специальный доклад М.И. Мельтюхова⁸⁸. На одном фланге были докладчик и поддержавший его историк В.А. Невежин, а на другом — старейшины нашей военной исторической науки В.А. Анфилов, М.А. Гаресев, Ю.А. Горьков, А.С. Орлов, О.А. Ржешевский и др., для которых «история — наука политическая», а историкам, по их мнению, «необходимо всегда помнить об интересах своего государства и заботиться о здравомыслии поколений, вступающих в жизнь»⁸⁹. Состоявшаяся дискуссия продемонстрировала то, что историкам демократического направления не удалось отеснить или сколько-нибудь заметно потеснить историков прокоммунистического направления. Последние, сохранив свои позиции в институциональной системе постсоветской науки, перешли к реваншу, который собственно научного значения не имеет. Однако он оказывает серьезное влияние на процесс дальнейшей деградации исторической науки в России и скажется на подготовке нового поколения историков. Процессы, которые происходят в постсоветской исторической науке, связаны с общими политическими процессами в стране. Демократия не удалась даже в истории, да и не могла удалиться при наличном соотношении сил. Если бы прокоммунистический реванш получил хотя бы отпор со стороны мировой исторической науки, но и здесь сложилась парадоксальная ситуация: западные историки не только формально контактируют с прокоммунистическими историками, но и поддерживают их концептуально⁹⁰. Российским историкам демократического направления придется проявить не только терпение, но и отвагу.

Издание в 1998 г. международным фондом «Демократия» сборника документов «1941 год» (в 2-х книгах) не ставит точку в историографии этой темы, как считает тот же Л.А. Безыменский, интервью с которым под знаменательным названием «Правда про 22 июня» появилось 18 июня 1998 г. в газете «Комсомольская правда». В сборнике опубликованы документы, которые до самого последнего времени были недоступны в таких

архивах, как Архив Президента, Архив внешней политики, Архив Службы внешней разведки, Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации и др. При всей своей неоспоримой важности эти документы сами по себе не могут дать прямых ответов на поставленные вопросы. Именно это и входило в интересы Сталина, который лично контролировал комплектование своего архива, составляющего сегодня основу Архива Президента. Вот почему «документация, которая содержится в личных архивах Сталина и Молотова, представляет собой исключительно важный, но не исчерпывающий источник» (выделено мною. — *И.П.*)⁹¹. Весьма показателен и тот принципиальный факт, выявившийся в ходе подготовки сборника, что, «в отличие от скупой информации о возможном политическом сближении, материалы по возобновлению экономических связей между СССР и Германией весьма обширны...»⁹². Сталин не случайно оставлял в своем архиве в основном материалы об экономическом сотрудничестве с Германией, как будто знал психологию воспитанных в созданной им стране историков. И действительно, вывод последовал: «Наше предположение об инициативной роли экономического фактора еще требует дополнительного исследования, но и сейчас оно должно учитываться при оценке аргумента о «вынужденном» характере договоренностей 1939 г.»⁹³.

Документы о предвоенной политике сталинской власти, сохранившиеся до нашего времени, представляют собой именно тот пример источников, которые заставляют «отрешиться от иллюзии, будто источники — это «окна», через которые можно разглядывать историческую жизнь людей других эпох в ее «первозданной» подлинности, стоит лишь хорошенько эти окна протереть»⁹⁴. Только тогда из этого массива оставленных нам источников удастся извлечь зерно истины, когда они будут сопоставлены с другими, проанализированы, встроены в общий контекст событий. Только при таком условии эти источники «расскажут» нам то, что Сталин хотел скрыть. А потому преждевременным представля-

ется вывод составителей сборника документов «1941 год» о том, что «публикуемые документы полностью опровергают домыслы о якобы превентивном (для отражения готовящейся советской агрессии) нападении фашистской Германии на Советский Союз»⁹⁵. Тем более что ситуация в предвоенный период вообще не может трактоваться столь однозначно в категориях: «превентивное» — «непревентивное (вероломное)» нападение.

Каковы бы ни были отступления в освещении кануна войны, правда о нем уже вышла наружу. Она сделала понятней не только внешнюю, но и внутреннюю политику сталинской власти, направленную на осуществление главной цели. Цель эта четко сформулирована в статье З.С. Белоусовой и Д.Г. Наджафова, которую можно рассматривать как этапную в процессе отхода современных российских историков от лжи советской историографии: «Пролетарский призыв к «последнему и решительному бою» с капитализмом превратился в руководящий принцип политики коммунистических правителей Советского государства, был положен в основу их глобальной стратегии. Так идея уничтожения «старого мира» стала самоцелью новорожденного социалистического строя, смыслом и оправданием его существования, заразив устремленностью к «новому миру» миллионные массы громадной евразийской страны... Вера в то, что диалектика исторического развития приведет к торжеству коммунизма (а в первые послеоктябрьские годы такой ход мировых событий представлялся творцам русской революции близким будущим), покоилась на догмах классовой непримиримости и неизбежности войн при капитализме, якобы вплотную подводящих пролетариат к социальной революции. Возведенная в ранг официальной политики ставка на победу мирового коммунизма обусловила глобальные рамки советской активности по созданию условий для повсеместного утверждения нового общественного строя»⁹⁶.

Однако необходимость исторической оценки этой «ставки на победу мирового коммунизма» обозначила новое расхождение между историками кануна войны.

которое можно считать знаковым. С одной стороны, это демократическая позиция, суть ее изложена Д.Г. Наджафовым. «Скорее всего, — пишет он, — советские руководители действительно уверовали в свою революционную миссию, ставя знак равенства между интересами социалистического Советского Союза и «коренными» (по марксистской терминологии) интересами народов других стран, намереваясь в нужный момент выступить в роли освободителя этих народов от ига капитализма. На практике так называемый пролетарский интернационализм СССР свелся к откровенному национализму (в его советской, национал-большевистской версии), тогда как базовой составляющей Второй мировой войны с самого начала была защита свободы и демократии против наступления сил тоталитаризма»⁹⁷.

С другой стороны, это великодержавная, антизападная позиция, проявившаяся в книге М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина». Эта позиция заслуживает особого внимания, потому что ее сторонником оказался автор, который добился весьма значительных результатов в изучении имеющихся и в поиске новых материалов по этой теме. Мельтюхову удалось обобщить практически все факты, ставшие известными в последние годы, и создать комплексное исследование, после которого возврат к старой версии о неготовности Советского Союза к войне уже невозможен. В книге убедительно доказано, что к лету 1941 г. Красная Армия была крупнейшей армией мира, имевшей на вооружении целый ряд уникальных систем военной техники, и эта армия готовилась к наступлению. В 1940—1941 гг. Генштабом Красной Армии было разработано как минимум четыре варианта оперативного плана, содержание которых свидетельствует о подготовке лишь наступательных действий советских войск... Особенно четко эта идея выражена в документе от 15 мая 1941 г. Всего для войны с Германией из имевшихся в Красной Армии 303 дивизий было выделено 247, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн. человек, 62 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков и 9,9 тыс. самолетов. Германия

и ее союзники, по данным, приводимым в книге, не располагали силами, способными нанести гарантированное поражение Красной Армии. Превосходство последней по числу дивизий было в 2,3 раза, по личному составу в 2,1, по орудиям и минометам в 2,4, по танкам в 8,7, а по самолетам в 4,4 раза⁹⁸.

После книги Мельтюхова невозможно более рассуждать о миролюбивой политике Советского Союза не только накануне войны, но и в предшествовавшие годы. В книге подробно рассматриваются действия СССР в Польше в сентябре 1939 г., его «борьба за Скандинавский плацдарм», «наращивание советского военного присутствия в Прибалтике», борьба за Балканы, политика, направленная на ослабление позиций Англии и Франции в Европе.

Вместе с тем дискуссия о кануне войны нельзя считать завершенной. Во-первых, как справедливо отмечает сам Мельтюхов, до сих пор засекречены многие документы о состоянии Красной Армии, планы боевых действий против Финляндии, Румынии, Турции, большая часть документов по оперативной подготовке войск, в частности, планы округов, планы прикрытия за весь межвоенный период и т.п. Но прежде всего отсутствуют документы, которые позволяют «в полной мере реконструировать процесс принятия ключевых решений советским руководством в 1939—1941 гг.». Имяющиеся источники не позволяют пока не только ответить на вопрос о причинах отказа от 12 июня как первоначальной даты нападения на Германию, но и обосновать тезис о том, что «Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее 15 июля 1941 г.»⁹⁹.

Во-вторых, вызывает серьезное возражение общий подход Мельтюхова к рассмотрению политики СССР в 1939—1941 гг. Претендуя на объективное воссоздание исторической реальности, на рассмотрение советской внешней политики «без каких-либо пропагандистских шор, а с точки зрения реальных интересов, целей и возможностей Советского Союза», выступая против морализаторских традиций в отечественной исторической

литературе и заявляя о том, что в его исследовании речь не идет об оправдании или обвинении советского руководства, Мельтюхов оказывается выразителем великодержавной и антизападной позиции, которая характерна сегодня для многих представителей российской интеллигенции, в том числе и для историков. Эта позиция определила его исследовательский подход — он полностью на стороне Сталина, более того, он сожалеет об упущенном шансе «разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране». Если бы Сталину удалось реализовать задуманный план, то, по мнению Мельтюхова, «Красная Армия могла бы быть в Берлине не позднее 1942 г., что позволило бы поставить под контроль Москвы гораздо большую территорию в Европе, нежели это произошло в 1945 г. Разгром Германии и советизация Европы позволяли Москве использовать ее научно-технический потенциал, открывали дорогу к «справедливому социальному переустройству» европейских колоний в Азии и Африке...»¹⁰⁰.

Никто не оспаривал бы право М.И. Мельтюхова рассуждать о возможных перспективах советизации Европы более полувека назад, подобно тому, как рассуждают председатель ЛДПР В.В. Жириновский и его последователь, депутат Государственной думы А.В. Митрофанов о позиции современной России по отношению к Западу, если бы не одно важнейшее обстоятельство. Такой подход находится в полном противоречии с заявкой автора на объективное исследование проблемы. Это противоречие можно показать на примере рассмотрения им важнейшего вопроса о роли СССР в развязывании Второй мировой войны. Мельтюхов фактически смазывает инициативную роль СССР в подготовке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., неверно излагает позицию СССР накануне приезда Риббентропа в Москву, обходит вопрос об оценке речи Сталина 19 августа, откровенно замалчивая появившиеся на эту тему публикации. Благодаря соглашению

23 августа, считает Мельтюхов. «СССР впервые за всю свою историю получил признание своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы», поэтому «советско-германский пакт о ненападении можно расценивать как значительную удачу советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую дипломатию и достичь своей основной цели — остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах, и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. Не в интересах советского руководства было препятствовать войне в Европе между англо-французским блоком и Германией, поскольку только война давала ему реальный шанс значительно усилить свое влияние на континенте... Пакт о ненападении. — заключает он, — обеспечил не только интересы Советского Союза, но и тыл Германии, облегчив ей войну в Европе»¹⁰¹. В выделенных мною словах фактически и заключается ключевая роль СССР в начале Второй мировой войны. Однако эта роль замаскирована геополитическими рассуждениями Мельтюхова.

Таким образом, несмотря на очевидные успехи в поиске правды о кануне Великой Отечественной войны, создание его объективной истории требует прояснения еще многих принципиальных моментов. Следование концепции посткоммунистического великодержавия, защищающей агрессивные устремления Сталина, ведет не только к искажению освещения ключевых поворотов его политики, но и не может дать ответа на такой важнейший вопрос, почему Красная Армия, несмотря на свое многократное превосходство, потерпела столь сокрушительное поражение в 1941 г. Рассуждений о роковом просчете советского руководства и неготовности войск к созданию сплошного фронта обороны здесь недостаточно. Подобного рода вопросы вообще не вписываются в эту концепцию, ибо это уже вопросы не о гео-

политических планах Сталина, а об отношении миллионов красноармейцев к созданному им режиму.

Правде о кануне войны предстоит завоевывать надлежащее место не только в историографии, но и в общественном сознании. Российское общество пока не готово к восприятию такой правды о войне, о чем свидетельствовала его негативная реакция на документальный фильм В. Синельникова «Последний миф» о Викторе Суворове и его книге «Ледокол». И все-таки остается надежда на то, что 9 мая в России когда-нибудь станет не только Днем долгожданного мира, наступившего после кровопролитной войны, Днем памяти о 27 млн. погибших в этой войне, но и напоминанием о нашей слепоте, о том, как не должны строиться отношения власти и общества.

Примечания

¹ История Коммунистической партии Советского Союза В 6 томах. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 217, 218.

² Коган Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопр. истории. 1998. № 2. С. 128.

³ «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать». Выступления В.И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 12, 13.

⁴ Раак Р.Ч. Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // Отечественная история. 1996. №3. С. 45.

⁵ Исторический архив. 1992. № 1. С. 16.

⁶ ГАОУ, ф. П—1, оп. 3, д. 11, л. 51.

⁷ Сталин И.В. Соч. Т. 14 / Сост. и общая ред. Р. Косолапова. М., 1997. С. 106. Б. Солоневич приводит этот эпизод в более подробном изложении: «Недавно он (Сталин. — И.П.) дал интервью американскому журналисту Ховарду (так в тексте. — И.П.), и, когда тот неожиданно спросил у Сталина насчет его намерения поднять мировую революцию, последний сделал «искренне наивное» лицо.

— Какую такую мировую революцию?

Американец даже смутился от подобной наглости.

— Помилуйте, мистер Сталин. Да ведь весь мир считает, что вашей задачей является установление мирового коммунизма путем революции во всех странах.

— Откуда взялось такое странное мнение? Тут явное недоразумение. Наш Советский Союз думает только об устроении своей жизни и никогда не помышляет вмешиваться в дела других стран. Все басни о

том, что мы стремимся к какой-то мировой революции. — не что иное, как фантазия наших врагов...» // *Солоневич Б.* Заговор Красного Бонапарта. Маршал Тухачевский: Документированный роман. Буэнос-Айрес, 1958. С. 125.

⁸ Ваксберг А. Страницы одной жизни (Штрихи к политическому портрету Вышинского) // *Знамя.* 1990. № 6. С. 131.

⁹ Там же. Этот перечень составили: «1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР. 2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т.д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. Молотова в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские прибалтийские республики». — *Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 года: переосмысление подходов к его оценке // *Вопр. истории.* 1999. № 1. С. 159.

¹⁰ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992. С. 48—49.

¹¹ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 20.

¹² *Некрич А.М.* 1941. 22 июня. М., 1965. С. 8—9. В 1995 г. книга А.М. Некрича была переиздана. Современная его точка зрения по этому вопросу выглядит следующим образом: «У меня нет сомнений в том, что Сталин планировал участие СССР в широкомасштабной европейской войне, но при этом он опасался столкнуться с союзом ведущих капиталистических держав и прежде всего боялся изменения фронта Англией и сговора ее с Германией против СССР... Сталин опасался оказаться в политической изоляции... В этом, как мне кажется, заключаются уязвимые пункты предположения, что Сталин рассчитывал нанести Гитлеру неожиданный, превентивный удар летом 1941 г. [...] советские военно-промышленные планы были ориентированы в основном на их реализацию в 1942 году. Возможно, это время и было бы, по мнению Сталина, наиболее подходящим, чтобы бросить на чашу весов пудовые гири советской военной мощи». — *Некрич А.* 1941. 22 июня: Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1995. С. 216—217.

¹³ Архив д-ра ист. наук, проф. А.С. Московского. Стенографическая запись заседания Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС опубликована под названием «Дело А.М. Некрича»: Из истории гонений на советскую интеллигенцию. Публикация документов о кн. А. Некрича «1941. 22 июня» и обстоятельствах, связанных с ее обсуждением. Предисл. Л.П. Петровского // *Кентавр.* 1994. № 4 — 5. Решением КПК при ЦК КПСС Л.П. Петровскому был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку «за безответственное, политически ошибочное выступление во время обсуждения книги А.М. Некрича и за нарушение партийной дисциплины». — *Кентавр.* 1994. № 5. С. 96. Что касается Е.А. Болтина, то постановлением Политбюро от 5 мая 1940 г. он был назначен редактором «Красной звезды» — РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1021, п. 177. С этого времени он был активным проводником сталинской политики и многое знал о готовящемся нападении на Германию. В.А. Невежин привел ряд высказываний из выступления Е.А. Болтина на совещании с писателями 25 июня 1940 г. В частности, он сказал:

«Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар... Совершенно ясно, что характер боевых действий Красной Армии будет активным». Е.А. Болтин сформулировал также основные установки советской военной идеологии, которые необходимо было проводить в жизнь. Во-первых, Красная Армия есть инструмент войны. Во-вторых, война СССР против любого капиталистического государства будет иметь справедливый характер, независимо от того, кто ее начнет. — *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997. С. 134.

¹⁴ Павленко Н. На первом этапе войны // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 470.

¹⁵ Ковалев Ф., Ржешевский О. Так начиналась война // Урок дает история. М., 1989. С. 268.

¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 28, 29, 31, 32.

¹⁷ Накануне. 1931—1939. Как мир был ввергнут в войну. Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991. С. 268—269.

¹⁸ Там же. С. 268.

¹⁹ Там же. С. 227, 267.

²⁰ Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995. С. 262. Только в октябре 1992 г. оригиналы секретных дополнительных протоколов были наконец «найжены» и опубликованы в России сначала в газетах, а затем и в других изданиях. См.: Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83—95. Что касается вообще первой публикации в СССР текста секретного дополнительного протокола к договору от 23 августа 1939 г., то она была осуществлена журналом «Вопросы истории» в 1989 г. (№ 6). — *Александров В.А.* Сговор Сталина и Гитлера в 1939 году — мина, взорвавшаяся через полвека // Вопр. истории. 1999. № 8. С. 76.

²¹ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии... С. 59.

²² Орлов А.С. Комментарии к кн.: Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1—2 / Сокращ. перевод с англ. М., 1991. С. 179, 204.

²³ Суворов В. Ледокол. М., 1992. *Он же.* День М. М., 1994. С. 130, 131.

²⁴ *Он же.* День М. С. 249.

²⁵ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930—1990-е). М., 1994.

²⁶ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. «Непредсказуемое прошлое» или преднамеренная ложь? // Свободная мысль. 1993. № 6. С. 50, 51.

²⁷ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Между двумя крайностями, или Кто соорудил «Ледокол» // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 83.

²⁸ Волкогонов Д. Эту версию уже опровергла история // Известия. 1993. 16 января.

²⁹ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40.

³⁰ Цит. по: *Данилов В.* Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. № 24 (17—23 июня).

³¹ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 31.

³² Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.

³³ Там же. С. 425, 427.

³⁴ Отечественная история. 1993. № 4. С. 29. Положения статьи развиты в его книге: *Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941—1945. Planung, Ausführung und Dokumentation.* München, 1999. Первое издание этой книги было осуществлено там же в 1995 г.

³⁵ Там же. С. 19, 26, 27, 29.

³⁶ Цит. по: *Борозняк А.И., Буханов В.А.* Рец. на кн.: Два пути на Москву. От пакта Гитлера — Сталина к операции «Барбаросса» (на нем. яз.). 1991 // *Вопр. истории.* 1993. № 8. С. 176. См. также: *Якобсен Г.-А.* Противоречивые оценки 22 июня 1941 года // *Война и политика.* 1939—1941. М., 1999. С. 253—269 и др.

³⁷ Лит. газ. 1994. 21 сентября; *Якобсен Г.-А.* Вторая мировая война. Хроника и документы // *Вторая мировая война: два взгляда.* М., 1995. С. 84.

³⁸ Книжное обозрение. 1995. 21 февраля; *Городецкий Г.* «Ледокол»? Сталин и путь к войне // *Война и политика...* С. 244—252.

³⁹ *Raak R.C.* Рец. на кн.: *Stalins Vernichtungskrieg 1941 — 1945.* By Joachim Hoffmann. Munich, 1995 // *Slavic Review.* 1996. Vol. 55. N 2. P. 493 — 494.

⁴⁰ Накануне... С. 242—243.

⁴¹ Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С. 155.

⁴² Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 7.

⁴³ Петров Б.И. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // *Военно-исторический журнал.* 1991. № 12.

⁴⁴ Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // *Военно-исторический журнал.* 1992. № 2. С. 15—16.

⁴⁵ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера... С. 37.

⁴⁶ Данилов В. Готовил ли Сталин нападение на Германию?! Комсомольская правда. 1992. 4 января; *Сегодня.* 1993. 28 сентября; *Поиск.* 1994. № 24 (17—23 июня); *Мельтюхов М.И.* Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // *Отечественная история.* 1994. № 3.

⁴⁷ Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 277—283.

⁴⁸ Там же. С. 283. Выступление М.И. Мельтюхова.

⁴⁹ Там же. С. 281; *Мельтюхов М.И.* Споры вокруг 1941 года... // *Отечественная история.* 1994. № 3. С. 16, 17, 18.

⁵⁰ Данилов В. Указ. соч. // *Комсомольская правда.* 1992. 4 января.

⁵¹ Данилов В. Сталинская стратегия начала войны // *Отечественная история.* 1995. № 3. С. 40.

⁵² Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года... // *Отечественная история.* 1994. № 3. С. 187.

⁵³ Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне // *Отечественная история.* 1993. № 4. С. 20, 21, 24, 25, 29.

⁵⁴ *Россия в XX веке...* С. 698.

⁵⁵ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война... С. 200—201.

⁵⁶ Сафронов В.П. Рец. на кн.: *Документы внешней политики.* 1939 год. М., 1992. Т. 22. В 2 кн. // *Отечественная история.* 1995. № 3. С. 208.

⁵⁷ Бушуева Т.С. «... Проклинающая — попробуйте понять». Рец. на кн. В. Суворова «Ледокол» и «День М» // Новый мир. 1994. № 12. С. 232—233.

⁵⁸ Jackel E. Über die angebliche Rede Stalins vom 19 August 1939 // Viertel Jahreshefte für Zeitgeschichte. Stuttgart. 1958. N 4 (Oktober). S. 381 — 382.

⁵⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. М., 1974. С. 285.

⁶⁰ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер. Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. Пер. с нем. М., 1991. С. 354.

⁶¹ Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5; Война 1939—1945: два подхода. М.: РГГУ, 1995. Ч. I. Под общей ред. Ю.Н. Афанасьева: Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995; *Гареев М.А.*

О военной науке и военном искусстве в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1995. № 2; *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995; *Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны // Отечественная история. 1995. № 3; *Иванов А.* Готовился ли СССР

к превентивной войне? // Актуальные проблемы новой и новейшей истории. Ульяновск, 1995; *Куманев Г., Шкляр Э.* До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль.

№ 2; *Мельтюхов М.И.* Идеологические документы мая — июня 1941 года о событиях Второй мировой войны // Отечественная история. 1995. № 2; *Он же.* Правители без подданных. Как пытались экспортировать революцию // Родина. 1995. № 12; *Он же.* Советская отечественная историография преддверия Великой Отечественной войны (1985—1995 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1995; *Невежин В.А.* Собирались ли Сталин наступать в 1941 г. (Заметки на полях «Ледокола» Суворова) // Кентавр. 1995. № 1; *Он же.* Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2; *Печенкин А.А.* Была ли возможность наступать? // Отечественная история. 1995. № 3; Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М., 1995; *Случ С.З.* Германско-советские отношения в 1918—1941 гг. // Славяноведение. 1995. № 6; *Шевяков А.Л.* Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социс. 1995. № 5; *Шириня К. К.* Идея мировой революции в стратегии Коминтерна // Новая и новейшая история. 1995. № 5, и др.

⁶² Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995. С. 21, 22.

⁶³ Там же. С. 146.

⁶⁴ Чубарьян А. Война и судьбы мира. Проблемы исторических исследований // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 52.

⁶⁵ Дорошенко В.Л. Сталинская провокация Второй мировой войны // 1939—1945. 1 сентября — 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара (16 апреля 1995 г. — Новосибирск). Новосибирск, 1995. С. 17.

⁶⁶ Пиетров-Эннкер Б. Германия в июне 1941 г. жертва советской агрессии? (К тезису о «превентивной войне») // Кентавр. 1995. № 2; *Городецкий Г.* Ответы на вопросы журнала // Новая и новейшая исто-

рия. 1995. № 3; Вопр. истории. 1995. № 5/6; Новое время. 1995, № 11; *Он же*. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995.

⁶⁷ Чубарьян А. Война и судьбы мира... // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 52.

⁶⁸ Там же. С. 48, 52.

⁶⁹ Куманев Г., Шкляр Э. До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 9—10.

⁷⁰ Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг. // Вопр. истории. 1995. № 7. С. 26.

⁷¹ Там же. С. 29, 37.

⁷² Там же. С. 36—37.

⁷³ Там же. С. 38.

⁷⁴ Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 3.

⁷⁵ Городецкий Г. Во льдах истории // Еврейская газета. 1996. № 17—18 (сентябрь).

⁷⁶ Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 182.

⁷⁷ Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С. 67.

⁷⁸ Исторический архив. 1995. № 2. С. 23—31.

⁷⁹ Невежин В.А. Синдром наступательной войны. С. 154.

⁸⁰ Там же. С. 185.

⁸¹ Там же. С. 12. Характерно, что в автореферате докторской диссертации В.А. Невежина «Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х — начало 40-х гг.)». (М., 1999) В. Суворов не упоминается вообще. Та же тенденция прослеживается в подавляющем большинстве современных публикаций. См., например: *Бобылев П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940—1941 годах // Отечественная история. 2000. № 1. С. 41—43.

⁸² Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С. 176. Основываясь именно на этой записи речи Сталина, О. В. Вишнев выстроил свои возражения В.А. Невежину и М.И. Мельтюхову в специальной статье «Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы» // Новая и новейшая история. 1998. № 4.

⁸³ Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С. 156.

⁸⁴ Там же. С. 261.

⁸⁵ Бонвеч Б. Наступательная стратегия — наступление — нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года // Отечественная история. 1998. № 3. С. 23.

⁸⁶ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 291.

⁸⁷ Там же. С. 319.

⁸⁸ Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 201—208. Доклад М.И. Мельтюхова «Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается» в 1999 г. издан «АИРО — XX» в серии «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века».

⁸⁹ Мягков М.Ю. Предвоенные оперативные планы СССР (заседание Ассоциации историков Второй мировой войны) // Война и политика... С. 493.

⁹⁰ Ярким подтверждением этого обстоятельства стало обсуждение на теоретическом семинаре в Институте российской истории РАН 24 июня 1997 г. книги С.Г. Уиткрофта и Р.У. Дэвиса «Кризис (! — И.П.) в советском сельском хозяйстве (1931—1933 гг.)». По словам участницы этого обсуждения Л. Виолы, «Уиткрофт и Дэвис представили сегодня на обсуждение прекрасный образец ревизионизма в рассмотрении проблемы голода» // Отечественная история. 1998. № 6. С. 122.

⁹¹ Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 24.

⁹² Там же. С. 25.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Гуревич А.Я. Историк и история. К 70-летию Ю.Л. Бессмертного // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 213.

⁹⁵ 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 10.

Белоусова З.С., Паджафов Д.Г. Вызов капитализму: советский фактор в мировой политике // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 54—55.

⁹⁷ Паджафов Д.Г. СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938 г. — март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 86.

⁹⁸ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 497—498, 501—503.

⁹⁹ Там же. С. 16, 393, 405, 411—413, 415 и др.

¹⁰⁰ Там же. С. 506.

¹⁰¹ Там же. С. 79, 86, 93—94, 492.

Юрий Цурганов *

КАК ЧИТАТЬ ПОСТСОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ?

Точки над «!»

С утверждением, что история Второй мировой войны оболгана, согласятся многие. Тем более согласятся с тем, что оболгана история участия в ней СССР. Но при этом каждый соглашающийся будет иметь в виду свое: один — что лгали до перестройки, другой — что лгут сейчас. Поэтому сразу раскрою карты: я отношусь к той категории людей, про которую Проханов сказал: «...стремятся заплевать красные иконы Победы ядовитой слюной нигилизма»¹.

Прекрасное начало

В начале 1990-х для научных работ по истории Второй мировой войны были характерны резкая критика историографии советского периода и стремление отмежеваться от нее: «...Адепты тоталитаризма по-прежнему пытаются навязать исторические мифы, с тем чтобы вытравить научное знание. Таковым примером является пресловутый десятитомник «История Великой Отечественной войны советского народа. 1941—1945», работа над которым была развернута в соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 года... Десятитомный официальный опус — это целенаправленная

*Цурганов, Юрий Станиславович — кандидат исторических наук, главный редактор общественно-политического журнала «Посев», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

диверсия идеологов от КПСС против презревающего от
лжи народа. Это попытка знакомыми средствами ррани-
мировать идею прочности и незыблемости «социалисти-
ческого» строя... Общество ждет от историков
принципиально нового труда, созданного на основе глу-
бокой переоценки прошлого, а не подправленной модели
уже написанного»². Эта тенденция была устойчивой на
протяжении нескольких лет, но потом ситуация начала
меняться.

Катынь — тест на вменяемость

Среди ранее не исследовавшихся проблем одной из
первых привлекла к себе внимание современных россий-
ских историков судьба польских военнопленных в СССР.

Сборник статей «Катынская драма»³ с участием оте-
чественных исследователей автор предисловия проф.
А.О. Чубарьян назвал первым в нашей стране научным
изданием, посвященным Катынскому делу. Публикации
построены на архивных документах. «...Дела польских
офицеров и полицейских, находившихся в Козельском,
Старобельском и Осташковском лагерях в декабре
1939 — марте 1940 года. — делает вывод Н. Лебедева, —
готовились на рассмотрение Особым совещанием НКВД
в апреле — мае 1940 года. Более 15 тысяч польских во-
еннопленных — офицеров и полицейских — были вы-
везены из Козельского, Старобельского и Осташковско-
го лагерей и переданы УНКВД Смоленской, Харьков-
ской и Калининской областей. Таким был их последний
маршрут, конечными пунктами которого стали Катынь,
Медное и 6-й квартал лесопарковой зоны Харькова»⁴.

Вывод о «советском следе» сделал и В.К. Абаринов,
автор монографии «Катынский лабиринт»⁵. С юридиче-
ской точки зрения Абаринов оценивает события в Ка-
тыни как военное преступление. При этом он ссылается
на статью 6 Устава Международного военного трибуна-
ла в Нюрнберге, которая говорит о нарушениях законов
и обычаев войны, в частности, об убийстве военноплен-
ных. Автор также указывает на то, что Советский Союз

был участником Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечности от 26 ноября 1968 года. В декабре 1983 года СССР голосовал за резолюцию 38/99 Генеральной Ассамблеи ООН, согласно которой привлечение к ответственности лиц, виновных в этих преступлениях, является обязательством всех членов международного сообщества.

В принципе, вопрос о том, кто именно расстреливал поляков в Катыни, уже утратил историческую актуальность, предметом исследований сегодня могут быть только детали события. После того как в апреле 1990 года президент СССР М.С. Горбачев признал вину НКВД в Катынском деле, этот вопрос утратил и политическую актуальность. Сегодня вопрос об ответственности за содеянное превратился в тест на вменяемость, который в нашей стране проходят не все.

«Контраргументов» три. Первый — отрицание до последнего, вопреки очевидным обстоятельствам, факта расстрела польских военнопленных именно советскими спецслужбами, перекладывание ответственности на вермахт, СС, гестапо. Доводы, как правило, облечены в характерную лингвистическую форму: «Это не мы, это немцы». Действительно, уже один только инстинкт самосохранения должен заставить выступать в защиту всех и каждого, кого человек объединяет вместе с собой в единое «мы». Проблема упирается в то, что все еще есть люди, для которых Сталин и НКВД — это «мы».

(Зарубежная общественно-политическая мысль иногда сама подталкивает к такому использованию местоимений. На Западе, да и в Восточной Европе, часто не разводят, а синонимизируют понятия «русские» и «большевики». Так, например, Войтех Мастны дал своей книге название: «Путь России к холодной войне». Хотя во времена холодной войны на политической карте мира не было государства с названием «Россия».)

Второй «контраргумент»: да, расстрелы осуществляли чекисты, но «неужели наши польские друзья не в состоянии оценить случившееся с четких классовых по-

зиций? Ведь речь идет о командных кадрах старой польской армии, стоявшей на службе у буржуазии. Так почему же польские товарищи начинают терять классовое чутье, впадают в националистические амбиции?».

Третий «контраргумент»: руководство НКВД неверно истолковало приказ о ликвидации лагерей. Сталин вообще не имел в виду расстрел поляков, это подчиненные перестарались.

И все же самым популярным остается первый «контраргумент». Примером может служить книга главного редактора газеты «Дуэль» Юрия Мухина «Антироссийская подлость». В ней, как и в нескольких других произведениях, автор пытается перечеркнуть выводы современной исторической науки о начальном периоде Второй мировой войны и вернуться к канонам советской историографии, сдобрив их пафосом национал-большевизма.

«Антироссийская подлость» — книга о Катыни. Ее даже не обязательно брать в руки, чтобы понять, в чем хочет убедить автор своих читателей. На обложке изображен немецкий военнослужащий, стреляющий в затылок человеку в польской униформе. (Качество рисунка очень низкое, но характерная немецкая каска и польская «конфедератка» угадываются.) В рамках статьи не представляется возможным дать полный анализ тезисов Мухина. Скажем только, что первый документ, который он приводит (причем уже во введении к книге), — «показания крестьянина Киселева» сотрудникам НКВД. В них Киселев утверждает, что при немцах был вынужден говорить, что поляков убили чекисты, поскольку немцы применяли к нему методы физического воздействия. Видимо, следует понимать так, что представители советских органов таких методов не применяли и потому с ними человек был по-настоящему откровенен.

Уровень полемики Мухина характеризуют высказывания такого рода: «После войны для польских шляхетских уродов, ошивающихся за границей и готовых за мелкие подачки на что угодно, Катынское дело стало

единственным оправданием того, почему они не воевали против немцев во Второй мировой и почему гадят Польше и после войны... Приход в СССР к власти безмозглого Горбачева и его команды оставил Советский Союз без управления. Этот пятнистый кретин спилил сук, на котором сидел, а упав с вершины на помойку, делает вид, что он именно этого и хотел из-за своей приверженности «общечеловеческим ценностям» и своему новому «мышлению»⁶. Своих научных оппонентов Мухин оценивает так: «...в архивы были допущены в основном крайне подлые, но частью просто глупые «ученые»...»

Мухин любит выводить события 1940-го (или, как он считает, 1941 года) на современность: «Многие ли в России понимают, что... почти 40-летний военный союзник СССР ныне стал потенциальным врагом России?..» А понимает ли он сам, что Польша никогда не была союзником СССР, что она была его сателлитом? Понимает ли он, что в 1944 году происходило не «освобождение» Польши, а смена оккупационного режима — гитлеровского на сталинский? Красная Армия бездействовала, вместо того чтобы прийти на помощь Варшавскому восстанию в августе 1944 года. Это восстание против нацистов было поднято Армией Крайовой («шляхетскими уродами», которые «не воевали против немцев во Второй мировой»). Армия Крайова — это сила, стремившаяся восстановить правопорядок, существовавший в Польше в довоенные годы. Конечно, Сталину было выгодно, чтобы нацисты утопили это восстание в крови, потому Красная Армия и бездействовала. Ведь главная цель Сталина — навязать Польше, как и другим европейским государствам, до которых он смог дотянуться, ту же варварскую систему, которая существовала в СССР. Это удалось, и на протяжении упомянутых Мухиным сорока лет СССР держал Польшу на поводке. В 1982 году Ярузельский был даже вынужден сам ввести военное положение, чтобы не допустить развития событий по венгерскому сценарию 1956-го или чехословацкому 1968-го. Даже без Катыни этого достаточно, чтобы признать ненависть поляков к большевизму

вполне обоснованной. Пока только к большевизму как к системе, а как насчет русских как нации?

Общий вывод Мухина: «Катынское дело было использовано «пятой колонной» СССР и России точно так же, как его использовали гитлеровцы со своими польскими холодами начиная с 1943 г., т.е. для вызывания ненависти у европейцев к СССР и России...»

Трагедия Мухина и его единомышленников заключается в том, что для них СССР — российское государство.

— А какое же еще? — последует вопрос.

— Большевицкое, коммунистическое, советское (в данном случае будем рассматривать эти термины как синонимы). А это означает — антироссийское в узком смысле и античеловеческое — в широком. Чем национальное государство отличается от тоталитарного? Тем, что национальное правительство в своей деятельности исходит из того, чтобы улучшить жизнь граждан. На этом попроще национальные правительства могут совершать ошибки, могут оказываться недостаточно компетентными, но вектор их политики задан, тем не менее, именно в названном направлении. Тоталитарное правительство в принципе не ставит перед собой задачу улучшения жизни граждан. Его задача — укрепление режима внутри страны и расширение географии его влияния. А все, что находится в стране, включая граждан, это лишь сырье для осуществления главной задачи. Причем ее осуществление представляет собой бесконечный процесс. Конечно, и тоталитарные правители делают что-то для граждан, но подобно тому, как работодатель делает что-то для рабов, а фермер — для домашних животных.

Почему трагедия? Потому что Мухин действительно любит Россию. Но в стремлении выразить свои чувства пытается защищать СССР — государство, которое было главным врагом для народов, проживавших на его территории. Любое обвинение, направленное против СССР, воспринимается Мухиным и его единомышленниками как «антироссийская подлость», то есть априори предвзято. А насколько это обвинение справедливо само по

себе — для них неважно: обвиняют «наших», значит, надо защищаться. В действительности же Россия — первая жертва большевизма, который впоследствии стал действовать от имени своей жертвы, навлекая на нее ненависть сопредельных народов за свои преступления. Отречься от Ленина и Сталина как от губителей России — главная задача национальной политики. Говорить о них как о национальных лидерах — это действительно антироссийская подлость, в данном случае без кавычек.

По-настоящему плохо то, что Мухин неразборчив в средствах. В целях обеспечения поддержки своей версии со стороны российских обывателей он играет на весьма незатейливых чувствах: «Многие ли понимают, что как только в этом деле будет поставлена вождеденная поляками и отечественными негодьями точка, нынешние граждане России будут платить нынешним гражданам враждебной Польши денежную «компенсацию»?..» К теме возможного «иска граждан Польши к гражданам России» Мухин обращается неоднократно. Исследователи, цель которых — воссоздание адекватной картины прошлого, к таким доводам не прибегают.

Из 1940-го Мухин не только перепрыгивает в 1991-й, но и отпрыгивает в 1937-й: «Катынское дело прекрасно объясняет, почему накануне Второй мировой войны потребовались чрезвычайные тройки и почему так беспощадно уничтожалась «пятая колонна».

Масштаб его сверхзадачи действительно впечатляющ: не только обвинить во всевозможных грехах архитекторов перестройки, но и оправдать сталинские репрессии.

А вот Александра Филипповича Катусева Мухин обидел напрасно («...осенью 1990 г., главный военный прокурор СССР Катусев из отъявленных негодяев ГВП собрал «следственную бригаду» для юридической фальсификации этого дела»). Более ревностного борца с «пятой колонной», чем Катусев, пожалуй, не найти. В 1990 году он совместно с В. Оппоковым написал для «Военно-исторического журнала» статью «Иуды. (Власовцы

на службе у фашизма)»⁷. Название говорит само за себя и выводит нас еще на одну тему, не менее животрепещущую.

На чьей службе находились власовцы?

В 1990-е вышло несколько серьезных книг об антисталинском протесте советских граждан 1941—1945 годов. Они, как правило, написаны молодыми историками и опубликованы частными издательствами. Но вот книга, написанная Михаилом Ивановичем Семирягой — корифеем советской исторической науки, ветераном (что немаловажно), напечатанная издательством РОССПЭН — «Российская политическая энциклопедия». В этой монографии, озаглавленной «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны»⁸, читаем: «Подавляющее большинство граждан государств прежнего Советского Союза резко осуждает бесчеловечный сталинский режим. Но когда заходит речь о политической оценке тех, кто вел активную борьбу против него, то возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: люди готовы сочувствовать тем узникам сталинского режима, которые были заточены в многочисленные лагеря ГУЛАГа и, по существу, не могли активно бороться против него. Но эти же люди психологически и поныне не готовы понять и принять тех противников Сталина, кто с оружием в руках сражался против того же режима... Жизнь всегда богаче, сложнее, многограннее любых, даже самых устоявшихся схем и стереотипов. Поэтому, думается, с течением времени отношение к коллаборационистам — исключая, конечно, подлинных военных преступников, карателей, которым нет и не может быть прощения, — наверняка изменится. Новые поколения наших соотечественников сумеют, очевидно, более широко и непредвзято оценить характер и мотивы поведения многих коллаборационистов, увидеть и понять трагичность их судеб»⁹.

Такой взгляд, представленный фактически на официальном уровне, был большим событием для отечест-

венной науки. Но тут же пошел и откат назад. Борис Филиппов в статье «Сопротивление советскому режиму (1920—1941)»¹⁰ начинает «за здравие»: «Массовому сознанию был навязан тезис об отсутствии сопротивления, о пассивном поведении обескровленного мировой войной, революцией и войной гражданской населения, активная часть которого либо погибла, либо эмигрировала». Приводит многочисленные факты сопротивления большевизму в 1920—1930-е, классифицирует их. Но заканчивает «за упокой»: «...до начала Отечественной войны не прекращалось сопротивление сталинскому режиму». А что, после начала «Отечественной войны» оно прекратилось? Именно после 22 июня оно и развернулось по-настоящему.

С. Чуев, автор книги «Проклятые солдаты»¹¹, признает и наличие сопротивления, и его размах. Но, задаваясь вопросом, почему это стало возможным, дает ответ: «В первую очередь, это готовность немецких командиров привлекать на службу местных жителей и военнопленных, хотя подобная инициатива порой и тормозилась гитлеровским окружением»¹².

Такая готовность немецких командиров проявилась отнюдь не сразу. Инициатива сотрудничества с немцами исходила именно от местного населения и от военнопленных. Идея политического оформления движения тоже исходила от местных — конкретно от жителей Смоленска осенью 1941 года. Вопрос о том, что первично — антисталинский протест граждан СССР, перешедший из латентной фазы в открытую в условиях войны, или желание немцев пополнить кем-либо свои редущие полки, — принципиально важен. Нельзя согласиться и с тем, что инициатива «порой и тормозилась гитлеровским окружением». Она встретила активнейшее противодействие нацистской партийной верхушки, прежде всего самого Гитлера, поскольку противоречила идеологическим установкам, разработанным еще до войны.

«...У нас служба немцам, — продолжает Чуев, — все-таки воспринималась, в том числе и в народном сознании, как предательство, а уж если бургомистром

становился бывший советский или партийный чиновник, а полицаем — бывший милиционер, то такой поступок расценивался как особо циничный и непростительный...»¹³

Единого отношения к сотрудничеству сограждан с немцами не было, поскольку само сотрудничество было массовым. Кроме того, многие смотрели на это с прагматических позиций. Криминальная полиция (в СССР — милиция) должна существовать в любой стране при любом режиме. И она должна быть местной, говорить на одном языке с населением, иметь опыт работы в конкретных городах и населенных пунктах, знать специфику криминального мира. Большевики отступили, так и жуликов ловить не надо? Не надо обслуживать систему жизнеобеспечения? Пахать, сеять, собирать урожай? Сталин так и хотел: либо при мне, либо вообще никак. Отсюда и приказы об уничтожении инфраструктуры при отступлении Красной Армии. (Так будет действовать и Гитлер с конца 1944 года — тактика «выжженной земли».) Диктаторы хотят, чтобы жизнь заканчивалась вместе с ними, но должна ли нация разделять этот взгляд?

Книга Чуева компиляционная, он опирается на множество документальных данных, введенных в научный оборот другими авторами, но выводы и оценки предлагает прямо противоположные. Благодарность, которую он выражает К Александрову, С. Дробязко, Г. Кокунько и другим, выглядит поэтому довольно странно.

Книга Б. Ковалева «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944»¹⁴ написана на основе диссертации, что видно уже из введения: характерное для этого жанра перечисление объекта, предмета, цели, задач исследования, классификация источников, анализ историографии проблемы. Уже это обязывает нас особенно внимательно отнестись к данной работе.

«Насаждая на оккупированных территориях свой «новый порядок», нацисты стремились стереть само слово «Россия» с карты так называемой «Новой Европы»¹⁵.

России на карте мира в 1941 году не было, она уже была стерта большевиками.

Автор дает оценку работам предшественников: «С середины 90-х годов в России появились статьи и книги, рассказывающие о различных формах русского коллаборационизма в апологетических тонах. К ним относятся, в первую очередь, статьи К. Александрова в журналах «Посев» и «Новый часовой». С 1997 г. в Москве под редакцией А.В. Окорочкова выходят «Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941—1945 годы)»... Власовское движение в них называется «Русским Освободительным Движением» (именно в таком написании, все слова с большой буквы. — *Б.К.*). О советском сопротивлении пишется в уничижительных тонах...»¹⁶

Предпочтения Ковалева очевидны: «Из наиболее фундаментальных работ общего характера о событиях Второй мировой войны следует отметить выпущенный в 1960—1965 годы Военным издательством Министерства обороны СССР шеститомник «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Ее авторы ввели в научный оборот огромный материал, отражающий все основные стороны истории войны, в том числе и события на оккупированной нацистами территории нашей страны»¹⁷. Не менее лестного отзыва удостоен 12-томник «История Второй мировой...», издававшийся в 1973—1982 годы. «Отдельные главы этого труда посвящены были борьбе советских людей в тылу врага»¹⁸. Сопоставим это высказывание с оценкой, данной советским многотомникам в 1992 году (цитата в начале данной статьи). Опять откат. Тенденция удручающая.

«...Пока еще нет комплексного исследования по этой проблеме, — продолжает Ковалев. — Отсутствием работ в данной сфере сейчас воспользовались те, кто прямо или косвенно пытается реабилитировать лиц, сотрудничавших с немцами в годы Великой Отечественной войны. Активно используя средства массовой информации, они проводят мысль о самостоятельности коллабо-

рационалистского движения. Одной из важнейших задач, стоящих сейчас перед отечественными историками, является объективное исследование данной проблемы, разоблачение подобных утверждений»¹⁹.

Автор заключает: «У страны был один враг — иноземные захватчики...»²⁰ Ну а раз так, то бороться против Сталина не нужно? (По данным, представленным в 1991 году в Верховный Совет РСФСР органами прокуратуры и МВД, суммарное число жертв сталинских репрессий составило 50 114 267 человек.) Значит, те, кто это делал, находились «на службе у фашизма», и не более того? Подводя читателя к такому выводу, автор возвращается к самым прямолинейным советским трактовкам, отбрасывая целый пласт исследований и выводов, сделанных в 1990-е.

Страсти по «Ледоколу» продолжаются

В 2002 году издательство «Вече» в Москве выпустило книгу Александра Помогайбо «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны». Это очередная попытка опровергнуть концепцию о подготовке Сталина к нападению на Европу в 1941 году. Препжние попытки отличались беспомощностью. Главный аргумент критиков был идеологическим: «Книгой «Ледокол» Суворов оскорбил чувства ветеранов Великой Отечественной войны». Текст книги не анализировал никто, в том числе и главный критик — Габриэль Городецкий. Его монография «Миф «Ледокола»» должна была бы называться по-другому — «Некоторые сведения о советско-германских отношениях на рубеже 1930—1940-х годов». В ней много нового и интересного, но опровержения концепции Суворова в ней нет.

Помогайбо первый, кто поставил перед собой задачу опровергнуть Суворова по пунктам, но, опять же, безуспешно. Первое, что обращает на себя внимание, — это попытка автора воспроизвести стиль своего противника. Язык Суворова живой, афористичный, почти разговорный. В этом и сила и слабость его книг о войне. Сила в

том, что автор обрел массовую читательскую аудиторию, слабость — дал повод своим недоброжелателям отнести «Ледокол» к разряду публицистики, хотя по сути это научное исследование. Суворов любит острить, но делает это талантливо, а Помогайбо — бездарно: «Я прямо-таки вижу: бородатый Маркс колдует над ретортами, выращивает чистый марксизм. Но чистый не получается. Выходит все грязный, с осадком. «Эх, чего-то не хватает, — скорбно шепчет Маркс. — Подбавил бы сюда мне Суворов-Резун сто пятьдесят грамм мировой революции...» Кошмарная сцена. Бр-р-р».

Подобные ерничества встречаются почти на каждой странице. Действительно «бр-р-р». Читать тяжело и неприятно.

Второе — мелочность придинок. Суворов пишет: «И снаряды «Тигра» (вес 56 тонн) и «Тигра-Б» (вес 67 тонн) с такой дистанции пробить «ИС-2» не могли...» Помогайбо парирует: «Не может быть такого, чтобы танк имел снаряды в 67 тонн!» Да, фраза Суворова построена не очень удачно, но тем не менее совершенно ясно, что тонны относятся к танкам, а не к снарядам.

На форуме письмо: «Господин Помогайбо! Давайте начистоту... Книгу Вы написали плохую. Поверхностную в изложении фактов, в построении контраргументов к теории Владимира Богдановича и попросту непрофессиональную. Я с июня 2001 года пишу аналогичный труд (уже написано свыше 3 Мб вордовского текста, более 1,2 млн. печатных знаков с пробелами), поэтому как коллега вижу достоинства и недостатки. Когда я писал каждую из глав, то закапывался в различные источники, как наши, так и иностранные, и доискивался до сути дела. Даже пробился в РГВА (Российский государственный военный архив. — Ю.Ц.) и почитал документы по финской. Ну как можно скакать в одной главе с темы на тему, не заканчивая мысль и не выстраивая четкое доказательство с выводом в конце «слушали-поставили»? Так, как это делаете Вы, книги не пишутся. Хаотичное изложение фактов, отсутствие собственной

цельной теории о развитии событий... В. Суворов Вашу книгу в порошок сотрет...»

Посмотрим, конечно, что в итоге представит сам автор письма, но попытку «разоблачить» Суворова, предпринятую Помогайбо, следует признать неудачной.

Кроме того, эти попытки уже утомили читателей. Антисуворовские книги перестали пользоваться спросом. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что одно из произведений читателю пытались впихнуть контрабандой. «Ледокол-2». Дизайн обложки как у всей суворовской серии, имя автора — «Виктор Суворов». Порядок букв изменен, но беглый взгляд выхватывает это не сразу. Как маркетинговый прием — мерзость, с точки зрения содержания — еще большая мерзость. Это даже не критика, переходящая на личность, а просто набор грязных домыслов.

На Западном фронте без перемен

А. Орлов в книге «За кулисами второго фронта»²¹ задается вопросом: «Что позволило Гитлеру чуть ли не пять лет (сентябрь 1939 г. — июнь 1944 г.) успешно избегать войны на два фронта? Почему второй фронт был открыт только на пятый год войны?»²² Автору, конечно, известно про высадку союзников в Италии в 1943 году, боевые действия в Северной Африке в 1942 году, на Тихом океане в 1941 году, в Западной Европе в 1940 году и про то, что Англия и Франция объявили войну Гитлеру 3 сентября 1939 года — через два дня после того, как он атаковал Польшу. Но для него это малозначительные эпизоды: «...Понятие «второй фронт» подразумевало боевые действия вооруженных сил США и Англии в Западной Европе (и в 1944 году. — *Ю.Ц.*), да, именно в Западной, ибо только сокрушительный одновременный натиск на Германию с востока и запада, с территорий, непосредственно выводящих армии государств антигитлеровской коалиции к границам самой Германии и к столице Третьего рейха, позволял союзникам взять цитадель фашистского блока в мощные

тиски. Только такие условия обеспечивали победу над гитлеровским рейхом и во всей Второй мировой войне»²³.

Во-первых, территорией, непосредственно выводящей к границам рейха, была не только Франция, но и Италия. Во-вторых, наличие нескольких фронтов, безотносительно к тому, где они расположены, вынуждало немцев распылять силы, не давало собрать их в единый кулак на восточном направлении. Что касается Японии, то для нее альтернативой Перл-Харбору был советский Дальний Восток, но японский удар пришелся по США. Иначе на два фронта восстал бы не Гитлер, а Сталин.

Все это довольно очевидно, но у Орлова сверхзадача — еще раз подтвердить советский тезис о том, что СССР взял на себя не просто наибольшую часть задачи по разгрому Гитлера, но что значение участия союзников крайне мало, и они до последнего уклонялись от решительных действий.

А вообще-то какой фронт второй, а какой первый? На момент объявления Англией и Францией войны Гитлеру СССР и Германия были связаны договором о ненападении. Через 25 дней они подписали договор о дружбе, то есть стали союзниками. СССР поставлял Германии стратегическое сырье — «Мессершмитты», уютюжившие Британские острова, работали на топливе, изготовленном из бакинской нефти. Два диктатора договорились о сферах влияния в Европе, приступили к разделу и, конечно, перегрызлись.

Тут мы подходим к еще одной сверхзадаче Орлова — убедить читателя в том, что у СССР будто бы не было агрессивных намерений: «...С середины 30-х годов сталинское руководство предпочитало во внешней политике уже не идеи Коминтерна, а национальные интересы советского государства. Ведущую роль приобретала геополитика, а не идеология. Произошло, можно сказать, прощание «Славянки» с «Варшавянкой». Советскому Союзу нужен был мир»²⁴.

Каламбур про песенки эффектный, но декларация в целом не подтверждена никакими фактами. Из чего следует, что Сталин отказался от мировой револю-

ции — из лозунга «Социализм в отдельно взятой стране»? Так тут противоречия нет — сначала в одной стране, потом повсеместно. Что же касается «национальных интересов советского государства», то это вообще некорректная постановка вопроса, таковых у СССР просто не было, это государство не ставило перед собой задачу обслуживать интересы нации.

Тон книги Роберта Иванова «Сталин и союзники: 1941—1945 годы»²⁵ задает эпитафию — цитата из Сталина: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории развеет ее!» Книга откровенно реваншистская — автор ставит задачу перечеркнуть выводы, сделанные исторической наукой 1990-х. Это свое стремление он оправдывает так: «В канун 50-летия Победы на Западе резко усилилась фальсификация истории и итогов войны. К сожалению, в этой кампании активно участвуют и отдельные отечественные историки»²⁶. «Многие историки, писатели, публицисты специализируются сейчас на беспредельном очернительстве всего, что было в истории нашей страны после 1917 г.»²⁷.

Иванов стремится выглядеть объективным, неоднократно повторяет, что Сталин допускал «серьезные ошибки». Однако автор «объективен» настолько, что готов уравнивать черта с младенцем: «Сталин — с одной стороны, Рузвельт и Черчилль — с другой — представляли различные, противоположные по своему социально-экономическому и общественно-политическому содержанию системы... каждая из них имела свои плюсы и минусы... Император России Александр I ни в коей мере не был образцовым демократом, не блистал он и какими-либо другими добродетелями. И тем не менее его имя вписано в историю как освободителя Европы от ига Наполеона»²⁸. Это попытка провести аналогию с «освободителем Европы» Сталиным, который тоже не был «образцовым демократом».

Автора интересует моральная сторона вопроса: «...С самого начала Второй мировой войны государства, воевавшие с блоком фашистских стран, вели справед-

ливую, освободительную войну за свое существование. Этот освободительный характер Второй мировой войны еще больше усилился после вступления в нее Советского Союза»²⁹. Освободительный характер войны действительно усилился после 22 июня 1941 года, поскольку увеличилось число людей в мире, ведущих борьбу против тирании, причем как внешней, так и внутренней (последнее, впрочем, Иванов не подразумевает). Но 22 июня 1941 года не есть дата вступления СССР во Вторую мировую войну, он к этому времени уже почти два года воевал. С учетом этого утверждение автора лживо. СССР вступил во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 года, ударив в спину Польше. И ничего освободительного в этом нет — полку агрессоров прибыло. С учетом этого утверждение Иванова лживо тоже.

Некоторые высказывания автора вообще повергают в недоумение: «Народный характер Второй мировой войны требовал поиска новых путей сотрудничества самых широких народных масс Советского Союза с ответственностью союзных и дружественных стран»³⁰. Во-первых, если речь идет о новых путях, то что такое старые пути сотрудничества? Количество граждан СССР, имевших контакты с иностранцами в довоенные годы, было ограничено крайне узким кругом ответственных работников, и они были первыми кандидатами на «посадку». Во-вторых, если исходить из целесообразности сохранения общественно-политического устройства СССР, а Иванов именно из этого исходит, то требовалось, как и в довоенные годы, не допускать соприкосновения граждан СССР с «тем миром», чтоб не набрались ума-разума и не явили зарубежному сообществу свидетельства о советских порядках. Это прекрасно понимал Сталин, отсюда его отношение к тем, кто в годы войны соприкасался с союзниками, например, по работе в области ленд-лиза, не говоря уже о военнопленных и остарбайтерах. Соприкосновение последних с союзниками лишь отягчало их участь: освобожденные из немецких лагерей Красной Армией — кандидаты на «червонец», а освобожденные англо-американскими войсками — кандидаты на «красную звезду».

риканцами — на «четвертак». Иванов упоминает несколько созданных в СССР антифашистских комитетов, члены которых действительно путешествовали по союзным странам, но это не «широкие народные массы». К тому же исключение подтверждает правило: большинство участников этих турне потом посажали и постреляли, а Михоэлсу устроили ДТП с летальным исходом.

Иванов сетует: «...в огромной исторической и публицистической литературе, посвященной истории Второй мировой войны, все еще остается большое белое пятно — показ роли широких народных масс в разгроме фашистской Германии, ее союзников и сателлитов»³¹. С учетом того, что именно на это была в первую очередь направлена советская литература о войне, и все равно — «белое пятно», может быть, слухи об этой роли стоит признать преувеличенными? Регулярная армия — да, управляемое и строго контролируемое Москвой партизанское движение — да, но «широкие народные массы»?..

Как и другие красные реваншисты, Роберт Иванов любит выводить тему на современность: «...просматривается прямая связь темы «Сталин и союзники: 1941—1945 годы» с острейшими проблемами современной России, ее внутренним и внешнеполитическим положением». [32] Личные политические предпочтения автора предельно четко раскрываются его фразой: «Сталин остался один из Большой тройки, когда настало время подводить итоги войны. И это было большое благо для нашей страны»³².

Давить и не пущать

Учебник Игоря Долуцкого «История СССР. XX век» лишен грифа «рекомендовано». В интервью журналу «Новое время» (21 декабря 2003 года) автор сказал, что издатель сумел из чиновничьего экземпляра учебника перерисовать их пометки. Гнев чиновников вызывает упоминание о жертвах репрессий: «За 1941—1942 годы

расстреляно за трусость и паникерство 150 тысяч человек, это равняется 16 дивизиям». Они также в ужасе от формулировок, таких как «полувекровая оккупация Прибалтики Советским Союзом». Негодуют по поводу следующего абзаца: «Бобруйская группировка немцев 15 раз пыталась вырваться из окружения. В полный рост днем бросались немцы на прорыв. Метров с семисот по ним открывали огонь наша артиллерия, пулеметы. А они продолжали идти, переступая через трупы». Один возмущенный рецензент, — свидетельствует Додуцкий, — вопрошал: разве так надо учить истории?!

История как наука вообще не ставит перед собой воспитательных задач, точно так же, как их не ставит перед собой физика или химия. Об их воспитательном значении говорить было бы просто нелепо, а вот о воспитательном значении истории говорить почему-то принято. Единственная задача исторической науки — по возможности максимально точная реконструкция событий прошлого. Эта задача может быть выполнена, только если масштаб исторического явления и степень внимания, которое уделяют ему исследователи, адекватны друг другу. Любой перекосяк — повышенное внимание к избранным сюжетам, отстранение от других сюжетов — тут же создает эффект кривого зеркала. А что такое воспитание, тем более патриотическое воспитание? Это стремление донести до воспитуемого систему взглядов и суждений. И если на службу этому ставится историческая наука, то это неизбежно будет означать тенденциозный отбор фактов — пишем и говорим о том, что делает честь отечеству, а что не делает — о том не пишем и не говорим. Тем более не говорим о том, что делает честь противнику отечества. И сразу же наука вырождается в пропаганду, исследователь и преподаватель превращается в политрука.

Эпизод с бобруйской группировкой немцев, продолжает Додуцкий, это почти дословный пересказ воспоминаний маршала Рокоссовского. «К Рокоссовскому 40 лет претензий не было, что он неправильно освещает нашу историю. Но у нас такая технология издания, что

она не дает сносок». Действительно, в учебной литературе практически отсутствует источниковедение и историография. Никого не учат методологии проверки источников на достоверность, не учат анализировать факты, сопоставлять концепции и делать самостоятельные выводы. Вместо этого приучают принимать на веру и вызубривать некие клишированные суждения.

«Сейчас начался откат от прежних либеральных трактовок и наступление державнической идеологии, — пишет Додуцкий. — В годы перестройки, в эпоху Ельцина, из нее изъяли коммунистическую сердцевину, но государство-то осталось... Не надо только путать государство и людей, государство и страну. Они не совпадают, это не синонимы. Я пытался изобразить... как на самом деле вело себя государство, вели себя правители и как люди им сопротивлялись... Можно любить родину, но ненавидеть государство... Большевики совершили преступление в 1917 году, ддящееся преступление, и оно не может содержать каких-то светлых моментов, которые мне советуют найти. Единственный светлый момент — сопротивление народа этому натиску».

Формируется стереотип: Великая Отечественная война — это (после Пушкина) «наше все». При Министерстве образования и науки РФ создана «общественная организация» — Совет ветеранов. Цель очевидна — осуществлять внедрение советского патриотизма. Ветераны в массе своей — самая консервативная часть общества.

Додуцкий: «Есть Конституция, которая гарантирует отсутствие официальной идеологии. Если наша идеология не националистическая, не шовинистическая, мой учебник имеет право на существование... Идет попытка смены идеологии, и это государственная политика, и она каждый учебный год делает шаг вперед... Министерство — только исполнитель государственного заказа, который идет от стоящих на самом верху людей, а им, конечно, выгодно, чтобы у всех имелось одно мнение».

Судьба учебника Додуцкого — не единственный прецедент. Несколько лет назад началась травля учебника

А.А. Кредера «Новейшая история зарубежных стран». Тоже сняли гриф, автор перенес два инфаркта и умер. Чиновников не устраивало примерно то же, что и в книге Долуцкого. Кредера травили нещадно за то, что он не показал в должном, по их мнению, объеме подвиг советского народа. Хотя у него тема другая — всемирная история. Вот рецензия Ю. Мухина, выложенная на сайте газеты «Завтра»: «Прочитав этот учебник, я пришел к выводу, что данная книга — это образец антиславянского сионистского расизма, на обложке которой не хватает только надписи: «Для 9-го класса туземных школ колонии Раша (Russia)».

Долуцкого критикуют, в частности, за то, что он подрыывает «коллективистские исконные ценности русского народа и насаждает не свойственные нашему народу индивидуалистические ценности». Определять, что характерно, а что не характерно для народа в целом — стремление само по себе пагубное. Тем более что история доказала: прогресс основывается на индивидуальном творчестве в условиях интеллектуальной свободы (хотя многим людям действительно уютнее чувствовать себя в стаде). Если же говорить о войне, то трудно не согласиться с авторами статьи, размещенной к 9 мая 2005 года на сайте Агентства Русской Информации: «...Вся арифметическая нечистоплотность в истории войны является следствием нечистоплотного отношения советской власти к населению страны, величие которой зиждилось на том, что ценность жизни отдельной личности была не просто ничтожно мала, а отсутствовала вовсе, принесенная в жертву коллективному «сплочению масс»³³.

Итак, тенденции печальные: интеллектуальному прорыву, начавшемуся на рубеже 1980—1990-х годов, противостоит нарастающая волна лжи. Особенно это заметно, когда речь идет об истории Второй мировой войны. Есть ли выход? «Я верю, — говорит автор «нерекомендованного» учебника, — в возможность сопротивления каждого отдельного человека на своем участке натиску государства».

Примечания

¹ Цит. по: В войне мы победили не благодаря «священному интернационалу всех советских наций», а вопреки. // АРИ.ру Агентство Русской Информации. Новости. События. Комментарии. <http://ari.ru/>

² Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. — М.: Сов. Россия, 1992. С. 7—8.

³ Катинская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих // Сост. и общ. ред. Яснова О.В. — М.: Политиздат, 1991. — 240 с.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Абаринов В.К. Катинский лабиринт. — М.: Новости, 1991. — 208 с.

⁶ Здесь и далее цитаты из книги Ю. Мухина «Антироссийская подлость» приводятся по интернет-изданию: http://www.patriotica.ru/history/muhin_antiros_.html

⁷ Катусев А., Оппокоев В. Иуды. (Власовцы на службе у фашизма) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 68—81.

⁸ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000. — 863 с.

⁹ Там же. С. 484.

¹⁰ История. 2000. № 31.

¹¹ Чуев С. Проклятые солдаты. — М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», 2004. — 576 с.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Ковалев Б. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 483 с. (Военно-историческая библиотека).

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 482.

²¹ Орлов А. За кулисами второго фронта. — М.: Вече, 2001. — 349 с.

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ Там же. С. 8—9.

²⁵ Иванов Р. Сталин и союзники: 1941—1945 годы. — Смоленск: Русич, 2000. — 592 с. (Тайны XX века).

²⁶ Там же. С. 3.

²⁷ Там же. С. 543.

²⁸ Там же. С. 3.

²⁹ Там же. С. 552.

³⁰ Там же. С. 545.

³¹ Там же. С. 550.

³² Там же. С. 551.

³³ Там же. С. 553.

Томас Тутура*

ВИКТОР СУВОРОВ КАК «ЛЕДОКОЛ»

К одной исторической дискуссии

Цель этой статьи — дать русским читателям обзор дискуссий по поводу книг Виктора Суворова за пределами России, а также представить доступную на «западе» тематическую литературу.

«Иосиф Сталин планировал нападение на Германию в 1941 году» — это основное положение книг Виктора Суворова (настоящее имя — Владимир Резун, офицер ГРУ, сбежавший в Англию). Такое высказывание обладает взрывной силой и сегодня прежде всего в странах бывших военных противников — России и Германии. При этом дебаты на тему предыстории Второй мировой войны, особенно касающиеся плана «Барбаросса», сегодня актуальны как никогда. В Германии они возобновились в виде «битвы историков», в России — с выходом книги Суворова «Ледокол», а также в связи с частичным и временным открытием архивов.

Как же классифицировать с сегодняшней точки зрения произведения¹ Суворова? Что нового откроют нам рассекреченные документы, которые были недоступны Суворову?

В последние годы стали известны многочисленные документы из партийных, государственных, военных и кагэбистских архивов², которые убедительно подтверждают тезисы Суворова. К самым важным, без сомнения, принадлежат военные планы Генерального штаба

* *Томас Тутура* — историк, Грайзен, Австрия. Область научных интересов: история Восточной Европы и военная история XX века.

Красной Армии 1940—1941 гг. В дальнейшем в рамках этого исследования мы коснемся пропагандистских партийных и армейских материалов. Отдельно будет освещена роль советского Военно-морского флота — темы, которой до сих пор Суворов не касался.

Важную роль при оценке роли Сталина и предвоенного Советского Союза неизбежно играет идеология. В самом начале сталинской диктатуры Советский Союз был вынужден избегать военных конфликтов с капиталистическими государствами. Сталину нужна была передышка для укрепления роли партии и создания промышленной базы для массивного производства вооружения. При введении пятилеток в первую очередь предусматривалось создание тяжелой промышленности и индустрии вооружений, причем самыми беспощадными методами³. Рабочая сила, высвободившаяся в сельском хозяйстве вследствие кровавой коллективизации, буквально поглощалась многочисленными новыми производствами в области энергетики и тяжелой индустрии. Руководство Красной Армии ревниво следило и контролировало постоянно возрастающую промышленную мощь государства.

Требования Красной Армии к промышленности уже в 1929 году были чрезмерными: была запланирована армия из трех миллионов человек, двух тысяч самолетов (дополнительно полторы тысячи резервных), 9350 артиллерийских орудий (дополнительно 3400 более мелкого калибра), полутора тысяч танков (дополнительный резерв в начальной стадии войны — до трех тысяч штук). Началось «добывание» иностранных моделей танков и самолетов, и не только официальным путем, но и с помощью промышленного шпионажа.

Из дальнейшего будет видно, что эти цифры вооружений, какими бы они ни показались невероятными для 1929 г., бледнеют по сравнению с планированием и реальностью сороковых годов.

Для начала Сталин создал атмосферу угрозы со стороны капиталистических государств, чтобы расправиться с настоящими и мнимыми «врагами» внутри страны. В конце 30-х гг. по всему Советскому Союзу преследо-

вались «враги народа», «шпионы» и «саботажники», чтобы скрыть экономические неудачи, а также с целью дальнейшего укрепления власти Сталина. В то время бытовала такая точка зрения: СССР должен быть вооружен до такой степени, чтобы суметь отразить нападение *всех мыслимых вражеских коалиций* одновременно. Такая цель требовала от промышленности, чтобы львиную долю ее составляла индустрия вооружения, что и привело страну к упадку и экономическому коллапсу.

Однако уже в середине 30-х гг. Сталин почувствовал себя достаточно сильным, чтобы вместо задач чисто оборонного значения в случае нападения на СССР перераспределить промышленность и партию на другую цель — наступательную. Усилия по созданию индустрии вооружения начали приносить первые плоды. По всей стране росли и множились военные заводы и фабрики, немалая доля среди которых была построена с технической помощью капиталистических стран. Стремительное развитие советской индустрии было бы невозможным без западных машин и технологий. К предпочитаемым поставщикам технологий относились Германия, США и даже Италия Муссолини.

Даже кажущаяся «мирной» индустрия, например тракторные заводы, создавалась с целью производства оружия. «На основе тракторов или автомобилей на тракторных и автомобильных заводах будут создаваться танки в качестве «военной версии» мирных машин. Поэтому только от мощности этих заводов будет зависеть качественная механизация армии», — говорил еще 14 июня 1932 г.⁴ начальник Генерального штаба Красной Армии Егоров.

И действительно, автомобильные и тракторные заводы в Харькове, Сталинграде, Челябинске и Ленинграде, построенные с участием Форда, послужили основой для танкового производства перед Второй мировой войной⁵. Уже в предвоенное время 50% мощности этих заводов использовалось в военных целях. В конце 30-х гг. количество боевых танков в Советском Союзе превышало общее число танков Германии, Франции, Англии и США, *вместе взятых!*

Сталин не забыл и о военно-воздушных силах. Соответствующая промышленность создавалась систематически. На Западе закупаются самолеты и самолетные моторы, по образцу которых в СССР строили свои собственные. У Сталина «добывание» современных машин не было связано ни с какими идеологическими проблемами. Их планировали покупать как у итальянского дуче, так и у нелюбимой Англии. Между тем в Америке была приобретена лицензия на изготовление известного самолета DC-3, в советском варианте — модель Ли-2.

Советские летчики перед войной часто летали за границу. Так, например, три бомбардировщика ТБ-3 в 1934 г. посетили Рим. При этом советская военная делегация была принята самим дуче. Советским военным были предложены экскурсии на заводы, производящие самолеты⁶. В свою очередь, итальянские военные летчики были с визитами в СССР, в частности в Одессе.

У немецких самолетов была хорошая репутация, и Советский Союз захватил некоторые экземпляры еще во время гражданской войны в Испании («Мессершмитт Вф-109В» и «Хейнкель HE-111»).

Поэтому говорить о недостаточном техническом уровне советских самолетов не всегда приходится. Даже если многочисленные авторы объясняют удачи немецких войск в самом начале войны именно техническим превосходством над Советским Союзом, советские специалисты приходят к другим результатам. Вот что говорил советский летчик-испытатель Супрун о захваченной машине «Мессершмитт Вф-109В»: «Самолет Messerschmidt Вф-109В с мотором Juno 210 по своим тактическим и техническим данным стоит ниже скоростных истребителей, которые находятся на вооружении военно-воздушных сил Красной Армии»⁷. Очень похоже звучит оценка самолета «Хейнкель HE-111» летчиком-испытателем Кабановым: «1. Самолет Heinkel HE-111 уступает отечественным машинам в скорости. 2. Взлетная скорость, дальность полета и предельная высота этой машины значительно ниже требований, предъявляемых к двухмоторному бомбардировщику»⁸.

После заключения пакта между Сталиным и Гитле-

ром совместная работа с немецкими военно-воздушными силами приобрела официальный характер. Сталин отдал распоряжение составить список современных машин и моторов, которые Германия могла бы ему поставлять и которые его интересовали. Так, СССР купил, к примеру, машину «Heinkel HE-100», на которой в 1938 году в Германии был достигнут мировой рекорд в скорости. Эта машина по своим аэродинамическим данным была, вероятно, самой современной немецкой моделью перед войной. Но ее не приняли на вооружение немецкой авиации, а продали Советскому Союзу. Авиационная промышленность СССР, несомненно, многому научилась на основе этой машины.

В 1939 г. советской делегации, в которую входили и такие известные конструкторы, как Александр Яковлев и Николай Поликарпов, были показаны в Германии практически все типы самолетов и заводы, на которых они производились. Советские летчики-испытатели могли даже испробовать новейшие машины в воздухе.

Советские конструкторы и техники использовали поставленные Германией самолеты для повышения своей квалификации. Только в 1940 г. на немецких машинах обучалось более чем 3500 советских техников. Результаты этого обучения и пробных полетов на немецких самолетах обобщает Соболев следующим образом: «Из этого становится ясно, что новое поколение советских боевых самолетов по своим основным параметрам не только не отстает от немецких, но превосходит аналогичные машины, например, по скорости»⁹. У Советов была другая проблема — вовремя наладить серийное производство новых типов самолетов.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что из оценки немецких самолетов в Советском Союзе непосредственно перед началом войны совершенно нельзя сделать вывод о более низком уровне советских самолетов. Таким образом, советское руководство во главе со Сталиным ни в коем случае не могло испытывать ужаса перед немецкой военной техникой. Наоборот, высшее военное и партийное руководство считало себя вполне

способным выиграть наступательную войну против Германии. Говоря словами профессора Моудсли: «Вопреки мнению многих сегодняшних историков, я бы аргументировал это так: Сталин и высшее военное командование полагали, что смогут обойтись с Гитлером именно с позиции собственной силы, а не слабости»¹⁰. Тем более что немецкие танки, показанные советским экспертам, произвели на них очень плохое впечатление. Советские специалисты просто не могли поверить, что в Германии действительно нет лучших танков. Зная о возможностях и мощи новейших советских типов танков Т-34 и КВ-1, они не могли воспринимать немецкие танки как серьезного противника.

Появление на фронте советских боевых танков КВ-1, названных в честь маршала Ворошилова, действовало как шок на немецкие войска. Известен эпизод из мемуаров австрийского генерала Эрхарда Рауса, в котором описывается появление одного-единственного танка КВ-1 после начала осуществления плана «Барбаросса»: КВ-1 перекрыл путь для снабжения шестой немецкой танковой дивизии и блокировал ее почти на два дня. Атаки немецких танков, противотанковые пушки калибра 50 мм и даже атаки пикирующего бомбардировщика остались безуспешными. Обычно очень действенные зенитные пушки 88 мм сработали только на очень близком расстоянии, и то не сразу»¹¹.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ НЕМЕЦКИХ И СОВЕТСКИХ ТАНКОВ В 1941 г.

	Германия		СССР	
	PzKpfw III	PzKpfw IV	T-34/76	КВ-1
Вес, в т	16,0	18,0	28,0	47,2
Фронтальное бронирование, в мм	14,5	14,5	60	110
Калибр вооружения, в мм	3,70	7,5 (3,7)	7,62	7,62
Мощность двигателя, в л/с	230	230	500	600

Советские танки были по своим техническим возможностям не только либо равны немецким, либо лучше их, но и значительно превосходили их количественно. В то время как вермахт имел на вооружении всего 3350 танков всех типов (рядом с трофейными 35—38-тонными танками «школа» действовали многочисленные, полностью устаревшие модели «Panzer II» и «Panzer III»), арсенал Сталина выглядел примерно таким образом¹²:

Ленинградский военный округ: 1977 танков;

Северо-Западный фронт (Балтийский военный округ): 1646 танков;

Западный фронт (Особый западный военный округ): 3345 танков;

Юго-Западный фронт (Особый Киевский военный округ): 5894 танка;

Одесский военный округ: 1119 танков.

На примере этих немногих цифр становится ясно, насколько бесперспективным должно было стать для немцев нападение на Россию. Особенно если учесть, что здесь еще не приведены цифры по внутренним военным округам (Московскому, Кавказскому и т.д.).

Теперь обратимся к теме, которая даже в специальной литературе затронута очень мало: гигантской сталинской программе по созданию флота.

Царская Россия никогда не играла большой роли как морская держава. Громадная континентальная империя основное внимание уделяла вооружению сухопутных сил. В любом случае, России не приходилось защищать морские пути, по которым развивалась бы торговля. В СССР морские торговые пути также не играли важной роли. Поэтому и создание большого флота даже с оборонными целями не было необходимым. Тем не менее Сталин разрабатывал грандиозные планы по созданию океанского флота. Если бы планы Сталина осуществились, Советский Союз обладал бы таким военно-морским флотом, который превосходил бы морские силы обеих традиционно морских держав — Англии и США, вместе взятых!¹³

В 1936 г. Советы начали зондировать в США возможность приобрести линкор. Человска, которому было поручено вести переговоры, звали Сэм Карп, он был братом жены Вячеслава Молотова. Сэм Карп родился в России, но жил в Америке.

Сталин ходатайствовал даже перед американским послом Штайнхардтом, чтобы получить разрешение на покупку линкора у правительства США. До этого Штайнхардту в его бытность послом в Москве никак не удавалось встретиться со Сталиным. В конце концов, после долгих улаживаний, президент Рузвельт дал согласие на разработку и поставку линкора в СССР. Этой работой занялась в августе 1937 г. американская фирма «Gibbs & Cox». Кроме одного линкора, Советский Союз должен был получить еще детали и вооружение для второго, чтобы собрать его на своих верфях.

Планы «Gibbs & Cox» на самом деле были исполинскими. Оба корабля должны были быть водоизмещением не менее 66 000 тонн (вариант А) либо даже 74 000 тонн (вариант Б). Для сравнения: немецкий линкор «Бисмарк» имел водоизмещение 42 000 тонн¹⁴.

Советский Союз рассчитывал и на техническую помощь Италии. Например, двигатель крейсера класса «Киров» был сделан по образцу, купленному в Италии. Двигатели других кораблей этого же класса должны были быть построены по итальянской лицензии. Кроме того, в Италии были куплены чертежи крейсера «Raimondo Montecucoli».

Итальянские эскадренные миноносцы «Dardo» и «Baleno» послужили образцом для советских эсминцев класса «Гневный» (проект 7). Уже в 1929 году на итальянской верфи Cantieri Riuniti dell' Adriatico были разработаны планы для советской подводной лодки класса «Декабрист».

Сталин одобрил огромную программу по созданию морского флота, представленную ему Ворошиловым 7 сентября 1937 г. В этой программе было предусмотрено строительство не менее восьми линкоров (четыре — типа Б/проект 25 и четыре — типа А/проект 64), 10 тя-

желых крейсеров (проект 22), 22 крейсера (проект 68), два авианосца (проект 71), 20 ведущих эсминцев, 144 эсминца, различные миноукладчики, противоминные тралы, 85 больших, 175 средних и 116 маленьких подводных лодок.

Строительные программы для 10 эсминцев, восьми линейных крейсеров, 14 крейсеров и двух авианосцев были утверждены 27 июля 1940 г.

Это только два примера из обширной советской программы строительства флота, ясно демонстрирующей ее грандиозный объем. Какой смысл имела эта программа для континентального Советского Союза?

Такая программа не могла иметь оборонительный характер, поскольку для защиты побережий она была слишком большой и слишком амбициозно задуманной. Если бы речь шла о следовании оборонительной доктрине, нужно было бы проектировать и строить совсем другой флот.

Роль советского военного флота была predetermined на наступательной доктрине. Описание роли флота во «Временном военно-морском уставе 1937» («Временном уставе морской службы 1937») начинается с наступательных задач: «Наступательные бои в открытом море и в воздушном пространстве над морем, кроме того, у вражеского побережья и вблизи вражеских морских баз, чтобы достичь оперативных целей войны на море...» Флотские командиры должны были проводить наступательные операции, чтобы нанести врагу решающее поражение¹⁵.

Молотов, ближайшее доверенное лицо Сталина, сказал 14 февраля 1938 года: «Могучему Советскому государству нужен морской и океанский флот, соответствующий его интересам и достойный его великих целей»¹⁶.

Сталинские планы по строительству флота превышали возможности советских верфей. Поэтому часто сроки спуска судов на воду затягивались. В конечном счете вся эта гигантская программа вооружений так и

не смогла быть выполнена вовремя. до начала операции «Барбаросса».

Этот короткий экскурс в область морских вооружений должен послужить очередным штрихом в изучении сталинских намерений перед Второй мировой войной.

Еще одним очень спорным моментом при обосновании экспансионистских планов Советского Союза служат речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г. и перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.

Подлинность речи 19 августа 1939 г. многими историками подвергается сомнению. В этой речи Сталин подготавливает высшее руководство партии к заключению пакта с Германской империей. Несобычно откровенная, эта речь никак не может соответствовать концепциям историков, оставшихся верным советской линии.

Сталин открыто признается в том, что он намерен использовать пакт с Гитлером, для того чтобы втянуть Германскую империю в изнурительную войну с западными странами. В этом случае Советский Союз сможет сам определить момент своего вступления в войну, то есть сам назначить срок нападения. Ослабленные противники тогда упадут в руки Сталина, как «спелые фрукты». Традиционная историческая наука, естественно, никак не может использовать такое откровенное заявление Сталина о собственных планах. Историческая версия, согласно которой Адольф Гитлер был единственным агрессором, в случае признания речи Сталина подлинной рушится.

Однако была ли речь Сталина действительно такой экстраординарной, как принято считать, или просто недоступны другие похожие документы из ближайшего сталинского окружения? В действительности мы можем привести множество других доказательств агрессивных намерений Сталина.

Одним из важнейших свидетелей может считаться вождь коммунистического Интернационала болгарин Георгий Димитров, чьи дневники были найдены в одном из архивов Софии.

Особого внимания заслуживает запись от 7 сентября 1939 г.¹⁷:

«Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.п.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему. <...> Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий шаг — подталкивать другую сторону. <...> Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?»

Эти дневниковые записи Димитрова полностью соответствуют попавшему на Запад тексту речи Сталина 19 августа 1939 г.! Свидетелями высказываний Сталина были, кроме Димитрова, еще Молотов и Жданов.

Обратимся теперь к Андрею Жданову, сталинскому надсмотрщику над идеологией и искусством, секретарю ЦК и члену Политбюро. Могли ли быть такие высказывания Сталина, как приведенные в дневнике Димитрова, неожиданными для Жданова? Ни в коем случае¹⁸.

Несколько лет назад стало известно секретное выступление Жданова в 1938 г. перед Центральным Комитетом чехословацкой компартии в Праге¹⁹. Жданов говорил, что хотя долг каждого коммуниста — бороться с фашистским агрессором, однако коммунисты должны одновременно пытаться «со всей силой использовать порожденный войной экономический и политический кризис, чтобы мобилизовать массы и ускорить закат капитализма в Чехословакии». В своей борьбе против Гитлера, а позднее против капитализма коммунисты будут поддержаны Красной Армией, которая станет «важным политическим фактором в этом конфликте».

Еще один документ бросает свет на сталинские политические игры. В документе, попавшем в руки американского консула в Праге, рассказывается о поездке чешских коммунистов в Москву в 1939 г. Делегации были следующим образом объяснены советские мотивы заключения пакта Гитлер — Сталин:

«Если бы СССР заключил пакт с западными странами, Германия никогда не смогла бы начать войну, следствием которой станет мировая революция, которую мы так долго готовили... Окруженная Германия никогда бы не начала войну... Мы не можем допустить, чтобы Германия проиграла войну, потому что, если она попадет под контроль Запада и Польша будет воссоздана, мы будем отрезаны от остальной Европы. Нынешняя война должна длиться столько, сколько мы захотим... Оставайтесь спокойными, потому что никогда еще не наступало время, настолько благоприятствующее нашим интересам, как сейчас»²⁰.

Еще цитата из товарища Жданова, на этот раз из одной, не предназначенной для публикации речи в Ленинграде: «Политика социалистического правительства состоит в том, чтобы использовать противоречия между империалистами, в данном случае — военные противоречия, для усиления позиций социализма там, где только представляется к этому возможность»²¹.

А вот высказывание Жданова в ноябре 1940 г.: «Наш нейтралитет — это необычный нейтралитет. Мы без боев приобретаем территории (смех в зале). Для поддержания этого нейтралитета важна сила... Мы должны быть достаточно сильны, чтобы защищать позиции социализма как дипломатическими, так и военными средствами». Далее Жданов призывает своих слушателей «не терять ни одного дня, не терять ни одного часа для совершенствования военной технологии, военной организации, при этом должен быть учтен современный наступательный опыт со всеми его методами и средствами нападения»²².

И это только немногие из цитат, которые выдают экспансионистские цели Советского Союза при Сталине.

Достоверность речи Сталина перед выпускниками военных академий вечером 5 мая 1941 года тоже долгое время находилась под сомнением²³. Впоследствии стало известно и содержание этой речи, включая три тоста, которые Сталин произнес на последующем банкете²⁴. Сталин заявил, что немецкий вермахт не должен больше рассматриваться как непобедимый. Он хвалил Красную Армию, которая состояла уже из 300 дивизий, треть из которых были механизированными. Вот такими словами он закончил свое выступление: «Красная Армия — современная армия, а современная армия — это армия наступательная».

После речи Сталина 5 мая 1941 г. пропаганда стала еще откровеннее и агрессивней, в первую очередь внутри Красной Армии²⁵. Так, например, проект директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» содержал, помимо прочего, следующую формулировку: «Все формы пропаганды, агитации и воспитания направить к единой цели: политической, моральной и боевой подготовке личного состава к ведению справедливой, наступательной и всеобъемлющей войны...»

И наконец, из доклада «Современное международное положение и внешняя политика СССР» (май 1941 г.): «Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами». И далее: «Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия никакого успеха не давала и кончалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой». К первой цитате Г.Ф. Александров, руководитель Отдела пропаганды и агитации ЦК, сделал следующую многозначительную пометку: «Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы раскрыть карты врагу». Замечание к второй цитате: «Война с Германией!».

Я думаю, нет нужды приводить дальнейшие цитаты.

чтобы сделать однозначный вывод о сталинской политике в 1941 г.

В заключение коснемся наступательной стратегии Красной Армии и ее военных приготовлений²⁶ против Германии летом 1941 г.

Еще Виктор Суворов определил военные приготовления Красной Армии летом 1941 г. как наступательные. Аэродромы были расположены вблизи границ, чтобы суметь нанести внезапный удар по Германии. В начале войны это сыграло роковую роль для военно-воздушных сил Сталина. Сотни самолетов были уничтожены немецкой авиацией прямо на земле или при попытке взлететь.

Так оценивает ситуацию известный американский историк Е. Ф. Цимке: «После того как была совершена непоправимая ошибка и главные силы красной авиации в ожидании наступательных действий были размещены вблизи границы, она была практически полностью уничтожена на земле и в воздухе еще до наступления темноты 22 июня 1941 г. и полностью так и не оправилась до самого конца войны»²⁷.

То же самое произошло и со сконцентрированными во Львовском и Белостокском выступлениях танковыми войсками Советского Союза. Сконцентрированные там ударные танковые клинья были вермахтом обойдены, окружены и уничтожены.

Для обороны от немецкого нападения эти военные приготовления были полностью непригодны. Благодаря им эти танковые части были преподнесены немцам для уничтожения как на тарелочке. Но Красная Армия и готовилась не к нападению, а к осуществлению внезапного глубокого удара по немецким войскам в оккупированной немцами Польше. Это признают даже А. Кокошин (первый заместитель министра обороны и бывший советник по безопасности президента Ельцина) и генерал-майор В. Лавринов, авторы предисловия к книге о советской военной стратегии²⁸.

Эван Моудсли тоже приходит к похожему выводу²⁹: «За планированием 1940—1941 гг. стояла наступатель-

ная доктрина Красной Армии». «Наступательная советская доктрина означала не только то, что силы Красной Армии были выведены далеко вперед. Это означало еще, что они были сконцентрированы не у того региона границы»³⁰.

Советский военный план от 15 мая 1941 г. предполагал удар по южной Польше из Украины для того, чтобы отрезать Германию от нефтяного района Плосшти. Поэтому сильнейшие советские танковые части были сконцентрированы на Украине³¹.

Военный план от 15 мая 1941 г. можно рассматривать как самый сенсационный документ предвоенного времени. Пятнадцатистраничный документ, озаглавленный как «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» содержит предложения по нанесению превентивного удара по Германии.

Соответствующая формулировка гласит: «Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Этот план был предложен Сталину наркомом обороны маршалом Тимошенко и начальником Генерального штаба генералом армии Жуковым. Написан документ рукой генерала Василевского, начальника отдела планирования советского Генерального штаба.

Хотя этот план не был подписан Сталиным, предложенные в нем мероприятия проводились в жизнь вплоть до самого начала войны. Сталин обычно не подписывал подобные документы лично, на предыдущих военных планах (например, ноября 1940 и марта 1941 гг.) тоже нет его подписи.

Эти планы ни в коем случае не были лишь играми Генерального штаба, как охотно утверждают некоторые специалисты. Так, например, на военном плане марта 1941 г. можно найти примечание генерал-лейтенанта

Николая Ватутина: «Наступление начать 12.6.». Как известно, Ватутин был не просто некий генерал-лейтенант, а заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии.

Также абсурдно мнение о том, что планы наступления были разработаны без ведома Сталина или против его воли. Решился бы Генштаб в 1940—1941 гг. на приведение в действие такого далеко идущего плана без ведома Сталина или без его приказа? Естественно, в Советском Союзе 1941 года это было невозможно. Тот, кто настаивает на этом, делает вид, что никогда не было только что закончившихся кровавых чисток среди офицерского состава Красной Армии. Сталин бросил бы непокорных ему генералов в подвалы Лубянки, не размышляя ни секунды.

Интересна позиция по отношению к тезисам В. Суворова двух известных на Западе авторов — полковника Давида Э. Глантца³² (издатель журнала «Journal of Slavic Military Studies»), и Габриеля Городецкого³³ (университет Тель-Авива).

Несмотря на то что вряд ли кто-то опубликовал больше материалов на тему «План «Барбаросса», чем Давид Глантц, в его книгах нет практически ничего, касающегося советских военных планов 1940—1941 гг. Если он и упоминает об этом, то в лучшем случае одним или двумя короткими абзацами. Он также упорно избегает цитирования ключевых документов по советскому военному планированию, хотя в других случаях публикует каждую мелочь, какую только можно себе представить.

Похоже ведет себя и Габриель Городецкий. Городецкий не только не признает достоверность речи Сталина 19 августа 1939 г., но и считает советские наступательные планы 1940—1941 гг. совершенно безобидными. Он утверждает, что эти планы — в лучшем случае внутренние документы Генштаба, каковые имеются в любом Генштабе мира. Даже оккупация и аннексия Сталиным Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии представлены Городецким как чисто защитная мера! Роль Сталина

при раздел Польши его тоже особенно не огорчат. Расширение границ Германии Гитлером всегда выглядит нападением, расширение границ СССР Красной Армией, по Городецкому, преследовало только оборонительные цели.

Можно только надеяться, что в будущем станут доступны новые документы из бывших советских архивов, которые дадут возможность следующим поколениям историков приходить к более взвешенным заключениям.

Примечания

¹ На немецком языке вышли следующие книги Виктора Суворова: «Der Eisbrecher: Hitler in Stalins Kalkül» (1989), «Der Tag M» (1995), «Stalins verhinderter Erstschlag. Hitler erstickt die Weltrevolution» (2000) и «Marschall Schukow. Lebensweg über Leichen».

² В качестве примеров таких публикаций можно назвать: «1941 год» (в 2-х томах, М., 1998), под ред. А. Яковлева; А. Колпакиди, Д. Прохоров. Империя ГРУ (в 2-х томах, М., 2001); Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне (в 2-х томах, М., 1995).

³ Stone David R. Hammer and Rifle. The Militarization of the Soviet Union, 1926—1933. Kansas University Press, 2000.

⁴ Обратный перевод с немецкого. РГВА (Российский государственный военный архив), 33988/3/301. Цит. по: Samuelson Lennart. Plans for Stalin's War Machine. Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925—1941. Mackmillan Press Ltd., 2000, S. 163.

⁵ См.: Sutton Antony C.: *National Suicide. Military Aid to the Soviet Union., The Australian League of Rights, 1973. S. 101ff.*

⁶ J. Calvitt Clarke III. Italo-Soviet Military Cooperation in the 1930s» in: Donald J. Stoker jr. und Jonathan A. Grant: «Girding for Battle. The Arms Trade in a Global Perspective, 1815—1940». Praeger Publishing, 2003, S. 181.

⁷ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 24.708. Оп. 9. Д. 142. С. 26. Цит. по Sobolew Dmitri: «Deutsche Spuren in der sowjetischen Luftfahrt», E.S. Mittler und Sohn, 2000, S. 101.

⁸ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 24.708. Оп. 9. Д. 142. С. 26. Цит. по Dimitri Sobolew: «Deutsche Spuren in der sowjetischen Luftfahrt», E.S. Mittler und Sohn, 2000, S. 102.

⁹ Sobolew Dimitri: «Deutsche Spuren in der sowjetischen Luftfahrt», E.S. Mittler und Sohn, 2000, S. 118.

¹⁰ Mawdsley Evan: «Thunder in the East: «The Nazi-Soviet Struggle 1941—1945», Hodder Arnold, 2005, S. 34.

¹¹ Newton Steven H. (Hrsg.): «Panzer Operations. The Eastern Front Memoir of General Raus, 1941—1945», Da Capo Press, 2003, S. 26—34.

¹² Данные взяты из следующих малоизвестных публикаций: *Crofoot Craig*: «The Order of Battle of the Soviet Armed Forces. The Sleeping Bear. Volume 1: 22 June 1941. Part one. An extraction of the Official Soviet Order of Battle. For the entire Armed Forces of the Union of Soviet Socialist Republics during the Great Patriotic War», The Nafziger Collection, 2001.

¹³ Эта информация основана на следующих публикациях: Jürgen Rohwer/Igor Amosov «Strange Parallels in Stalin's and Hitler's Naval Programs» von in Robert W. Love Jr./Laurie Bogle/Brian VandeMark/Maochun, Yu.: «New Interpretations in Naval History. Selected Papers from the Eleventh Naval History Symposium», Naval Institute Press, 2001, Seite 281ff; Jürgen Rohwer/Mikhail S. Monakov: «Stalin's Ocean-going Fleet. Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935 — 1953», Frank Cass Publishers, 2001; Stephen McLaughlin: «Russian & Soviet Battleships», Naval Institute Press, 2003; Milan L. Hauner: «Stalin's Big-Fleet Program», Naval War College Review, Spring 2004, Vol. LVII, No. 2; R. D. Layman/Stephen McLaughlin: «The Hybrid Warship. The amalgamation of Big Guns and Aircraft», Naval Institute Press, 1991.

¹⁴ См. Siegfried Breyer: «Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1921—1997. Internationaler Schlachtschiffbau», Bernard & Graefe Verlag, 2002.

¹⁵ Jürgen Rohwer/Mikhail S. Monakov: «Stalin's Ocean-going Fleet. Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935—1953», Frank Cass Publishers, 2001, S. 105.

¹⁶ Jürgen Rohwer/Mikhail S. Monakov: «Stalin's Ocean-going Fleet. Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935—1953», Frank Cass Publishers, 2001, S. 77.

¹⁷ Georgi Dimitroff: «Tagebücher 1933 — 1943», Aufbau Verlag, 2000, Seite 274f.

¹⁸ Еще в 1995 г. проф. Ричард С. Раак указал на экспансионистское стремление Сталина на Запад. Richard C. Raack: «Stalin's drive to the West 1938—1945», Stanford University Press.

¹⁹ *Igor Lukes*: «Czechoslovakia between Stalin and Hitler. The Diplomacy of Edvard Benes in the 1930s.», Oxford University Press, 1996 (Paperback), Seite 198f.

²⁰ *Igor Lukes*: «Czechoslovakia between Stalin and Hitler. The Diplomacy of Edvard Benes in the 1930s.», Oxford University Press, 1996 (Paperback), Seite 258.

²¹ *Aleksandr M. Nekrich*: «Pariahs, Partners, Predators. German-Soviet Relations 1922—1941», Columbia University Press, 1997, Seite 230.

²² Обратный перевод с немецкого. Эту и другие похожие цитаты см.: Vladimir Nevezhin: «Soviet War Propaganda. from Anti-imperialism to Anti-fascism: Shifts and Contradictions» in Silvio Pons/Andrea Romano (Hrsg.): «Russia in the Age of Wars 1914 — 1945», Fondazione Giangiacomo Feltrinelli Milano, 2000, Seite 251—264.

²³ *Vladimir A. Nevezhin*: «Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War», In «Russian Studies in History. A Journal of Translations», Fall 1997, M.E. Sharpe, Seite 48ff.

²⁴ *Albert L. Weeks*: «Stalin's Other War. Soviet Grand Strategy, 1939—1941», Rowman & Littlefield, 2002.

²⁵ *Vladimir A. Nevezhin* «Ideological Documents of May-June 1941 concerning World War II events» in «Russian Studies in History. A Journal of Translations», Fall 1997, M.E. Sharpe, Seite 73ff.

²⁶ О военных планах Советского Союза и стратегии Красной Армии см.: *Evan Mawdsley* (Universitat Glasgow): «Crossing the Rubicon. Soviet Plans for Offensive War 1940—1941», *The International History Review* XXV, 4: December 2003. *Heinz Magenheimer*: «Entscheidungskampf 1941. Sowjetische Kriegsvorbereitungen — Aufmarsch — Zusammenstoß?», Osning Verlag, 2001. Д-р Магенхаймер преподает в Австрийской академии обороны и в университете г. Зальцбурга.

²⁷ *Earl F. Ziemke*: «The Red Army, 1918—1941: From Vanguard of World Revolution to America's Ally», Frank Cass Publishing, 2004, Seite 277.

²⁸ *A.A. Kokoshin/V.V. Lavrinov*: «Origins of the Intellectual Rehabilitation of A.A. Svechin» in *Alexander A. Svechin*: «Strategy», Eastview Press, 1991.

²⁹ *Evan Mawdsley*: «Thunder in the East: The Nazi-Soviet Struggle 1941—1945», Hodder Arnold, 2005, Seite 38.

³⁰ *Evan Mawdsley*: «Thunder in the East: The Nazi-Soviet Struggle 1941—1945», Hodder Arnold, 2005, Seite 39.

³¹ См. классическую работу мюнхенского историка Вальтера Поста «Операция «Барбаросса». Немецкие и советские военные планы 1940/41 гг.». *Walter Post*: «Unternehmen Barbarossa. Deutsche und sowjetische Kriegsplane 1940/41», Verlag E.S. Mittler & Sohn, 1995. Эту книгу и сегодня можно рекомендовать как лучшее исследование по данной теме на немецком языке.

³² См., к примеру: «The initial Period of War on the Eastern Front. 22 June — August 1941», Frank Cass Publishing, 1993 (второе издание — 2001); «The Stumbling Colossus. The Red Army on the Eve of World War», University Press of Kansas, 1998; «The Battle for Leningrad 1941—1944», Kansas University Press, 2002; «Colossus Reborn. The Red Army at war, 1941—1943», Kansas University Press, 2005;

³³ «Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia.», Yale University Press, 2000.

*Ричард Ч. Раак**

РОЛЬ СТАЛИНА В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Виктор Суворов» — псевдоним бывшего офицера советской военной разведки, многие годы проживающего в Англии. В 80-х годах он опубликовал исследование военных планов Сталина, которое, если версия Суворова заслуживает доверия, должно было бы потрясти тверди исторического истеблишмента. В 1990 г. британское издательство выпустило, наконец, английский перевод его книги «Ледокол». Суворов предлагает в ней новое понимание цели Сталина в войне, детально обоснованное цитатами из советских военных мемуаров и другими важными документами. Американское издательство в том же году выпустило книгу Суворова в Нью-Йорке. Подзаголовок лондонского издания был: «Кто начал Вторую мировую войну?» Естественно, это должно было привлечь внимание читателей. Но, несмотря на постоянный интерес, особенно в те юбилейные годы, к истории войны 1939—1945 годов, на лондонское и нью-йоркское издания не появилось рецензий ни в общих периодических изданиях, ни в профессиональных исторических журналах США¹. Разумеется, издательства «Гамиш Гамильтон» и нью-йоркское «Викинг Пресс» заинтересованы в успехе своих изданий — и поэтому разослали экземпляры для рецензий. Отчего же странное молчание?

Книга под схожим названием, «Как пришла война»,

**Ричард Ч. Раак* — заслуженный профессор Калифорнийского государственного университета (Hayward, USA). Статья впервые опубликована в журнале «Word Affairs», том 158, № 4, весна 1996.

лондонского профессора Д. Уатта была опубликована в Англии и в США в 1989-м. На нее вышли рецензии — в основном положительные — как минимум в пятнадцати журналах (учитывая только рецензии из *Digest of American Book Reviews* и *Index of Book Reviews*)². Профессор Уатт представил общепринятую версию начала войны, в подавляющем большинстве случаев основанную на западных и германских материалах и не учитывающую множество новых источников, появившихся из-за бывшего «железного занавеса» в те ранние дни гласности.

На самом деле две книги похожи только названиями. Книга Уатта шире, ее подход к освещаемому предмету гораздо более традиционен. А у книги Суворова только один фокус — сталинские планы войны, игнорируемые большинством историков, и она использует совершенно иные источники, в основном военно-исторические.

Суворов выстраивает свою аргументацию на исторической почве, оставленной без внимания: плане советского нападения в западном направлении. По утверждению Суворова, Сталин развертывал свои войска для осуществления именно этого плана, но был застигнут врасплох упредившим его нападением Германии. В тексте Уатта нет ни малейшего намека на этот советский план войны.

Суворов предложил также новое рассмотрение более ранних замыслов Сталина, когда тот в 1939 году подписал «пакт о ненападении» с Гитлером, что подготовило ситуацию для нападения Германии и СССР на Польшу. Этот пакт, учитывая существующие британские гарантии Польше, сделал общеевропейскую войну неизбежной и в течение месяца привел вермахт к советской границе. Без этой общей границы, которую Сталин умышленно помог создать в 1939-м, не могло бы быть прямого нападения Германии на СССР в 1941-м.

Как сказано ранее, Уатт не одинок в том, что не взглянул вперед для того, чтобы лучше разглядеть то, что произошло в прошлом. Бесчисленные авторы так же, как и он, полностью и непонятно почему игнориро-

вали слова Гитлера по этому поводу, хотя именно Гитлер был главным участником событий.

Гитлер много раз говорил, что он вынужден был напасть на Советы прежде, чем они нападут на него³. Был ли он прав? Были ли у Сталина планы использовать войну, особенно войну 1939-го, на пользу СССР и большевизма, интересы которых были, с точки зрения Сталина, идентичны? Широко распространяемая марксистско-ленинская теория, объявившая войны между «империалистическими» державами необходимой дорогой к их неизбежной гибели в пролетарских и колониальных революциях, должна была бы заострить внимание как современников, так и историков на связи между этой войной и вероятной заинтересованностью Сталина в извлечении пользы из нее.

Эти явные связи так же, как и пророчества Гитлера и Ленина, были почти полностью игнорированы историками, которые не задали очевидный вопрос: чего именно ожидал Сталин от второй «империалистической» войны? Они явно предпочли поверить Сталину, что его намерения при подписании пакта были чисто оборонительными, так же как и его планы накануне неожиданного нападения Гитлера в 1941-м.

На самом деле, в своей большей части «информированное» западное общественное мнение полностью приняло тогда сомнительные заверения СССР в том, что он якобы потерял интерес к центральным принципам международного авантюризма, движимого марксизмом-ленинизмом⁴.

Привлечет ли вышеописанное внимание читателя, у которого сейчас есть вполне обоснованные причины относиться с подозрением к всевозможным фантазиям, порожденным средствами массовой информации? И есть ли причины относиться с подозрением к выпущенной известными издательствами книге, содержащей совершенно новую историческую концепцию, но оставшейся без рецензий? Даже в Британии только один видный журнал опубликовал рецензию на книгу Суворова — кстати, положительную. Джон Заметика, рецензент

«Обозревателя», высказал мысль о том, что книга Суворова подвергнется нападкам «многих академических историков, предыдущие работы которых окажутся лишенными смысла, если Суворов прав». Было бы естественно увидеть среди таких критиков многих академических авторов, изучавших события 1938—1941 годов, начиная с захвата Гитлером Австрии и Судет и кончая нападением Германии на СССР. Но к Суворову отнеслись иначе: его не рецензировали, что уведомило бы о нем широкую публику, а игнорировали, дали спокойно исчезнуть из области академического общественного мнения. Его практически изолировали, оставив вне внимания интеллигенции западного побережья Атлантического океана, получающей информацию из межрегиональных газет и ведущих общественно-политических журналов⁵. Стал ли Суворов жертвой интеллектуальной «чистки» в наших краях?

Какого рода историческую концепцию могла бы разрушить версия Суворова, если его аргументы обоснованны?

Современный читатель, интересующийся Второй мировой войной, по всей вероятности, знаком со следующей общепринятой концепцией (изложенной здесь упрощенно ради краткости). На ней основана система распространенных на Западе мнений, в течение многих лет дающая как минимум благосклонное объяснение поведения Сталина в военные и послевоенные годы. Общепринятая история выглядит так.

Недоверие Сталина к западным демократиям, Великобритании и Франции, резко выросло после того, как они практически прекратили поддерживать чешского президента Бенеша, которому Гитлер предъявил свои требования накануне мюнхенского кризиса в сентябре 1938-го. Советский Союз был тогда связан двухсторонними оборонительными пактами с Чехословакией и Францией. Оба эти соглашения были частью системы коллективной безопасности, которую европейские державы медленно создавали в противовес нацистской Германии. Но когда англичане и французы договори-

лись в Мюнхене с Гитлером и позволили ему присоединить к Германии заселенные немцами области Чехословакии. Сталин потерял веру в эти демократии. Он полагал, что их желание умиротворить Гитлера, удовлетворив его требования к Чехословакии, а также то, что они не консультировались с Советским Союзом по этому вопросу, указывает на готовность позволить Гитлеру захватить всё, что он хочет на востоке Европы. После этого Гитлер был бы готов к нападению на Советский Союз⁶.

Гитлер громко декларировал свою враждебность к тому, что он называл «иудео-большевизмом», и свою решимость получить для германского народа «жизненное пространство» на Востоке. Учитывая такие склонности Гитлера, было бы трудно допустить, что эта расплывчатая экспансионистская цель не включает в себя как минимум большинство западных славянских земель Советского Союза.

Согласно этой версии, Сталин, предвидя войну с Германией, усиливал борьбу с тем, что ему представлялось кознями Запада. Он позволил Гитлеру продвигаться на восток и занять половину Польши в обмен на согласие Гитлера разрешить ему, Сталину, передвинуть советскую границу на запад, заняв вторую половину Польши. Таким образом Сталин смог создать из восточной Польши и других восточноевропейских государств и территорий, полученных им в результате этой сделки, земляной вал, буфер между СССР и немцами, прикрывающий восемь миллионов квадратных миль первоначальной советской территории. В результате Гитлер оказался в состоянии конфронтации с западными державами. Так Сталин выиграл и пространство и время, отчаянно необходимые ему для строительства собственной обороны, поскольку он знал, что Гитлер был непреклонен в решении в скором будущем выступить против него. Поэтому пакт Сталина с нацистами и его согласие поставлять Германии многие виды сырья, в которых она тогда нуждалась для войны на западе Европы против Англии и Франции, были оборонительными мерами.

частью плана для оттягивания конфликта с целью приобретения жизненно необходимого пространства и времени.

Как следует из этой версии, декларирующей оборонительные цели Сталина, сталинский вариант большевизма не был агрессивен, несмотря на войны, которые он вел против Польши и Финляндии после пакта, и вопреки последующему жестокому захвату малых стран Балтии. Часто приходится читать, что к тому времени уже пошел на убыль кровавый большевистский экспансионизм, первоначальными создателями которого в дни революции были Ленин и Троцкий и одним из безуспешных проявлений которого было катастрофическое (для большевиков) вторжение в Польшу в 1920-м. Хотя Сталин сам был одним из политических руководителей Красной Армии и одним из главных виновников того вторжения, верящие в эту версию тем не менее доказывают, вопреки очевидности, что позже Сталин отказался он таких дорогостоящих зарубежных авантур по рецептам его умершего учителя Ленина. Сталин, как следует из этой версии, был озабочен в основном внутренней безопасностью, боялся за будущее Советского Союза. Так считали многие историографы, и очень многие в течение последних пятидесяти лет с симпатией воспринимали внешнюю политику советского вождя. Они полагают, что у Сталина практически не было иного выхода, кроме как заключить пакт с Гитлером и сыграть собственную роль в разрушении того, что осталось от независимой Центральной и Восточной Европы.

Далее, согласно этой версии, Сталин фатально просчитался, поскольку вскоре после неожиданного и быстрого поражения Франции в руках Гитлера оказался весь Европейский континент. Не имея серьезных врагов на западе континента, фюрер начал сосредотачивать свои армии против Советского Союза. Советский диктатор, планы которого — выиграть время и строить в безопасности свою страну — были прерваны германскими победами во всей Европе, не предвидел такого поворота событий. И хотя после пакта с немцами он по-

спешно перевооружался, укреплял свои оборонительные позиции на западе и выиграл два года в подготовке к войне, его армии тем не менее не сдержали первоначальное германское нападение в июне 1941-го. Красный военно-воздушный флот был практически уничтожен на своих аэродромах по всему фронту германского наступления. Все это произошло несмотря на то, что Сталин получал бесчисленные предупреждения о приближающемся нападении. С самого начала германского вторжения русские почти везде панически отступали. Их потери были огромны: миллионы солдат были убиты или пленены немцами и их союзниками, которые вскоре захватили главные города и промышленные центры запада СССР. За невероятной политической катастрофой последовала невероятная военная.

В вышеприведенной версии (в которой часто замалчиваются масштабы катастрофы, на которую обрек свою страну Сталин, «величайший гений человечества», как его, к его собственному удовольствию, называли) содержится нечто большее, чем отдельные ошибки. Однако, насколько невероятным это ни кажется, именно ее можно услышать чаще всего. Кто не верит, может почитать исторические труды на эту тему или заглянуть в университетские учебники или в «Нью-Йоркер» — один из множества популярных журналов, которые регулярно бомбардируют читателей любительской историографией о различных аспектах войны против Гитлера, как правило, подтверждая при этом, хотя и не всегда прямо, сталинистскую версию о советских оборонительных планах.

Даже во время войны эта версия убедила многих людей, разрабатывавших политический курс Лондона и Вашингтона и искавших исторические обоснования для предсказания того, что будут делать Советы после войны. Ее явно приняли за чистую монету наши лидеры военного времени, Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт. Она легла, как общепринятая историческая истина, в основу многих критически важных решений и послевоенного планирования во время ВМВ — решений.

принятых в Тегеране, Ялте и Потсдаме. На этих важнейших конференциях Запад решал, как себя вести по отношению к сталинскому Советскому Союзу, своему союзнику в войне, опираясь на собственные надежды относительно поведения Сталина в ближайшие годы после войны. И часто решения Запада, обусловленные незнанием и непониманием того, что произошло в действительности, помогали Сталину. Эта версия долго преподносилась населению Запада в оправдание ошибочного доверия к Советскому Союзу и после начала холодной войны, когда советские армии удобно расположились в центре Европы, а сталинские границы и сферы влияния оказались серьезно расширены в Азии. Всего лишь несколько лет назад бывший коммунистический лидер Михаил Горбачев все еще рассказывал эту сказку для укрепления своего нынешнего оправдания Сталина⁷.

За этой версией, разные варианты которой никогда далеко не отклонялись от вышеприведенного, слышится голос сталинистской пропаганды и желание общественности Запада, легковверных журналистов и политиков, а также многочисленных историков верить защитникам Сталина и принимать пропаганду за чистую монету. Сегодня это удивляет, но это должно было удивлять с самого начала. Ведь у современников Сталина на Западе никогда не было серьезных причин ожидать чего-либо хорошего от неожиданно обретенного военного союзника — бывшего военного союзника Гитлера! Серьезных причин не было и у их преемников. Фактически у них было еще меньше причин вообще видеть в нем что-либо хорошее — хотя многие предпочитали это делать в течение долгих лет. Сегодня мы должны признать, что долговременная популярность вышеприведенной сказки — это блестящий продукт наилучшей из когда-либо проведенных пропагандистских кампаний. Но нынешний доступ к многим архивам бывшего Восточного блока, прежде закрытым для независимых исследователей, приводит к тому, что эта версия больше не может оставаться вне критики.

Если так долго распространявшаяся историческая

сказка неверна. то какая история заменит ее? По Суворову, Сталин вообще не хотел мира, ни во время судетского кризиса в 1938-м, ни в 1939-м, ни в 1941-м. Его позиция не была ни оборонительной, ни реагирующей на кого-либо. Он не тянул время для подготовки обороны, а готовил нападение, ожидая подходящего момента для собственного похода на запад. Он видел в Гитлере «ледокол», пробивающий большевикам путь на запад, демонического нигилиста, которой разорвет в клочья непрочную ткань постверсальской Европы, повсеместно разрушая правительства, экономический и общественный порядок, натравливая народ против народа, государство против государства, группу против группы.

Таким образом, предполагалось, что «ледокол» — Гитлер широко раскроет ворота континента для вторжения марксистских *terribles simplificateurs* («ужасных упрощателей» (франц.). — Прим. ред.) и поможет реализовать их мечты об окончании империалистических войн повсеместным триумфом пролетарских революций, во время которых массы, пришедшие в отчаяние от бед и лишений войны с Гитлером, наконец встанут против капиталистических поджигателей войны.

Суворов доказывает, что сталинское вторжение на запад при помощи РККА было назначено на начало лета 1941-го. Если бы его доказательства широко обсуждались, то читатели, столкнувшись с хорошо разработанной системой цитат из советских военно-исторических источников, могли бы начать пересматривать всю прежнюю историю начала войны. И если бы суворовские доказательства были подвергнуты проверке, то приведенная выше псевдоисторическая версия могла быть в конце концов опровергнута. Ведь если Сталин действительно намеревался напасть на Запад в им самим выбранный момент, то причиной, по которой он заключил пакт с Гитлером в 1939-м, было не стремление к обороне, а часть тщательно разработанного плана завершить европейскую войну на истощение политическим, общественным и экономическим разрушением европейских держав.

Суворов писал военную историю и не углублялся в изучение доступных в тот момент документов, чтобы выяснить политические причины военного плана Сталина. Но в действительности этот план войны должен был иметь под собой — и имел — политический фундамент.

Очевидно, что авторами политического курса на агрессивную войну были Сталин и его ближайшие соратники в Кремле. Путь, по которому они шли, был начертан Лениным, и на их долю выпало воплотить в жизнь вышеописанную схему войны и последующей всевропейской революции. Сообщения об этом мы находим в достоверных источниках из Коминтерна. Кроме того, что Сталин был членом его президиума, руководитель Коминтерна Георгий Димитров был частым гостем в Кремле и находился в регулярном контакте со Сталиным и с теми представителями его ближайшего окружения, кто лично передавал решения вождя органам политического контроля, а в случае Димитрова — международного политического контроля. Задолго до нападения Гитлера на СССР в июне 1941-го Сталин и его ближайшее окружение планировали исход европейской войны именно таким образом, как Суворов описал ее почти пятьдесят лет спустя: разрушение воюющих держав изнутри в результате массового недовольства (которое Красная Армия сможет поощрять силой), возникающего вследствие войны и ее неизбежных тягостей. Он готовил Красную Армию вступить в действие, как только ожидаемый гражданский конфликт — повторяющий внутренние волнения и революции в воюющих странах в 1917-м и 1918-м — вспыхнет в Западной Европе за фронтами воюющих армий как союзников, так и Германии.

Суворов только набросал эскиз этого рискованного плана. Но теперь мы получили информацию о нем от трех независимых источников, каждый из которых подтверждает слова других, каждый рассказывает о том, что сам слышал из уст кремлевских лидеров и от других высокопоставленных советских деятелей.

Информация самого подробного из этих источников

является просто древней, по стандартам современной историографии⁸. Самое свежее свидетельство (из самого Коминтерна), подтверждающее этот план, стало известно совсем недавно благодаря открывшемуся доступу в партийные архивы бывшего Восточного блока. Описание этого устрашающего плана похода на запад было сделано руководителем Коммунистической партии Германии в московском изгнании, верным сталинцем, близким к исполкому Коминтерна. Сообщение этого руководителя, скопированное в феврале 1941-го другим источником, знавшим Сталина, обрисовало возможные и предполагавшиеся тогда Кремлем последствия бушующей на Западе войны, в которую Советский Союз не был тогда непосредственно вовлечен⁹.

Тогда, в феврале 1941 г., Вальтер Ульбрихт, немецкий коммунистический лидер (в будущем — строитель позорной Берлинской стены), рассказал своим товарищам по изгнанию о том, что только что узнал: о запланированных Кремлем возможных сценариях окончания идущей тогда в Западной Европе войны¹⁰. Одним из них была описанная выше безумная затея мировой революции, поддержанной Красной Армией. Очевидно, что этот исход был наиболее благоприятным в глазах Кремля, так как только он из всех предполагавшихся ближе всего подводил Советский Союз к достижению внешнеполитических целей большевиков¹¹.

Мы не знаем, как долго разрабатывался этот план Сталиным и его кремлевской бандой¹². Он предполагал использование большевистскими агитаторами кризиса гражданского общества внутри воюющих держав. Кремль рассчитывал на то, что Красная Армия, следуя модели 1917—1922 годов, придет на помощь воюющему пролетариату (или, возможно, воображаемому воюющему пролетариату) и рабочим и солдатским революционным советам на Западе. Революционные правительства будут установлены по всей Европе. Планы Ленина о международной революции как последствия Первой мировой войны будут исполнены таким образом в процессе Второй мировой войны.

Кроме отсутствия убедительного документального источника этого политического замысла, в доказательствах Суворова есть еще один возможный изъян. Этот драматический сценарий, с учетом предварительных условий, подразумеваемых планом похода Красной Армии на запад, совсем не совпадает с условиями военного времени, существовавшими в период, когда Сталин, согласно Суворову, планировал напасть на Гитлера: 6 июля 1941 г. Дело в том, что в то время Гитлер, еще не напавший на Советский Союз (что он фактически совершил 22 июня), должен был быть в зените своей военной силы. Он был занят, но только на нескольких второстепенных полях сражений из-за продолжающейся войны против Британии. Исходя из этого, можно сомневаться в аргументированности ряда важных доводов Суворова, особенно в предложенной им последовательности военных действий. Но на сегодняшний день общий план военного вторжения красных на Западе хорошо известен на основании исторических свидетельств. Так что сомневаться в нем, без предварительного опровержения этих свидетельств, не приходится. В любом случае, две исторических концепции, одна — устанавливающая политический замысел Кремля, и другая — его военную реализацию, должны рассматриваться по отдельности. Существование самого плана может сегодня считаться доказанным благодаря высказываниям его авторов и их ближайших сотрудников, хотя в работах Суворова оно недостаточно обосновано¹³.

Сегодня главный военно-исторический аспект доводов Суворова подтверждается данными, недоступными ему во время написания «Ледокола». И эти данные, полученные из советских военных архивов и из других, доселе закрытых архивов Восточного блока, заслуживают очень пристального внимания. Имеет смысл привести мнение другого советского военного историка, В.И. Семидетко. Начиная свое исследование «Результаты битвы в Белоруссии» о поведении Советской армии ранним летом 1941-го, он вряд ли предполагал, что придет к нижеприведенным выводам.

Семидетко, вероятнее всего, ничего не знал тогда о работе Суворова. Но, публикуя в советском «Военно-историческом журнале» результаты своих поисков в недавно открытых советских военных архивах, он пришел к выводу, что причина, по которой германская армия так легко прошла через позиции Красной Армии на центральном фронте в Белоруссии в июне 1941-го (где у обеих армий, нападающей и защищающейся, были приблизительно равные силы), была в том, что позиция Красной Армии была атакующей¹⁴. Это открытие, разумеется, является главной составляющей сформулированной за несколько лет до этого концепции Суворова, объясняющей тот самый разгром. Суворов тогда сказал, что Красная Армия была развернута для атаки на запад и поэтому располагалась вне оборонительных позиций, брошенных из-за наступательной доктрины Кремля. Поэтому Красная Армия оказалась очень уязвима во время наступления немцев, которые, упреждая Сталина, напали первыми.

В мои руки попали другие материалы, подтверждающие заключения, к которым Суворов и Семидетко пришли независимо друг от друга (эта независимость важна сама по себе). Один материал — советского дипломатического происхождения, совершенно независимый от военных источников, приведенных русскими авторами. Второй, совсем другой источник, содержит ту же удивительную информацию! Он из чешских архивов, закрытых до недавнего времени для независимых исследователей.

Перед германским нападением в Москву поступали предупреждения о германских военных приготовлениях на западной советской границе (многие из них британского и американского происхождения, а одно от германского посла в Москве¹⁵), и Сталин явно решил успокоить дипломатические круги и унять разговоры о германском вторжении. Сегодня мы можем только догадываться, каковы были его цели.

Кремль отправил к советскому послу в Лондоне Ивану Майскому эмиссара, ведущего советского журна-

листа (источник не называет его имени). Майский, действуя, несомненно, по указаниям из Москвы, давно притворялся якобы самостоятельным, заигрывал со многими политическими группами и личностями по всему демократическому Лондону, передавал британцам разные, вероятно успокаивающие вести от Сталина. Мы знаем, что 15 июня у Майского была очень длительная встреча с очень высокопоставленным чиновником британского МИДа. Там настойчиво домогались того, чтобы он передал в Москву срочные предупреждения о предстоящем германском нападении. (Читатель помнит, насколько успешны были тогда британские перехваты германских сообщений.) Доказательства, которые британский дипломат представил на этот раз, явно впервые потрясли веру Майского в утверждения его собственного начальника¹⁶. (Посол, которого могли отозвать домой в Москву, наверняка не часто подвергал сомнению слова, провозглашенные «величайшим гением человечества».) После этого британцы передали своим союзникам в качестве политических разведывательных данных сталинское послание, отрицающее вероятность германского нападения. Через три дня сообщение из Москвы было записано как минимум одним из них, Карелом Эрбаном, аналитиком Министерства иностранных дел Чехословацкого национального комитета (в изгнании), и передано чешскому руководству в Лондоне¹⁷.

Эрбан сообщил, что Советы не боятся немцев, объясняя германскую концентрацию сил на советских границах просто проверкой бдительности и готовности потенциального противника. Однако, сказал московский эмиссар, если необходимо, они готовы пойти на многие политические и экономические уступки, чтобы откупиться от Гитлера даже с временным эффектом. Было сказано открыто о разрешении предоставления германской военной помощи нейтральной Турции (и, следовательно, намекалось на то, чего Берлин давно хотел: вступление Турции, добровольное или принудительное, в лагерь Германии). Такой ход, вполне возможно, ожидаемый после недавних успешных кампаний Гитлера на

Балканах, не вызовет возражений Москвы. Это означало отказ Сталина (как минимум временный) от традиционных российских интересов в юго-восточной Европе, особенно в Болгарии и в проливах, — от интересов, реализации которых Сталин, с помощью Молотова, совсем недавно добивался на советско-германских переговорах в Берлине в ноябре 1940-го — к явному отвращению Гитлера.

Сталин, вероятно, представлял себе, что такого рода германское продвижение на юго-запад отвлечет на некоторое время внимание Гитлера от советских границ (и растянет силы вермахта далеко на юго-запад, создавая уязвимый балканский фланг), что уже отчасти и произошло во время его югославской, греческой и критской кампаний. (Быстрое советское продвижение в южном направлении на Румынию, которое Суворов считает необходимым для сталинского плана предстоящего нападения на Германию, не только отрезет поставку нефти Гитлеру, но и поймает в ловушку германские армии на юге и на востоке, не позволяя им вернуться на домашний фронт, чтобы встретить там предстоящую главную советскую атаку в западном направлении, через бывшую Польшу.)

Эмиссар сообщил, что сталинский план отвлечь силы потенциального нацистского противника и отсрочить, за счет Болгарии, его продвижение прямо на восток был также направлен на ослабление обеих сторон в войне, заботясь о том, чтобы она длилась как можно дольше. Ясно, что, если бы Гитлер принял от Сталина эту взятку, британцы были бы еще больше втянуты в войну на Балканах и в восточном Средиземном море. Советские уступки в Турции, чтобы заманить немцев на юго-восток, потребовали бы от Гитлера отложить нападение до осени. Это означало бы отсрочку, по климатическим соображениям, до следующей весны. Это дало бы Красной Армии шанс стартовать первой — если действительно, как считает Суворов, Сталин имел в виду наступать¹⁸ в 1941-м (или даже в 1942-м, по мнению другого историка). Тот, кто докладывал из Кремля, сообщил, что в Мо-

скве так мало боялись немцев, что Красная Армия уже заняла наступательные, а не оборонительные позиции.

В этом докладе много поразительной информации, определенно неизвестной огромному большинству исследователей истории Второй мировой войны и подтверждаемой другими источниками. Это подтверждение увеличивает доверие к самому источнику, который является, таким образом, совершенно достоверным свидетельством об удивительном — и уязвимом — расположении Красной Армии за неделю до немецкого нападения 22 июня 1941 г.

Такие данные о поведении советских войск накануне нападения Гитлера безусловно должны вызвать новый интерес к спорным заключениям Суворова. Поэтому я считаю важным более подробно коснуться творчества Суворова и надеюсь объяснить, почему большинству англоязычных читателей, интересующихся этой войной, ничего не известно о его точке зрения.

Фактически выводы Суворова были оспорены в английской прессе только одним автором, профессором Тель-Авивского университета Габриэлем Городецким. Обмен аргументами между Суворовым и Городецким произошел впервые еще в 1986 году в Журнале Британского Королевского Института Служб [RUSI], военном периодическом издании¹⁹. Концепция Суворова была опубликована вне русских эмигрантских кругов только незадолго до этого обмена мнениями.

Решив опубликовать статью Суворова, редакторы журнала RUSI, возможно, решили, что ее спорность требует быстрого опровержения. Редакторы иногда пользуются подобной техникой, чтобы снять с себя ответственность за особо необычную публикацию, в данном случае — в определенном смысле потенциально прогерманскую. Ведь Гитлер сам, как было сказано ранее, оправдывал свое нападение на Советский Союз тем, что он должен был ударить на восток до того, как Советы ударят на запад. И что может быть менее политически корректно, и тогда и сейчас, чем согласиться даже в чем-либо с фюрером нацистов, о котором никто

(среди взрослых и умственно полноценных) не будет жалеть.

Возможно и другое объяснение: Городецкий прочитал статью Суворова и предложил редакторам свои доводы в качестве опровержения. Кстати, доводы Суворова были оспорены не раз на различных основаниях (например, автором этих строк, желавшим знать, как кремлевский план удара на запад, следующий за ожидаемым внутренним развалом в воюющих странах, мог быть назначен, по Суворову, на 6 июля 1941 года, когда Гитлер был наиболее силен в военном отношении и его империя относительно послушна)²⁰. Но историк Городецкий не пытался тогда опровергнуть доводы Суворова, даже его странные сроки советского нападения, используя свои источники в противовес военно-историческим источникам Суворова. Вместо этого он цитировал дипломатические записи советского происхождения, которые, разумеется, были тщательно отобраны и отредактированы — и крайне ненадежны. И он не использовал никаких своих аргументов для опровержения суворовских суждений о политическом плане Кремля, стоящем за военными планами. Итак, Городецкий никогда по-настоящему не оспорил утверждение Суворова, что у Сталина был прежде всего политический план похода на запад. Он просто игнорировал политический аспект. Отсюда следует, что, хотя некоторые из дипломатических аргументов Городецкого познавательны и интересны, он не скрестил интеллектуальные шпаги с Суворовым ни по одному из его важнейших аргументов. Городецкий и в более поздних своих работах на ту же тему не проявил ни малейшей осведомленности о существовании опубликованных документов, указывающих на то, что был обстоятельный политический план вмешательства Советов в ситуацию на Западе.²¹

В контраст почти полному молчанию англоязычных рецензентов, сыгравшему, возможно, свою роль в запоздалом появлении английского пересвода книги Суворова (через пять лет после его статьи в журнале RUSI), немецкий перевод «Ледокола», вышедший в 1989 г., са-

мый ранний книжный вариант его исследования (с несколько иным подзаголовком, «Гитлер в планах Сталина» [Hitler in Stalins Kalku²²]), получил очень серьезные рецензии. Среди рецензентов были два очень знающих исследователя того периода, Александр Фишер, профессор Боннского университета (недавно умерший, в прошлом член важной парламентской комиссии по повторному изучению германского прошлого), и Гюнтер Гиллессен, многолетний исторический редактор самой престижной германской газеты «Франкфуртер алгемайне цайтунг». Профессор Фишер, автор многих книг и сборников документов о дипломатии того периода, включая советскую дипломатию, нашел книгу Суворова смелой — но не убедительной. Однако он тактично воздержался от окончательного приговора, верно замечая, что настоящее решение требует изучения того, что, возможно, раскроют советские архивы. Редактор Гиллессен описал книгу как слишком полемичную и, вторя Фишеру, недостаточно убедительную, как основанную на исключительно косвенных доказательствах²³.

Читатель, знакомый с трагической современной историей Германии и понимающий, какая огромная ответственность накладывается необходимостью исторического и юридического объяснения событий, отягощающих прошлое нескольких поколений немецкого народа, поймет, насколько осторожны должны быть немецкие авторы, оценивая исторические работы, могущие как-либо положительно осветить действия бывшего немецкого фюрера.

Суть того, что можно было бы назвать негласным соглашением между серьезными немецкими авторами, состоит в утверждении, что нельзя снисходительно относиться к попыткам уменьшить ответственность немцев за войну. Следует любой ценой избегать способа уменьшения исторической ответственности, к чему могло бы привести слишком буквальное восприятие доводов Суворова и близких к ним рассуждений. Недавняя долгая, временами беспощадная, дискуссия в немецкой прессе об источниках преступного поведения Гитлера (включая

попытки найти эти источники вне Германии), так называемая «битва историков» (Historikerstreit)²⁴, ясно показала, насколько болезненными могут оказаться исторические дискуссии в немецком обществе, мучимом чувством вины, доходящим почти до духовного самоуничтожения. С этой точки зрения можно рассматривать критическую сдержанность обоих немецких рецензентов в отношении вескости доводов Суворова (несомненно, заслуживающих немалого скептицизма). Таким образом, в Германии крайняя осторожность, продиктованная ужасными событиями германского прошлого, произвела тот же цензурирующий эффект, что в англоязычных странах произвело явное отсутствие интереса к пересмотру этой части прошлого²⁵.

Сам факт того, что первый перевод исследования Суворова появился в Германии, важен не только для историографии. Издание работы Суворова на немецком языке в виде книги свидетельствует о том, что в постоянно ведущихся, хотя и ограниченных, немецких публичных дискуссиях по истории Второй мировой войны пакт Молотова — Риббентропа играет центральную роль. Публикация книги позволила заново открыть тему, почти никогда не обсуждавшуюся и выглядевшую вполне решенной благодаря многолетнему господству (и в Германии тоже) единой интерпретации событий начала Второй мировой войны²⁶.

Как мог бы Гитлер начать войну, к которой он так отчаянно стремился в 1939-м, если бы Советский Союз активно поддержал военной помощью или как минимум военными поставками и продовольствием страны на своем западном фланге, которые блокировали немецкую агрессию, направленную на восток, на Советский Союз? Даже Гитлер не пошел бы, вероятнее всего, на такой риск, имея сильных противников с запада. Но если бы этот вечно рискующий авантюрист все равно двинулся бы в поход, это была бы совершенно иная война, иные союзники, иные сроки, а не те, которые нам известны.

Недавно появилась новая книга Суворова с новыми, тщательно разработанными доказательствами его дово-

дов. и продолжается международное обсуждение тем, относящихся к его работе. Доказательства правоты его версии становятся все сильнее. Поэтому эти темы обсуждаются все шире, хотя, как ни странно, пока вне первых полос исторических форумов англоязычных стран. Нынешнее обсуждение в Европе было стимулировано появлением первой книги Суворова в Польше и в России²⁷. Можно было представить себе популярность польского издания в посткоммунистической, вновь освобожденной Польше. Ведь Вторая мировая война — это центральное событие в новейшей истории Польши. Поляки были первыми и в конечном итоге наиболее несчастными жертвами советско-нацистского альянса с 1939 по 1941 год. Половина их довоенной территории была захвачена Сталиным, бесчисленные граждане Польши попали в сталинские и гитлеровские лагеря (наибольшей частью многих миллионов евреев, убитых в немецких лагерях смерти, были граждане Польши), с 1944 по 1989 год они были узниками тиранического режима, изобретенного Сталиным и его друзьями для них — и предназначенного для всех и каждого, кого Красная Армия смогла загнать в свой лагерь. То, что поляки обнаружили большой исторический интерес к своему самому продолжительному — в течение веков — традиционному мучителю, России, не удивит никого, кто знаком с историей Центральной и Восточной Европы.

Русское издание книги Суворова «Ледокол» 1992 года особенно важно для обсуждения судьбы его идей, так как оно явно помогло выдвинуть дискуссию о предполагаемом сталинском плане войны на центральное место исторического спора о Сталине и сталинизме в нынешней России.

Русское издание Суворова появилось только в 1992-м, и уже после этого в постсоветских исторических журналах появились три статьи на ту же тему. Ведущий журнал «*Отечественная история*» напечатал русский перевод статьи немецкого военного историка Йоахима Хоффмана «Подготовка Советским Союзом наступательной войны в 1941 г.»²⁸. Приблизительно в то же

время появилась в *«Новой и новейшей истории»* вторая статья, «Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.»²⁹. Ее автор, генерал-полковник Ю.А. Горьков, рассмотрел план под названием «Соображения по стратегическому развертыванию Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», найденный некоторое время до этого в бывших советских архивах. Этот план, подготовленный в мае 1941 г. генералом армии (в будущем — маршалом) Г.К. Жуковым, был опубликован в краткой форме в падком на сенсации немецком журнале «Шпигель»³⁰.

Статья Хоффмана является исследованием, совершенно независимо от суворовского доказывающим, что Сталин собирался напасть на Запад в 1941 г. Она появилась впервые в 1991 г. в сборнике статей на немецком языке под названием *«Два пути на Москву»* [Zwei Wege Nach Moskau. Vom Hitler-Stalin Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»]³¹. Профессор Городецкий был включен в тот же сборник, примостившись в печатной форме рядом с Хоффманом, с намерением опровергнуть Суворова (и усиливая впечатление того, что некоторые редакторы боятся, как бы историки, подозревающие Сталина в агрессивных намерениях, не остались бы одинокими и неоспоренными). Как ни странно, та же в сущности его статья, с некоторыми добавлениями, была опубликована двумя годами раньше в немецком историческом журнале *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Там Городецкий очередной раз высказался о Суворове и так же запальчиво, как и в своих предыдущих нападках на него, взялся разгромить предположение Суворова о том, что у Сталина был наступательный план (на этот раз назвав его «новейшим, самым крайним и самым неточным описанием тех событий»)³². Но снова атака была направлена на русского эмигранта, а не на ближайшего соседа по сборнику Хоффмана, статья которого осталась неупомянутой.

Работа Хоффмана поддерживает многие открытия Суворова. Но Городецкий явно не видел ее, за исключением намного более ранней (1983) и менее законченной

версии. Городецкий снова приходит к своим антисуворовским заключениям, не рассматривая никакие военно-исторические источники Хоффмана (в последней статье — в основном немецкие отчеты о допросах советских военнопленных) и также не критикуя военно-исторические источники, процитированные Суворовым. Более того, Городецкий писал, явно не зная о давно опубликованных материалах кремлевских планов войны³³. Эти планы (которые, как было замечено выше, Суворов тоже пропустил), были с 1954 г. широко доступны на английском языке. Вместо этого Городецкий отверг саму идею того, что подобное мышление — не оборонительное — существовало в Кремле, отождествляя ее с идеями, которые были созданы (антисталинистами, следует полагать) «в разгар холодной войны»³⁴. И в той области, где новые исторические источники и сюрпризы появлялись почти ежедневно, он привел в поддержку своего последнего опровержения Суворова только материалы, опубликованные как минимум за два года до немецкой публикации «Двух путей на Москву». И, опираясь на такую непрочную базу, Городецкий тем не менее объявил «абсурдным» утверждение, что Сталин планировал наступление в западном направлении. Не заметив нескольких недавних сообщений, ставящих на основе советских источников под вопрос допущение, что политические намерения Сталина с 1939-го по 1941-й были добрыми и оборонительными, сообщений, предоставленных еще в 1989-м и в 1990-м советскими историками В.И. Дашичевым и М.И. Семирягой, Городецкий пришел к заключению (как читатель уже знает — неверному), что «совершенно нет свидетелей [дающих показания] о намерениях Сталина»³⁵.

Городецкий связал интерес к Суворову в Германии с попыткой снять вину с Германии. Он заявил, что популярность книги в Германии (в отличие от ее практической безвестности в Англии, Франции и, он мог бы добавить, в США) происходит из тайной поддержки ее неонацистами. На самом деле, если бы профессор Городецкий следил за солидной немецкой библиографией в

этой области исследований, он знал бы, что немецкий исторический интерес к войне на Восточном фронте (и к Восточной Европе вообще, если судить по немецким академическим трудам на славянские темы — в отличие, скажем, от французских) многие годы был большим, чем где-либо в Европе — если не по каким другим, то по понятным географическим причинам. Итак, позиция Городецкого как историка очень странна. От исследователя можно было бы ожидать скорее преданности идее открытого обмена мнениями, а не их замалчивания. Такую судьбу, постигшую англоязычные издания Суворова, Городецкий косвенным образом приветствует³⁶.

Статья генерал-полковника Горькова интересна тем, что он отрицает то, что план советского нападения на Запад мая 1941 г. (который он сам и публикует) был чем-то большим, чем просто планом контратаки, ввиду известных немецких приготовлений к нападению на Советский Союз. Подчеркивая оборонную суть советского плана войны, Горьков отрицает, что у Советов был и дополнительный план захвата территории после запланированного броска на запад — броска, успех которого завел бы их внутрь Германии, до Бреслау и Данцига.

Невозможно представить, чтобы этот дополнительный советский план не существовал. Как могли обе стороны оставить Красную Армию на ее позициях внутри Германии после таких первоначальных военных достижений — если бы жуковский план увенчался успехом? Осталась ли бы Красная Армия просто занимать большую часть Восточной Германии и того, что ранее было захваченной нацистами центральной или даже западной Польшей? Следовало ли Красной Армии после успешного продвижения на запад стойко держаться на новой линии обороны, ведя войну на истощение против немцев — войну, поддерживаемую огромными людскими и сырьевыми ресурсами Кремля, — до тех пор, пока внутренний фронт Германии не рухнет и Красная Армия снова не двинется на запад, на этот раз почти беспрепятственно?

Но и в том маловероятном случае, если бы Сталин имел в виду мир, а не международную революцию, Советам навряд ли был бы нужен военно-политический план окончательного, оформленного переговорами отступления с фронта в центрально-восточной Европе к советским границам, после того как Гитлер будет разбит и воцарится мир. Красная Армия на могла просто так промаршировать несколько сотен миль внутрь хорошо вооруженной гитлеровской Германии, как предполагалось планом Жукова, а потом вернуться на свои первоначальные позиции. Чего ради? Где-то, на каком-то уровне, должны были быть другие планы с каким-то политическим результатом успешного вторжения, предусмотренного планом, о котором сообщил Горьков.

Однако Горьков демонстрирует непонимание того, что обсуждаемый им военный план мог иметь какое-то отношение к кремлевским замыслам на то время, которое последует за предполагаемым успехом западной кампании. Он также предстает неосведомленным о склонности Сталина к политическому авантюризму, склонности, обсуждавшейся даже в советских исторических изданиях (и в других местах) российскими коллегами Горькова — Дашичевым и Семирягой (и некоторыми другими).

Статья Горькова 1993 года тем не менее важна, поскольку она, как и российское издание перевода статьи Хоффмана, выдвинула вопрос сталинских военных планов прямо в центр оживленных российских обсуждений ключевого периода советского прошлого. Работа Горькова касается и Суворова, и ряда публицистических статей в российской прессе о сталинских военных планах, и «круглого стола» на эту тему, проведенного в мае 1992 г. в Москве в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации³⁷.

Третья статья, помещенная в № 1 *«Отечественной истории»* за 1994 год, тоже фокусируется на Суворове. Цель автора очевидна: изложить в основном мнения многочисленных немецких критиков Хоффмана и Суворова (игнорируя, как и почти все другие такие авторы,

постсоветских историков, доказывающих агрессивные намерения Сталина). Но автор, А.И. Борозняк, тем не менее отмечает, что некоторые из критиков, как, например, профессор Фишер, утверждают, что вопрос не может быть решен, пока советские архивы, многие из которых и сегодня закрыты для независимых исследователей по очевидным политическим причинам, не будут тщательно исследованы³⁸. Недавно та же «Отечественная история» опубликовала несколько статей российских историков, которых пустили в архивы, открытые для независимых исследователей, в то время как Центральный президентский архив недоступен. Суть находок трех из них состоит в том, что советская военная доктрина поощряла «империалистические» войны и что Сталин радикально изменил направление советской пропаганды зимой 1941 г. (когда Вальтер Ульбрихт сообщал немецким партийным товарищам новости о возможной поддержке Красной Армией революции на Западе): от осуждения всех «империалистических» войн на поддержку наступательной войны³⁹.

Обсуждение роли Сталина в развязывании войны идет сейчас и на Западе, и на Востоке, хотя некоторые историки полны решимости прервать это обсуждение, называя «абсурдным» оспаривание традиционного видения замыслов Сталина как миролюбивых. Обсуждение доводов Суворова и других исследователей об агрессивных планах Сталина должно в ближайшие годы помочь вернуть эту тему в главное русло мировых научных споров. Их место там — особенно учитывая склонность некоторых постсоветских историков, как и защитников Сталина на Западе, заранее отвергать его ответственность за несчастья Второй мировой войны.

Настало время добросовестных исторических дискуссий, основанных на открытом допуске к архивам и ведущих к честному пониманию советского прошлого и советской политики, приведшей СССР к катастрофе как на внутренней, так и на международной арене. Это особенно важно, если учитывать тенденцию нынешнего правительства России к военным решениям кризисов и

к бессовестному использованию угроз — как в отношениях с более слабыми соседями, так даже и с Соединенными Штатами.

Перевод с английского Миши Шаули.

Примечания

¹ На книгу Суворова была написана краткая рецензия, вместе с рецензией на книгу Д. Уагга (см. в тексте и в сноске 2) и на другие книги того же времени, в *New York Review of Books*, 12 октября 1989, 11—16, отставным профессором Гордоном Крейгом из Стэнфордского университета. Но Крейг писал для американского читателя о немецком издании — английское тогда еще не вышло в свет. Крейг, который многие годы работал в области немецкой истории, но мало занимался советскими или восточноевропейскими темами, как военными, так и другими, сталинского периода, посчитал аргументы Суворова недостаточными. Крейг выразил мнение, что если Сталин действительно собирался напасть в западном направлении в 1941-м, как считает Суворов, то западные военные атташе и дипломаты в Москве сообщили бы об этом. Он не нашел «никаких записей об этом в документах зарубежных посольств или в докладах их военных атташе». Даже если мы предположим, что Крейг перерыл документы и отчеты во многих относящихся к делу архивах, он должен был иметь в виду западные документы и отчеты, так как в 1989-м многие архивы бывшего Восточного блока не были еще открыты для западных и других независимых исследователей. Более того, исследователь, который работал с западными дипломатическими документами из Москвы, должен знать, что в параноидально скрытном государстве Сталина иностранные дипломаты и военные обозреватели не могли свободно передвигаться по Советскому Союзу, и особенно по его недавно оккупированным западным приграничным районам, чтобы проводить свои наблюдения. Многие западные дипломаты упоминали об этих огорчающих обстоятельствах в своих докладах. Поэтому этот аргумент против Суворова вряд ли действителен.

² Нью-Йорк, 1989.

³ См. Ralf Georg Reuth, *Goebbels* (перевод с немецкого, Нью-Йорк), запись в дневнике Геббельса от 16 июня 1941 г. В феврале 1945 г. Гитлер повторил, что Сталин собирался напасть в западном направлении. См. Alan Bullock, *Hitler and Stalin* (перевод с английского, Берлин, 1991), SS. 924—26, 939, 941.

⁴ Судя по всему, многие авторы воспользовались подвернувшейся коммерческой возможностью, представленной пятидесятилетним юбилеем войны в 1989-м, чтобы написать книги о 1939-м. Когда буря разглашений разразилась в начале 1988-го в СССР, а вскоре после этого в остальном Восточном блоке, они, видимо, не знали, что там происходит, либо были связаны договорами или другими обязательствами, заставлявшими их закончить работу к годовщине окончания войны (т.е.

практически к 1989 г.). Новые материалы, жизненно важные для понимания истории возникновения войны, остались вне рассмотрения.

О руководителях западной дипломатии, ведущих кампанию веры в оборонительные намерения Сталина, см. R.C.Raack, *Stalin's Drive to the West, 1938—1945. The Origins of the Cold War* (Stanford, 1955), 55, 89.

⁵ *Observer*, 5 мая 1990, 30. Книгу проигнорировали главные академические и специальные (занимающиеся славянскими исследованиями) журналы. В США были рецензии только в двух относительно малоизвестных военных журналах. В обоих случаях рецензенты отвергли доводы Суворова: один очень решительно (*The Journal of Soviet Military Studies*, 4[1991]:195—97); вторая рецензия была краткой, в *Air Force Magazine* 7[1991]:55. Рецензент JSMS написал, что германские военные документы не подтверждают выводы Суворова, согласно которым Советы были неподготовлены, и что Сталин отверг жуковский план упреждающего удара. См. сноску 26 — обсуждение работы немецкого военного историка Иохима Хоффмана, доводы которого частично поддерживают Суворова на основании тех же немецких источников. См. в тексте также обсуждение жуковского плана. В Британии книгу не рецензировали в двух наиболее важных академических журналах, специализирующихся на славянских исследованиях.

⁶ Игор Люкес в нескольких статьях успешно опроверг мнение о том, что Сталин хотел предоставить чехословакам серьезную военную помощь в 1938-м. См. статьи Люкеса «Желал ли Сталин войны в 1938? Новый взгляд на советское поведение во время майского и сентябрьского кризисов», *Diplomacy and Statecraft*, 2 (1991): 2—53; и «Benesch, Stalin und die Komintern 1938/1939. Vom Münchener Abkommen zum Hitler-Stalin Pakt», *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Jg. 1993, Heft 3, 325-353.

⁷ Горбачев в «Правде», 3 ноября 1987 г. Далее следует небольшая, но представительная выборка работ как популярных, так и академических авторов, поддерживающих мнение об обороняющемся Сталине. Не все авторы согласны друг с другом по всем деталям вышеприведенной версии. По сути, т.е. то, что намерения Сталина в 1939-м были оборонительными, присутствует везде, явно или намеком. См. Winston S. Churchill, «The Gathering Storm» in *The Second World War*, I (Boston, 1948), 391—94; Arnold J. and Veronica Toynbee, eds., «The Eve of War, 1939» *Survey of International Affairs* 10 (London, 1958): 23, 25, 504; A. J.P. Taylor, *The Origins of the Second World War* (New York, 1968), 163—64, 241, 261, 263, 267, 278; D.C. Watt, *How War Came. The Immediate Origins of the Second World War* (London, 1989), 112—113, 117—119, 369—370, 372—373; Peter Calvocoressi, Guy Wint and John Pritchard, *Total War. The Causes and Course of the Second World War* (second ed., Harmsworth, 1989), 71, 96—100, 106; Hermann Graml, *Europas Weg in den Krieg. Hitler und die Mächte 1939* (Munich, 1990), 251. Контрастируя с вышеприведенными авторами, James E. Macsherry, *Stalin, Hitler and Europe. The Origins of World War II, 1933—1939*, vol. II (Cleveland, 1970) уделит должное внимание советским источникам, существовавшим во время, когда он писал, но тем не менее оптимистично заключил (задолго до недавнего открытия источников и архи-

вов бывшего Восточного блока), что «сравнительно легко сформулировать ясную картину советской зарубежной политики в 1938-м и 1939-м». Еще недавно наличие оборонительных намерений Сталина в 1939-м представлялось как неоспоримое Джонатаном Гасламом: Jonathan Haslam, *Soviet Foreign Policy, 1939—1941: Isolation and Expansion*, Soviet Union 18 (1991): 106.

⁸ См. мою статью «Stalin's Plans for World War II» in *Journal of Contemporary History*, 26 (1991): 215—27.

⁹ Доклад Вальтера Ульбрихта в архиве Stiftung der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (Berlin), Wilhelm Pieck Nachlass 36/528: «Politischer Informationsabend am 21.2. 1941». Пик также отметил, что Ульбрихт непосредственно перед этим выступил в Президиуме Исполкома Коминтерна. См. также «Did Stalin Plan a Drang nach Westen?» in *World Affairs*, 155 (1992), 13—22; особенно важно — «Послесловие», 22.

¹⁰ Читатель помнит, вероятно, что в феврале 1941-го, когда Ульбрихт это рассказывал, Советы были вовлечены в несколько необъявленных войн, связанных с общей европейской войной, формально объявленной Британией и Францией после вторжения Германии в Польшу в сентябре 1939-го. У Советов было несколько серьезных схваток с Японией на границе Маньчжурии в конце лета 1939-го. Они вторглись в Польшу в конце лета — начале осени того же года, в сотрудничестве с Гитлером, потом сделали то же в Финляндии без его помощи. Через несколько месяцев они военной угрозой присоединили страны Балтии и румынские провинции Бессарабию и Северную Буковину к Советскому Союзу. Но слишком многие историки, часто видящие события от 1938-го до 1945-го исключительно через очки, изготовленные в Западной Европе и в США, проглядели связь между советским авантюризмом на востоке и германской войной на гораздо более знакомом им западе Европы.

¹¹ Наиболее доступным из нескольких сообщений, если читатель не понимает литовский язык, является свидетельство бывшего министра иностранных дел Литвы Винкаса Креве-Мицкевичуса, переведенное на английский в U.S. Congress, House of Representatives, Select Committee on Communist Aggression, Third Interim Report (Washington, D.C., 1954), 340—45, 451—63. J. Эдгар Гувер предоставил явно независимое сообщение о нем же от одного из «высших русских источников», А.А. Берду 17 июня 1940 г. в United States National Archives, M982, R25. См. также Grigorii A. Tokaev, *Stalin Means War* (London, 1951), chapter 2, *passim*.

¹² Вероятнее всего — с первых же дней большевистской власти в России, поскольку этот план в общем дублирует недавно опубликованную ленинскую идею войны против Польши: В.И. Ленин, «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать», Исторический архив, № 1/1992, 12—30; см. также Joachim Hoffmann, *Stalins Vernichtungskrieg, 1941—1945* (Munich, 1995), 18.

¹³ См. R. C. Raack, «Stalin's Plans for World War II», *passim*, и того же автора «Stalin's Plans for World War II Told by a High Comintern Source», *The Historical Journal* 38 (1995).

¹⁴ В.И. Семидетко. Истоки поражения в Белорусии. № 4/1989, 1—30.

¹⁵ С.А. Горлов в «Новом времени», № 8/1991, 38—39 и В.В. Соколов, «Дипломатический ход во имя мира», *Вестник Министерства иностранных дел СССР*, № 20/1990, 57—58.

¹⁶ Gabriel Gorodetsky, «Was Stalin Planning to Attack Hitler in June 1941», *RUSI Journal* (June 1986): 71—72.

¹⁷ Датировано 18 июня 1941-го, найдено в Archiv ministerstva zahranicnich veci в Праге, дело 4—70—114.

¹⁸ Joachim Hoffmann, «Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941» in Bernd Wegner, ed., *Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa»* (Munich 1991), 367—388.

¹⁹ Viktor Suvorov, «Who was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin?» *RUSI Journal*. (June 1985): 50—55; Gorodetsky, *ibid.*, June 1986, 69—72; и снова, Suvorov, «Yes, Stalin Was Planning to Attack Hitler in June 1941», *ibid.*, 73—74.

²⁰ На конференции в итальянском курорте Белладжio, посвященной годовщине немецкого нападения, как минимум четыре историка коснулись непосредственно этой темы, но только двое говорили о плане сталинского нападения на запад — и оба отвергли эту идею. Немец Герд Юбершар (Gerd Ueberschar) говорил о «Hitler's Decision to Attack the Soviet Union in Recent German Historiography» (опубликовано в *Soviet Union* 18 [1991]: 297—316). Он цитировал статьи Суворова в журнале *RUSI*, книгу Суворова и Хоффмана (о последней — см. сноску 18) и криковал доводы обоих. Доклад Александра Даллина (Alexander Dallin) назывался «Сталин и немецкое вторжение» (напечатано в том же номере *Soviet Union* 18, 19—37). Даллин заметил, что «мнение о возможном советском нападении на Германию в 1941-м (или в 1942-м) абсурдно... полностью несостоятельная гипотеза» (там же, 20). Он цитирует статьи Суворова, но не книгу и не статью Хоффмана. Даллин назвал статью Городецкого в сборнике Вегнера (см. сноску 21) «мастерским опровержением» (там же). Он ничего не сказал об аргументах и доказательствах в пользу его утверждения. Карл Дрекслер (Karl Drechsler), историк из бывшей Восточной Германии, в докладе «Germany and its Allies and the War against the Soviet Union, 1940—1942», (там же, 39—58) не обращался к этой проблеме, явно важной для темы его работы. Так же поступил и британский ученый Джонатан Гаслам (см. сноску 7).

²¹ Gabriel Gorodetsky, «Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion», in Wegner, 347—366.

²² Stuttgart, 1989.

²³ Fischer in *Das historisch-politische Buch*, 1989, 117; Gillessen in «Politische Bücher», *FAZ*, 27 April 1989.

²⁴ См. обсуждение у Charles S. Maier, *The Unmastered Past* (Cambridge, Mass., 1988).

²⁵ В книге Ernst Topitsch, *Stalin's War: A Radical New Theory on the Origins of the Second World War* (перевод с немецкого, Лондон, 1984), содержащей ранние версии тезисов, похожих на суворовские, нет исследовательского материала, основанного на военной документации

или на других источниках, могущих убедить автора этих строк в том, что в ней представлено нечто большее, чем гипотеза.

²⁶ Очевидная самоцензура немецких историков, пишущих по этому предмету, и вредящая историческим исследованиям, описана Гюнтером Гиллесеном в рецензии на книгу Йоахима Хоффмана «Сталинская война на уничтожение» (см. сноску 12) как «связанная с политическими интересами и проявляющаяся в добровольном отрицании профессиональных знаний».

²⁷ *Lodolamacz* (Варшава, 1991) и «Ледокол» (Москва, 1992).

²⁸ В номере 4/1993, 19—31, опубликован перевод с немецкого этой статьи из Вегнера, 367—388.

²⁹ В номере 3/1993, 29—45. К той же теме относится и опубликованный в ВИЖ («Планировал ли Сталин войну против Гитлера?») 6/1991, 26—33) отрывок из книги 1970 года двух немецких авторов, писавших в те времена, когда еще не были известны важные материалы, и отвергавших версию о том, что Гитлер был вынужден начать превентивную войну. Мне показалось, что редакторы журнала очень хотели опубликовать все, что только угодно, опровергающее этот взгляд.

³⁰ «Schukows Angriffsplan». *Der Spiegel*, 24/ 1991, 148

³¹ См. сноску 15. Недавно сборник вышел на английском.

³² Сборник Вегнера, сноски 1. Городецкий также нападает в том же сборнике Вегнера на статью Гоффмана с 1983 г. («Der Rote Armee bis Kriegsbeginn 1941», в сборнике Хорста Боога и др., *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, IV [Stuttgart, 1983], 56—75*) как «не имеющую существенных доказательств».

³³ См. сноску 11.

³⁴ Статья Городецкого под заголовком, сходным с появившимся в сборнике Вегнера, «Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion. Eine Auseinandersetzung mit der Legende vom deutschen Praeventivschlag», in Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte, Jg. 37 (1989): 645—72. Приписывание Городецким вины на основании хронологической общности — в сборнике Вегнера, сноски 13.

³⁵ V. I. Dashichev, «Der Pakt der beiden Banditen», и «Stalin hat den Krieg gewollt», в *Rheinischer Merkur/Christ und Welt*, 21 и 28 апреля 1989; и М.И. Семиряга, «17 сентября 1939 года», *Советское славяноведение*, 5 (1990): 14, и «Советский Союз и предвоенный политический кризис», *Вопросы истории* 9 (1990): 54—61. Два известных американских специалиста, Роберт Конквест (Robert Conquest) и Роберт Такер (Robert C. Tucker), также скептически относившиеся к предполагаемым оборонительным планам Сталина, подверглись, как и Хоффман, резкой атаке в статье из журнала (стр. 646, сноски 3, стр. 658, сноски 40). Городецкий заявляет, что мнение о том, что у Сталина были экспансионистские планы и что он собирался захватить Центральную и Восточную Европу, давно устарело (сборник Вегнера, стр. 363, сноски 13). В 1977 г. Такер высказал мнение, что сталинские территориальные планы международного большевизма восходят к Ленину. См. «The Emergence of Stalin's Foreign Policy», in *Slavic Review*, 36 [1977]: 588—589).

³⁶ В статье, напечатанной в журнале (сноски 34, стр. 645—648), Го-

родецкий явно радуется неизвестности Суворова в англоязычных странах (стр. 646); Городецкий возмутительным образом связывает популярность Суворова с «ревизионистской» частью участников «битвы историков» в Германии (там же, 645—646). Кажется совершенно очевидным, что историки должны добывать факты, письменно излагать их и критически рассматривать основанные на них аргументы, не приписывая «политически некорректные» мотивы тем, с кем они интеллектуально несогласны.

³⁷ Горьков, стр. 29.

³⁸ «22 июня 1941 года: взгляд с той стороны», в номере 1/1994, 148—156. Автор Борозняк, открыто восторгающийся тем, что немцы (как минимум — некоторые) так хотят оправдать Сталина (и русских), явно не понимает, что некоторые немецкие критики идеи превентивной войны Гитлера грешат той же роковой ошибкой, что и американские историки-«ревизионисты», пишущие о холодной войне: они пытаются разгадать замыслы Сталина, изучая исключительно собственные архивы. По это очевидно порочный метод, хотя его неизбежно ущербные результаты не помешали их издателям продать много книг.

³⁹ См. в номере 1/1995, Л. Н. Нежинский и И. А. Челышев, «О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны», 3—27, и в номере 2/1995, В. А. Невежин, «Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны», 54—69, и М. И. Мельтюхов, «Идеологические документы мая-июня 1941 года о событиях Второй мировой войны», 70—85.

*Джахангир Наджафов**

КАК Г. ГОРОДЕЦКИЙ ОПРОВЕРГАЕТ
В. СУВОРОВА, ИЛИ РЕМЕЙК
«ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ» (1948 Г.)

1. «Жизненно важная задача»

Книга израильского историка Г. Городецкого «Миф «Ледокола»¹ привлекла мое внимание в связи с работой над тематикой советско-германского пакта о ненападении 1939 года. Представляющая, по словам автора, «венец» его пятнадцатилетних усилий по изучению международных отношений 1939—1941 годов (с. 4)². С посылкой сказать нетривиальное слово в историографии Второй мировой войны. И — что примечательно: описываемые события рассматриваются под углом внешней политики Советского Союза, но фактическую основу книги составляют британские архивные материалы и литература. При заметном дефиците источников советского и постсоветского времени, даже официальных изданий документов.

Освещение вопросов, образующих тематику советско-германского пакта — предмета моего исследовательского интереса, сужено в «Мифе «Ледокола» до предела, как это практиковалось в советской историографии. Приходится напомнить о фактах и документах, опущенных его автором.

* *Наджафов Джахангир Гусейн-Оглы* — ведущий научный сотрудник-консультант Института всеобщей истории Российской академии наук.

¹Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. Перевод с английского. М., 1995. 350 с.

²Здесь и далее ссылки на книгу Г. Городецкого приводятся непосредственно в тексте статьи.

Странности «Мифа «Ледокола»¹ обусловлены его предназначением обосновать особое историческое видение Второй мировой войны. Отвергая идею книги «Ледокол» В. Суворова — о том, что сталинский Советский Союз рассчитывал воспользоваться антизападным агрессивным потенциалом Германии для подрыва европейского капитализма², Г. Городецкий поспешно, без должного внимания к причинно-следственным связям событий, переходит к своеобразно трактуемым обстоятельствам нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. За отдельными «действительными событиями», которыми он оперирует, не видно глобальных явлений, исчезает исторический процесс как таковой.

Г. Городецкий старается добиться своего двояким образом:

Во-первых, игнорированием предпосылок и глубинных причин всеобщего конфликта на том основании, что это уводит «далеко в сторону от действительных событий, приведших к войне на Востоке» (с.13). Поиск исторической истины в рамках дипломатического аспекта темы противопоставляется кропотливой работе над выявлением «теоретических основ и идеологических корней» мировой войны (там же), составной частью которой являлся Восточный фронт. Такой работе, на которую решился В. Суворов. Вообще все изложение строится на антитезе войн мировой и советско-германской. В результате фактически рсанимируется официальная советская концепция, сводящая суть мировой войны по преимуществу к силовому противостоянию между социализмом и капитализмом.

Во-вторых, утверждением, что в критический пери-

¹ Странности «Мифа «Ледокола» уже были предметом публичного разбора: См., например: *Невежин В.А.* Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «слонзунг наступательной войны»? (По поводу кн. Г. Городецкого «Миф «Ледокола»). // *Отечественная история.* 1996. № 3. С. 55—73.

² *Суворов В.* «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992: День «М». Когда началась Вторая мировая война? Продолжение книги «Ледокол». М., 1994.

од развязывания мировой войны единственной заботой сталинского руководства было «защитить российскую революцию» (с. 47). И.В. Сталину приписывается сомнительная честь проводника такой внешней политики, которая *«была продиктована национальными интересами, а не принципами или моральными факторами, подобно политике его западных партнеров»* (с. 57. *Курсив мой.*). Предпочтение, отданное внешнеполитическому курсу сталинского Советского Союза, подкрепляется сомнениями, что западный лозунг «уничтожения нацизма» отражал подлинные цели Англии в войне (с. 86). Напоминает характеристику этого лозунга как «преступной глупости», озвученную В.М. Молотовым в годы советско-германского сотрудничества¹. Хотя позже Советский Союз присоединился к Атлантической хартии Ф. Рузвельта — У. Черчилля от 14 августа 1941 года с ее требованием «окончательного уничтожения нацистской тирании»². Возникает и вопрос: а можно ли было эффективно отстаивать национальные интересы Советского Союза, отбросив и принципы, и мораль?

В авторской схеме товарищу Сталину отводится роль статиста на этапе как подготовки, так и развязывания всеобщего вооруженного конфликта. Рассмотрение системы мировых координат сталинского руководства подменено смелым утверждением, что «с самого начала советская внешняя политика характеризовалась постепенным, но последовательным переходом от откровенной враждебности по отношению к капиталисти-

¹ О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета народных комиссаров и Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. // «Правда». 1 ноября 1939 г. О том, что эта оценка принадлежит Сталину, стало известно из его правки текста статьи «Мир или война?», которая была опубликована в газете «Известия» 9 октября 1939 г. в поддержку «мирных предложений» Гитлера, выдвинутых им в речи в рейхстаге 6 октября 1939 г. // Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 35.

² Декларация правительства СССР на Межсоюзнической конференции в Лондоне. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 144—148.

ческим странам к мирному сосуществованию с ними, основанному на взаимной выгоде» (с. 33. *Курсив мой*). В таком случае неясно, почему советские руководители через двадцать с лишним лет после Октябрьской революции продолжали считать себя во «враждебном капиталистическом окружении» и почему внешний мир не замечал этой трансформации, по-прежнему видя в СССР угрозу для себя. Неясно также, как расценивать такие ленинско-сталинские определения, служившие для характеристики места и роли Советского государства в системе международных отношений, как несовместимость длительного сосуществования «двух систем» и закономерность перманентного обострения «идеологической борьбы» между ними. Будто не было нараставшего десятилетиями тотального противоборства советского социализма и западной демократии, достигшего своего апогея в холодной войне и приведшего к развалу советской коммунистической империи и краху самого СССР¹.

Не удивительно, что Г. Городецкий не ограничивается провозглашенной целью — опровержением (как ему кажется) «Ледокола» В. Суворова. Израильский историк оспаривает — *а это он подчеркивает то и дело* — ключевые положения в работах «большинства историков», еще чаще — всех «других историков» (с. 3, 12, 45, 50—51, 94, 98 и др.). Поэтому в истолковании политико-дипломатических событий кануна мировой войны чаще всего В. Суворов оказывается вместе с «другими историками», а Г. Городецкий — против.

Неприятие автора «Мифа «Ледокола» вызывают труды российских историков, которые в последние годы уделяли большое внимание проблеме происхождения Второй мировой войны и ее начальному этапу. Однако, полагает он, это привело лишь к тому, что «бывшие «белые пятна» ныне заполняются набором лжи, тенденциозными подборками фактов, которые общественность

¹См. подробнее: *Наджафов Д.Г.* Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта о ненападении 1939 года. // *Правда Виктора Суворова. Восстанавливая историю Второй мировой* — 2. М., 2007. С. 33—80.

склонна принимать за истину» (с.3). Посему Г. Городецкий счел «своей жизненно важной задачей» дать такое описание критических событий 1939—1941 годов, чтобы российский читатель получил «возможность сориентироваться во всем разнообразии фактов прошлого, увидеть их именно такими, какими они были...» (с. 4. Курсив мой.). Все это, заметьте, — о периоде горбачевской перестройки и первых лет существования демократической России, когда отечественные ученые получили возможность переосмыслить наследие историографии, десятилетиями принуждаемой обслуживать нужды тоталитарной системы.

Свое видение наступивших в нашей стране судьбоносных перемен — для израильского историка это «смутное время» — он подкрепляет рекомендацией не отказываться от «советского периода», не противопоставлять историческому опыту Советского Союза архаику дореволюционной России (с. 18). Он также призывает наших историков не тревожить память погибших в войне с нацистской Германией, закрыть до поры до времени (не уточняется, до какого) тему советской внешней политики рассматриваемого периода (с. 3). Себе в этом занятии, как видим, Г. Городецкий не отказывает. Такое понимание им предназначения своей книги плохо согласуется с провозглашаемой готовностью руководствоваться принципом объективности, а не политическими или идеологическими интересами.

Таким образом, «Миф «Ледокола» задуман и осуществлен в расчете на российского читателя. Участниками действия оказываются, с одной стороны, наша общественность, склонная принимать за истину «набор лжи» и «тенденциозно подобранные факты», с другой — историк-просветитель, гуру в своей области.

В то же время обилие нестыковок, неувязок текста книги оставляет стойкое впечатление английского *Wishful Thinking*: формирование представлений исходя не из объективного анализа, а в соответствии со своими предпочтениями. Перед нами, в лучшем случае, версия англо-советских отношений, то есть фрагмент междуна-

родных отношений 1939—1941 годов — вне многообразия исторического процесса.

Как бы то ни было, «Миф «Ледокола» не произвел эффекта, на который рассчитывал его автор. Не раз приходилось слышать и читать мнения о том, что книга израильского историка никак не является опровержением «Ледокола» В. Суворова. Чтобы опровергнуть его труд, говорит один из коллег-историков, следует доказать несостоятельность сотен и сотен приводимых им фактов. По некоторым свидетельствам, в один из своих приездов в Москву Г. Городецкий выражал недовольство тем, как распространяется его книга — не так широко, как работа В. Суворова. Видимо, поэтому он продолжил свою критику, переиздав под другим названием фактически тот же опус, что не добавило убедительности его позиции. Более того, странности первой книги переключались во вторую¹.

Наконец — *самое поразительное*. Представьте, в «Мифе «Ледокола» откровенно отстаиваются положения брошюры «Фальсификаторы истории» 1948 года — памятного пропагандистского продукта разгоравшейся холодной войны². Положения о сугубо оборонительной предвоенной внешней политике Советского Союза, о его неизменной приверженности коллективной безопасности, о западной политике провокационного натравливания Германии на Советский Союз, о двойной игре западных держав на англо-франко-советских переговорах, о международной изоляции СССР в преддверии мировой войны, вынудившей его пойти на пакт о ненападении с нацистской Германией и т.п. Перед нами печатное наследие официального издания, на долгие годы навязавшего советским историкам сталинские внешнеполитические установки. Так Г. Городецкий реализует свой призыв не отказываться от «советского периода».

Но удалось ли ему обличить автора «Ледокола» и в

¹ См. *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001.

² *Фальсификаторы истории.* (Историческая справка.) М., 1948.

то же время опровергнуть работы «других историков»? Подкрепить тезисы подконтрольной властям советской историографии о роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны? Каков итог вызова, брошенного практически всему сообществу историков, с претензией на пересмотр устоявшейся в мировой историографии критической версии предвоенной внешней политики сталинского Советского Союза — критической за ее роль в развязывании мировой войны? И не этим ли объясняются оригинальные приемы и стиль, используемые в «Мифе «Ледокола»?

2. «Невежественный» В. Суворов

Г. Городецкий, именующийся историком-профессионалом, позволяет себе вызывающие недоумение обвинения в адрес В. Суворова и его книги.

Исходя из собственных представлений о критериях научности, он характеризует В. Суворова как автора «нелспых», «невежественных писаний»; не серьезного историка, а «любителя» и «разведчика», проявляющего «неразборчивость в средствах»; автора, «вольное обращение» которого с источниками «стало его товарным знаком», не отягощающего себя доказательствами, прибегающего к «неуклюжим доводам», «абсурдным» и «абсолютно смехотворным» утверждениям: «невозвращенца», «перебежчика», «предателя», «мелкой сошки» в ГРУ, морально нечистоплотной личности и т.п. (с. 4, 9, 13, 14, 15, 20, 21, 34, 48, 71 и др.).

В. Суворов, пользующийся исключительно открытыми материалами, обвиняется в том, что он пишет в «процветающем жанре заговорщицкой психологии» (с. 15). В изложении Г. Городецкого, это связано с переходом России от тоталитаризма к демократии, когда «теория заговора, будучи исключительно привлекательной для обывателей, пропагандирует мифы, преднамеренно и настойчиво скрывает истину, упрощая сложные ситуации» (там же). По этой классификации советско-германский пакт попал в разряд «основополагающих ми-

фов»¹ (там же). Однако, как представляется, обвинение в «заговорщицкой психологии» всего лишь предлог, чтобы уйти от рассмотрения такого вопроса, как международная стратегия сталинского Советского Союза, запрограммированная его социально-политическим строем.

Книге В. Суворова приписывается негативное воздействие на националистические чувства, в частности потакание польскому национализму и даже реабилитация нацизма (с. 8 — 9). Мало того, ее цели, оказывается, состояли «прежде всего» в том, чтобы «подорвать процесс разрядки» (с. 9), «разжечь «военный психоз» и предостеречь общественное мнение Запада от возобновления разрядки» (с. 15). Значит ли это, что В. Суворову удалось «подорвать» международную разрядку, а затем переключиться на то, чтобы помешать ее «возобновлению»?!

Несмотря на обещание во введении больше не «скрещивать с Суворовым шпаги», а «лишь дать альтернативную интерпретацию событий» (с. 28), постоянным, вплоть до заключения, упоминанием его имени Г. Городецкий обогатил свой инструментарий исследователя: дискредитированное имя призвано служить окончательным, исчерпывающим аргументом в системе его доказательств.

Время уничижительных оценок личности В. Суворова и его книги доведет над израильским историком. Иначе не понять, почему он прибегает к приемам, не принятым в научной среде. Сразу о двух примерах такого рода можно прочитать на одной и той же странице раздела «Полемика», открывающего его книгу.

Г. Городецкий пишет: «Утверждение о том, что нацистская Германия «имеет больше оснований считаться нейтральной в 1939—1940 годах», является абсурдным» (с. 10). Открываем указанную им 48-ю страницу «Ледокола» В. Суворова, на которой приводится аргумент — в

¹ Солидная работа английских соавторов А. Рида и Д. Финера «Смертельные объятия: Гитлер, Сталин и нацистско-советский пакт. 1939—1941» (Read A., Fisher D. The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and Nazi-Soviet Pact. 1939—1941. London, 1988.) отвергается как проявление «живучести этого мифа». // Миф «Ледокола». С. 70.

ряду других — против официального тезиса о советском нейтралитете в эти годы. Когда угрозами и насилием — совместное с Германией нападение на Польшу, «зимняя война» с Финляндией, ультиматумы странам Прибалтики и Румынии — Советский Союз присоединил к себе ряд государств и территорий вдоль своих западных границ.

В этот так называемый предвоенный период, читаем у В. Суворова, Красная Армия понесла в сражениях больше потерь, чем германская армия в боях на западе Европы. Что и послужило для него основанием заключить: «Если судить по потерям, то Германия имела больше оснований считаться нейтральной в 1939—1940 годах». Критиком В. Суворова опущены слова, выделенные мною курсивом.

Намеренно ли, нет — не важно — так Г. Городецкий избегает постановки вопроса, может ли Советский Союз, учитывая его партнерство с нацистской Германией в 1939—1941 годы и его же военно-силовые акции против стран-соседей, считаться нейтральной страной. Для В. Суворова, как и для «других историков», это — значимые события, вписанные в анналы мировой войны. Для израильского историка, ратующего за то, чтобы уделять первостепенное внимание «действительным событиям», такого вопроса не существует.

Второй пример: «Также безосновательно заявление, что глава советской военной разведки генерал Голиков не был наказан Сталиным за принижение данных о наращивании германских вооруженных сил 21 июня, так как он докладывал Сталину правду. Гитлер действительно к войне против Советского Союза не готовился». Снова не так. У В. Суворова на странице 312-й (на нее ссылается Г. Городецкий) *нет никакого упоминания* 21 июня. Там имеется в виду более ранний период, когда советская разведка старалась судить о приготовлениях к войне против Советского Союза по тому, готовится ли германская армия к военной кампании в условиях русской зимы: запасаются ли немцы зимней экипировкой и

проводят ли соответствующую военно-техническую подготовку.

В свете данного обвинения против В. Суворова забавно читать в «Мифе «Ледокола» комментарий автора к распоряжению Гитлера в июле 1940 года о подготовке нападения на СССР. Ссылаясь на то, что это распоряжение было устным, он делает вывод: «Нападение на Россию не следует таким образом считать заранее решенным вопросом из-за того, что оно состоялось» (с. 98). Читателю явно навязывается мысль, что все дело было в складывавшихся (непонятно как) обстоятельствах: и гитлеровское нападение на Советский Союз могло не состояться, и даже конфигурация участников мировой войны могла выглядеть по-другому. Для этого используются формулировки типа: «запутанная международная обстановка» (с. 22), Лондон и Москва — «потенциальные враги» (гл. 4), «загадка» решения Гитлера напасть на Советский Союз (с. 94), нет «конкретных доказательств связи» между идеологией и политикой Гитлера и Сталина (с. 94), историки «недооценивают сложности стратегического и политического положения» (с. 98) и т.п.

В поисках доказательств Г. Городецкий ставит под сомнение полноценность книги В. Суворова на том основании, что в ней использованы исключительно открытые, доступные всем источники (с. 14, 17, 28, 116). Но следовало бы воздать должное тому, кому удалось переработать такой массив исторического материала, что критики-завистники «Ледокола» выражают сомнение в способности одного человека проделать столь замечательную работу. Разве что, говорят они, ему это удалось с помощью людей из служб английской разведки. Книга В. Суворова наглядно доказывает, что никакие архивные материалы, при всей их ценности, не могут отменить уже состоявшиеся исторические события, как и их преломление в официальных документах своего времени. Между тем тексту «Мифа «Ледокола» как раз недостает таких документов, чтобы, выражаясь языком его автора, увидеть описываемые им события «именно

такими, какими они были» и «не судить о них с позиций сегодняшнего дня» (с. 4, 12).

Г. Городецкий противопоставляет книге В. Суворова свое повествование как основанное на многих источниках, особо подчеркивая значение архивных документов. В одной из антисуворовских статей он пишет, что «тщательно» изучил материалы важнейших российских архивов: МИДа, Генерального штаба, Разведывательного управления и Архива Президента Российской Федерации¹. Мне, которому не раз отказывали в доступе к секретным архивным материалам, верится с трудом. Летом 2005 г., будучи в Департаменте по обеспечению деятельности Архива Президента Российской Федерации (чтобы узнать об ответе на свой запрос), при упоминании имени Г. Городецкого было заявлено, что он никогда в их архиве не работал.

Еще об одном *весьма и весьма странном* утверждении израильского историка. В его интерпретации В. Суворов «изобразил Советский Союз не жертвой, а виновником войны», утверждая, что «в июне 1941 года Сталин был готов к неожиданному нападению на нацистскую Германию, а Гитлер лишь опередил его» (с. 7). Налицо подмена одного вопроса — об ответственности за Вторую мировую войну другим — об обстоятельствах нападения гитлеровской Германии на СССР. Поразительно, как критики В. Суворова в упор не видят основного смысла его книги, подменяя вопрос о концепции книги, отраженной в расширении названия книги — «Кто развязал Вторую мировую войну?», *вторичным, производным* от первого вопросом — готовил ли Сталин нападение на Гитлера в июне 1941 г. То же самое с продолжением «Ледокола» — книгой «День «М», с подзаголовком «Когда началась Вторая мировая война». Суть обеих книг — в доказательстве того, что Сталин, как и Гитлер, также несет ответственность за развязывание мировой войны. Тут можно спорить лишь о мере вины каждого из диктаторов. У Сталина была подсобная, по

¹ Городецкий Г. «Ледокол»? Сталин и путь к войне. // Война и политика. 1939—1941. М., 1999. С. 247.

сравнению с Гитлером, роль. Роль подстрекательская, провокационная, что сам Сталин, как мы увидим далее, ставил себе в заслугу.

Несомненно: начало мировой войны в сентябре 1939 года и нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года — события взаимосвязанные: не было бы мировой войны, не было бы и гитлеровского нападения. Но повторюсь: главная мысль «Ледокола» (как и его продолжения «День «М») в том, что свою долю ответственности за мировую войну несет и сталинский Советский Союз. Мне лично спор с В! Суворовым его критиков представляется малопродуктивным, так как он сводится к срокам начала войны СССР с Германией — в 1941 году или несколько позже. И никто не оспаривает, что нападение, опережая врага, — лучшее средство обороны.

Думается, не имеет смысла перечислять все странности «Мифа «Ледокола». Они обусловлены самой целью его автора, иным способом недостижимой. Отметим далее лишь те исторические сюжеты, когда то, что можно было бы счесть за банальную ошибку (с кем этого не бывает), используется автором в качестве аргумента для обоснования своей правоты.

3. «Россия в осаде»

Сталинские тезы брошюры «Фальсификаторов истории» нашли наглядное продолжение в трактовке Г. Городецким предвоенного курса советской внешней политики. Содержание раздела его книги «Россия в осаде» (с. 45—47), где это преподносится наиболее выпукло, плотно перекликается с третьей главой брошюры «Изоляция Советского Союза. Советско-немецкий пакт о ненападении»¹.

Ставшие доступными для исследователей материалы архивного фонда Сталина подтвердили, что он был одновременно заказчиком, соавтором и редактором «Фаль-

¹Фальсификаторы истории. С. 36—55. Название главы брошюры принадлежит Сталину.

сификаторов истории». Его рукой внесены вставки, наиболее показательная из которых — оправдывающая заключение пакта с Гитлером враждебностью стран демократического Запада¹.

Как известно, брошюра эта была подготовлена в противовес западной публикации архивных документов германского МИДа под названием «Нацистско-советские отношения в 1939—1941 годы», чтобы опровергнуть вытекавшее из этих документов заключение о том, что пакт о ненападении между Германией и СССР имел антизападную направленность². О правдивости брошюры можно судить по тому факту, что в ней нет и намёка на подписанный одновременно с пактом секретный дополнительный протокол, раскрывающий подоплеку советско-германской договоренности. (Г. Городецкий по своему обходит этот неприемлемый для его исторического построения момент, но об этом позже.) Недаром после смерти Сталина мало кто из советских историков решался ссылаться на «Фальсификаторов истории». Г. Городецкий, наоборот, воспользовался сталинскими наработками, забыв об обещании сказать нечто свежее о политике «кремлевского горца».

Отсюда положения «Мифа «Ледокола» о строго оборонительном характере внешней политики Советского Союза, когда даже призывы к революционной войне «имели исключительно оборонительное звучание» (с. 15, 25, 95), о следовании сталинским руководством национальным интересам страны (с. 19), об угрозе, исходившей для Советского Союза от всех без исключения капиталистических государств (с. 46—47), о том, что, заключив пакт с Гитлером, «Сталин сделал выбор в пользу меньшего из двух зол» (с. 61) и т.д. и т.п. Все это прикрывается абсолютно ничем не обоснованным посылом, что восстановление всей правды о Второй мировой

¹ Там же. С. 53—55.

² Nazi-Soviet Relations, 1939—1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Ed. by R. G. Sontag, J. S. Beddie. Washington, 1948. Понятно, что документы этого сборника Г. Городецкому не понадобились.

войне, включая раскрытие далеко не однозначной роли предвоенной сталинской внешней политики, якобы ведет к обелению германского нацизма и его агрессии.

Как же доказываются (и доказываются ли) старые как мир положения из «Фальсификаторов истории»? Или — скажем по-иному: почему Г. Городецкий, в отличие от «других историков», полагает, что «советская политика ни в коей мере не определялась экспансионистскими соображениями» (с. 46)? Почему он отказывает сталинскому Советскому Союзу в праве на активную, наступательную антикапиталистическую стратегию?

В упомянутом разделе «Россия в осаде» читаем: «Ясная и последовательная, с небольшими тактическими отклонениями, политика строилась на осознании потенциальной опасности, исходящей *от всего капиталистического мира*, будь то фашистская Германия или западные демократии. Стремясь в отношениях с державами к балансу, столь чуждому для марксистской теории, отвергающей идею поддержки одной капиталистической державы против другой, Сталин стремился защитить российскую революцию. Вначале сотрудничая с Веймарской Германией, а с приходом к власти Гитлера — через коллективную безопасность» (с. 46—47. *Курсив мой.*).

В самом деле, Сталину не откажешь в определенности его предвоенной внешней политики, поистине «ясной и последовательной», но — в проведении экспансионистского классово-имперского курса. Да, ему были одинаково чужды и «агрессивные державы», и «так называемые демократические государства» (пользуясь определениями из «Краткого курса истории ВКП (б)», повторенными в докладе Сталина на партийном съезде в марте 1939 года). Вот почему упоминаемая автором марксистская теория, которая видела в «межимпериалистических противоречиях» причину мировых войн, исключала длительную ориентацию на какую-либо из формировавшихся с середины 1930-х годов враждующих группировок — фашистско-милитаристской государств Оси и государств демократического Запада. В по-

переменном участии Советского Союза в ходе мировой войны в обеих капиталистических коалициях Г. Гордеский, видимо, и видит проявление «стремления в отношениях с державами к балансу». Но советские руководители усматривали в таком «балансировании» проявление «мудрой сталинской внешней политики», благодаря которой, по их словам, удалось как в предвоенные, так и в военные годы «правильно использовать противоречия внутри лагеря империализма»¹.

Проводимое автором «Мифа «Ледокола» разграничение международных отношений — мировой капитализм против революционной России, не мешая ему, вопреки логике, отрицать наличие классовых мотивов в политике сталинского руководства. Отмежевываясь от «других историков», он считает излишним, как уже говорилось, заниматься поисками глубинных, в том числе классовых, причин советско-германского конфликта. Но в чем же состоит задача историка, как не в том, чтобы всесторонне исследовать круг вопросов избранной темы? Разумеется, и ее контекст, охватывающий и «теоретические основы», и «идеологические корни» политики государств, решившихся на войну друг с другом. И можно ли квалифицированно судить о советской внешней политике, отвлекаясь от вполне определенных доктринерских основ этой политики, обусловленных коммунистической идеологией, а тем более игнорируя тоталитарную сущность советской системы? Можно ли вообще представить себе работу, в которой методология изучения прошлого свободна от тех или иных общих рамок

¹Тов. Маленков: Информационное сообщение о деятельности ЦК ВКП (б). // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 81. В издании в начале 1960-х годов «Дипломатическом словаре» в качестве примера использования противоречий между империалистами «для обезвреживания их агрессивных замыслов» содержится ссылка на внешнеполитическую стратегию СССР как перед, так и в годы Второй мировой войны. // Дипломатический словарь. В 3-х т. М., 1960—1964; т. 1. С. 467. Для авторов официальной истории советской внешней политики Вторая мировая война явилась подтверждением ленинского предвидения неизбежности «самых ужасных столкновений» между социализмом и капитализмом, т.е. была естественным продолжением борьбы двух систем. // История внешней политики СССР. 1917—1985. В 2-х т. Изд. 5-е. М., 1986. Т. 1. С. 15.

такого изучения, раскрывающих замысел работы? Автор «Мифа «Ледокола» своими пристрастиями подтверждает — нет, таких работ не бывает.

Суть, так сказать, концепции Г. Городецкого в том, что в преддверии мировой войны враждебно капиталистическое окружение от слов перешло к делу, поставив Советский Союз не просто в положение «международной изоляции» (как у товарища Сталина), а — в положение страны, подвергшейся «осаде» со стороны многочисленных внешних врагов. И нацистской Германии, и западных демократических государств.

Но было ли положение СССР столь безнадежным, безвыходным, как это хочет представить Г. Городецкий, развивающий версию «Фальсификаторов истории»? А если, как он советует, «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня»?

Товарищу Сталину ситуация виделась из Кремля отнюдь не столь безрадостной. В сентябре 1938 года он объявил, что «вторая империалистическая война на деле уже началась», а в марте 1939 года подтвердил: «новая империалистическая война стала фактом», но она «не стала еще всеобщей, мировой»¹. Излишне говорить, что в «Мифе «Ледокола» этих сталинских определений, столь важных для уяснения мотивов предвоенной советской политики, читатель не найдет. В противном случае пришлось бы согласиться, что ситуация «второй империалистической войны» исключала изоляцию, а тем более «осаду» Советского Союза, дав Сталину долгожданный шанс с шумом ворваться в мировую политику.

Все же Г. Городецкий, противореча самому себе, признает, что такое *принципиальное изменение* в международном положении Советского Союза имело место. Но в его изложении произошло это случайным образом — опосредствованно, вопреки намерениям Сталина.

¹Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. С. 318; Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 12.

Произошло из-за недалёковидности (чтобы не сказать, глупости) английского премьера Н. Чемберлена, представившего в конце марта 1939 года гарантии безопасности Польше, которая стала следующей мишенью Гитлера после оккупации Чехословакии. Английские гарантии, пишет он, «вызвали непредвиденный драматический переворот в международных отношениях... с его непосредственными и трагическими последствиями» (с. 51. *Курсив мой.*). Не захват Чехословакии в прямое нарушение Мюнхенского соглашения, а английские гарантии Польше стали «первым залпом Второй мировой войны», изменив «одним ударом» всю международную ситуацию (там же).

Вот ход его удивительных умозаключений.

Своими гарантиями Польше «Англия фактически бросала вызов Германии, тем самым полностью отказываясь от ключевой роли в равновесии сил в Европе» (с. 51—52). Что и вынудило нацистов «добиваться нейтрализации Советского Союза», в поддержку которого нуждалась и сама Англия (с. 52). «Таким образом без всяких тайных замыслов Советский Союз стал основой равновесия сил в Европе» (там же). То есть не провал западной политики умиротворения и приближение всеобщего вооруженного конфликта на европейском континенте вынудили обе враждующие капиталистические коалиции обратить свои взоры в сторону Москвы, а жалкие потуги Н. Чемберлена. Вот так в нагнетании международной напряженности фюрера нацистской Германии, взявшего на прицел Польшу, опередил глава английского правительства!

По ходу этих рассуждений следуют (чтобы окончательно запутать читателя?) ритуальные нападки на В. Суворова (хотя было обещано более не возвращаться к его персоне) за осуждение пакта Сталина с Гитлером в преддверии их совместного нападения на Польшу. Забыв в очередной раз о своем призыве видеть события «именно такими, какими они были», Г. Городецкий отвергает критику советско-германского пакта, остерегаясь, однако, оспаривать анализ В. Суворовым фактов и

документов. Во всем он винит холодную войну, стимулировавшую, по его словам, возрождение «мифов» 1920-х годов, которые «основывались на упрощенном понимании событий, приведших к заключению пакта» (с. 52). Дело было, следовательно, не в стратегии враждующих государств, а в событиях, происходивших, по Городецкому, вопреки политике европейских лидеров. Кто на самом деле проявляет «упрощенное понимание событий», пусть судит читатель.

Выходит, истинная причина и советско-германского пакта, и вообще возникновения войны в Европе — в антигерманском демарше Англии. Не следовало ей гарантиями Польше отказываться от роли третейского судьи в делах континента, так как это и сблизило гитлеровскую Германию и сталинский Советский Союз. Да, нетривиальный подход к истории, не хватает разве что поговорки «англичанка гадит»...

А что, если читатель заинтересуется, так ли обстояло дело, как это рисует Г. Городецкий, заостряя внимание читателя на злобешей роли английских гарантий, и обратится к уже известным материалам?

А. Тойнби, современник описываемых событий и, пожалуй, наиболее известный британский историк XX века, согласен с тем, что тогда, в первый весенний месяц 1939 года, Европа вступила в самый пик сползания во всеобщую войну. В предисловии к соответствующему тому многотомного «Обозрения международных дел в 1939—1946 гг.», главным редактором которого он был,

А. Тойнби писал, что, с многих точек зрения, Вторая мировая война фактически началась с оккупации Чехословакии 15 марта нацистской Германией и лишь формально — с ее нападения на Польшу 1 сентября. Март 1939 года стал переломным для международных отношений, но не из-за английских гарантий, а по причине насилия нацистов над Чехословакией¹.

А что говорят давно опубликованные официальные советские документы (которыми пренебрег Г. Городец-

¹The World in March 1939. Ed. by A. Toynbee, F. T. Ashton-Gwatkin. London, etc. 1952. P. VII.

кий) о том, как в Кремле оценивали ситуацию на европейском континенте после предоставления английских гарантий Польше в ответ на нацистскую агрессию? Почувствовали ли на себе товарищ Сталин со товарищи «трагические последствия» гарантий? По этим документам легко установить, что «действительные события» развивались не так, как описано в «Мифе «Ледокола».

По мнению сталинского руководства, «наиболее серьезные события, в корне ухудшившие положение в Европе», были связаны с действиями нацистской Германии и ее фактической союзницы фашистской Италии. Таковыми событиями, угрожавшими многим странам, оно считало расторжение Гитлером, использовавшим в качестве повода предоставление Польше английских гарантий, англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 года и декларации о дружбе и ненападении между Германией и Польшей от 26 января 1934 года, а также объявление о предстоящем заключении военно-политического союза между Германией и Италией. Наконец, говорилось в цитируемом советском документе (от 11 мая 1939 года), на этой почве «возникли переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР, с другой, об организации эффективного фронта мира против агрессии»¹.

Так когда же сказались «трагические последствия» английских гарантий Польше — после их предоставления или десятилетия спустя, когда писался «Миф «Ледокола»? Или одно из «трагических последствий» гарантий Польше в политико-дипломатическом возвышении Сталина? И это плод «бесконечных поисков новой информации и материалов» (с. 4)?

Но случайно ли, как утверждает Г. Городецкий, товарищ Сталин оказался в роли третьей силы в назревшем общевропейском конфликте? В чем тогда был смысл постоянно провозглашаемой сталинским руково-

¹Передовая газеты «Известия» «К международному положению».

11 мая 1939 г. // МИД СССР. Год кризиса. Документы и материалы. В 2-х тт. М., 1990. Т. 1. С. 452. Передовица была воспринята советскими дипломатами за рубежом как указание Москвы.

дством *особой линии* в международных делах — линии вне- и надкоалиционной политики, которую оно считало вполне самодостаточной? Разве не в том, чтобы воспользоваться «второй империалистической войной» и ее ожидаемыми социальными последствиями по-своему — в интересах классово-имперских? Западные союзники-«империалисты», вспоминал В.М. Молотов, правая рука Сталина во внешнеполитических делах, рассчитывали на ослабление Советского Союза в мировой войне. Но: «Тут-то они просчитались. Вот тут-то они не были марксистами, а мы ими были. Когда от них пол-Европы отошло, они очнулись. Вот тут Черчилль оказался, конечно, в очень глупом положении»¹.

Тем не менее, автор «Мифа «Ледокола» настаивает на том, что ему сопутствовал успех — «в *особенности* в последовательном анализе сталинской политики этих лет»².

Но я бы не сказал, что в его книге уделяется должное внимание словам и делам сталинского руководства. Собственный же критерий автора — «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня» — не применяется там, где более всего уместен. Мягко говоря, недооценены документы Коммунистической партии, материалы ее центральных органов — газеты «Правда», журнала «Большевик». Между тем, именно анализ *партийных материалов* позволяет прийти к заключению, что Сталин и его окружение рассматривали классовые мотивы как подоснову своей международной политики. Как можно без таких материалов судить о взглядах и деятельности высшего советского руководства, непонятно.

Из сталинских документов я бы обратил внимание читателя (израильского историка это вряд ли заинтересует) на «Краткий курс истории ВКП (б)», увидевший свет в сентябре 1938 года. Товарищ Сталин гордился

¹ Чуев Ф.М. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 82.

² Ответы Г. Городецкого на вопросы журнала «Новая и новейшая история». // «Новая и новейшая история». 1995. №. 3. С. 71 (*курсив мой*).

этой книгой как своим трудом, в котором движение истории зависит исключительно от непримиримой борьбы идей. Партийные кадры, считали в Кремле, «могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке» только при условии их политико-идеологической подготовки¹.

В последней главе «Краткого курса», ее международном разделе, опубликованном в «Правде» в сентябре 1938 года — еще до Мюнхена, провозглашалась независимая, сепаратная линия СССР в международных делах в противовес практически сложившимся обсем враждующим капиталистическим группировкам. А одной из них, странам демократического Запада, было обещано (со ссылкой на печальные последствия для русской буржуазии большевистской революции 1917 года) «историческое возмездие»². Положения раздела, говорилось на самом высоком официальном уровне, давали «марксистское объяснение» переменам в мире, а значит, по ним только и можно «судить о внешней политике Советского Союза и всех международных событиях последнего времени»³. Эти положения получили развитие в выступлении Сталина на закрытом совещании в ЦК (см. ниже) и позже вошли в его доклад на партийном съезде. Международные разделы истории партии и сталинского доклада на партийном съезде — явления одного порядка, позволяющие судить о тенденциях советской внешней политики.

Существенно и другое. Г. Городецкий, отстаивая право сталинского руководства на защиту «российской революции» от внешних врагов, попросту повторяет версию «Фальсификаторов истории» о тождественности ситуации революционного 1917 года и кануна Второй мировой войны. В упомянутой выше сталинской правке

¹ Постановление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)». // «Правда», 15 ноября 1938 г.

² «Правда», 19 сентября 1938 г.

³ 21-я годовщина Октябрьской революции. Доклад тов. В.М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября с.г. // «Правда», 7 ноября 1938 г.

в тексте брошюры так объясняется решение заключить пакт с нацистской Германией: «Как в 1918 году ввиду враждебной политики западных держав Советский Союз оказался вынужденным заключить Брестский мир с немцами, так и теперь, в 1939 году, через 20 лет после Брестского мира, Советский Союз оказался вынужденным заключить пакт с немцами ввиду той же враждебной политики Англии и Франции»¹. Но оправдан ли подход, сопоставляющий внешнеполитические акции большевистских руководителей, разделенные двумя десятилетиями? Ответ содержится в отвергаемых Г. Городецким работах «других историков», которые пришли к выводу, с одной стороны, о переоценке Сталиным вероятности образования антисоветского фронта капиталистических стран, а с другой — о недооценке им опасности фашизма. В самом деле, возникшую в 1930-е годы глобальную угрозу фашизма Сталин и его окружение рассматривали не с общедемократических, а с классовых позиций и интересов. В фашизме они усматривали прежде всего «признак слабости капитализма» (Сталин), считали фашизм проявлением так называемого общего кризиса капитализма и, таким образом, еще более приближающим гибель мировой системы капитализма.

Стоит отметить, что в вопросе о *целенаправленности* политики СССР перед мировой войной позиции большинства отечественных авторов практически совпадают. Д.М. Проэктор, много и плодотворно изучавший историю мировой войны, объясняет решение Сталина пойти на «беспринципное и пагубное» соглашение с Гитлером его стратегией воспользоваться ослаблением врагов в межимпериалистической войне². В свою очередь, член Российской академии наук А.Н. Сахаров (возглавляющий Институт российской истории РАН) вполне определенно — как «четкую» — характеризует линию предвоенной дипломатии Сталина. Линию на то,

¹ Фальсификаторы истории. С. 54.

² Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 202.

чтобы «сработать на столкновение своих потенциальных соперников в Европе, а в дальней перспективе войти в войну с целью не только закрепления уже достигнутых геополитических преимуществ, но и осуществить революционную экспансию»¹.

Таковы суждения «других историков», следующих принципу «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня». Адекватность их суждений историческим реалиям подтверждается свидетельствами современников. В своих воспоминаниях писатель К.М. Симонов делился мыслями, рожденными советско-германским пактом: до неизбежной схватки с фашизмом «будет долго идти война между Германией, Францией и Англией, и уже где-то потом, в финале, столкнемся с фашизмом мы. Такой ход нашим размышлениям придал пакт»².

Архивные материалы говорят то же самое. Да, такие глобальные антикапиталистические планы не только вынашивались в Кремле, но и были приняты как руководство к действию.

За неделю до доклада Сталина на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта 1939 года в Ленинграде выступил А.А. Жданов³, критика которого политики Запада, получившая огласку на съезде, была доведена до логического конца. Один из самых близких Сталину деятелей был откровенен: «здесь партийная конференция, стесняться нечего».

Мировая обстановка, говорил докладчик, складывается так, что фашистская агрессия «направлена главным образом против Англии и Франции». Хотя Англии «очень хотелось бы уравновесить положение таким образом, чтобы Гитлер развязал войну с Советским Союзом. Но Гитлер понимает по-своему и считает, что дол-

¹ Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939—1945. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 32.

² Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 86. См. также: Вишневский В. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939—1941 годов. // М. 1995. № 5. С. 104—105, 107—109.

³ РГАСПИ. Ф. 77, оп. 1, д. 714, л. 33—54. Далее ссылки на отдельные листы не приводятся. Стиль документа сохранен. (*Курсив мой.* — Авт.)

жен развязать войну там, где слабее. И так как видит, что слабее на Западе, он туда и прет, вместе с Муссолини». Слушатели-партийцы аплодировали, смеялись.

«Товарищи. — продолжил А.А. Жданов. — под маской миролюбия, под маской коллективной безопасности Англия стравливает одну державу с другой, не прочь втравить и войну с нами организовать, используя в этом отношении действия, тактику, старые традиции буржуазных политиков — чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». Но эта политика рассчитана на людей наивных. Что касается Советского Союза, то «у нас даже пионеры могут разгадать это дело, уж очень грубовато это дело».

Раз все так очевидно для сталинского руководства, которое «обмануть трудно», то и советская внешняя политика уже вполне определилась: «...Будем копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом». Встречено было аплодисментами.

Израильский историк (впрочем, как и другие критики «Ледокола») игнорирует факты и документы, характеризующие глубинный сталинский замысел воспользоваться агрессией нацистской Германии против Англии и Франции, чтобы добиться их ослабления. Тем более что в этой идее, верно схваченной В. Суворовым, — использовать Германию, революционную ли, нацистскую ли, как таран против капитализма в Европе, — нет ничего нового. Напомним, что стратегия Коминтерна, направляемая Кремлем, строилась на том, чтобы инициировать пролетарскую революцию в Германии и тем самым пробить решающую брешь в системе капитализма¹.

С приходом Гитлера к власти в Германии цель распространения социализма (в его советской модели) на Европу не претерпела значительных изменений. Основным инструментом для достижения этой цели оставалась все та же Германия, теперь уже нацистская, что

¹ См.: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.

сулило новые возможности. Ибо нацистское движение, считал Сталин, было естественной реакцией на несправедливости Версаля. Такой Германией, следовательно, удастся манипулировать. Иначе трудно расценивать эйфорию, охватившую товарища Сталина после подписания советско-германского пакта о ненападении: «Ну, кто кого обманет? Мы обманем Гитлера!»¹.

Пользуясь обстановкой «второй империалистической войны», Кремль активизировал давние экспансионистские планы. Интересно, как бы Г. Городецкий прокомментировал откровения члена президиума и секретариата Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильского, которого называли «рукой Сталина» в этой международной коммунистической организации. Уже летом 1939 года, еще до начала мировой войны, судьба Польши, по его мнению, была предрешена. Выступая в закрытой аудитории, он прогнозировал: «Если бы вместо СССР была бы старая царская Россия, мы могли бы сказать, что в случае конфликта, по существу, произошел бы новый раздел Польши». Но и от России советской Польша не ждет ничего лучшего: «боится, что если она свяжет свою судьбу с нами, то из этого выйдет социализм на ее территории (смех)»².

Под этим же классовым углом зрения — как расширение сферы социализма — оправдывал В.М. Молотов советские захваты в Восточной Европе во исполнение советско-германской договоренности по секретному протоколу³.

Надо полагать, что Г. Городецкий в курсе оценок советской внешней политики, зафиксированных в документах своего времени⁴. Но он предпочитает не останавли-

¹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. // «Вопросы истории». 1990. № 8. С. 60.

² Стенограмма доклада тов. Мануильского о международном положении. 14 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 92. Л. 16.

³ Внешняя политика Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров и Народного комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // «Правда», 2 августа 1940 г.

⁴ По утверждению критика В. Суворова, он изучил, помимо архивных документов, «также широкий круг опубликованных документальных материалов». // Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 27.

ливаться на них, не опирается на них для анализа описываемых событий. Налицо — в который раз — фактический отказ от продекларированного им же принципа видеть события прошлого «именно такими, какими они были» и «не судить о них с позиций сегодняшнего дня».

Другими словами, если исходить из заинтересованности Советского Союза в том, чтобы его многочисленные капиталистические враги «лучше разодрались» (Сталин — см. ниже), то вслед за подрывом позиций классово чуждых крупнейшим государствам Европы следовало, разумеется, воспользоваться этим в своих целях. Только у Г. Городецкого эти цели сугубо оборонительные, а у В. Суворова и «других историков» — экспансионистские, классово-имперские. Различия между ними — в реконструкции хода событий в соответствии с разными представлениями о критериях объективности.

Так кто же следует логике исследовательского поиска — В. Суворов и «другие историки» или Г. Городецкий, если все исходит из установки, что руководители Советского Союза считали себя окруженными врагами? Тот, кто анализирует предвоенную сталинскую внешнюю политику с ее стратегией воспользоваться «империалистическими противоречиями» в стане врагов социализма, чтобы, столкнув их друг с другом, прорвать «враждебное капиталистическое окружение» и получить другие преимущества? Или тот, кто, не заботясь о должной интерпретации «действительных событий», желает прослыть первооткрывателем более чем сомнительной исторической истины в духе и стиле сталинских «Фальсификаторов истории»?

4. «Оценка» советской внешней политики

Как уже подчеркивалось, Г. Городецкий избегает более или менее внятного изложения событий преддверия мировой войны, чтобы не считаться с совокупностью обстоятельств перехода, пользуясь сталинскими определениями, от «второй империалистической войны» к

«войне всеобщей, мировой». И, по логике вещей, задаться вопросом, какое преломление это сталинское представление о развитии международных отношений нашло во внешней политике Советского Союза. То есть попытаться выявить, какова была роль товарища Сталина в развязывании Второй мировой войны, ставшей точкой отсчета всех последующих судьбоносных перемен и в Европе, и за ее пределами. Но автора «Мифа «Ледокола», увлеченного своими странностями, мало интересует проблема взаимосвязи сталинской внешней политики и начала мировой войны. О чем говорит его более чем скромное внимание к такому знаковому для всеобщего мира и для самого Советского Союза событию, каким был доклад Сталина на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта 1939 г.

Между тем доклад Сталина на партийном съезде — единственное его *публичное* выступление за все месяцы, предшествовавшие мировой войне. Естественно, что историки уделяют этому выступлению то внимание, которого оно заслуживает. Г. Городецкий же посвящает сталинскому докладу всего один абзац:

«Большинство историков считают водоразделом оценку Сталиным советской внешней политики на XVIII съезде партии 10 марта 1939 года. При этом часто ссылаются на знаменитое предостережение Сталина *в адрес западных демократий*, что он не собирается «таскать для них из огня каштаны». Под влиянием происшедших затем событий *историки* усматривают в этом решении Сталина пойти на сближение с нацистской Германией. Однако (?) достаточно даже поверхностного ознакомления с полным текстом выступления Сталина, чтобы стало ясно, что антинацистская направленность его очень сильна. *Если бы Суворов ознакомился с этим выступлением*, он бы заметил, что Сталин отказался от ленинской идеи революционной войны и предупредил, что война представляет собой угрозу для всех. Кроме того (?), отказ Гитлера от Мюнхенских соглашений, вызвавшийся в аннексии оставшейся части Чехословакии неделю спустя, породил надежды на возрождение идеи коллективной безопасности. Действия

Гитлера были осуждены — во всяком случае, публично — Чемберленом, и противники умиротворения укрепили свои позиции. Именно на этом фоне Советское правительство выступило с предложением о заключении военного соглашения с Англией и Францией» (с. 50—51. *Курсив мой*).

По-своему — не так, как «большинство историков», — трактуя сталинское выступление, Г. Городецкий напрямую связывает его с набором чудных умозаключений. По его мнению, историки недооценивают «антинацистскую направленность» выступления, а на их вывод о том, что своим выступлением Сталин открыл путь к сближению с Германией, повлияли события, не связанные с международными последствиями выступления. И якобы в докладе был озвучен отказ от классово-стратегии в международных отношениях, что подготовило почву для возобновления попыток добиться коллективной безопасности с участием стран Запада. Любой, читавший доклад, скажет, что ничего подобного в его тексте нельзя обнаружить.

Попутно заметим еще раз: «невежество» В. Суворова, в данном случае в интерпретации доклада Сталина, разделяют «большинство историков», а то и все историки, *исключая* самого Г. Городецкого. Однако попробуем разобраться с обоснованием автором «Мифа «Ледокола» его несогласия с выводом «большинства историков» о том, что выступление Сталина на партийном съезде явилось «водоразделом» для предвоенной советской внешней политики.

Возьмем вопрос о мнимой «антинацистской направленности» доклада. Так представить дело можно только в том случае, если не считаться с прогерманскими акцентами выступления, привлечшими внимание «других историков».

С высказыванием Сталина о том, что Германия — страна, «*серьезно пострадавшая* в результате Первой мировой войны и версальского мира»¹ (подтверждение

¹ Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 11 (курсив мой. — Авт.).

распространенного мнения о том, что Сталин рассматривал нацистское движение как главным образом реваншистское). С его заявлением о том, что западным странам так и не удалось «поднять ярость Советского Союза против Германии (в связи с пропагандистской шумихой в иностранной печати вокруг Карпатской Украины. — Д.Н.), отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией *без видимых на то оснований*»¹. Еще с одним заявлением о том, что «немцам отдали районы Чехословакии (имеются в виду Чешские Судеты. — Д.Н.), как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, *а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их* (страны Запада. — Д.Н.) *куда-то подальше*»².

Анализ международного положения Сталин завершил перечнем принципов своей внешней политики. Главные из них: «Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами... поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны... не попытаются нарушить прямо или косвенно интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства». Это — в адрес нацистской Германии, от которой только и могла исходить угроза советским границам. Их дополнили слова, послужившие основанием для характеристики выступления Сталина за рубежом как «речи о жареных каштанах»: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»³. А это — в адрес стран Запада.

Думается, Г. Городецкий сознательно отказался от разбора текста доклада Сталина с его положениями, позволяющими предметно судить о международной стратегии советского руководства. Остановись он, скажем, на сталинском положении об отсутствии для вооруженного конфликта с Германией «видимых на то основа-

¹ Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 13 (курсив мой. — Авт.).

² Там же. С. 14 (курсив мой. — Авт.).

³ Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 15.

ний», пришлось бы задаться вопросами, требующими ответов.

К примеру, какие основания были для такого утверждения, то есть углубиться в прошлое советско-германских отношений и в сталинские представления о нацизме. Задаться вопросом и о том, какая связь существовала между этим утверждением и его же, Сталина, критикой политики стран Запада. Также попытаться сопоставить заявление об отсутствии оснований для советско-германского вооруженного конфликта, сделанное накануне оккупации Чехословакии с трибуны партийного съезда, с официальным протестом, выраженным по дипломатической линии 18 марта М.М. Литвиновым¹ (которому, кстати, не было дано слово для выступления на партийном съезде), и спросить самого себя: какое из этих «действительных событий» имело большее значение? Словом, последовать своему призыву попытаться «понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня».

Посмотрим, как оценивали выступление Сталина современники — иностранные дипломаты в Москве, донесения которых своим правительствам, надо думать, более важны для уяснения политики тогдашних мировых лидеров, чем то, как в наши дни это выступление представляется историку.

Иностранцами дипломатами, аккредитованными в советской столице, речь Сталина на партийном съезде была воспринята однозначно — как прогерманская и антизападная. Посол Германии Ф. Шуленбург в донесении в Берлин обращал внимание на то, что «сталинская ирония и критика в значительно более острой форме была направлена против Британии, т.е. против находящихся там у власти реакционных сил, чем против так называемых агрессивных стран, в частности Германии»². Временный поверенный в делах США в

¹ Нота народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу. 18 марта 1939 г. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 202—204.

² Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. Series D (1937—1945). Vol. 6. P. 1.

СССР А. Керк сопоставил высказывание Сталина о стремлении Запада спровоцировать советско-германский конфликт «без видимых на то оснований» со сформулированной им задачей «не дать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны». И заключил: «судя по словам Сталина, публично провозглашено, что если Германия не станет непосредственно угрожать советским границам, то она может рассчитывать на советский нейтралитет в случае войны против западных держав»¹. С этим был согласен и английский посол У. Сидс. обстоятельное донесение в Лондон посол завершил рекомендацией тем «наивным людям» в Англии, кто полагает, что Советский Союз только и ждет приглашения, чтобы присоединиться к западным демократиям, поразмыслить над поставленной Сталиным задачей «соблюдать осторожность и не давать втянуть себя в конфликты провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»².

Советские заявления были в том же антизападном и прогерманском русле. На позднем ужине в Кремле в узком составе, которым завершилось подписание советско-германского пакта 23 августа 1939 года, В.М. Молотов, согласно немецкой записи переговоров, «поднял бокал за Сталина, отметив, что именно Сталин своей речью в марте этого года, которую в Германии правильно поняли, *полностью изменил* политические отношения между двумя странами»³. Спустя неделю, выступая на внеочередной сессии Верховного Совета СССР с предложением о ратификации пакта, Молотов повторил: «Теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого прак-

¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933—1939. Washington, 1952. P. 748—749.

² Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. 3rd Ser. Vol. 1—9. London, 1949—1955. Vol. 4. P. 419. Далее — DBFP.

³ Запись беседы имперского министра иностранных дел со Сталиным и Молотовым. Государственная тайна. Канцелярия Имперского Министра иностранных дел, 24 августа 1939 г. // СССР — Германия. В 2-х книгах. Vilnius, 1989. Т. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 69.

тические выводы»¹. По его словам, «Советское правительство и раньше считало желательным сделать дальнейший шаг в улучшении политических отношений с Германией...»²

О реакции в Берлине на сталинскую речь можно прочитать в предсмертных воспоминаниях министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, который «ознакомил» Гитлера с речью «и настоятельно просил» полномочий «для требующихся шагов». Но сначала Гитлер занял выжидательную позицию и колебался³. Хотя, как теперь известно из документальных публикаций, объясняя германскому военному руководству свое решение заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, Гитлер говорил, что еще осенью 1938 года, не будучи уверен в безусловной поддержке своих планов Италией и Японией, он решил «быть заодно со Сталиным»⁴. Есть над чем задуматься, не правда ли? Над тем, скажем, что давало основания Гитлеру рассчитывать на договоренности со Сталиным.

Теперь относительно того, что будто на партийном съезде Сталин провозгласил отказ от революционной борьбы и вообще от наступления на позиции мирового капитализма. Хотя «вторая империалистическая война», грозившая перерасти в «войну всеобщую, мировую», создавала определенные возможности для прорыва «враждебного капиталистического окружения». В то время, по воспоминаниям Н.С. Хрущева, Сталин готовил партработников к «большой войне» СССР с его врагами, которая «неумолимо надвигалась»⁵. Кому мало этого свидетельства представителя партийной верхушки,

¹ Речь председателя Совета народных комиссаров, Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР. 31 августа 1939 г. // Год кризиса. Т. 2. С. 348.

² Там же. С. 350 (курсив мой. — Авт.).

³ *Риббентроп И.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. Из наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. М., 1996. С. 134.

⁴ DBFP. Vol. 7. P. 257—258.

⁵ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. // «Вопросы истории». 1990. №7. С. 75, 80.

нужно обратиться к свидетельству самого товарища Сталина.

В сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)», никак не заинтересовавшем Г. Городецкого, подчеркивается именно военная сторона дела: поскольку «вторая империалистическая война» представляла опасность «прежде всего» для СССР, ответом стало «дальнейшее усиление обороноспособности наших границ и боевой готовности Красной Армии и Красного Флота»¹.

Дальше — больше. В этой книге (увидевшей свет в сентябре 1938 года) в разделе «Теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и революции» говорилось о том, что в годы Первой мировой войны «большевики не были против *всякой* войны». Они признавали законность войн справедливых, относя к таким войнам не только «защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения», но и «освобождение народа от рабства капитализма», а также «освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов»². Но не потеряли ли эти положения актуальности в новых условиях «второй империалистической войны»? Нисколько, о чем можно судить по многим «действительным событиям».

Возьмем доклад на XVIII съезде ВКП (б) Д.З. Мануильского, который, наряду с отчетным докладом Сталина, стал для заграницы ориентиром для выводов о курсе советской внешней политики. Выступая от имени делегации ВКП (б) в Коминтерне, он заявил, что «указания «Краткого курса» о справедливых и несправедливых войнах — *четкая марксистско-ленинская линия в связи с империалистической войной*»³. Но партийные документы практически остались вне исследовательского интереса Г. Городецкого.

Не обратил внимания израильский историк и на По-

¹ Краткий курс истории ВКП (б). С. 320.

² Там же. С. 161 (*курсив источника*).

³ Доклад делегации ВКП (б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП (б). Докладчик т. Мануильский. // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. С. 59 (*курсив мой. — Авт.*).

становление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 года, принятое по случаю публикации учебника по истории партии. В нем решительно отвергались «извращения марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков, как на своего рода «пацифистов»¹.

Это положение Постановления ЦК, проект которого был «исправлен» Сталиным², в обнаженном виде было прокомментировано им же в выступлении на закрытом совещании по вопросам пропаганды в ЦК 1 октября 1938 года. Товарищ Сталин высмеял представление о большевиках как о людях, которые «вздыхают о мире и потом начинают браться за оружие только в том случае, если на них нападают. Неверно это». А что верно? А то, что «бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют, сами начнут нападать». Далее еще конкретнее, еще яснее: «Они (большевики. — Д.Н.) вовсе не против наступления, не против всякой войны. То, что мы кричим об обороне, — это вуаль, вуаль. Все государства маскируются: «с волками живешь, по-волчьи приходится вить». Ответом партийной аудитории был дружный смех. И в завершение пассажа: «Глупо было бы свое нутро выворачивать и на стол выложить. Сказали бы, дураки»³.

Для Г. Городецкого подобные откровения Сталина из разряда свидетельств, которыми можно пренебречь. «Другие историки» не считают себя вправе следовать приему умолчания.

¹ Постановление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» // «Правда», 15 ноября 1938 г.

² Постановление ЦК ВКП (б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)». 14 ноября 1938 г. // Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). 1923—1938 гг. В 3-х томах. Том 3. 1928—1938 гг. М., 2007. С. 756.

³ И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП (б)». Стенограмма выступления И.В. Сталина на совещании пропагандистов. 1 октября 1938 г. // «Исторический архив». 1994, № 5. С. 5—29.

Как же выполнялись указания советского вождя о преодолении неправильного взгляда на большевиков «как на своего рода пацифистов», об агитационно-пропагандистской подготовке к «справедливой войне»?

Остановимся на статье «Международная обстановка второй империалистической войны», появившейся в номере журнала «Большевик» за февраль 1939 г. Она была написана заместителем народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкиным (под псевдонимом В. Гальянов), как можно предположить, по заданию Сталина¹.

Автор статьи отталкивался от основной сталинской установки — «идет вторая империалистическая война»². При самом внимательном чтении в ней невозможно обнаружить даже чисто словесных заявлений о необходимости остановить войну, предотвратить ее разрастание. Наоборот, в статье приветствовалось конфликтное развитие событий, ибо, говорилось в ней, «человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию»³. Пропаганда мира и коллективной безопасности уступила место марксистскому просвещению людей «с обывательским кругозором», надеявшихся, что «все устроится, все обойдется». Подобным рассуждениям противопоставлялась позиция «сознательной части человечества», заявленная в словах о том, что «для учеников Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина вторая империалистическая война представляет собой *важнейшее* явление жизни людей»⁴. И завершалась статья на той же высокой антикапиталистической ноте. Находясь «между двумя жерновами»: Советским Союзом, «грозно поднявшимся во весь испо-

¹ См.: Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 360. После партийного съезда эта же статья вышла в серии «В помощь пропагандисту», открывая брошюру «Материалы к изучению доклада товарища Сталина на XVIII съезде ВКП (б)» (Новосибирск. 1939).

² Гальянов В. Международная обстановка Второй мировой войны. // «Большевик». 1939. № 4. С. 49.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 50 (курсив мой. — Авт.).

линский рост», и «несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей сму на помощь. — в прах и пыль обращены будут последние остатки капиталистической системы»¹.

В.П. Потемкина вдохновляла уверенность, что Советский Союз — «сильнейшая в мире военная держава», а потому без него «неразрешим ни один общий внешнеполитический вопрос, не мыслимо ни одно серьезное начинание в области международной жизни»². Не преувеличение ли это — что Советский Союз был сильнейшей военной державой? Нет, не преувеличение. В. Суворов в «Ледоколе» приводит на этот счет достаточно доказательств.

Любопытно, что уверенность в военных возможностях Советского Союза подкреплялась верой в революционный потенциал международного пролетариата. Вот что писал по этому поводу Д.М. Проэктор: «Идея неизбежности революции в капиталистических странах в случае агрессии против Советского Союза глубоко вошла в сознание Сталина и его окружения. Они отражались в той или иной мере и в политике, и в военной теории, и в военной доктрине, и даже в планах будущей войны»³.

Материалы бывшего партийного архива (ныне РГАСПИ) говорят: да, таковы были в Советском Союзе «настроения людей того времени».

В докладе Д.З. Мануильского на международные темы (с грифом «инструктивного»), с которым он выступил в середине июля 1939 года, рисовалась радужная картина растущего мирового антифашистского движения, распространявшегося и на страны-агрессоры. Вот несколько мест из его выступления:

«Я утверждаю, что несколько времени тому назад в одной венской казарме появился портрет, повешенный

¹ Гольянов В. Международная обстановка Второй мировой войны. // «Большевик». 1939, № 4. С. 65.

² Там же. С. 65.

³ Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 89.

солдатами, товарища Сталина (бурные аплодисменты. Крики «ура». Все встают)»¹.

«Я утверждаю... что в германской армии имеются такие части, которые находятся под влиянием коммунистов. А в Чехословакии рабочие вместе с немецкими солдатами пели «Интернационал». Комментарий докладчика: «Я скажу откровенно — незавидно положение фюрера, у которого солдаты поют Интернационал... немецкий народ ждет поражения германского фашизма»².

Такие взгляды — с одной стороны, мы «самая сильная военная держава», с другой — антифашистское движение разлилось по миру так, что приводит к разложению армий враждебных государств, имели широкое хождение. И неудивительно, поскольку они не только разделялись в Кремле, а исходили оттуда, от сталинского руководства.

На военно-патриотической волне, захлестнувшей страну³, с книгой «Первый удар. Повесть о будущей войне» выступил Н. Шпанов (писатель, получивший позднее скандальную известность романом «Поджигатели»). Первоначально книга была отклонена Главлитом (цензурой) как «беспомощная» в художественном отношении⁴. Беда была не в бездарности этой повести, вспоминал писатель К. Симонов, а в том, что она была издана «полумиллионным тиражом и *твердой рукой подержана сверху*»⁵. Надо ли говорить, чья это была «твердая рука»?

Повесть живописала о начале победоносной для СССР войны против Германии. Страшен для врага «первый удар» — ответный, уже к исходу первого часа войны, удар сотнями новейших скоростных советских

¹ Стенограмма доклада тов. Мануильского о международном положении. 14 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 523, оп. 1 д. 92, л. 20.

² Там же. Л. 20—20 об., 21.

³ См. подробнее: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997.

⁴ Главлит — переписка с ЦК ВКП (б) по цензурным вопросам. 4 января — 14 июля 1938 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425с, оп. 1, д. 6, л. 33.

⁵ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 291 (курсив мой. — *Авт.*).

бомбардировщиков по немецким тыловым военно-промышленным объектам. Рабочие-антифашисты помогают советской воздушной армии, подавая световые сигналы. При вступлении на территорию врага советских армий «во взбудораженной, вздыбленной Европе» приходят в движение антифашистские массы. Описаны «волнующие сцены» актов пролетарских братаний. В журнале «Большевик» писатель Вс. Вишневский завершил свою рецензию на повесть так: «Она увлекательно (!) говорит о том, какой будет справедливая война советского народа против агрессоров, — война, смертельная для врагов социализма»¹. Чем не предтеча версии «Ледокола» о сталинской подготовке к наступательной войне против капиталистов всего мира?!

Показательно, что антикапиталистический по духу и букве доклад Сталина на партийном съезде, завершившийся провозглашенной готовностью «ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ»², вдохновил делегатов на воинственные выступления³. Однако Г. Городецкий проигнорировал не только сам доклад Сталина на XVIII съезде ВКП (б), но и другие материалы съезда, составившие объемистый том стенографической записи. Иначе он (предположим с сомнениями, учитывая предназначение «Мифа «Ледокола») не был бы так уверен в своем открытии об отсутствии у товарища Сталина геополитических планов.

Чтобы удостовериться в том, что Сталин намеревался воспользоваться взаимным ослаблением капиталистических врагов, достаточно было прочитать первый, международный раздел его доклада на съезде. Благо это немного чтения, страницы с 9-й по 15-ю стенографического отчета⁴. В этом случае он, возможно, засо-

¹ Вишневский Вс. Книга о будущей войне. Ник. Шпанов. «Первый удар. Повесть о будущей войне». М., Воспиздат, 1939. 134 с. // «Большевик» 1939. № 11—12. С. 119—123.

² Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 15.

³ См.: Гогун А. Съезд воиствующих. // Правда Виктора Суворова — 2. Восстанавливая историю Второй мировой. М., 2007. С. 23—32.

⁴ I. Международное положение Советского Союза. // Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 9—15.

мневался в том, что у Сталина не было «замыслов» (не тайных, а достаточно прозрачных) воспользоваться «второй империалистической войной» в своих целях. Иметсяя в виду то место раздела доклада, где Сталин объясняет «систематические уступки» агрессорам со стороны стран Запада, которые, «взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении». Одно объяснение — в их чувстве «боязни перед революцией» в случае одной мировой империалистической войны, которая, по опыту Первой мировой войны, «может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах».

Однако главную причину отказа стран Запада от политики коллективной безопасности Сталин видел в том, что они своей политикой невмешательства и нейтралитета провоцируют мировую войну, чтобы затем «продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия», подытожив — «И дешево, и мило!»¹ При этом он сделал акцент на стремлении «provokatorov войны» на Западе столкнуть друг с другом СССР и Германию «без видимых на то оснований». В условиях «новой империалистической войны», то есть вооруженного конфликта внутри «враждебного капиталистического окружения», как раз у сталинского Советского Союза появилась возможность воспользоваться «золотым правилом» дипломатии — оставаться до поры до времени в стороне, пока его многочисленные враги разбираются между собой, ослабляя друг друга. Чтобы было «и дешево, и мило!»

Так кто же прав в оценке доклада Сталина на партийном съезде:

В. Суворов и «другие историки», рассматривающие это выступление как переломный момент в советской внешней политике, или Г. Городецкий с отрицанием этого, причем не утраждающий себя доказательствами?

¹ Там же. С. 13.

5. «Лишь договор о нейтралитете»

Не меньше вопросов вызывает интерпретация Г. Городецким исторического значения советско-германского пакта о ненападении и его последствий.

Читаем на странице 45-й «Мифа «Ледокола»:

«Поздно ночью 23 августа 1939 года в Кремле советский комиссар Вячеслав Молотов подписал с германским министром иностранных дел Иоахимом Риббентропом пакт о ненападении. *Хотя это был лишь договор о нейтралитете, он, как правило, рассматривается историками как наиболее очевидная, непосредственная причина Второй мировой войны.* Это событие привело к военным действиям и потому заслуживает внимательного рассмотрения. До какой степени разделяет Советский Союз с нацистской Германией вину за возникновение войны? *Некоторые историки идут в своих аргументах дальше. Они уделяют первостепенное внимание подписанным месяц спустя совершенно секретным протоколам, разделившим Восточную Европу на сферы влияния. Именно секретные протоколы, утверждают они, а не пакт о ненападении, отражают истинные цели советской внешней политики. Договор заложил основы прочного союза между Германией и Советским Союзом.* Тут же дежурная ссылка на В. Суворова, который, мол, «в своих аргументах заходит еще дальше», связывая заключение пакта с давними намерениями Сталина, развязав мировую войну, создать «благоприятные условия» для достижения внешнеполитических целей.

Упоминание имени В. Суворова (как и в предыдущих случаях) само по себе, полагает Г. Городецкий, ставит под вопрос трактовку «другими историками» причин заключения советско-германского пакта и его последствий, как бы освобождая от обязанности что-либо особо доказывать. Все-таки остановимся на умозаключениях автора, выделенных мною курсивом.

Что значит «хотя это был лишь договор о нейтралитете», но историки, «как правило», считают договор

«наиболее очевидной, непосредственной причиной Второй мировой войны»? «Как правило» — значит, опять-таки большинство историков. Следовательно, Г. Городецкий (еще и еще раз) не разделяет точку зрения не только «невещественного» В. Суворова, но и «других историков».

Разумеется, советско-германский пакт отнюдь не был «лишь договором о нейтралитете», как он упорно именуется в «Мифе «Ледокола». Здесь автор то ли подправляет, то ли развивает «Фальсификаторов истории», где пакт называется так, каким он и был — пактом о ненападении. И не только формально — по названию. Никакого упоминания нейтралитета нет и в самом тексте соглашения. Главным в нем было обязательство сторон *ни при каких обстоятельствах* не выступать друг против друга, если одна из них «окажется объектом военных действий со стороны третьей державы» (статьи I и II). Обычно в соглашения о нейтралитете включался пункт, освобождавший одну из сторон от обязательств, если другая сторона сама совершит акт неспровоцированной агрессии. Однако такого пункта в советско-германском пакте как раз и не было. Классический случай подготовки к агрессии, о чем в свое время предупреждал М.М. Литвинов, оказавшийся негодным Сталину с ускорением его курса на сближение с Гитлером: «Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третьи государства»¹.

Немедленное вступление пакта в силу, еще до ратификации, говорило о том, что все готово для нападения на уже намеченную жертву. Несколько дней спустя,

1 сентября 1939 г., Гитлер напал на Польшу, а 17 сентября, о чем было договорено при заключении пакта, Красная Армия вторглась в Польшу с востока. В совместном коммюнике о задачах советских и германских

¹ Речь Председателя советской делегации М.М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги Наций. Женева, 14 сентября 1935 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1957 — Т. 18. С. 510—511.

войск в Польше говорилось, что их действия соответствуют «духу и букве пакта о ненападении»¹. *О ненападении, а не о нейтралитете.*

Нужны еще доказательства, почему историки, «как правило», рассматривают советско-германский пакт в том качестве, каковым он и был, — как самую непосредственную причину возникновения (не подготовки — она началась задолго до заключения пакта) Второй мировой войны?!

Привлечу внимание читателей к переговорам в Кремле, приведшим к подписанию пакта. Существует немецкая запись переговоров, из которой видно, что участники переговоров — И.В. Сталин, В.М. Молотов, И. Риббентроп говорили не о сохранении всеобщего мира, а оценивали соотношение сил участников назревшего вооруженного конфликта: Германии и ее противников — Англии и Франции. Люди, замыслившие сговор, были единодушны насчет предназначения пакта. При этом Сталин не скрывал своего предпочтения, отданного Германии².

При анализе историко-международного значения пакта следовало бы отталкиваться от определения В.М. Молотовым пакта как «поворотного пункта в истории Европы, да и не только Европы»³. Определения однозначного, указывающего на далеко идущие намерения сторон пакта, вошедших в отношения, по оценке «других историков», *стратегического партнерства*. Но Г. Городецкому приходится, чтобы не подрывать свою историческую конструкцию, снова отмежевываться от «других историков». Поэтому слова В.М. Молотова (как и ряд красноречивых фактов советско-германского

¹ Германско-советское коммюнике. 18 сентября 1939 г. // Там же. Т. 22. Кн. 2. С. 98.

² Запись беседы Имперского министра иностранных дел со Сталиным и Молотовым. Государственная тайна. Канцелярия Имперского министра иностранных дел. 24 августа 1939 г. // СССР — Германия. 1939—1941. В 2-х книгах. Vilnius, 1989. Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 65 — 69.

³ Речь председателя Совета народных комиссаров, народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР. 31 августа 1939 г. // Год кризиса. Т. 2. С. 350.

сотрудничества, включая совместный раздел Польши), пишет он, «не следует принимать за чистую монету» (с. 74). Почему не следует? Разве сталинское руководство, общее мнение которого отражено в молотовском определении, не ведало, что творило? Объяснение израильского историка замечательно просто: «эти эпизоды (как бы мелкие, незначительные события. — Д.Н.) отражают сложности, с которыми столкнулись русские после заключения пакта» (там же). «Другие историки», наоборот, на основании тех же фактов пришли к выводу, что советско-германским пактом, как до этого XVIII съездом ВКП (б), был запущен событийный ряд, зримо ускоривший драматическую развязку мировых противоречий.

Если оценка В.М. Молотовым значения советско-германского пакта лишена содержательности, как быть с его же заявлением о взаимных геополитических выгодах, которые получили стороны благодаря военно-политическому сотрудничеству? С его заявлением о том, что заключение пакта «устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы и, вместе с тем, обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке»?¹ Это — о территориальном расширении Советского Союза за счет его малых восточноевропейских соседей и победах немецкой армии в Западной Европе.

В подготовленном в мае 1941 года в ЦК ВКП (б) документе «О текущих задачах пропаганды» в качестве одной из двух причин немецких успехов в войне против Франции и Англии — после фактора военного превосходства Германии — называлось то, что, готовясь к войне, она постаралась установить «дружественные отношения с СССР». Потерпевшая же поражение Франция, наоборот, проявила, как и Англия, «легкомыслен-

¹Внешняя политика СССР. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // «Правда». 2 августа 1940 г.

нос отношение к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза»¹.

Не много ли официальных заявлений, которые «не следует принимать за чистую монету»? Разве начавшийся «сталинский натиск на Европу»², капитуляция Франции (по оценке английского историка Рейнольдса, повлиявшая на ситуацию во всем мире)³, ликвидация независимости многих малых европейских государств — эти «действительные события» 1939—1940 годов не привели к *крутым геополитическим сдвигам* на континенте?

Г. Городецкий убеждает читателя не доверять не только тому, что говорил глава советского правительства В.М. Молотов, но и товарищу Сталину. Он пишет: «Было бы ошибкой *принимать за чистую монету* собственное объяснение Сталина, что, подписывая пакт, он знал, что ему придется воевать с Германией, и он стремился лишь к передышке» (с. 61. *Курсив мой.*). А несколькими строками выше говорится прямо противоположное — что пакт «отразил относительную слабость России и *прекрасное понимание* того, что рано или поздно России придется встретиться с Германией на поле боя» (там же. *Курсив мой.*).

Отказ Г. Городецким признать значимость обобщающих самооценок советской политики сталинским руководством, объявив их не заслуживающими того, чтобы принимать за «чистую монету» (этими двумя примерами дело не ограничивается — см. ниже), вынуждает коснуться и других его исследовательских приемов такого же свойства. Так, слова Сталина о том, что «действия Красной Армии — также дело мировой революции», объявляются им «неудачным заявлением» (с. 78).

¹ О текущих задачах пропаганды (с замечаниями А.А.Жданова). // ИГАСПИ. Ф. 77, оп. 4, д. 13, л. 164—165, 167.

² См.: Raak R.C. Stalin's Drive to the West. 1938—1945. The Origins of the Cold War. Stanford (Cal.), 1995.

³ См. Рейнольдс Д. 1940 год и его место в истории XX века. // XX век: Основные проблемы и тенденции международных отношений. По материалам международной конференции 21—23 ноября 1989 г. Москва. М., 1992. С. 49—95.

Еще больше примеров, когда израильский историк отвергает важные положения на том основании, что, мол, это всего лишь словесная дань идеологии.

Странные умозаключения Г. Городецкого ставят читателя его книги перед дилеммой. Чему верить: нынешним представлениям автора о событиях того времени или тому, как воспринимали эти события мировые лидеры, в соответствии с которыми они строили свою политику? Читатель был бы избавлен от такого выбора, следуй автор «Мифа «Ледокола» своему призыву «попытаться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня». Действительно, как иначе подходить к историческим событиям?!

Далее — не меньшая странность. Вступаясь за предвоенную сталинскую внешнюю политику, Г. Городецкий пишет, что напрасно историки «уделяют первостепенное внимание подписанным месяц спустя совершенно секретным протоколам», используя их для выявления истинных целей советской политики (см. курсив в вышеприведенной цитате из «Мифа «Ледокола»). Почему напрасно? А потому, аргументирует он, что секретные протоколы были подписаны месяц спустя, а не сразу, не вместе с пактом. Следовательно, секретные протоколы не имели того значения, которое им придают «другие историки». Дело доходит до того, что на последующих страницах он спорит сам с собой, доказывая существование связи пакта с секретными протоколами (с. 45—46). В свете того, что уже говорилось о приемах, используемых израильским историком в подкрепление странностей «Мифа «Ледокола», его трудно заподозрить в невнимательности при чтении документальных изданий с текстом пакта. Он не мог не знать, что вместе с пактом в ночь с 23 на 24 августа 1939 года был подписан и приложенный к нему секретный дополнительный протокол — *первый и основной* из общего числа шести секретных протоколов, принятых сторонами в 1939—1941 годах. *Принятых на протяжении нескольких лет, а не за один месяц.* Оба документа, пакт и секретный протокол, по которому стороны «обсудили в строго

конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», в соответствующих дипломатических публикациях следуют один за другим, на соседствующих страницах¹. Согласитесь, все это более чем странно.

Наконец, неужели Г. Городецкому неизвестно, что не сам пакт, а дополняющий его секретный протокол о разделе Восточной Европы и стал главным предметом переговоров в Кремле? Читаем примечание к секретному протоколу, опубликованному в 22-м томе «Документов внешней политики СССР». Оговорка об отсутствии записи хода переговоров в Кремле (на самом деле существует упомянутая выше немецкая запись переговоров; думается, есть и советская запись переговоров, только запрятана далеко) сопровождается примечанием составителей тома о том, что Сталин счел необходимым начать встречу с И. Риббентропом 23 августа именно с вопроса о разграничении «сфер интересов»². В своем последнем слове на Нюрнбергском процессе И. Риббентроп говорил, что, когда он прислал в Москву для заключения пакта, Сталин «дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны, еще без Литвы с портом Либава, то я могу сразу же вылететь обратно»³. Что и было зафиксировано в секретном протоколе.

Кстати, этот важнейший том (в двух книгах) широко известной серии «Документы внешней политики СССР», посвященный 1939 году, не нашел никакого отражения в «Мифе «Ледокола». Между тем в документах тома прослеживается встречное движение сторон к пакту, импульс которому придало требование В.М. Молотова подвести «соответствующую политическую базу» под

¹ См. изданный в 1992 году том 22-й, книга 1-я серии «Документы внешней политики СССР»: 484. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. [23 августа 1939 г.] — С. 630 — 632; 485. Секретный дополнительный протокол. [23 августа 1939 г.] — С. 632.

² Там же. С. 591 (примечание 178).

³ См.: Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 20 мая 1939 г. Секретно. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 386—387.

отношения между Германией и Советским Союзом. Чего он стал тут же добиваться, заменив М.М. Литвинова в НКВД СССР¹. Таковы приемы, которые использует израильский историк, чтобы избавиться от углубления в международные отношения кануна войны и избежать постановки вопроса о роли Сталина в развязывании мировой войны.

Ко всему прочему, заявляя, что секретный протокол был подписан не одновременно с пактом о ненападении, а месяц спустя, Г. Городецкий обходит застарелую проблему советской внешней политики — как сохранить тайну секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. *Полвека* советские руководители, от товарища Сталина до М.С. Горбачева, скрывали от нашей общественности тайну секретного протокола. Она продержалась так долго потому, что разглашением содержания протокола снимался вопрос о том, кто, в какой конкретный момент и с какой целью развязал мировую войну. Это объясняет и то «трогательное единство» в сохранении тайны секретного протокола, которое пронесли через всю мировую войну нацистские лидеры и сталинское руководство. Правда, интересно, что же оказалось весомее схватки смертельных врагов — Сталина и Гитлера, раз никто из них не решился обнародовать секретный протокол, обвинив во всем противную сторону?

Тот факт, что Г. Городецкий следует советской традиции сохранения тайны секретного протокола (применяя прием, до которого никто из последователей «Фальсификаторов истории» до него не додумался, — мол, пакт и секретный протокол были подписаны в разное время), не мог не сказаться на интерпретации им исторического значения пакта (и еще раз: в разительном отличии от «других историков»). Поражает и то, что, оправдывая внешнюю политику сталинского руководства, он начисто игнорирует проблему взаимосвязи по-

¹История дипломатии. Том 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939 гг.). Под ред. академика В.И. Потемкина. М.: JL, 1945. С. 679—686.

литики и морали применительно к международным отношениям 1939—1941 годов. В его узкодипломатическом повествовании все державы и их лидеры уравниваются в качестве субъектов международных отношений. У «других историков» подход совершенно иной.

Поскольку морально-нравственная сторона «действительных событий» мало интересует автора «Мифа «Ледокола», он не видит ничего плохого в факте ведения сталинским руководством в последние предвоенные месяцы переговоров одновременно и со странами демократического Запада, и с нацистской Германией. Для Г. Городецкого, развивающего свой тезис о враждебном окружении, которое «все более смыкалось вокруг Советского Союза», это — «реалистическая политика» (с. 46, 57). Другими словами, ничего иного не оставалось, как только проводить «такую политику, которая бы наилучшим образом отвечала безопасности Советского Союза» (с. 60).

Так родилось решение Сталина пойти на пакт с нацистским лидером Гитлером.

Заключительный вывод автора «Мифа «Ледокола» сводится к тому, что и в 1939 году, и в 1941 году действия Сталина объясняются «безнадежностью политических альтернатив для Советского Союза» (с. 344). Признавая, однако, что с весны 1939 года, с английских гарантий Польше, перед Советским Союзом «открывалась возможность выбора», то есть у него появилась свобода маневра, являющаяся «венцом успеха любой внешней политики» (с. 52—53). Но почему же Г. Городецкий говорит об отсутствии альтернатив для СССР? Только потому, что он так и не смог разобраться в мотивах сталинского руководства, в том, что оно руководствовалось во внешней политике *исключительно* классово-имперскими целями. В создавшихся для СССР крайне благоприятных международных условиях.

Трудно поверить, что историку с пятнадцатилетним опытом изучения международных событий того времени неизвестно, что как западные страны, демократические Англия и Франция, так и нацистская Германия придавали решающее значение тому, на чьей стороне

окажется Советский Союз в приближающемся всеобщем конфликте. Поэтому наряду с официально объявленными советско-западными переговорами шли *тайные* двусторонние советско-германские «разговоры» (В.М. Молотов) и «беседы» (И. Риббентроп).

В политико-дипломатических кругах Европы существовало убеждение, что масштабный конфликт на континенте начнется только после того, как определится с выбором Советский Союз — последняя не ангажированная великая европейская держава, могущая склонить чашу весов в ту или иную сторону. *Но никак не раньше.*

Прибегнем к свидетельству непосредственного участника предвоенных дипломатических переговоров с советской стороны с представителями и Запада, и Германии. К свидетельству В.П. Потемкина, в 1937—1940 годах первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР. Позже главного редактора третьего тома «Истории дипломатии» (первое издание), целиком посвященного дипломатической подготовке Второй мировой войны и опубликованного за три года до появления «Фальсификаторов истории». В главе по предвоенному 1939 году, а ее соавтором был В.П. Потемкин, выделен параграф «Соперничество англо-французского блока и немецко-фашистской дипломатии из-за соглашения с СССР»¹. Выходит, Советский Союз не только не был в «осаде», а находился в выигрышной позиции, когда шло *соперничество*, конкурентная борьба за то, чтобы привлечь его на свою сторону. Ибо — так начинается параграф: «для обоих лагерей *исключительное значение* приобретал вопрос, на чьей стороне в предстоящем столкновении окажется Советский Союз»². Высокопоставленный очевидец свидетельствует: сталинский Советский Союз *был хозяином положения*, выбор был за ним. И он был сделан — в пользу нацистской Германии.

А что говорят опубликованные советские и иностранные дипломатические документы? Какую из версий они подтверждают: раннюю в «Истории диплома-

¹ Там же. С. 679 (курсив мой. — *Авт.*).

² *Наджафов Д.Г.* СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938 г. — март 1939 г. // Отечественная история. 2000 № 2. С. 67—88.

тии» или позднюю в «Фальсификаторах истории», которую пытается возродить и развить Г. Городецкий своей книгой?

Мне уже приходилось доказывать, что советские руководители в послевоенной Европе вовсе не считали себя в «международной изоляции», а тем более в «осаде». Наоборот, Сталин и его окружение считали, что пришло время, когда они могут последовать примеру царской России, которая во внутрисвропейских конфликтах нередко определяла исход конфликта¹.

Г. Городецкий же, отвлекаясь от мотивов сталинского руководства, утверждает, что выбора, поддержать ли западные страны или их противника в лице Германии, Советский Союз лишила несговорчивость западных держав на трехсторонних переговорах в Москве и опасения войны с Германией в результате ее вторжения в Польшу (с. 57—59). На этих страницах, ссылаясь на секретные разведывательные данные от 7 мая и 19 июня, попавшие на стол к Сталину и якобы определившие «на ближайшие два года» его политику, израильский историк вновь навязывает читателю абсолютно бездоказательный вывод о том, что «у Сталина не было альтернативы подписанию пакта» (с. 61). Как в «Фальсификаторах истории», где подписание пакта выдается за «лучший выход из всех возможных выходов»².

Но как быть с официальными советскими заявлениями, по которым дело выглядит совершенно по-другому? Для Г. Городецкого это не проблема. Или он, как уже отмечалось, просто отмахивается от таких заявлений, предлагая не принимать их «за чистую монету». Или, как в данном случае, вновь проигнорировал заявления сталинского руководства, которое по-прежнему было уверено в том, что агрессия нацистской Германии в первую очередь направлена не против Советского Союза, а против Франции и Англии. Одно из таких заявле-

¹ Фальсификаторы истории. С. 54.

² Доклад председателя Совета народных комиссаров и Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР», 31 мая 1939 г. // Год кризиса. Т. 1. С. 524 — 525.

ний В.М. Молотов сделал в конце мая, комментируя заключение 22 мая германо-итальянского военно-политического договора. По его словам, теперь агрессорам больше не нужно прятаться за ширму борьбы с Коминтерном для отвлечения внимания. Теперь «определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран»¹. Даже по разведывательной информации от 19 июня (с. 59), о которой так высоко отзывается Г. Городецкий («выдающийся документ», «блестящая разведывательная информация»), немецкие планы в отношении Советского Союза не шли дальше его временной нейтрализации путем «второго Рапалло».

Товарищ Сталин сполна воспользовался возможностями маневрирования в открывшейся для него уникальной ситуации. Советский руководитель, якобы не имевший иного выхода, как сделать «выбор в пользу меньшего из двух зол» — то есть заключить пакт с Гитлером (с. 61), воспользовался представившейся ему возможностью, чтобы продвинуться в своих классово-имперских планах.

После начала войны Германии с Англией и Францией, выступивших в соответствии со своими обязательствами на стороне Польши, Сталин с предельной откровенностью разъяснил мотивы, по которым он заключил пакт о ненападении с Гитлером. Сделал он это 7 сентября, принимая генерального секретаря Исполкома Коммунистического интернационала Г. Димитрова, обратившегося за политическими установками для Коминтерна. В присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова, наиболее близких Сталину в то время членов Политбюро.

О сталинских инструкциях стало известно из дневника Г. Димитрова, которым пользовался и Г. Городецкий. Но поступил он с этим документом выборочно, опустив самую существенную часть, раскрывающую замысел, заложенный товарищем Сталиным в пакт с Гитлером. Конечно, после всего, что было сказано об исследовательской методике израильского историка, мало уди-

¹ Политбюро ЦК РКП (б) — ЦК ВКП (б) и Коминтерн. 1919 — 1943. Документы. М., 2004. С. 780.

вительного в том, что аналогичным способом — все способы хороши, лишь бы подкрепить свою версию событий, он обошелся и с дневником Г. Димитрова, записавшего высказывания Сталина.

Г. Городецкий дважды ссылается на дневниковые записи руководителя Коминтерна (с. 76—77).

Первый раз, приводя слова Сталина о судьбе, которая была уготовлена Польше: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным государством меньше! Что плохого было бы, если [бы] в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую] систему на новые территории и население»¹. Комментарий Г. Городецкого: «По своему обыкновению он [Сталин] откровенно защищал интересы и приоритеты Советского Союза, слегка прикрывая их идеологическим флером... Однако не следует принимать такие заявления за чистую монету». Мол, преобладали «интересы СССР, а не ленинские догмы об империалистической войне» (с. 77. *Курсив мой.*). Ну да, ведь сталинский Советский Союз уже давно отказался от наступления на позиции мирового капитализма...

Во второй раз израильский историк воспользовался сталинскими высказываниями о московских тройственных переговорах. Он приводит (не полностью) еще одно место из инструкций Сталина Коминтерну — о том, что «мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше ничего не получая». Цитирует без комментариев. А ведь есть что прокомментировать.

Казалось бы, Г. Городецкому должно было заинтересовать, чего ж добивался Сталин на переговорах с Англией и Францией, какую «плату» требовал в обмен на «батрачество». А требовал он от них того, что получил от Гитлера — контроля над западными приграничными соседями между Балтийским и Черным морями. Но

¹Беседа воспроизведена по дневниковой записи Г. Димитрова. // Политбюро ЦК РКП (б) — ЦК ВКП (б) и Коминтерн. С. 779 — 780.

Англия и Франция никак не соглашались на это, чего не мог не учитывать Сталин. Можно было бы задаться вопросом, почему, даже воюя в составе антигитлеровской коалиции, западные союзники так и не признали право Советского Союза на три Прибалтийские государства. Не сделали они этого и по окончании войны. Можно было задаться еще одним вопросом: не хотел ли Сталин, выдвигая такие территориальные требования на тройственных англо-франко-советских переговорах, довести до Гитлера свои условия достижения договоренности с ним. Ведь ход московских переговоров не был секретом для немцев.

А опущено Г. Городецким, как уже было сказано, самое важное из «откровенной беседы» (с. 76) Сталина с Г. Димитровым. Восстановим, по соображениям научной добросовестности, ту часть сталинских высказываний, в которой приводится оценка советско-германского пакта, данная в контексте мировой войны.

Охарактеризовав начавшуюся войну как схватку «между двумя группами капиталистических стран», Сталин продолжил: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было [бы] расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивая одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»¹.

Как читатель «Мифа «Ледокола», не могу избавиться от чувства неловкости за израильского историка. Приведа, худо-бедно, две цитаты из сталинских инструкций Г. Димитрову, он скрыл от читателя самую принципиальную их часть. О том, что советско-германский пакт помогает Гитлеру, который, не сознавая это-

¹ См.: Белоусова З.С., Наджафов Д.Г. Вызов капитализму: Советский фактор в мировой политике. // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 83.

го, войной с западными странами подрывает капитализм в Европе; что следует и дальше поощрять воюющих, чтобы они «лучше разодрались». Испытываю неловкость от того, что не нахожу приличествующего историку-профессионалу ответа на вопрос, почему он не решился процитировать ключевые сталинские фразы о назначении советско-германского пакта. Почему он так откровенно отказался от обещания писать, соблюдая объективность, которой, по его мнению, не хватает «невежественному» В. Суворову и «другим историкам». Как быть с его же призывом «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня». Откровения Сталина, центральной фигуры всего повествования, заслуживали того, чтобы они были переданы полностью и квалифицированно проанализированы.

Приходится констатировать: Г. Городецкий опустил самую важную часть сталинских свидетельств потому, что одними этими откровениями *доказывается* концепция «Ледокола» В. Суворова. Это не только отказ от принципа объективности, а молчаливое признание несостоятельности его «нетривиальной» версии советской внешней политики 1939—1941 годов.

Раз израильский историк вступил на путь утаивания наиболее важных сталинских документов («Краткого курса истории ВКП (б)», доклада на XVIII съезде, наиболее показательной части инструкции Коминтерну), он продолжил его и в отношении других исторических свидетельств. Так, в «Мифе «Ледокола» не нашлось места дипломатическим донесениям в Москву из европейских столиц, в которых говорилось об охватившей западные страны панике перед неизбежными социальными последствиями мировой войны¹. Неужели его автору представляется, что деятели того времени действовали по рецептам, которые он выписывает им задним числом?!

Говоря о целях советской внешней политики в связи с мировой войной, Г. Городецкий полностью абстрагиру-

¹Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 30.

ется от ее геополитических последствий — распространения советского контроля на Восточную и Центральную Европу вплоть до Берлина. Поочередное «подталкивание» сторон, якобы одинаково враждебных СССР, вылилось в советское участие — *на договорных началах!* — в обеих воюющих коалициях. Сперва заключив в августе-сентябре 1939 года два договора с нацистской Германией и войдя с ней в официально признанные «дружеские отношения»; затем, после начала советско-германской войны, присоединившись к Атлантической хартии Рузвельта — Черчилля от 14 августа 1941 года, объявивших об объединении усилий их стран в войне против «нацистской тирании». Это — из числа *главных событий* начального этапа Второй мировой войны. Их нельзя ни обойти, ни превратно истолковать.

По окончании войны Сталин вновь уравнивал обе коалиции, как он это делал и до войны, охарактеризовав Вторую мировую войну как схватку «двух капиталистических коалиций, сцепившихся друг в друга», чтобы «добиться мирового господства»¹. А на партийном съезде 1952 г. историческое значение мировой войны (то есть ее главный итог) рассматривалось под углом образования «лагеря мира и демократии, противостоящего лагерю империализма»². Какие еще требуются доказательства того, что в своей внешней политике сталинское руководство исходило из постулата необходимости воспользоваться «межимпериалистическими противоречиями» в интересах «дела социализма»?! Точнее — в классово-имперских целях сталинского Советского Союза.

Речь Сталина 10 марта с ее прогерманскими акцентами, смещение 3 мая сторонника соглашения с западными странами наркома иностранных дел М.М. Литвинова, сталинские инструкции К.Е. Ворошилову от 7 августа, откровенно нацеленные на срыв еще не начавшихся пере-

¹ Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП (б). 5 октября 1952 г. М., 1952. С. 9.

² См. Инструкции народному комиссару обороны СССР К.Е. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции. 7 августа 1939 г. Секретно. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 584.

говоров с военными миссиями Англии и Франции¹, решение Политбюро от 11 августа о готовности вступить в официальные переговоры по уже оговоренным с немецкой стороной вопросам (которые и составили содержание секретного протокола)² — таков неполный перечень документированных фактов весны-лета 1939 года, говорящих о целенаправленном курсе сталинского руководства на достижение договоренностей с нацистской Германией.

Пожалуй, этот ряд стоит дополнить еще одним архивным документом на тему о том, как себе представляли в ближайшем окружении Сталина исход параллельных официально объявленных тройственных (СССР, Англии и Франции) и тайных двусторонних (СССР и Германии) переговоров.

Этот документ — стенограмма доклада Д.З. Мануильского в аудитории, состоявшей из представителей партийной и научной элиты. Говорилось доверительно о перспективах московских трехсторонних переговоров: «Мы прекрасно понимаем, что сейчас за нами так ухаживают, как приблизительно за богатой московской невестой в свое время (смех), но мы ценим своей красотой знаем (аплодисменты) и если сделаем брак, то по расчету (смех, аплодисменты). Брак по любви у нас не войдет (так в тексте. — Д.Н.), а по расчету — милости просим». И в конце выступления, в ответах на вопросы: «Я не большой оптимист, я не скажу, как английская печать, что уже соглашение между СССР и Англией и Францией в кармане. В кармане может быть и фига». Видимо, опомнившись, продолжил: «Это серьезный вопрос, я так не буду говорить». Тем не менее: «И я говорю, я не оптимист, я не думаю, что соглашение уже в кармане, у меня просто, как у советского человека, есть большая доля скептицизма». Документам подобного рода в «Мифе «Ледокола» места не нашлось.

¹ Сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. (Доклад председателя комиссии А.Н. Яковлева 23 декабря 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР. // «Правда», 24 декабря 1989 г.

² Стенограмма доклада тов. Мануильского о международном положении. 14 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 523, оп. 1, д. 92, л. 18, 43, 44.

6. Без сухого остатка

Почему «Ледокол» В. Суворова нашел своих многочисленных читателей, а «Миф «Ледокола» Г. Городецкого — нет? Потому, думается, что важна не только историческая истина, провозглашаемая каждым из этих авторов, но и путь к этой истине, который вместе с исследователем проходит читатель. Путь доказательств на фактах, документах, аргументах. У кого это убедительнее, у того и благодарные читатели.

Историческая ретроспектива, отраженная в словах и делах товарища Сталина, убеждает, что *итог* (да, итог!) его предвоенной внешней политики — заключение советско-германского пакта о ненападении, был предопределен расчетом на подрыв сил капиталистических стран в новой мировой войне. Пакт явился практическим приложением марксистско-ленинской идеи использования «межимпериалистических противоречий» в классово-имперских интересах сталинского Советского Союза. Отсюда советские метания от сотрудничества с Германией (1939—1941 гг.) до вхождения в антигитлеровскую коалицию вместе с Англией, США и Францией (1941—1945 гг.). Ни один из основных участников мировой войны не проделал таких глубоких военно-политических зигзагов, как Советский Союз; все остальные участники войны — войны *коалиционной* с обеих сторон — определились в выборе потенциальных союзников заранее.

В общем и целом «Миф «Ледокола» Г. Городецкого есть не что иное, как *ремейк* сталинских «Фальсификаторов истории», от положений которых давно отказались историки, уважающие себя и читателей. Противопоставив себя другим историкам, а не только В. Суворову, автор лишил себя возможности попытаться раскрыть историческое значение Второй мировой войны. Не говоря уж о том, что вне его внимания остался общий контекст XX века — глобальное противостояние демократии и тоталитаризма.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ СТАЛИНА

Почему ненавидят Виктора Суворова

Проанализировав в свое время все военные ходы Адольфа Гитлера — особенно относящиеся к августу/сентябрю 1939 г., — я пришел к выводам, изложенным в книге *The Collapse and Its Lessons* (1993)¹, в которой проведены параллели между войной Судного дня² 1973 г. и переходом реки Маас вермахтом в 1940 г.

Немецкое правительство в конце 1930-х гг. не было заинтересовано ни в мировой войне, ни даже в войне против Польши. Гораздо больше его заботило — и с полным основанием — то, что объединенные силы Великобритании и Франции выйдут к западным границам Германского рейха, а Советский Союз одновременно атакует восточные. Гитлер полагал, что ему понадобятся еще годы для вооружения и внутреннего укрепления, прежде чем он сможет пойти на риск общеевропейской войны, и что если он сейчас рискнет восвать, то поставит на карту все, что было создано его агрессивной политикой. А именно: превращение побежденной страны всего лишь за семь лет успешной стратегической игры ва-банк в великую державу. 1 сентября 1939 г. Гитлер был уверен, что его вступление в Польшу не приведет к войне, поскольку у него перед глазами еще стояло мирное, без единого выстрела присоединение Судетской области, и что Польша примет его

*Ури Мильштейн — историк, доктор политических наук, живет в Израиле. urimilsh@smile.net.il.

требования, не вступив в войну. Гитлер думал так еще и потому, что Польша была слабее Чехословакии, и потому, что Сталин пактом Молотова — Риббентропа дал ему гарантию ненападения, а тайный протокол к нему означал однозначное крушение в будущем Восточной Европы.

По всем этим пунктам Гитлер ошибался.

Для Сталина стратегическое значение пакта состояло в том, что он создавал ось Москва — Берлин, разрешавшую рейху — вначале — захватить Западную Европу, но затем позволявшую уничтожение немецких товарищей по пакту и — в качестве третьего шага — подчинение всего мира большевизму.

Собственно, уже тогда было ясно, что речь идет о пакте между врагами, готовыми в любой момент его нарушить и уничтожить противника еще до того, как высохнут на бумаге чернила.

Возможно, Сталин подписал пакт в расчете на то, что Третий рейх будет развивать свои вооруженные силы не быстрее, чем это происходило после 1933 г.; в середине 1940 г. гитлеровская армия была бы не в состоянии оказать серьезное сопротивление атакующей Красной армии. Со времен Петра Первого Германия олицетворяла для русских вершину прогресса и идеал для достижения. Поэтому Сталин как раз в это время сделал ставку на войну между капиталистическими странами Запада, которым по его планам было суждено рано или поздно быть включенными в сообщество коммунистических государств.

Еще в то время, когда я ничего не знал о Викторе Суворове и его грандиозном труде, мне казалось ясным, что Сталин подтолкнул Гитлера напасть на Польшу. Если бы Сталин напал на Польшу одновременно с Гитлером — как подразумевалось дополнительным соглашением к договору о ненападении, или днем позже, как того требовал от него Гитлер, то Великобритания и Франция не осмелились бы объявить войну немецко-советскому военному союзу. Это следует из немецкого

призыва к Советскому Союзу 3 сентября 1939 г. вступить в Польшу в соответствии с договоренностью, т. е. в тот самый день, когда Великобритания и Франция объявили Германии войну. Сталин был крайне заинтересован в объявлении западными демократиями войны Германии, поскольку это устраняло угрозу СССР в будущем и ослабляло все замешанные в войну страны; это должен был быть первый шаг в направлении будущего вторжения советских войск.

Бывший советский офицер секретных служб Виктор Суворов, повернувшийся в 1978 г. спиной к рушащемуся советскому тоталитаризму и перебежавший на либеральный Запад, посвятил все свои силы раскрытию сталинского мастер-плана: советский вождь стремился к мировому господству большевистского тоталитаризма и хотел обратить в свою пользу немецкий военный потенциал. Целью сталинских интриг было развязывание войны превосходящими немецкими силами под командованием злобного и непобедимого «цепного пса» (если пользоваться выражением самого Суворова)³ — Адольфа Гитлера.

С начала 1990 г. среди историков разгорелась «мировая война» из-за вопроса о главном виновнике. Сегодня все говорит за то, что был один главный виновник Второй мировой войны — и катастрофы, настигшей еврейский народ, — и это был не «цепной пес» Адольф Гитлер, а тот, кто его натравил на соседей: Иосиф Сталин.

Вышедшая в 2008 г. в США книга Суворова «Главный виновник»⁴ ставит своей целью окончательно утвердить тезис, впервые заявленный за двадцать лет до того в книге «Ледокол».

Концепция Суворова при этом настолько проста и элегантна, что кажется удивительным, почему только в середине 1980-х гг. он первым ее последовательно выстроил. Эта концепция опирается, помимо прочего, на контакты, возникшие между Советами и НСДАП в 1923 г.; на запрет немцам коммунистам в 1933 г. войти в коалицию с социал-демократами, что могло бы предотвра-

тить приход нацистов к власти: на поддержку, которую тайно получала проигравшая войну Германия из Советской России, так что она могла разрабатывать военную продукцию и обучать армейских офицеров на советской территории — что полностью противоречило запретам, наложенным на немцев Версальским договором.

Нужно подчеркнуть, что «Главный виновник» ни в коем случае не переиздание классического труда Суворова «Ледокол», вышедшего в 1989 г. В новой книге Суворов мастерски использует многочисленные новейшие публикации, вышедшие в разных странах (некоторые — 2008 г.), в то время как его первенец «Ледокол» опирался только на открытые источники советской эпохи. В новой книге Суворов детально рассматривает многие важные события, которые раньше оказывались за рамками его внимания, — убийство Троцкого, войну в Испании, нападение на Японию в августе 1945 г.

С чрезвычайно странной для образованного человека непрофессиональной враждебностью концепция Суворова была рассмотрена известным американским историком Дэвидом Гланцем в вышедшей в 1998 г. книге «Споткнувшийся колосс»⁵ и не менее уважаемым израильским историком дипломатии Габриелем Городецким в книге «Роковой самообман» (1999)⁶.

Оба они вовсе не обсуждают результаты исследований Суворова, а просто заявляют, что их собственные книги Суворова опровергли.

Большинство обученных историков последовали тактике страуса, засунув голову в песок, в надежде, что, если замалчивать работы Суворова, о них все забудут. Такая тактика демонстрирует только неразумность самих этих историков — именно благодаря этому молчанию работы Суворова становятся еще более известными (я сам обратил внимание на работы Суворова, поскольку услышал, что их замалчивают).

Гланцу и Городецкому не удалось опровергнуть аргументы Суворова, они только сделали очевидным свое

собственное, в высшей степени поверхностное понимание того, что происходило в СССР.

Их критика в сочетании с молчанием остальных больше говорит о природе западных «левых», представляющих собой продукт марксизма-ленинизма-сталинизма, слегка отполированный интеллектуальной болтовней франкфуртской школы и ее самого известного представителя на Западе, немецко-еврейского ученого Герберта Маркузе, чем о Гитлере и Сталине.

И советские, и западные историки оправдывали заключение германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. — пакта Молотова — Риббентропа — тем, что он был якобы заключен под давлением обстоятельств и его нельзя осуждать, поскольку — как они говорят — СССР тогда был очень слаб. В первую очередь из-за того, что советские офицеры стали жертвами политических чисток, как, к примеру, маршал Михаил Николаевич Тухачевский. Поэтому Сталин хотел выиграть пару лет, чтобы успеть вооружиться для решающей схватки с Гитлером.

До Суворова в этом вопросе существовал консенсус: советские ученые боялись за свою жизнь, их западные коллеги были очарованы Советским Союзом. И самое главное: Германский рейх атаковал в июне 1941 г. СССР, и Красная армия была разгромлена. Для всех это означало, что с боевыми возможностями Красной армии в 1941 г. дело обстояло не лучшим образом. Следовательно, в 1939 г. она должна была быть еще гораздо слабее.

Однако Суворов в своей новой книге этот аргумент блестяще опроверг и доказал, что чистки вовсе не ослабили ощутимо Красную армию. Сталин, мастер маскировки, великолепно зная о высокой боеспособности Красной армии, тщательно скрывал ее от остального мира. Суворов, рассказывая о сталинской стратегии скрытности, пишет, например, о том, что как раз в те дни, когда подписывался германо-советский пакт о ненападении, Красная армия одержала триумфальную победу над

японцами в Монголии, но этот триумф был по указанию советских высших инстанций «закатан под ковер».

Со времен уничтожения испанской армады в 1588 г. тон в мире задавали ангlosаксы, хотя многие и пытались силой оспорить их превосходство.

К началу XX в., более чем через триста лет, ангlosаксы создали либеральную политическую цивилизацию, и из Первой мировой войны американский либерализм вышел победителем, вопреки военной слабости США, но благодаря их промышленному превосходству.

С тех пор именно американский либерализм в союзе с европейскими сателлитами США Великобританией и Францией задавал тон в мире.

Но еще до этой победы США революционер-большевик Владимир Ленин писал в своей работе «Военная программа пролетарской революции» (1916/1917), что коммунистический тоталитаризм будет использовать войну как средство завоевания мира и что, если эта цель не будет достигнута, потребуются еще одна мировая война, чтобы распространить марксистскую утопию на весь мир. А до мессианской победы этой утопии Ленин предполагал выстроить свое владычество на жесткой марксистской идее «диктатуры пролетариата». После Октябрьской революции 1917 г. Ленин попытался продлить мировую войну, обеспечив поддержку Германской империи: в марте 1918 г. свежеспеченная Советская республика подписала мирный договор с Германией, которая после этого могла продолжать воевать только на Западном фронте. Кроме того, Германия получила от России огромные территории с промышленными предприятиями, сельскохозяйственным производством и важным военным сырьем.

Ленин верил, что капиталистические государства Запада взаимно истощат друг друга, эксплуатируемые массы восстанут и во всей Европе разразится революция, которые прямо или косвенно пойдут на пользу большевикам. Но Германия согласилась в ноябре 1918 г. на прекращение боевых действий, а революции, спрово-

цированные большевиками в некоторых европейских странах, быстро затухли. Вскоре стало ясно, что коммунизм в Европе в мирное время не имеет шансов на победу.

Поэтому большевики стали тайными разжигателями войны.

По плану Сталина Гитлер — чей труд «Моя борьба» был очень быстро переведен на русский и внимательнейшим образом изучен Сталиным — должен был как «ледокол» пробить фарватер в застывшем океане либеральной Западной Европы. После этого Красная армия смогла бы без большого сопротивления вторгнуться в Европу и на штыках принести ее народам радости коммунизма.

Гитлер, однако, был не слишком внимательным читателем трудов Ленина и Сталина, и как раз в этом состояла одна из причин его последней неудачи: Сталин превосходил его интеллектуально.

Война — это в первую очередь война духа, еще Фридрих II Прусский в свое время внушал это своим генералам.

В большинстве западных стран — и в Израиле тоже — Суворов более чем нелюбим академическим историческим сообществом. Однако в том же Израиле у него бесчисленное количество читателей, особенно среди миллиона иммигрантов из бывшего СССР. Ненависть академического сообщества можно объяснить тем, что оно почти полностью сформировано франкфуртской школой, которая сильно повлияла на израильскую культуру. Эту проблему мы с доктором Гидсоном Ариелем рассматривали в нашей книге «Оазис мечты»⁷.

Однако ученые из группы «Гражданский форум по изучению боев»⁸ нашли много общего между тезисами Суворова и их собственными исследованиями войны между Израилем, Египтом и Сирией в 1973 г.

Согласно Суворову, Сталин планировал нападение на Германию, но Гитлер опередил его превентивным нападением 22 июня 1941 г. На вопрос, почему совет-

ские вооруженные силы сразу же после начала операции «Барбаросса» потерпели такое сокрушительное поражение, Гланц и Городецкий отвечают: получаемую Сталиным разведывательную информацию тот интерпретировал таким образом, будто Гитлер не сможет решиться напасть. Поэтому советский диктатор оказался полностью не подготовленным к нападению.

Суворов на тот же вопрос отвечает иначе: Красная армия была разбита, потому что она готовилась к нападению.

Нечто похожее произошло во время войны Судного дня. Израильские силы, расположенные вдоль Суэцкого канала и на Голанских высотах, были ошеломлены тем, что египтяне и сирийцы в апреле 1973 г. перехватили инициативу. Большинство исследователей — и в Израиле, и в других странах — видят причину этой растерянности в неправильной интерпретации разведывательной информации. Сотрудники группы «Гражданский форум» натолкнулись на неожиданный факт: несмотря на оборонительную политику после шестидневной войны 1967 г., израильская армия получала только наступательное оружие — самолеты и танки, разрабатывала только наступательные стратегии и планировала в будущей войне только наступательные операции.

После того как полпятого утра 6 октября стало ясно, что в этот день начнется война, начальник Генерального штаба Давид Элазар и его офицеры были заняты разработкой исключительно наступательных планов, хотя они отлично знали, что Израиль будет атакован семью египетскими и сирийскими дивизиями. Им противостояли всего лишь три израильских полка, двум из которых предстояло в этот день быть уничтоженными.

Так же точно, как концепция Суворова, были либо проигнорированы, либо встречены в штыки открытия «Гражданского форума». В этом лежит причина «безумия правящих» (*Torheit der Regierenden*), разоблаченного американско-еврейским историком Барбарой Тухман в 1984 г. в одноименной книге. Интеллектуальная элита

цплялась за ложные догмы, только чтобы не признать, что она ошибалась.

Сталин был — и это доказуемо — не только главный виновник Второй мировой войны и катастрофы, постигшей евреев, но и — как это показывает Суворов — последующего распространения марксистского влияния на мнимолиберальном Западе, распространения, которое приняло форму такой «религии благоразумия», какую не сумели навязать революционной Франции после 1791 г. Максимилиан Робеспьер и его сообщники.

Карл Маркс определил религию как «опиум для народа». Он понимал, что массы не могут жить без религии. Но поскольку традиционная, трансцендентная религия сильно пострадала от скептицизма XVIII в., вожди французской революции решили создать интеллектуальный опиум.

Маркс добился успеха там, где не справились все его предшественники: он создал религию, основанную на антикапиталистической утопии.

Но Маркс ошибался, потому что не понимал, что современная цивилизация основана на капитале, на прибавочной стоимости, и без нее мы будем ввергнуты в эпоху охоты и собирательства. Тезисы Маркса были Лениным, а позднее Сталиным переплавлены в догму, которая после окончания Первой мировой войны держится незыблемо. Псевдолиберальные интеллектуалы уже девять десятилетий заражены этой догмой, и именно поэтому они играют роль инквизиторов по отношению к таким людям, как Виктор Суворов, — последние в состоянии доказать безнадежность их религии. Сталину не удалось завоевать всю Европу, а то, что ему удалось завоевать, уже давно снова распалось. Сегодня Китай с его смесью «нацистского» политического тоталитаризма и экономического либерализма находится на подъеме и тянется к мировому владычеству.

Но в одном отношении Сталин имел несомненный успех — он впряг западных интеллектуалов в свою телегу.

Примечания

¹ «Разгром и его уроки», 1993.

² Война Судного дня.

³ «Когда мы недобрым словом поминаем пса, искусавшего пол-Европы, давайте не забудем и Сталина, который пса вырастил. А потом и спустил с цепи». *Суворов Виктор. Ледокол.* Москва: АСТ, 2001, с. 13.

⁴ Suworow Viktor *The Chief Culprit* (2008).

⁵ Glantz David. *Stumbling Colossus*, University Press of Kansas. 1998.

⁶ *Gorodetsky Gabriel. Grand Delusion.* 1999. Русское издание: *Роковой самообман.* М.: Росспэн, 2001.

⁷ *The Oasis of Dream.* Survival Press, 2006.

⁸ *Ziviles Forum fur die Untersuchung von Schlachten.*

Андрей Буровский

СУВОРОВ - ДЕТОНАТОР РЕВИЗИИ

Осмелюсь доложить — а вот этот вольноопределяющийся умствую!

А.И. Куртин

Покушение на миф

В 1990 году вышла книга Виктора Суворова «Ледокол». Вслед за ней бабахнула вторая: «День «М». Тиражи книг мгновенно зашкалили за миллион, и с территории тогда еще Советского Союза раздались такие вопли, что залпы тысяч сталинистов и «патриотов» «слились в протяжный вой».

Прошло 17 лет, а книги Суворова все в списке бестселлеров, и все не утихают споры вокруг животрепещущей проблемы: кто на кого и когда напал? Гитлер на Сталина или Сталин на Гитлера?

Наверное, для потомков будет казаться странным ожесточенность этих споров и их эмоциональность.

О Суворове и его книгах написано больше, чем объем его собственных книг. И ведь не успокаивается народ...

Разборки предков часто кажутся бредом для потомков.

Трудно понять вроде нормальных людей, которые вдруг начали убивать друг друга из-за важнейшего вопроса: в какой степени и как именно соединяется божественное и человеческое в личности Иисуса Христа?

А ведь убивали. Насчитывают до 15 миллионов покойников в Сирии, Египте, в Малой Азии и в Палестине.

Наверное, потомкам будет так же трудно понять, почему книга Суворова-Резуна вызвала такую массовую истерику. Почему людям конца XX — начала XXI века

так важно было «доказать» одну из истин — кто же и на кого первым напал?

Эмоциональный заряд полемики поражает не меньше ее масштаба. Казалось бы, ну что меняется для людей XXI века от того, существовал ли сталинский план нападения на Европу? От того, планировал ли Сталин использовать Гитлера в качестве «ледокола революции»? А ведь явно меняется, и многое.

Люди бьются и «за», и «против» Суворова, обвиняют его в неслыханных гадостях и возносят на пьедестал почти с той же яростью, с которой двумя поколениями раньше совершали патриотические подвиги: давили друг друга танками, полосовали штыками, добивали прикладами. Аналогия вовсе не хромает. Для участника Второй мировой облить бензином и поджечь «вражеских» раненых в госпитале или сбросить бомбы на жилой квартал «чужого» города означало защищать «своих» и «свой» привычный, понятный мир. За полемикой вокруг Суворова стоит такое же стремление отстаивать нечто привычное, родное, понятное. На войне как на войне, и «мочат» Суворова-Резуна вполне по-настоящему. Не в порядке дискуссии, а «на поражение», стараясь уничтожить если не физически, то психологически, духовно, а главное — политически.

Защищают его тоже всерьез: как раненого с поля боя выносят. Прикрывают «своих».

Идет не полемика вокруг фактов истории. Идет война, к счастью, пока только словесная.

Сразу видно: Суворов посягнул не на историческое знание.

Дело вовсе не в фактах и даже не в их анализе. Не в концепциях историков или в теориях политических режимов. Суворов посягнул на что-то священное. На что-то такое, к чему и прикасаться не позволено. Сомнение в чем вызывает в первую очередь эмоциональную реакцию.

Реакция такая же, как если бы мусульманин в Риме прикурил от лампадки или христианин в Мекке подтерся страницами из Корана.

Суворов посягнул не на историческое знание, а на исторический миф. Не на факты, а на теплое, интимное отношение к историческим фактам.

Только не надо считать исторические мифы чисто советским явлением и каким-то атрибутом России. Вторая мировая война была МИРОВОЙ. И мифы о ней — тоже МИРОВЫЕ. Книги Виктора Суворова — Владимира Резуна вызвали такую же историческую реакцию во всем мире.

Историческое знание как мифология

Часто под мифом понимают любое «неправильное» утверждение. Такое мнение, которое противоречит фактам и опровергается фактами. Например, мифом объявляют утверждение, что Солнце вращается вокруг Земли. Но это вовсе не миф.

Птолемей полагал, что в центре Вселенной находится Земля, вокруг которой вращается Солнце. Коперник считал, что в центре Вселенной находится Солнце, а Земля вращается вокруг Солнца. То и другое — не мифы, а научные модели. Модель отражает феномен. Модель всегда беднее отражаемого феномена, но позволяет его понимать. Модель Птолемея позволяла понимать устройство Вселенной хуже, чем модель Коперника, но обе они сами по себе не несли в себе эмоционального заряда.

Миф — это и объяснение мира, и отношение к миру. Это и знание, и эмоция вместе. Птолемей и Коперник ничего не говорили о том, хорошо ли вращаться Земле и Солнцу. А в Книге Бытия, которой начинается Библия, сказано вполне определенно: «И увидел Бог, что это хорошо»¹.

Занимаясь устройством Вселенной, ученые мало затрагивают интересы людей. Мифологии и тут хватает, но ее много меньше, чем в истории. Историческое зна-

¹ Библия. Книги Священного Писания и Ветхого Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 1997. С. 7.

ние мифологично по самой своей сути. Более того — в истории научная теория без мифологии никогда не станет широко известной, не ляжет в основу поведения государственных деятелей, не войдет в учебные пособия. Это происходит потому, что мифологично ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ людей.

Потому что вечность и бесконечность Вселенной не имеют отношения к интересам людей и к их самоопределению. А история стран и народов имеет самое прямое отношение к национальному и культурному самоопределению. Особенно история стран и народов, которые существуют сейчас. Историю Рима можно писать «чисто научно». Историю Германии и России — много труднее.

Историческое сознание человека мифологично. Всегда и везде. При всех социально-экономических формациях. Люди нуждаются не только в описании истории и в ее понимании. Они нуждаются в совместном переживании истории.

«Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы», — писал Эрик Фромм.

Еще короче и жестче сказал современный социальный психолог Серж Московичи: «Массы не могут жить под открытым небом»¹.

Миф делает беспощадно-холодную жизнь теплой и душевной, жестокость истории осмысленной высшими ценностями, одинокого человека включает в историческую общность. Если что и не так, «на миру и смерть красна». Тем более во имя высших вечных ценностей.

Миф вовсе не отрицает фактов. ...Он их «нужным» образом «поправляет». Миф не мешает изучать частные истины, он на них опирается. И потому миф всегда очень похож на правду. Только правда эта — не обьск-

¹ *Московичи С.* Век толп. Москва, 1996. С. 419.

тивная истина, а частное и субъективное мнение группы людей, а то и заказчика.

Если научное исследование вызвало эмоциональную реакцию — значит, оно покусилось не на науку, а на миф.

Какой же миф оспорил Виктор Суворов?

Миф о Великой Отечественной войне

Суть мифа, созданного сталинской пропагандой еще во время Второй мировой войны, примерно такова: советские люди в 1930-е годы мирно трудились. Создавалась индустриальная база новой, счастливой жизни в СССР. Советские люди не хотели никого завоевывать и ни с кем не собирались воевать. Они были счастливы своим трудом, под руководством своих мудрых руководителей. «Только Советский Союз неуклонно проводил политику мира, политику организации коллективного отпора агрессорам и поддержки народов, ставших жертвами агрессоров»¹.

Фашистская Германия предложила СССР заключить пакт о ненападении. Советский Союз вынужден был заключить этот пакт с целью самообороны и для того, чтобы не дать сложиться общему фронту империалистических держав против СССР.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, тем самым начав Вторую мировую войну. Западные державы предали Польшу, и только Советский Союз совершил освободительный поход, освободил и присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию, и заключил пакты о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия внезапно и вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Она имела колоссальное превосходство в вооружениях и в технике, потому что Гитлер располагал ресурсами всей Европы. В 1941 году началась Вели-

¹ БСЭ. Издание второе. Т. 9. М., 1951. С. 358.

кая Отечественная война. Это была война за спасение своей Родины. Участие в Великой Отечественной войне есть великий подвиг и колоссальная заслуга. Если кто-то из советских людей воевал на стороне Гитлера — то он отвратительный предатель, а его поведение совершенно «нестипично».

Благодаря своему военно-техническому превосходству Гитлер смог нанести временное поражение Советскому Союзу. Но советские люди — патриоты своей социалистической Родины. Они еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии и под руководством своего гениального вождя и учителя, величайшего полководца И.В. Сталина поднялись на священную освободительную войну и дали врагу сокрушительный отпор. Гениальный план великого Сталина, «десять сталинских ударов», привел фашистскую Германию и всех ее союзников к полнейшему поражению.

«Фашисты» руководствовались антинаучным, реакционным учением о неравенстве человеческих рас. Они хотели истребить миллионы ни в чем не повинных людей по национальному признаку, а других превратить в своих рабов. Чудовищные, не имеющие аналогий в истории преступления фашистов осудил глубоко законный и прогрессивный международный Нюрнбергский процесс.

Победа «немецко-фашистских агрессоров» была бы величайшим несчастьем для человечества. Она привела бы к уничтожению современной цивилизации, порабощению и физическому истреблению десятков миллионов людей.

В СССР у власти находилась самая передовая общественная теория Карла Маркса и В.И. Ленина, марксизм-ленинизм. Она не имеет ничего общего с расовой теорией и человеконенавистническим учением «фашистов». С помощью этой теории Россия проделала путь от деревянной сохи к индустриальной цивилизации и указала тем самым путь всему миру.

В лице СССР прогрессивное человечество победило «фашистов» — мракобесов и негодяев, душителей само-

го лучшего. Ценность этой победы абсолютно очевидна и никогда никем не сможет быть поставлена под сомнение. «Советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества»¹.

Почему это миф?

Мифологично уже само название события: Великая Отечественная война. Из грандиозного события мирового масштаба, Второй мировой войны 1939—1945 годов, произвольно вырезают кусок, которому придется свое самостоятельное значение.

Получается: Великая Отечественная — самая важная часть Второй мировой. В этом нет русской специфики. Похожим образом действуют американцы, провозглашая самыми важными событиями Второй мировой войны военные действия на Тихом океане между американской и японской армиями и флотами.

Советские историки считали главным событием Второй мировой войны сражение под Сталинградом в 1942—1943 гг. («самую выдающуюся победу в истории великих войн»)². Американские — битву за атолл Мидуэй в 1942-м.

Так же точно английские историки провозглашают главным сражением Второй мировой войны Эль-Аламейн в Северной Африке.

Из этих сравнений уже видно, что фальсификация истории — дело вовсе не одних советских историков. Советская фальсификация грандиознее по масштабам, но принципиально такова же по смыслу.

Но в этом названии — «Великая Отечественная» присутствует эмоциональный, пропагандистский заряд. Американцам ведь хватило совести не называть битву

¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд.

² БСЭ. Т. 9. С. 359.

на Тихом океане Великой Отечественной войной американского народа.

А советским пропагандистам нужно было оторвать события 1939—1941 годов от того, что происходило после нападения Гитлера. Название это и делает.

Фашизм никогда не был идеологией Третьего рейха.

Само слово «фашизм» происходит от итальянского «фашо» — то есть пучок.

Фашисты в Италии и в Испании были консерваторами. Их цель была в том, чтобы сплотить нацию в фашо — пучок, и за счет роста корпоративного начала, сворачивания демократических свобод подавить движение социалистов. Ведь социалисты хотели воплотить в жизнь утопию, построить идеальное общество на выдуманных теоретиками началах. А фашисты хотели любой ценой не позволить им этого, сохранить завоевания цивилизации XIX века.

В Германии фашистов почти не было, и у власти они никогда не находились. Поэтому, когда пленных немецких солдат в России называли «фашистами», они, мягко говоря, удивлялись.

— Мы не фашисты, мы нацисты! — отвечали они вполне мотивированно, а у советских людей окончательно заходил ум за разум.

Партия, созданная Гитлером и пришедшая к власти в 1933 году¹, называлась *Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei* — национал-социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP).

Идеология этой партии была очень схожа с коммунистической — рабочих и вообще всех трудящихся угнетает буржуазия, надо произвести социалистическую революцию, привести к власти настоящих вождей рабочего класса, установить государство социальной и политической справедливости.

¹Еще один миф — о «захвате» власти Гитлером. В отличие от большевиков, нацисты пришли к власти законным, вполне конституционным путем.

Нацистов порой называют «коричневыми» в отличие от красных. Отличие есть, но в чем его смысл? Цвет, который в России обозначался как черный, в Германии видели коричневым. Цвет плодородного слоя, гумуса, чернозема, почвы. Красный и коричневый цвета — цвета крови и почвы.

В России говорили «черный народ», и отсюда — «черная сотня»... В Германии это звучало как «коричневый народ». Простонародье, народная толща. И шли в бой коричневые не под каким-нибудь, а под красным знаменем. Шли для того, чтобы освободить немецких рабочих от власти еврейской, французской и англо-американской буржуазии.

Идеология, психология и даже символика всех социалистов имела много общего. Во время Гражданской войны в России долгое время красными символами были не только звезды, но и свастики разного цвета. Есть фотографии авиационных эскадрилий Красной Армии, на крыльях которых четко видны синие и белые свастики. Звезды тоже изображались разных цветов.

Жесткое противостояние красной звезды и коричневой свастики приходится уже на конец 1920-х — начало 1930-х годов.

В СССР приложили колоссальные усилия для того, чтобы откеститься от родства. Даже собственное их название — национал-социалисты — в СССР заменили на «фашисты». Такое название применяют даже в Германии. Когда я в беседе с германскими коллегами выразил недоумение, они долго думали и наконец сказали:

— Фашисты были очень жестокие. Поэтому они должны так называться.

Сила аргументации чарует.

Расовая теория, то есть теория биологического неравенства людей, вовсе не особенность Германии и немцев. Во 2-й половине XIX — начале XX века представление о неравенстве рас было довольно распространено по всему тогдашнему миру. В том числе, кстати, и в еврейской среде.

С чувством сильного недоумения читал я много лет назад книгу некоего немецкого еврея Фрица Кана, озаглавленную: «Евреи как раса и культурный народ». Книга вышла в Германии в 1921 году и украшена такими, например, перлами: «Моисей, Христос и Маркс — три представителя специфической расы и расовых особенностей»¹ и что «Троцкий и Ленин украшают нашу расу»². Оставлю в стороне вопрос — кем должен быть человек, чтобы «украшать» самого себя родством с Троцким и Лениным. Обращу внимание читателя на прозвучавшее слово «раса» и на то, что использует его еврей — причем еврей, вполне лояльный к коммунистам разного разлива. Для автора еврей — это раса.

Ф. Кан — явный и откровенный социалист, а вот его сородич Бенджамин Дизраэли — решительнейший консерватор. С точки зрения кавалера ордена Подвязки, виконта Гюгенденского, графа Биконсфилда (все это титулы Дизраэли), еврей идет в социалисты не от хорошей жизни, а под давлением не признающего их общества христиан. И тогда «...избранная раса подает руку отбросам и презреннейшим частям общества».

Как мы видим, слово «раса» звучит вполне определенно. И еще как определенно! «...еврейская раса связывает современные народы с древнейшими временами... Они — яркое свидетельство лживости современного учения о равенстве людей и о космополитическом братстве, которое при своем осуществлении только содействовало бы падению великих рас»³.

Кто это? Геббельс?! Нет, это все еврей Дизраэли. Хотя, конечно, интересно, кто такой для Дизраэли Фриц Кан — «отброс общества» или «человек избранной расы»?

Не меньшее удивление испытал автор, читая В.В. Шульгина: у него следуют рассуждения, что господин Шульгин не нанес бы никакого оскорбления китайцу, говоря о его шафрановой коже и узких глазах... Но

¹ *Kan F. Die Juden als Hasse und Kulturfolk. Berlin, Weltverlag, 1921. С. 199.*

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 192

«... Стоит самым академическим тоном перечислить несколько отличительных черт этой расы, как таковое описание сейчас же начинает звучать неким измывательством, насмешкой, презрением»¹.

В.В. Шульгин всегда открыто и честно объявлял себя антисемитом. Этот русский дворянин, гордящийся своим происхождением, вдруг в чем-то очень даже солидарен с двумя евреями. Причем не только с консерватором и монархистом, но и с социалистом. Все трое — явные расисты.

Остается предположить, что во времена, когда жили и работали эти люди, такая точка зрения была довольно обычной.

Последовательным использованием расовой теории национальный социализм действительно сильно отличался от интернационального. Коммунисты-интернационалисты национальности угнетаемых и угнетателей не придавали особого значения. Но убеждения и тех и других имели один и тот же интеллектуальный и духовный источник — работу интеллектуалов недоброго XIX столетия. Ведь социализм — и в его националистической, германской, и в его интернационалистской, советской, версии — никак не изобретение простонародья и не «поверье неграмотных масс». Ничего подобного. Все теории, которые легли в основу всех социалистических режимов, созданы в кабинетах самых что ни на есть высоколобых интеллектуалов.

В 1850-е годы в самых развитых странах Европы сложилась научная школа, которую называли расово-антропологической. Лицо школы определяют французы Ж.А. Гобино и Ж.Лапуж, британцы Ф. Гальстон, К. Пирсон, Х. Чемберлен. Назвать их всех или каждого по отдельности «тупым» или «недостаточно интеллектуальным» будет очень, очень затруднительно. Наверное, именно поэтому в СССР имена творцов расовой теории скрывались и уж тем более ничто написанное ими не

¹ Шульгин В.В. Что «нам» в «них» не нравится? СПб. Вече, 1993. С. 10.

переводилось — даже для исторических факультетов или для профессиональных историков.

В числе создателей расовой теории — и многие культовые имена социалистов. Анархист П. Прудон полагал, что «Евреи — это антисоциальная, упрямая, дьявольская раса»; «Еврей — враг человеческого рода. Следует выслать этот народ в Азию или уничтожить его».

Евгений Дюринг призывал уничтожить евреев, эту «врожденно и бесповоротно испорченную расу».

Русские народовольцы в 1881—1882 годах поддерживали погромы.

К. Маркс полагал, что евреи — «омерзительнейшая из рас». Впрочем, славян он тоже считал расой и наговорил о них невероятное количество гадостей.

А Лассаль, вождь немецких рабочих, тоже заявлял, что презирает «еврейскую расу».

Но это не спасло его от проницательного суждения Карла Маркса: «Он происходит, судя по форме его головы, от негров, смешавшихся с евреями во время исхода из Египта».

Исходно расовое учение или расовая теория — «Rassenlehre» — термин немецкого философа XVIII века К. Мейнерса. Во второй половине XIX века со взлетом науки начались исследования в разных направлениях: «Rassenforschung» — расовые исследования, «Rassenkunde» — расоведение, «Rassengedanke» — расовое мышление.

Но не надо... Не надо и тут считать немцев какими-то особыми и порочными. Во время Первой мировой войны французские врачи всерьез пытались ловить немецких шпионов, проверяя состав их мочи: у немцев, оказывается, в моче «слишком» много аммиака... Еще один признак: у немецкой расы выделяется больше экскрементов, чем у людей галльской расы. Проследил, кто больше других накакал — и смело пиши в доблестные органы: явный немецкий шпион.

А вот и британский расист: Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927) родился в Англии, где фамилия эта

куда как известная. Семья Чемберленов-политиков, папа и два сына, приходится ему дальними родственниками.

У Чемберлена расовая вражда арийцев и семитов стала основой исторического процесса! Все, чем гордится коллектив, сделали, конечно же, светлокожие, светловолосые арийцы, высокие и с длинными черепами. Невыразимо отвратительные семиты с круглыми головами и курчавыми волосами низко гадили арийцам и паразитировали на их достижениях.

Постепенно Х.С. Чемберлен так проникся собственными писаниями, что даже пересек из родной Британии в Германию: чтобы поближе к арийцам. Тут его ждало, с одной стороны, разочарование — далеко не все немцы так уж торопились в арийцы, а некоторые так просто крутили пальцем у виска. С другой же стороны, некоторые все-таки проникались, в том числе люди весьма влиятельные. Х.С. Чемберлен был вхож даже к канцлеру Вильгельму II и вел с ним долгие беседы о черепах и культурах. В его последние закатные годы уже к самому Чемберлену заглаживал некий новый политический деятель, не имевший, впрочем, особых шансов — Адольф Гитлер. Чемберлену очень нравилась политическая программа Гитлера, но решительно не нравился его череп и другие расовые признаки.

Мне возразят: мало ли кто что болтал... А именно в Третьем рейхе расовая теория стала не теорией, а руководством к действию!

Справедливо. Но задолго до возникновения национал-социалистического Третьего рейха сугубо расистской страной были либеральные Соединенные Штаты.

Расовые законы гитлеровской Германии во многом копировали законодательство США: с 1896 года в США негры и белые должны были жить раздельно. Имать «то же самое» (по крайней мере, в теории), но раздельно!

Неравенство рас поддерживалось такой практикой, как суд Линча. В 1892 году, например, было убито 226 негров — в основном их сжигали живыми, и, по свиде-

тельству Марка Твена, белые американцы очень беспокоились — а вдруг «негр подойдет слишком быстро»¹?

Чтобы отменить рабство негров, США, как и подобает истинному светочу демократии, потребовалась Гражданская война 1861—1865 годов. Во время этой войны страна с населением в 31 миллион человек потеряла только убитыми 623 тысячи. В союзной армии воссали 290 тысяч негров, из них 38 тысяч погибли. После этой войны Конгресс издал ряд законов в защиту прав негров. Закон 1870 года объявил преступлением лишение негров избирательных и других гражданских прав. Закон 1877 года объявил незаконной дискриминацию негров в гостиницах, театрах, на железных дорогах и во всех общественных местах. Надзирать за этим должны были специальные федеральные чиновники. На юге их называли «саквояжники», потому что приезжали они с пустыми саквояжами, а вот уезжали почему-то с набитыми..

В 1877 году южные демократы за спиной северных демократов сговорились с республиканскими вожаками. Они обещали поддержать кандидата в президенты — республиканца, но при условии — войска северных штатов будут уведены с юга. Федеральные войска и все чиновники, контролировавшие исполнение законов, были выведены. И началось...

Под лозунгом «равно, но раздельно» началась неприкрытая травля негров. Для них вводились особые средства транспорта, особые школы и особые скамейки в парках. В 1896 году негр-сапожник Плесси в Нью-Орлеане решил выяснить на опыте, означаст ли конституция США равенство людей... Купив билет, он сел в вагон, предназначенный для белых. Его арестовали и судили за нарушение закона. Дело дошло до Верховного суда в Вашингтоне. Верховный суд утвердил приговор. Этим актом Верховный суд США узаконил расизм и расовую дискриминацию официально.

В 1901 году несколько негров из Массачусетса напи-

¹ *Марк Твен. Соединенные Линчующие Штаты. // Марк Твен. Собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 11. М., Худлит. С. 470.*

сали письмо президенту Мак-Кинли. Они обвинили правительство в потворстве белым расистам. Мол, власти отлично знают, что происходит, и не имеют ничего против. Негры упоминали погром, происходивший в городе Вильмингтоне, штат Северная Каролина, где негров убивали как собак (выражение авторов письма), охотились за ними как за дичью — а правительство не сделало ничего и только закрывало глаза. «Мы напрасно надеялись на защиту закона», — писали негры из Массачусетса.

«В 1921 году 59 афроамериканцев было линчевано в окрестностях Тулсы. Обычным поводом для линчевания было состряпанное обвинение, как правило, без расследования, что некий афроамериканец хотел изнасиловать белую девушку. После Первой мировой войны, в которой участвовало много афроамериканцев, некоторые участники войны вздумали было протестовать. Но это еще больше ожесточило ку-клукс-клан.

По такому же поводу был и погром в Тулсе в 1921 году. Некий афроамериканец, молодой человек Ричард Роуланд, должен был спуститься на лифте. Девушка, обслуживающая лифт, увидя черного, нажала на спуск прежде, чем он вошел в лифт. Он заторопился и упал ей под ноги»¹.

На вопли девицы сбежалась толпа. Тут же сделан был вывод, что негр пытался напасть на девушку. Толпа не разбиралась, что вообще произошло. Зеваки «точно знали», что собирался сделать молодой человек, и собиралась его линчевать. Полиция тоже не вникала в детали, но и полицейским было «вся ясно». Они арестовали Ричарда Роуланда и увели его в тюрьму. «Пресса подняла вой, что, дескать, время унять негров, что они якобы обнаглели, забыли свое место. Журналисты представили девушку 17-летней бедной сиротой, которая зарабатывала трудовые гроши на образование. Описали ее страдания, «разорванное платье», царапины на лице. Позже было установлено, что ничего этого не было, что

¹Клименко М.Я. Другая Америка. Мечты и действительность. М., Посев, 2001. С. 191—192.

девушка была совсем не девушка, а женщина сомнительного поведения...

Под вечер у здания суда, которое служило и тюрьмой, собралась толпа человек в 500, требуя выдачи черного юноши на расправу. Афроамериканское население всполошилось. 25 черных с оружием прибыли к зданию суда¹. Вот, собственно, и весь пусковой механизм начавшегося погрома. Кто первый начал стрелять и кто первый пустил в дело нож, выясняют до сих пор. Есть очень разные версии. Все эти версии выдвигаются в очень большой зависимости от цвета кожи и убеждений исследователя. Во всяком случае, началась драка с применением дубинок и холодного оружия, раздались револьверные выстрелы. Черных было меньше, порядка 75 человек против 2 тысяч белых, они отступали внутрь черного квартала.

«Когда погром начался, начальник полиции послал телеграмму губернатору штата с просьбой выслать национальную армию резервистов. Поезд с солдатами прибыл только утром, когда все уже было окончено. Солдаты не торопились. Да и вмешиваться уже не имело смысла»².

Говоря коротко — негритянская часть города Тулсы перестала существовать. Число убитых называют разное — от 36, по официальной версии того времени (но власти, скорее всего, старались преуменьшить масштаб события), до 175 по версии бульварных газет (но они могли преувеличить). Наиболее вероятна цифра одного из современных исследователей — «около 100». Известно, что Красный Крест оказал помощь примерно 1000 человек, в том числе и женщинам и детям. Известно, что грузовики, нанятые властями, вывозили трупы из города, и потом эти трупы сваливали в реку или в наспех вырытые братские свальные могилы.

Черная молодежь и вообще все кто мог ушли из го-

¹ Клименко М.Я. Другая Америка. Мечты и действительность. М., Посев, 2001. С. 192.

² Клименко М.Я. Другая Америка. Мечты и действительность. М., Посев, 2001. С. 193.

рода. Те, кто уйти не мог или кому было некуда идти, зимовали в палатках и очень нуждались в самом необходимом. Городские же власти из всех сил замалчивали происшествие, мешали оказывать помощь пострадавшим, а неграм мешали восстанавливать свои жилища.

75 лет спустя, летом 1996 года, городские власти официально извинились за погром и поставили мемориальную стену на одной из улиц бывшего афроамериканского города с надписью: «1921, Черная Уолл-Стрит». Несколько уцелевших и доживших до нашего времени пострадавших заговорили о материальной компенсации... но не получили ни гроша.

Погром в Тулсе — вовсе не единичное явление. В Сент-Луисе погром произошел в 1917 году, причем убито было 125 черных, в Чикаго в 1919 году — 36 человек, в городе Элайн (штат Арканзас) в 1919 году убили 38 негров.

Расовая сегрегация в США официально существовала до 1960-х годов. Части американской армии, воевавшие во время Первой и Второй мировых войн, были раздельными. Это кажется настолько диким для сколько-нибудь вменяемого европейца, что возникают забавные казусы.

Скажем, в 1960-е годы на экранах всех стран Варшавского договора шел польский фильм «Ставка больше, чем жизнь» — про героического польского офицера, внедренного в вермахт и ставшего чуть ли не личным приятелем Гитлера. Эдакий предшественник Штирлица.

Один из кадров в последней серии «Ставки больше, чем жизнь» — негр, сияющий с танковой брони «генерала Шермана», среди таких же сияющих белых. Кадр, которого не могло быть потому, что не могло быть никогда — части американской армии были раздельные. Негры отдельно, белые отдельно.

Забавные шутки шутит история! Фильм про героического полковника Клосса снимали в 1960-е годы. Мировая пресса завывала про антисемитизм, царящий в Польше, и разделялась только в одном: одни считали антисемитизм родовой метой советского строя, дру-

гис — типичной чертой поляков, независимо от политического строя. Вой шел в том числе и в США.

А поляки в это время снимали исторический фильм, даже не подозревая о расовой сегрегации, царившей в американской армии. Забыли, наверное. Наверное, полякам просто не приходило в голову, что рьяные борцы с нацизмом, спасители Европы от ужасов национал-социализма и лучшие друзья всех евреев и негров мира могут быть вульгарными расистами. И притом расистами не «в душе», в частной жизни, — а официальными расистами, согласно своим собственным законам.

Развращенные Европой, некоторые американские негры женились на европейских женщинах. Эти негры официально, по закону, не имели права появляться с женами на улицах родных городов. Только в 1948 году президент Трумэн, как главнокомандующий вооруженными силами Америки, специальным указом отменил сегрегацию, создал общие бело-черные части.

Что останется? Наверное, надо пожелать американцам дальнейшей героической борьбы за права человека во всем мире.

Но если уж мы о расовой теории — простите, немцы и в ее теории, и в практике не были лучше, но не были и хуже остальных европейцев. По крайней мере, не были хуже светочей прогресса и демократии, американцев.

Истребление людей по национальному признаку широко практиковалось не только в Третьем рейхе, но и в СССР, и во многих других странах — участницах Второй мировой войны.

После «перестройки» стало широко известно о геноциде «предательских» народов: чеченцев, крымских татар, калмыков, грсков, карачаевцев.

27 декабря 1943 года было сообщено о депортации всего калмыцкого народа и об упразднении Калмыцкой АССР.

21 августа 1944 года вышел не подлежащий опубликованию Указ Президиума Верховного Совета РСФСР

(№ 619/3) о переименовании сельсоветов Крыма. 20 октября 1944 года принято постановление Крымского обкома ВКП (б): «переименовать населенные пункты, реки и горы, названия которых связаны с татарским, греческим и немецким происхождением...»

К. Паустовский, которого трудно объявить антисоветским элементом, полагал: «этот случай с переименованиями свидетельствует об отсутствии элементарной культуры, пренебрежении к народу, к стране...»¹ Но кто его слушал, Паустовского?

23 февраля 1944 года был зачитан Указ Президиума Верховного Совета о выселении и чеченцев и ингушей за измены, за сотрудничество с врагом. Разрешается взять с собой по 20 кг багажа на семью. Для депортации чеченцев потребовалось 40 200 вагонов. Какие последствия имело это для ведения военных действий и для снабжения фронта — понятно. Но власти пошли на эти неудобства, чтобы заняться любимым делом.

Чеченцы и ингуши были депортированы и из других районов СССР, и из городов. Только в Москве уцелело 2 чеченца.

Тогда же, точно так же как в Крыму, был издан Указ о переименованиях районов и райцентров. Даже Эльбрус переименовали в Иалбузи. Тогда же провели массовое переселение в Чечню русских, украинцев, осетин, аварцев, даргинцев.

По воспоминаниям современников, «в горах осталось 2000 ослушников. Они кочевали с места на место. За ними охотились, их убивали, но они не сдавались. Горы скрывали многих из них». О судьбе этих «ослушников» и о судьбе русских переселенцев есть неплохая повесть А. Приставкина².

В 1944 году с Черноморского побережья выселили в Среднюю Азию греков — тоже за «сотрудничество с оккупантами». Как тут разделить мстительность, идеологию коллективной ответственности и примитивное

¹ Паустовский К.Г. Собрание соч. в 6-ти тт. Т. 5. М., Худлит, 1968. С. 566.

² Приставкин А. Почевала тучка золотая. Л., Лениздат, 1987.

желание «освободить» теплые, плодородные земли для «своих»?

После войны тоже проводились масштабные депортации «нехороших» народов, чем-то вызвавших неудовольствие властей. Организовывали выселения заместители Берии, Б. Кобулов и И. Серов.

В конце 1940-х сослали в Среднюю Азию несколько десятков тысяч армян-репатриантов — тех, кто приехал из-за границы, чтобы жить на исторической родине, среди других армян.

Тогда же высылали из крупных городов курдов, а в 1947 году депортировали в Казахстан и в Среднюю Азию примерно 80 тысяч грузин-мусульман. Опять же — получается «расчищали» землю для сородичей Сталина и Берии.

«Не только марксист-ленинец, но и просто здравомыслящий человек не может себе представить, как можно сделать ответственными народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, обрушить на них массовые репрессии и обречь их на уничтожение и страдания за враждебные действия отдельных людей и групп людей», — так говорил Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС.

Если бы можно было бы еще забыть — сам Никита Сергеевич организовывал голод на Украине в 1931—1932 годах и был в числе самых жестоких и беспощадных. Забыть бы... Да разве такое забудешь?

Упомянем и геноцид немцев. К началу XX века в Российской империи жили порядка 1,2 млн немцев, чуть меньше 1% всего населения. Кроме остзейских немцев, были еще большие колонии переселенцев на Волге и на Алтае.

В 1922 году создали Автономную ССР Поволжских Немцев, АССР ПН. И названия деревень на Волге звучали так: Шафгаузен, Гларус, Филипсфельд, Эрнестинендорф, Гогерберг, Цюрих, Базель.

Неприятная в советские послевоенные времена тема: голод 1921 года вовсе не минул и немцев. В селе Гримм

во время голода 1921 года из 11 тысяч жителей уцелело 5 тысяч.

Русские немцы были самым обычным, самым заурядным этносом российского суперэтноса. Те немцы, которые выбрали Россию своей родиной.

Российская империя могла восвать с Германией, но при этом нормально взаимодействовать с лояльными русскими немцами. Переименовать Петербург в Петроград переименовали (оставив «немецкими» названия Екатеринбург, Ревеля, Риги и Гельсингфорса-Хельсинки), но при попытке Союза русского народа в августе 1914 года устроить немецкий погром Департамент полиции «не рекомендовал» устраивать нечто подобное. Погрома не было.

С 1868 года, с введением всеобщей воинской повинности, немцев начали призывать на воинскую службу. Русские немцы восвали на стороне Российской империи в Первую мировую войну. Брат моего деда, Курт Шмидт, был отравлен газами на фронте и умер от скоротечной чахотки в 1922 году, в возрасте 28 лет. А дед, Вальтер Шмидт, с 1914 по 1917 год был депортирован подальше от театра военных действий, в Карелию — не ровен час, перебежит к неприятелю.

СССР декларировал на каждом шагу свой интернационализм, клеймил Российскую империю «тюрьмой народов», но восвать с Германией и быть лояльным к собственным подданным-немцам он оказался совершенно не способен. Каким-то мистическим образом немцы, родившиеся на Алтае и в Поволжье, оказались виноваты в том, что Сталин не сумел до конца обмануть и использовать в своих интересах Гитлера.

Одна из любимых баск советского времени: что в СССР нет и не может быть национального неравенства, «у нас» никого не обижают. Вот и целый фильм «Цирк» сняли — исключительно на эту тему. Как у них, в страшном буржуазном обществе, обижают негров, и как негров любят в СССР. Насчет негров судить трудно, но как же совместить с идеей «Цирка» Указ 26 августа

1941 года? Согласно этому Указу немцы в 24 часа выслались в Сибирь, на положение спецпоселенцев.

И хорошо, если спецпоселенцев! Ни в чем не повинных, чаще всего — лояльных России людей ссылали сюда, в тундру. Выбрасывали на обледенелые берега, без всяких средств к существованию, — умирать. К весне из сотен людей выживало несколько сильнейших мужиков. У большинства и могил не было — зимой хоронить невозможно, а весной начиналось гниение сотен трупов, похоронить их оставшиеся все равно не смогли бы. И эти... «счастливики», дожившие до весны живые скелеты, разбегались от несущих заразу трупов близких и родных.

Они пристраивались в заготконторы, на валку леса, становились рабочими самых различных профессий. А кто-то прибивался к ненцам жить, бежал из обернувшегося адом «цивилизованного» мира; эти учились разводить оленей, охотиться на дикого зверя. Из смеси русских и ненцев появился целый народ — долгане. Из смеси немцев и тундровых жителей возник целый оленеводческий род. Языком его стал немецкий — все же более гибкий и сложный. Слова, отражавшие охоту, оленеводство, вошли в язык от ненецкого, и только.

В 1990 году на Таймыре жило 3028 немцев.

В армии немцев тоже снимали с фронта, выключали из боевых частей и ссылали. Некоторых удалось выдать за евреев, за финнов, и они довоевали. Доводилось мне знать человека по фамилии Вогау, военный билет у которого был на фамилию Власьев.

А после войны был новый Указ Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года за подписью Н. Шверника:

«В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным Органом СССР... чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их выселения, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц произведено навечно, без права возврата их к прежним местам жи-

тельства»¹. Согласно Указу, за самовольный выезд с мест спецпоселения полагалось 20 лет каторги. За помощь в побеге, за прописку на прежнем месте жительства и прочие преступления того же рода — 5 лет.

Одновременно уничтожалась историческая память: в местах, где искони веку жили немцы, изменялись все исторические названия, сжигались архивы, сравнивались с землей кладбища.

На немцев, никогда не живших в СССР, тоже обрушивался чудовищный террор. К истреблению немцев прямо призывают многие художественные тексты времен Второй мировой. Взять хотя бы стихотворение К. Симонова, которое так и называется: «Так убей же его, убей!»

Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед,
Это он, а не ты солдат,
А тебе оправдания нет!
Так убей же немца, чтоб он,
А не ты, на земле лежал.
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвом стоял.
Так хотел он, его вина —
Пусть горит его дом, а не твой.
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплается не твоя,
А его родившая мать.
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей.
Сколько раз увидишь его,
Столько раз и убей!

Так писал Константин Михайлович, с разных сторон объясняя, почему необходимо «их» убивать.

Но это что! Вот Илья Эренбург: «...Убедить немца нельзя, но зарыть немца можно и должно. Чем больше немцев убьёт каждый босц, тем скорее кончится эта

¹ Фукс Ф. Роковые дороги поволжских немцев. Красноярск, 1993. С.61.

проклятая война. ...Убей немца — не то немец убьет тебя. Много еще немцев, но все-таки виден им конец: мы их перебьем. Немцы говорили, что они народ без пространства. Ладно, мы выдадим каждому фрицу по два аршина. Проклятая страна, которая принесла столько горя всему человечеству, которая разорила и опечалила наш народ, получит по заслугам: Германия станет пространством без народа»¹.

От теории к практике: в Восточной Пруссии Советская Армия и части НКВД истребили путем расстрелов и утопления в баржах в Балтике несколько сотен тысяч немцев — всех, кто не успел убежать. Кладбища захивались, историческая память уничтожалась, архивы сжигались или вывозились.

Точно так же вели себя поляки в западных районах Польши. Немецкое население из Вроцлава-Бреслау и Данцига-Гданьска депортировалось такими методами, что многие погибли.

Еще раз подчеркну — в этом кошмаре нет никакой особой русской или советской специфики.

Захватывая территорию СССР, финские войска уводили «своих», ингерманландских финнов, в Финляндию. За сопротивление — расстреливали. Было несколько расстрелов и русского населения: на захваченном СССР Карельском перешейке.

Румыны делали то же самое. В числе прочих «подвигов» они истребляли молдаван, которые не хотели признать себя румынами.

Венгры проводили политику официального антисемитизма, и на руках правительства Хорти — кровь десятков тысяч людей.

В Югославии хорваты развязали геноцид сербов и всех других православных народов. Миру известны лагеря уничтожения Освенцим-Аушвиц и Бухенвальд. Про лагерь Ясеновац известно мало, а в нем уничтожено больше 300 тысяч человек, в основном сербов. Общее

¹ Фукс Ф. Роковые дороги поволжских немцев. Красноярск, 1993. С. 111.

же число православных южных славян, убитых другими южными славянами, приближается к миллиону.

В 1938 году, надеясь на заступничество великих держав Запада, чехи устраивают отвратительный немецкий погром. Великие державы в Мюнхене заняли позицию невмешательства и «умиротворения агрессора». Тем самым они развязали руки нацистской Германии. Нацисты захватили Чехословакию и конечно же свели счеты с теми, кто обижает «арийцев». Но и Польша тоже воспользовалась Мюнхенским соглашением. 2 октября 1938 года она вторглась в Чехословакию и захватила там Тешинскую область с населением 237 тысяч человек, из которых поляков было от силы 33%. Многие чехи при этом были убиты или изгнаны, их имущество разграблено, недвижимость передана полякам.

В США с началом войны с Японией депортировали 112 тысяч этнических японцев. Большинство из них были совершенно лояльны к правительству и народу США и считали себя американцами. После войны доживших (30% умерли от невыносимых условий) выпустили, но имущества им никто не вернул.

Пусть мои слова не станут поняты как попытка оправдания Бабьего Яра или Хатыни. Преступления одних совершенно не оправдывают преступлений других. Я показываю только — во время Второй мировой войны не было ангелов в белых одеждах и черных демонов-нацистов. Чудовищные преступления совершали все. Абсолютно все. И разговоры об «особой жестокости» немецких нацистов, мягко говоря, несостоятельны. Это черный миф, призванный оправдать преступления победителей.

Нюрнбергский процесс над основными «военными преступниками» до сих пор пользуется большим уважением у большинства россиян. Как же! Международный военный трибунал с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года провел 403 открытых судебных заседания. В Нюрнберге судили государственную и военную верхушку Третьего рейха, его политическую элиту. Свидетелей допросили 116, а уж письменных свиде-

тельств изучили аж 300 тысяч. Издали семь томов документов!¹

... Правда, как-то не очень понятно, как можно судить людей за поступки, которые в момент совершения не рассматривались как преступления? А Лондонская конференция СССР, США, Британии и Франции 26 июля — 8 августа 1945 года создала именно такой Международный трибунал: чтобы карать за преступления, которые преступлениями не были.

Впрочем, западные державы требовали даже не суда: казни будущих подсудимых без суда и следствия. На публичном и гласном процессе активнее всех настаивал СССР.

Виктор Суворов считает, что такой Нюрнбергский процесс был нужен лишь СССР: для поимки и казни тех, кто знал и мог доказать агрессивные планы Советского Союза и факт объявления ему войны Германией.

Это похоже на правду, потому что не судили и не казнили генералов, виновных в преступлениях на Восточном фронте. А вот министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп был «изобличен» в преступлениях и казнен.

Впрочем, суждения Суворова слишком часто похожи на правду.

Процесс выносил приговоры на основании одних свидетельских показаний или на основании «признаний» обвиняемых. Именно этих людей, предназначенных для показательного процесса, не пытали. Но в ходе подготовки к Нюрнбергскому процессу и к 12 последующим процессам меньшего масштаба в 1945—1946 гг. зафиксировано множество случаев, когда военнослужащие вермахта, особенно офицеры СС, подвергались пыткам, чтобы выжать из них «необходимые» «признания».

Американский сенатор Джозеф Маккарти в заявлении, сделанном 20 мая 1949 г., обратил внимание американской прессы на следующие случаи применения пыток, чтобы выбить «признания». Офицеры дивизии СС

¹ Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов. ТТ. 1—7. М., Юриздат. 1957—1961.

«Лейбштандарте Адольф Гитлер» избивались кнутами до такой степени, что они были все в крови, после чего им наступали на половые органы, пока они лежали на полу. Допрашиваемых подвешивали и избивали до тех пор, пока они не подписывали «признания».

Генерала СС Освальда Пола били и обмазывали лицо нечистотами, пока он не подписал то, чего от него требовали. На основании таких «признаний», выбитых из генерала Зеппа Дитриха и Йоахима Пайпера, дивизия «Лейбштандарте...» была осуждена как «криминальная организация», хотя она была нормальной фронтовой дивизией.

«Я слышал и даже видел документальные доказательства того, что с пленными плохо обращались, избивали и пытали такими методами, которые могут придумать только извращенцы. — писал Маккарти. — Пленные подвергались таким мерам воздействия, как импровизированные приговоры и казни, которые отменялись в последний момент. Им говорили, что у членов их семей изымут карточки на питание или даже передадут их в советскую зону. Все это проводилось с одобрения прокурора для того, чтобы обеспечить психологическую атмосферу, рассчитанную на выбивание «признаний». Позволив себе такие действия, США дают повод остальному миру нас критиковать и сомневаться в наших мотивах и нашей морали».

Такие методы имели место также на процессах во Франкфурте и в Дахау, и значительное число немцев были осуждены только на основании их «признаний».

Как видите, не только сталинским соколам свойственна такого рода практика.

Масштаб преступлений был таков, что американцы создали Армейскую Комиссию Симпсона, которая расследовала методы дознания на судах в Дахау. Один из членов этой комиссии, американский судья Эдвард Ван Роден, рассказал о методах, которые использовались, чтобы выбить «признания».

Среди описанных методов были пытки горящими спичками, запихивание иголок под ногти, одиночное за-

ключение на полугодном содержании. Избивали «преступников» так, что выбивали зубы и ломали челюсти.

Согласно Ван Родену, 137 «обвиняемым» были нанесены удары в пах такой силы, что атрофировались половые органы. Это была стандартная процедура у американских «следователей». Репортаж о такой деятельности «следователей» был напечатан в газете Washington Daily News 9 января 1949 г., а также в английской газете Sunday Pictorial 23 января 1949 г. Но это не помешало им сделаться прокурорами.

Показания, которые давали бывшие немецкие офицеры — такие, как Хесс, Хеттль, Вислицени, Хелльригель и другие, совершенно неправдоподобны и часто кажутся попросту издевательством. В материалах НКВД есть показания некого одесского грузчика, обвиненного в шпионаже в пользу нескольких иностранных государств, в том числе Греции... По словам грузчика, собранные им шпионские данные увозил под своей черной повязкой кривой на один глаз греческий резидент Филипп Македонский.

Ну, а немецкие офицеры рассказывали, например, о расстреле ста евреев в Минском гетто, как при этом присутствовал Гиммлер и как он выbleвал тут же на землю. Всем известно, что Гиммлер никак не мог находиться в тот день в Минске, т.к. он был на конференции в Житомире. Это обстоятельство отмечено во многих книгах — например, книге К. Фовинкеля «Вермахт в войне».

Более того — в апреле 1959 г. один из «свидетелей» в Нюрнберге, Бах-Зелевски публично отказался в Западногерманском суде от своих показаний, сделанных в Нюрнберге. По его словам, эти показания не имели ничего общего с фактами и что он их сделал ради того чтобы сохранить свою жизнь. На эту историю опустилось «благоразумное замалчивание», и до сих пор выходят книги, распространяющие миф о том, как Гиммлер чуть не потерял сознание при виде расстрелянных людей. В России — хотя бы «Семнадцать мгновений весны» Ю. Семенова.

Победители так откровенно фальсифицировали «доказательства вины», что американский судья Венерстурм (Wenersturm), который был президентом одного из трибуналов на Нюрнбергском процессе, пришел в ужас от организации процесса, подал в отставку и улетел назад в США.

Судья оставил заявление для прессы, где утверждал:

— Члены прокуратуры, вместо того чтобы сформулировать и попытаться применить юридические нормы ведения процесса, занимались в основном преследованием личных амбиций и мщением.

— Девяносто процентов администрации Нюрнбергского трибунала состоит из людей с предвзятым мнением, которые по политическим или расовым причинам поддерживали обвиняющую сторону.

— Настоящей целью Нюрнбергского процесса было показать немцам преступления их фюрера, и эта цель также явилась предлогом, под которым Трибунал был создан.

Не менее красочные факты приводятся в книге об этом процессе, написанной выдающимся английским юристом Вилом и выразительно названной «Прогресс в варварстве» (1953).

Как выразился фельдмаршал Монтгомери, этот процесс сделал проигрыш войны преступлением. По словам же Харворда, этот процесс стал наибольшим юридическим фарсом в истории¹.

Цель? Самооправдание!

Но зачем нужен явно незаконный и к тому же фальсифицированный судебный процесс? Для того, чтобы из многих преступников выбрать одного ответчика за всех! Проигравшего войну, разумеется!

В ходе Второй мировой войны совершены были чу-

¹ Харворд Р. Шесть миллионов — потеряны и найдены. М., Витязь, 1998. С. 23

довищные преступления. В числе всего прочего совершались они и союзниками против немцев. «Доказать» любой ценой, что немцы негодяи и преступники, было для них способом самооправдания. Бомбардировки английского города Ковентри «проклятыми тевтонами» унесли жизни 30 тысяч человек. Бомбежки немецких городов союзной авиацией унесли жизни трех миллионов человек. Летчики выполняли приказ: бомбить не военные объекты, а жилые кварталы.

Как выглядели бы англосаксы, если бы нелицеприятный суд стал задавать им неудобные вопросы? Например, о том, насколько необходимо было бомбить жилые кварталы Дрездена, Кельна, Гамбурга, Лейпцига, Берлина — даже не пытаясь разрушить находившиеся в них промышленные и военные объекты?

Англосаксы рисковали предстать перед миром не в облике благородных спасителей человечества, а в роли грязных убийц, мстящих за Ковентри по вонючим законам времен Великого переселения народов и поедания человечины. Чтобы избежать таких ужасов, англосаксы остро нуждались в демонизации нацистов, а по возможности и всего немецкого народа.

В Первую мировую войну английская пропаганда обвиняла немцев в поедании (!) бельгийских детей, а также, что они якобы подбрасывали детей в воздух и пронзали их штыками. В дополнение к тому англичане писали, что у немцев была целая фабрика, в которой они добывали глицерин и другие вещества из трупов убитых. После войны глава Министерства иностранных дел Великобритании принес извинения — мол, это было сделано в целях военной пропаганды.

Но после Второй мировой войны извинений принесено не было, более того, вместо того, чтобы утихать с годами, пропаганда о жестокости нацистов скорее интенсифицируется.

После войны Германию буквально наводняли отряды мстителей. Известны несколько случаев, когда поляки, чехи и украинцы находили убийц своих близких и расправлялись с ними. Западная пресса и писала, и сейчас

пишет об этом достаточно свободно, тут нет никакого секрета. Случалось, мстители убивали вообще первого попавшегося под руку эсэсовца и вообще любого восставшего немца¹.

Почему же до сих пор об этом почти ничего не известно?! Почему преступники не изобличены и не наказаны?!

Да потому, что преступники приняли необходимые меры. По договору о создании ФРГ, правительство Аденауэра обязалось не проводить никаких расследований и процессов о военных преступлениях союзников. Не только не сводить счеты, но и не изучать никогда ни бомбежек, ни геноцида немцев, ни «актов возмездия».

Глупые немцы, не умеющие жить, до сих пор не нарушили навязанного им закона.

Но для самооправдания очень «полезно» обвинить одну из сторон Второй мировой войны в максимальном числе преступлений. И продолжать обвинять даже много после войны — чтобы никто не задумался.

Во Второй мировой войне воевали вовсе не Россия и Германия. Тем более вовсе не русские воевали с немцами.

Третий рейх и СССР были глубоко идеологическими, многонациональными государствами. Их жителей объединяло не происхождение, а идеология и подданство. Они имеют очень косвенное отношение к исторической Германии и к исторической России.

Третий рейх напал на СССР вовсе не «вероломно» и не «без объявления войны».

Примерно в половине четвертого ночи 22 июня 1941 года немецкий посол в Москве, фон Шуленбург, стоя перед наркомом иностранных дел Советского Союза Вячеславом Молотовым, зачитывал текст германской декларации о «военных контрмерах против СССР». По указанию Гитлера, в декларации было запрещено упоминать слова «война» и «нападение».

¹ Едвабне, или Сотрясение совести // Новая Польша. 2000. № 2.

Сам Молотов в своих мемуарах писал, что, когда Шуленбург читал текст декларации, его голос дрожал, а глаза были полны слез. Выслушав посла, нарком долго молчал, а затем тихо произнес: «Это война? Вы считаете, мы ее заслужили?» Едва сдерживаясь, немецкий посол добавил от себя, что не одобряет решение своего правительства.

В эти же минуты в Берлине советского посла Деканозова принял министр иностранных дел Третьего рейха Риббентроп. Риббентроп вручил Деканозову декларацию об объявлении войны. Пораженный посол довольно быстро пришел в себя и резко заявил: «Вы пожалевте о том, что совершили это нападение! Вы за это дорого заплатите!» Он поднялся, поклонился и, не подавая руки Риббентропу, направился к двери. Провожая посла, министр шептал: «Я был против этого нападения».

Байка о «вероломном нападении» пущена еще Сталиным во время его знаменитой речи 3 июля 1941 года. Потом эта ложь повторялась много раз, твердят ее и до сих пор. Вовсе не только в России, но по всему миру.

Как отнестись к этому месту в речи Сталина?!

Отнестись надо адекватно: как к случаю так называемого вранья. Сталин достаточно редко говорил правду, и это как раз типичный случай.

И все советские историки, которые рассказывали про «вероломное нападение Германии на Россию», лгали сразу в нескольких пунктах:

- не вероломно.
- не Германии.
- не на Россию.

В армии Третьего рейха служили вовсе не одни немцы.

В вермахт призывали не по расовому или по национальному принципу. А по принципу гражданства. В частности, этнический еврей признавался таковым только в двух случаях: если он исповедовал иудаизм и если он был записан в еврейскую общину. Во всех остальных

случаях его призывали в армию на общих основаниях, и «еврейских солдат Гитлера» было больше 150 тысяч.

В числе союзников Германии, участвовавших во Второй мировой войне, Румыния, Венгрия, Словакия, Италия и Финляндия. Испания послала целую дивизию на Восточный фронт.

В первые же недели и месяцы после 22 июня 1941 года в плен к наступающим нацистам попали от 3,5 до 4,5 миллионов советских военнослужащих.

К 1944 году 10% наличного состава вооруженных сил Третьего рейха, вермахта, составляли жители Советского Союза.

На стороне СССР воевали представители всех 120 народов Советского Союза, французы, британцы, американцы, китайцы и немцы из Германии (до 100 тысяч перебежчиков).

Союзники Советского Союза, величайшие колониальные державы того времени, Франция и Британия, мобилизовали представителей до 200 азиатских и африканских народов.

На стороне США сражались люди десятков народов, включая этнических индейцев и негров.

Попытки представить Вторую мировую войну как войну «русских и немцев» совершенно абсурдны.

Навязывание мифа

Сталинский миф о Великой Отечественной войне не разделялся ни народом США, ни европейскими народами. Но он согласовался с мифами, которые создавались в этих странах. Победители во Второй мировой войне не нуждались в объективной истине: на их руках было слишком много крови.

Несогласных было не так много. На Западе они имели право слова, но их мнения не были популярны, не могли изменить общественного мнения. А вся государственная пропагандистская машина работала на создание мифа. В каждой стране миф имел свои особенности: преувеличивалась роль «своей» армии и «своей» вклад в

общую победу, страдания и потери «своего» народа. Эти части национальных мифов были очень похожи на советский миф про Великую Отечественную войну.

В СССР даже возразить против мифа о Великой Отечественной значило заплатить жизнью за свою неуместную болтливость. Кроме того, миф поддерживался не только государством. Народ был в основном согласен с этим мифом, гнев множества людей мог обрушиться на несогласного.

Колоссальные людские потери «повязали кровью» людей. Как можно не принимать представлений, которые поддерживаются не только живыми, но и мертвыми?! Посягаешь на миф?! Тем самым оскверняешь память солдат своей страны, которые умирали за твою жизнь и твоё счастье. Они отдали за тебя свои жизни, а ты плюешь на их могилы. Такое обвинение способно остановить самого храброго человека.

Вот и Суворов извиняется перед ветеранами Второй мировой... чуть не написал: «Великой Отечественной».

То же самое и за рубежом.

Многие ли в Англии способны осознать: «серебряные крылья» летчиков Второй мировой — не крылья героев и патриотов, а крылья убийц? Не многие... В том числе и потому, что не разделять именно эту позицию общества — опасно. Можно оказаться вообще за пределами этого самого общества.

Британское общество толерантно, чудаков и оригиналов ценит. Занимаешься историей? Имеешь какие-то необычные убеждения и мнения? Ты имеешь право на поддержку. Но Дарвина и его сторонников британское общество травило: не смей разрушать удобный ласкающий миф о божественном происхождении!

Так и здесь: попробуйте только сказать... нет, не только ВСЮ правду! Сказав 5% правды о чудовищных бомбежках, вы тут же становитесь предателем, растленным типом, врагом общества.

И Суворова в Британию не пустили бы, если бы он говорил о целях Нюрнбергского процесса и о том, сколько невинной крови на руках британских ВВС.

Виктор Суворов ведет себя политкорректно: аккуратно обходит вопросы участия Британии в войне.

С Германией еще проще: немцам навязали миф штыками оккупационных армий. Послевоенные немецкие правительства, не успев возникнуть, тоже вколачивали в голову немцев, что это они начали Вторую мировую войну, совершили неслыханные преступления и сами во всем виноваты. В ГДР даже праздновалось 9 мая как День Освобождения Германии.

Каяться и рвать на себе рубаху немцу сделалось ВЫГОДНО. На примере «перестройки» мы видим — по России бегают целые толпы людей, которые охотно скажут о своем Отечестве любую гадость, — показали бы им хоть ломаный грош. И в Германии такой мрази хватает.

Визжа про ужасных нацистов, мерзких тевтонов с засученными рукавами, залитых человеческой кровью, можно сделать карьеру. Задавая неудобные вопросы, рискуешь большими неприятностями: от недопонимания коллег до судебных исков и нежелания иметь с тобой дело.

В 1964 году канцлер ФРГ Вилли Брандт встал на колени в Освенциме и официально покался в преступлениях немцев и Германии. Сам он относится к поколению, которое помнило войну, но не принимало в ней участия — по малолетству. Со вступления в активную жизнь этого поколения Германию буквально захлестывают волны настоящего покаянного психоза.

Сам В.Суворов очень хорошо пишет о том, что для немца признать его правоту смерти подобно: он просто выпадает из системы. Дед или отец этого немца не смели отрицать, что в Третьем рейхе в газовых машинах истребили 6 млн евреев и наварили из них всех мыла. Эти бедняги могли только говорить, что лично они тут ни при чем, никого не убивали и ничего из мертвых евреев не вываривали. Так же точно сын или внук этих немцев не могут отрицать, что Германия начала войну. Он может только провести исследование каких-нибудь частных случаев, не покушаясь на фундаментальные концепции.

Деструкция мифа после Сталина

Некоторые части официального советского мифа с самого начала принимались не всеми людьми. Само восставшее поколение могло иметь свое мнение о каких-то отдельных событиях. Но это все были отдельные частные уточнения, не претендовавшие на изменения главного в мифе. Да и не способные его изменить.

Сразу после смерти Сталина начал изменяться и сам официальный миф. Но изменялся он только в деталях.

Разоблачая «культ личности Сталина», Н.С. Хрущев заговорил об «ошибках» и «перегибах» руководства СССР и командования армией, которые вели к неоправданным потерям. Он поставил под вопрос осмысленность тех или иных решений.

Сама цифра потерь была пересмотрена. Сталин называл 7 миллионов человек погибших. При Хрущеве официальной цифрой стали 20 миллионов погибших советских людей.

Во время «перестройки» изменилось еще больше.

Стали еще откровеннее писать о потерях, в том числе о потерях мирного населения. Например, стали писать о голоде в СССР времен войны. Раньше тема была абсолютно запретной.

Стали писать о заградительных отрядах — тоже абсолютно запретная тема.

Стали писать о том, что не «фашисты» убили польских офицеров в Катыни, а НКВД.

Скажем откровенно — до сих пор не очень очевидно, что поляков в Катыни истребляли только советские. Но тут важно, что тема перестала быть запретной.

Но оставались неизменными главные тезисы:

- 1) О вероломном нападении без объявления войны.
- 2) Участие СССР во Второй мировой войне началось с 1941 года.
- 3) О военно-технической слабости СССР.
- 4) О военно-техническом преимуществе Вермахта.
- 5) О моральной правоте СССР в этой войне.

Какие бы части мифа и как ни изменялись, на месте оставалось главное: «они» планировали войну, мы не хотели войны. Все «наши» действия до 1941 года объясняются вынужденной самообороной. Мы восвали с Финляндией, захватывали Прибалтику, Буковину и часть Речи Посполитой потому, что обстановка нас к этому вынуждала.

22 июня 1941 года «они» без предупреждения напали на «нас». Они были очень сильные, «мы» были слабее «них». Ценой колоссальных потерь «мы» сумели остановить вражеское наступление. Ценой подвига тыла «мы» сумели создать нужное количество вооружений и разгромить ненавистного врага.

Какие бы преступления ни совершались советской стороной и какие бы безобразия ни творились, но «мы» были правы, а «они» были не правы. «Мы» добились великой победы, и наша слава будет сиять в веках.

... И тут пришел Виктор Суворов.

Истина Виктора Суворова

Часть концепции Суворова бесспорна просто потому, что подтверждается документами. Это только в СССР «ничего не знали» про секретные пункты Пакта Молотова — Риббентропа и про подготовку наступательной войны в СССР. На Западе и документы печатались, и вспоминать не запрещалось. Скажем, планировали британцы бомбовый удар по Баку и по нефтяным промыслам... Гитлер успел напасть, СССР из врага Британии и союзника Гитлера стал дорогим и ценным союзником... Налет на Баку не состоялся, но о нем помнили.

Суворов опирается на эти и многие другие документы.

Но и та часть концепции, которая документами не подтверждена, выглядит очень убедительно. Слишком много косвенных свидетельств, данных, сведений, показаний. Разные данные ложатся в стройную, как собранные пазлы, картину: Сталин считал Гитлера «ледоко-

лом революции». Он и выращивал Гитлера для того, чтобы тот внес в Европу как можно большую смуту. Сталин приготовил громадную, прекрасно вооруженную армию, сильнее любой из армий Европы. Это делает понятным характер вооружений и подготовки Красной Армии, даже ее идеологию: «восвать малой кровью и на чужой территории».

Удар по Европе должен был начаться в июле 1941-го. Отсюда и «странности»: разминированные мосты в приграничной зоне, отпуска офицерского состава накануне нападения Гитлера, карты зарубежья при отсутствии карт своей территории. Понятно, почему не придавалось значения всем показаниям и перебежчиков, и собственной разведки. Сталин считал, что подготовка к войне Гитлера уже не имеет значения: он все равно успеет первым.

Но Сталин просчитался: Гитлер его опередил!

Эта часть концепции Суворова вряд ли может быть опровергнута. То есть истерик она вызывает много, но вот аргументации как-то не слышно.

Самой по себе этой концепцией Виктор Суворов совершил деконструкцию двух мифов, очень значимых для национального самоопределения и немцев, и народов СССР, особенно русских.

Немцам Суворов сказал, что это не они начали войну. Войну подготовил Сталин, а Гитлер был только «ледоколом революции», которого Сталин пытался использовать.

Советским людям он сказал, что у СССР не было технического отставания. Наоборот! У них было как раз техническое превосходство!

Тема этого превосходства, количества и качества советских вооружений для Суворова настолько важна, что трудно даже сослаться на какое-то определенное место.

В целом эта сторона его исследования довольно убедительна, хотя не обходится без создания новых мифов. Авторских мифов Суворова.

Первый миф Виктора Суворова

Первый миф Суворова в том, что у него затюканные Сталиным немцы вообще оказываются плохо вооруженными, не подготовленными к войне и очень слабыми. Прямо жалко бедняжек становится.

Даже сверхпушка «Дора», оказывается, это такое ничемное, ни за чем не нужное изобретение. Ведь многотонный снаряд зарывается в землю и взрывается глубоко в толще земли, не причиняя никакого вреда.

... Ну да... А если пушка «Дора» применяется против бстонных укреплений? Против противника, сидящего под защитой толстой брони и бетона? Скажем, знаменитую 30-ю батарею, защищавшую Севастополь, с лица земли смела именно «Дора». Видимо, все-таки не совсем бесполезная? Вопрос, где и как применять?

Про советские танки даже сказано «танк-агрессор». Невольно улыбаешься: а у нацистов танки были сугубо мирные? И у французов... И у англосаксов? Невольно вспоминается старый советский анекдот: «Враг из-за границы обстрелял мирно пахущий советский трактор. Ответным огнем трактор уничтожил противника».

Получается: чехи делали для вермахта исключительно мирно пахущие трактора. А вот советские были танками-агрессорами. Эти — для наступления!

Миф об автоматах

Поразительно, но и профессиональный военный Резун-Суворов, и Веллер, постоянно хвастающий своими познаниями в оружии, просмотрели элементарную, в общем-то, вещь. Объяснить могу только одним: глубоко советские люди, они «купились» на поворот сталинской военной пропаганды.

Для Суворова наличие на вооружении пистолетов-пулеметов, или автоматов — однозначно признак могучей военной промышленности, высокого качества и современности вооружений.

Но автомат — вовсе не символ могучей военной промышленности. Наоборот. Автомат — дитя бедности.

Основное вооружение пехоты во Второй мировой войне — винтовка, то есть длинноствольное автоматическое или полуавтоматическое ружье с нарезами в дуле. Нарезы придают пуле вращение, пуля летит далеко и долго сохраняет убойную силу.

Принятые на вооружение в СССР винтовки Мосина выпускались в нескольких модификациях, с длиной ствола 800, 730, 729 мм. Магазин на 5 патронов обеспечивал скорострельность до 10 выстрелов в минуту.

Максимальная дальность поражения — до 2000 м. Дальность прицельной стрельбы оценивалась в 500 метров, но зависела уже не от характеристик оружия, а от качеств подготовленного солдата. Снайперы уверенно поражали цель на расстоянии до 800 метров¹.

«Вопреки распространенному мнению о чуть ли не поголовном вооружении вермахта пистолетами-пулеметами, основную массу его вооружения составляли магазинные винтовки и карабины системы Маузера. На сентябрь 1939 г. пехотная дивизия вермахта имела по штату 13 300 винтовок и карабинов и 3700 пистолетов-пулеметов»².

Mauser G98 (Gewehr 98) (Маузер 98) — немецкая винтовка, созданная в 1898 году фирмой «Маузер». Эта винтовка Маузера оказалась настолько удачной, что в малоизмененном виде прослужила в германской армии вплоть до конца Второй мировой войны. Это только в фильмах киностудии имени Довженко нацисты идут в бой в рогатых шлемах, с автоматами у бедра и с придушенными курицами, прицепленными к брючному ремню за мученически растопыренные лапки. Глядя эти фильмы, пожилые немцы смеются буквально до слез. Не говоря ни о чем другом, в вермахте неплохо кормили. Ловля кур была для солдат вермахта намного менее

¹ Наставление по стрелковому делу. Винтовка обр. 1891/30 г. и карабины обр. 1938 г. и обр. 1944 г. М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1953.

² http://www.gewehr.ru/2006/12/22/mauser_9_8.html

характерным занятием, чем для полуголодных солдат многих других государств, да и для многих частей Красной Армии.

Характеристики маузеровской винтовки мало отличаются от мосинской: пять патронов, прицельная дальность до 2000 метров, предел надежной стрельбы 400—600 метров, длина ствола в разных модификациях от 1100 до 1250 мм.

Так вот — изготовить винтовку трудно. Для этого нужно много деталей, изготавливаемых с высокой степенью точности на фрезерном станке. Еще труднее просверлить длинный ствол и сделать в нем точные нарезы. Нужна квалификация рабочих, нужно время и оборудование.

А вот пистолет-пулемет состоит в основном из деталей, которые готовятся штамповкой. Таков и пистолет-пулемет, изготовленный под пистолетный патрон. Таков и автомат, сделанный под промежуточный патрон, средний между пистолетным и винтовочным.

И ствол у пистолета-пулемета короткий. У немецкого эмпи-40 («шмайссера») — 251 мм. У советского ППШ 269 мм. Даже знаменитый «Калашников», изготовленный под промежуточный патрон, имеет ствол длиной 414 мм — заметно меньше даже кавалерийского карабина. Такой ствол намного легче и просверлить, и нарезать. Для этого нужна намного меньшая квалификация.

Вот только дальность стрельбы у пистолета-пулемета несравненно меньше винтовочной. И точность стрельбы куда меньше. Расточительная стрельба очередями помогает, но от большого числа выстрелов ствол быстро перегревается, точность стрельбы становится еще ниже. На расстоянии даже в 100 метров пистолет-пулемет мало эффективен. Он — дешевое и скверное оружие, которое производили не от хорошей жизни¹.

Сталин делал хорошую мину при плохой игре, выдавая переход на автоматы за могучие шаги прогресса и

¹ *Болотин Д.Н.* История советского стрелкового оружия и патронов. М., 1992 г.

за прозорливую и мудрую политику партии большевиков.

Показывая нациков, которые мчатся на мотоциклах (по вспаханному полю) с автоматами наперевес или пиджонски палящими из них от бедра, киностудия имени Довженко хотела показать технически прекрасно подготовленных и сильных врагов. А если разобраться, «работала на Суворова»: показывала плохо вооруженных, пьяных, голодных солдат, которые гоняются за курами в шутовских шлемах с рогами.

Странно, что Суворов этого не заметил.

Второй и главный миф Виктора Суворова

Но гораздо важнее другое: Суворов невероятно много пишет про вооружения, технику, военные приказы, горючку, рода войск, время извлечения приказов из конверта, разминированные мосты и так далее.

Но он совершенно не пишет об общественной психологии тех, кто выполнял приказы и приводил в действие вооружения.

И объяснения побед и поражений у него тоже сводятся к материально-техническим моментам.

Куда девалось громадное количество вооружений, заготовленных в СССР после начала войны? Суворов-Резун отвечает ничтоже сумняшеся: всю подготовленную технику и вооружения нацисты уничтожили в первые дни, чуть ли не первые часы войны.

Было это все, было! Готовился Сталин к захвату Европы! Но уже загнанный в угол «ледокол революции», Гитлер в последний момент нанес упреждающий удар и уничтожил, разбомбил и пожег фантастическое количество оружия, снаряжения и техники.

Выглядит не особо убедительно. Даже непривычно после всегда убеждающих умозаключений Резуна.

Для того чтобы дать более внятное объяснение, потребовался другой человек.

Мифы Марка Солонина

Сказав «А», приходится говорить и «Б». Владимир Резун первым начал деконструкцию мифа — и честь Резуну-Суворову. Будь славен, Виктор Суворов!

Но очень уж большой миф и чересчур великими силами создавался, десятилетиями прорастал в общественное сознание. Суворов только начал размонтировать здание этого мифа, и только. А за Суворовым естественнейшим образом потянулись и другие.

Марк Солонин уже пришел и уже сказал о Второй мировой войне чуть больше Суворова, открыл новые «великие» тайны.

Марк Солонин заговорил о «человеческом факторе». О той элементарной истине, что всякая военная техника приводится в действие людьми. Что мало проку даже от огромного количества самых хороших самолетов, если летчики на них — с низкой квалификацией.

Часы налета?!?!?!¹

Всякое оружие, как и абсолютно любая техника, требует квалификации для применения. Чем сложнее техника — тем и квалификация выше. Проще всего — бежать в атаку с дегенеративным воплем «Уря-я-я-я!!!!!!» и палить от бедра в белый свет, как в копеечку, из любимого сталинского пистолета-пулемета, символа современных вооружений. Уже винтовка требует более серьезного обращения и осмысленного применения. Еще сложнее приводить в движение танк, пулеметный ствол, артиллерийское орудие.

Солонин показывает на множестве примеров, что солдаты и офицеры Красной Армии попросту не обладали нужной квалификацией. По существу, они губили доверенную им технику или в лучшем случае использовали ее на незначительную часть возможного.

¹ Солонин М. На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года. М., 2008.

Очень интересная тема: при всем своем декларативном «демократизме» советская система ни в какие времена не была способна работать на человека и использовать его потенциал. Сталин и его сарычи, прозванные «соколами», искренне полагали, что колоссальные армии и громадное количество оружия и техники само по себе сделает их непобедимыми. И, как обычно, проиграли — именно потому, что не учитывали «человеческого фактора».

Пока не будем развивать эту тему, вернемся к Солониному.

Марк Солонин нимало не отрицал всего сказанного Суворовым... Он на Суворова опирался. В этом смысле Солонин, конечно, не ученик Суворова, но его последователь. «Если я вижу далеко, то это потому, что я стою на плечах гигантов», — сказал в свое время Чарльз Дарвин. С плеч Суворова его последователь сумел увидеть дальше того, кто первым вошел в эту дверь.

Он просто делает следующий шаг.

Марк Солонин показал, что нацисты не уничтожили накопленное для захвата Европы. И не истребили Красную Армию. Все проще: в 1941 году Красная Армия попросту разбежалась. Приграничные части состояли из жителей западных областей СССР, «присоединенных» к СССР в 1939 году. При первых же ударах они побежали... А потом разбрелись по домам. В 1944—1945 годах в Советской Армии насчитывалось 3 млн «повторно призванных»: тех, кого вновь пошедшая на запад Советская Армия призвала второй раз.

Вот теперь, после Солонина, все становится окончательно ясно!

Чего нет у Суворова с Солониным

Не только Суворов, рассуждающий в основном о калибре пушек и ходовых характеристиках танков, но и Солонин не произнес крамольной фразы... Вплотную подошел к ней... Фактически дал многие сведения... Но не решился переступить важный психологический запрет...

Придется решиться мне!

Дело в том, что Вторая мировая война для русского народа и всех народов СССР была еще и Второй Гражданской войной. Стоит понять это — и исторические пазлы собираются уже окончательно.

Начать с того, что Гражданская война только в советских учебниках шла с 1918 по ноябрь 1920 года. Якобы вот победили Врангеля — и все, и советские люди под руководством родной партии большевиков пошли строить счастливую мирную жизнь и готовить бесклассовое общество. Это не так.

1) Боевые действия между Красной Армией и Белой армией (Земской ратью государства братьев Меркуловых) на Дальнем Востоке продолжались до 1924 года.

Даже формально Гражданская война продолжалась по крайней мере до этого времени — пусть и не в Европейской России.

2) В СССР о боевых действиях против крестьянских армий писали как о «мятежах» и в лучшем случае как о восстаниях. В какой-то степени восстанием можно считать события в Петербурге и на всем Северо-Западе в 1921 году. Это восстание вошло в историю как «Кронштадтский мятеж» — коммунисты пытались преуменьшить масштабы события.

Но разве движение крестьян на Тамбовщине было восстанием? «Зеленые» в Тамбовской губернии с самого начала Гражданской войны существовали автономно. Они слабо поддерживали белых, но с красными восстали до осени 1922 года. Они не «восстали», они продолжали войну. А коммунисты, разделавшись с белыми армиями, активизировали войну с «зелеными» ополчениями крестьян.

Точно так же и крестьяне Сибири никогда не были подданными Совдепии. Они не могли ни «изменить» советской власти, ни «восстать» против нее даже при сильном желании.

Война с «зелеными» 1920—1924 гг. была не цепью восстаний, а продолжением Гражданской войны. На

этой стадии войны погибли 238 тысяч красноармейцев¹ и порядка миллиона вооруженных крестьян и мирного населения, заложников и истребленных.

И дату конца босвых действий назвать трудно. На Сахалине последние «зеленые» партизаны были разбиты в 1925 году. В Крыму последние «зеленые» и татарские националисты сдались в 1926 году. В Якутии последние «зеленые» партизаны были разбиты только в 1929 году. «Армия ислама» Джунаид-хана последний раз приняла бой в 1934 году.

Уже этих данных достаточно, чтобы понять: и после 1920, и после 1922 года Гражданская война продолжалась.

3) В 1920 году за границу ушли белые армии: сотни тысяч вооруженных людей, принимавших присягу. Все они считали себя русскими или россиянами и никогда не были враждебны России. Но они находились в состоянии войны с Советами и были непримиримыми врагами советской власти и самой идеи коммунизма.

С руководителями белого лагеря никто и никогда не заключал мирного договора и не признавал своей капитуляции. Формально армии Врангеля, Юденича, атамана Семенова, Земская рать правительства Меркуловых во Владивостоке, босвая дружина генерала Пепеляева находились в состоянии войны с советской республикой.

Люди из Российского Общевоинского Союза и Братства Русской Правды, белые солдаты и офицеры, проникали в СССР, совершали теракты, продолжали Белую борьбу другими средствами.

Коммунисты тоже продолжали войну на территории других государств. Война с Белыми армиями была перенесена на территорию других стран, велась другими средствами, но вовсе не завершилась.

В 1928 году при весьма странных обстоятельствах скончался барон Врангель. В 1930 году убит при попытке похитить его агентами НКВД генерал Кутепов.

¹ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 54.

В 1937 году похищен агентами НКВД и вывезен в Москву новый председатель Российского Общевоинского Союза генерал Миллер. Похищение совершилось с целью продвинуть на пост председателя РОВСа агента НКВД генерала Н.В. Скоблина.

Отправляясь на встречу и чувствуя опасность, Миллер оставил записку сотрудникам с указанием, к кому он отправился вместе со Скоблиным. Поэтому захватить РОВС коммунистам не удалось. Генерал Миллер был расстрелян в Москве 11 сентября 1939 года, уже после начала Второй мировой войны, накануне вступления Красной Армии на территорию Речи Посполитой.

С белыми эмигрантами, которых удавалось захватить во время рейдов на территорию Польши, Румынии или Китая, и с теми, кто возвращался в Совдепию, поверив красной пропаганде, поступали по законам военного времени.

И после Второй мировой войны тоже. Все бывшие русские подданные, которых застал рейд Красной Армии в Китае в 1945 году, были уничтожены или сосланы. В особенности сурово поступали со всеми социально активными людьми: кто в эмиграции высказывался хоть о чем-то политическом.

Гражданская война продолжалась и после Второй мировой войны. Оставляя русскую землю, Белая армия вывозила с собой прах своих солдат и офицеров: красные оскверняли и уничтожали могилы. В 1921 году прах В.О. Каппеля, умершего на льду Байкала в 1920-м, был перенесен из Читы в Китай и захоронен в Иверской церкви города Харбина в Маньчжурии.

А в 1955 году установленный на могиле В.О. Каппеля памятник снесен по требованию СССР: после перехода власти от Чан Кайши к Мао Цзэдуну. Коммунисты в 1955 году доводили до конца то, чего не смогли сделать в 1921-м.

Уже этих данных достаточно, чтобы понять: и после 1920, и после 1922 года Гражданская война продолжалась.

Это была вовсе не только война русских с русскими

и не война народов Российской империи друг с другом или их разных партий. Гражданская война с самого начала считалась Мировой войной пролетариев с буржуями. Фактически она была войной утопии с исторически сложившейся реальной политической, общественной и экономической жизнью. Такая война не признавала никаких границ между государствами.

В каждом государстве и в каждом народе коммунисты видели угнетенный пролетариат и эксплуататоров — буржуев. Они считали, что рано или поздно Гражданская война вспыхнет везде, во всех государствах. Земшарная республика Советов — неизбежна!

В разделе Первом Конституции СССР 1924 года, «декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик», прямо писалось:

«Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих Советов и единодушно принявших решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, служит надежной поручкой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»¹.

Остается поражаться или слепоте, или чудовищному лицемерию тех, кто отрицает: СССР готовился к войне. Конечно, готовился. И не только в конце 1930-х годов.

¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. М., 1924.

СССР ВСЕГДА готовился к войне и вел войну. Он и был создан, как временный военный лагерь на пути к Земшарной республике Советов.

Различия в позициях Троцкого и Сталина не так уж сильны. Троцкий слишком уж увлекся своим собственным красноречием и красноречием коллег. Он думал, что Мировую революцию можно и должно подтолкнуть пропагандой марксистских идей.

А Сталин (и уж, наверное, не он один) полагал, что агрессия уже захваченной коммунистами страны против других — самый лучший способ организовать эту самую Мировую революцию. То есть революции — вооруженного восстания масс — в этом случае может и не быть. А Гражданская война есть: война армий за разный политический строй. Сперва Гражданская война, а уж потом, может быть, и революция, если аборигены оценят. И Гитлера он называл именно «ледоколом революции», а не «ледоколом империи» или «ледоколом СССР». Стремясь завоевать весь мир, Сталин только продолжал начатое в октябре 1917-го. Только иначе.

Вот Виктор Суворов судорожно доказывает исходную агрессивность СССР в конце 1930-х годов... И это вызывает улыбку у историка: ну что ломится в открытую дверь?! СССР и создавался, как плацдарм для завоевания мирового господства. Суворов приводит только отдельные, поздние примеры, не более.

Опыт революционных войн

Победив, революция пытается распространить себя и на соседние страны. Французская революция¹ пыталась принести то, что она считала своим высшим достижением, в Италию, Германию, Испанию. Принести на штыках французской армии. Гражданская война сделалась одновременно и национальной войной.

Так же точно и коммунисты еще до переворота Ста-

¹ Надеюсь, читатель извинит меня, если я не буду называть ее Великой Французской революцией? Я брезгливый.

лина в 1929 году были готовы вторгаться в другие страны, чтобы принести в них советскую власть. Гражданская война создала опыт: советскую власть удалось принести в Среднюю Азию, Грузию, Армению, на Украину и в Молдавию. Не будь штыков Красной Армии — там не было бы советской власти. Национальная война велась не за территорию и ресурсы, но за право установить в стране другой политический строй. Национальная война легко перехлестывала в гражданскую.

Но никакая болезнь и никогда не проникнет в здоровое тело. Никакие немецкие денежки, никакая пропаганда еврейских и европейских умников никогда не свалили бы Российскую империю, не ввергли бы ее в Гражданскую войну, если бы Российская империя была бы совершенно здоровым организмом.

Точно так же и никакая военная агрессия Советской России или СССР не могла бы установить советскую власть без помощи населения захваченных стран. Польша не стала советской не потому, что она большая и сильная, а потому, что против советской агрессии пошли даже польские коммунисты и анархисты. Никто в Польше не хотел становиться частью государства с центром в Москве. Эстония маленькая, но и она отстояла свою независимость. А Украина большая, но в ней были те, кто помогал большевикам ее завоевывать. И в маленькой Армении этих любителей хватало.

Советской власти в Армении не было бы и в том случае, если бы все армяне дружно поднялись против советской власти. Но часть армян были коммунистами, они и сами хотели советской власти. Они помогали Красной Армии и устанавливали советскую власть вместе с комиссарами из Москвы.

Гражданские войны в странах Европы вспыхивали и без всякой провокации со стороны СССР. «Красное двухлетие» в Италии. Гражданская война в Испании 1936—1938 годов. Великая забастовка 1926 года в Британии. Гражданская война 1926 года в Польше, фашистские перевороты в Болгарии, Венгрии, Румынии, Литве, Латвии происходили и без введения советских войск. Тем более без «руки Москвы» началась Гражданская война в Ки-

тае, и Китай распался на 8 враждующих государств. СССР не имел никакого отношения к множеству революций и путчей в странах Латинской Америки.

Между 1914 и 1945 годами мир неизменно изменился. События в России были важны, но они — только часть событий во всем мире. С 1914 года мир вступил в полосу войн и революций, продолжавшуюся 21 год... Он вынырнул из этой кровавой «полосы» совершенно другим! Как герой сказки, ныряющий в кипящее молоко или в кровь. Нет ни одной страны, в которой за эти 21 год не изменился бы политический строй. В одних странах он изменился не очень значительно, в других все стало совершенно иным, но никто не остался таким же, как был до 1914-го.

На фоне этого двадцатилетия Вторая мировая война — только завершающая фаза Мировой гражданской войны.

Историки спорят: прогремели на свете две Мировые войны, 1914—1918 и 1939—1945 годов или была только одна Мировая война, но с большим, сравнительно мирным, перерывом между активными фазами?

Но точно так же, как задаются вопросом о числе Мировых войн, можно спросить и иначе... А сколько было Гражданских войн? Было их много в разных странах, с разными датами, или все это одна, растянувшаяся во времени, грандиозная Мировая Гражданская война 1914—1945 годов? В этой Мировой Гражданской войне Гражданская война в России 1917—1922 года — только один из эпизодов. Вторая мировая война — тоже один из эпизодов.

На мой взгляд, вопрос только в одном: считать ли Мировой Гражданской войной весь период 1914—1945 годов или только 1939—1945?

Россия — продолжение Гражданской войны

Наверно, самый подлый и самый лживый из тезисов официальной советской пропаганды: о политическом единстве советского народа.

К 1939 году в СССР было множество людей, вовсе не разделявших воззрения коммунистов, а то и враждебных этим идеям. Не будем даже говорить, что в зарубежье жило до миллиона активных врагов советской власти и что они охотно работали на финскую, германскую, американскую, китайскую, японскую разведки и армии.

Число советских перебежчиков в Финляндию, Китай и Персию, Румынию и Польшу исчисляется по крайней мере десятками тысяч человек.

В 1941 году Красная Армия частично разбежалась — новобранцы из западных районов СССР. Частью же Красная Армия сдавалась в плен батальонами, полками и чуть ли не дивизиями.

Число сдавшихся называют разное: от 3—5 млн до 4—5 млн. Приблизительность цифр доказывает одно: толком никто не считал. Именно по их поводу Сталин произнес свое знаменитое: «В Советском Союзе нет военнопленных. В Советском Союзе есть предатели».

Заметим: Сталин поступил с этими людьми не как монарх, президент, глава правительства. Он действовал по законам Гражданской войны. И когда решал, что за сдавшихся в плен отвечают члены их семей, он поступал по законам той, казалось бы, уже давней Гражданской войны 1917—1924 годов.

И он сам, и его окружение были сформированы Гражданской войной и как личности, и как политические деятели.

Но их решения и их политические пристрастия совершенно не обязаны были разделять все россияне.

Известно, что в вермахте служило много жителей Советского Союза: 310 тысяч русских, 53 тысячи казаков, 250 тысяч украинцев, 110 тысяч человек из народов Северного Кавказа, волжских татар — 40 тысяч, крымских татар — 20 тысяч, других тюркских народностей — 180 тысяч человек. Это на начало 1945 года, и к тому же в это число не входят эстонский, латышский легионы СС, несколько литовских батальонов СС.

Если граждане одной страны воюют во враждующих армиях — то что это, если не гражданская война?!

Кзаки в 1941-м раскололись на прокоммунистические и пронацистские силы. Казачья белая эмиграция встала во главе казачьего коллаборационизма, а во главе казачьих частей стоял штандартенфюрер СС, казачий батько Гельмут фон Паннвиц.

Крымские татары и народы Северного Кавказа (чеченцы, карачаевцы, калмыки) дали примерно одинаковое количество добровольцев в вермахт и в Красную Армию. Если это не раскол народа и не гражданская война, то что же это?

Как видно, во время событий 1941—1945 гг. между собой воевали не только и даже не столько национальные силы, сколько политические. Сидели в окопах друг напротив друга, стреляли друг в друга из пушек и ружей, сходились в рукопашных люди одних народов. И в огромном большинстве случаев речь шла не об «отдельных отщепенцах» — это позднейшая пропагандистская утка, речь идет о расколе народов по политическому принципу.

Всегда, когда в столицу временно оккупированной страны (нациками или комиками, без разницы) вступала национальная армия, всегда речь шла об определенной политической силе! Которая планировала использовать получение власти для проведения своей политики и реформ в соответствии со своей идеологией.

Не только военнотружущие вермахта, но и угнанные на работу, трудившиеся в спецлагерях, носившие на одежде специальный знак «Ост» — и из них не больше 15% хотели вернуться в СССР. Если читателю очень хочется, он может считать, что 85% бывших советских людей были негодями и предателями по духу. Но и в этом случае Гражданская война — налицо.

Число «перемещенных лиц» в Германии на 1945 год неизвестно. Согласно официальной советской статистике, в 1945-м «вернулись на родину» 5 236 130 человек. Статистика наверняка не полна: слишком многие пытались спрятаться, сбежать, укрыться от возвращения в СССР. Но судьбы их уже предрешены.

Сговор в Ялте

Послевоенная система родилась как результат сговора нескольких самых сильных стран земного шара. Каждая из них охотно распространила бы свой политический строй на весь земной шар. Ведь Гражданская война идет Мировая. Не только Сталин охотно создал бы Земшарный СССР. Англосаксы охотно сделали бы земной шар сплошным скоплением «демократических республик», экономически зависящих от США и Британии.

В ходе Мировой гражданской войны самые сильные державы не могут одолеть друг друга и потому договариваются о том, каким будет послевоенное устройство мира. Это происходит на Крымской конференции, в Ялте, 4—11 февраля 1945 года. Встреча У. Черчилля, Ф.Д. Рузвельта, И.В. Сталина при участии министров иностранных дел и начальников штабов: три победителя во Второй мировой войне откровенно делили добычу.

Народы воевали и строили, люди надеялись и верили, что приближают «этот день победы». Что после Дня победы они смогут хоть как-то влиять на устройство своей жизни. А все уже было решено. И, может быть, самое отвратительное, самое издевательское в этом то, что решали за другие народы, делили мир державы, объявившие сами себя воплощениями демократии и свечочами прогресса.

В Коммюнике конференции три державы решали, что после поражения Германии каждая из них оккупирует определенную зону, а Большой Берлин будет находиться под совместным управлением. Германия должна была находиться под совместным управлением трех держав-оккупантов, главнокомандующие которых будут находиться в Берлине. Разделены были и будущие репарации.

Немцы еще умирают на фронтах, еще поднимаются в безумные атаки. Немецкие женщины харкают кровью, учатся жечь фаустпатронами танки на улицах собственных городов. Еще собирается «фольксштурм»: ста-

рые да малые, младше 16 и старше 60 лет. Они идут умирать под гусеницами советских танков с шибко веселой народной песней:

Wir — «neue Waffen»,
Wir — alte Affen.

Что означает по-русски:

Мы — «новое оружие»,
Мы — старые обезьяны.

Еще где-то бегут вдоль линии фронта немецкие коммунисты — служащие Советской Армии. Они бегут с рупорами в руках, кричат через линию окопов призывы сдаваться, бить нацистов, переходить на сторону Советов, строить демократическую Германию. Еще немецкий же снайпер, скрипнув зубами, ловит «предателей» на мушку по слуху, на голос.

А все уже сосчитано, поделено. Известно, как эти люди будут жить, в каких условиях, сколько они будут платить и кому.

В «Декларации об освобожденной Европе» державы дружно заявляли, что они будут согласовывать свои действия при решении политических и экономических проблем Европы после войны. На Крымской конференции декларировалось, что все народы Европы смогут «создать демократические учреждения по собственному выбору»¹. А если выбор народа — фашизм? А если — национал-социализм?

Ах! О таких ужасах у нас до сих пор не принято говорить!!!

Союзники договорились о том, что будущее государственное устройство Югославии решит Временное объединенное правительство, в которое войдут все политические силы — от коммунистов до монархистов.

Было также решено, что в правительство будущей Польши войдут и польские политические эмигранты — ее законное правительство, бежавшее за границу в 1939 году. Определялась будущая граница Польши, и реше-

¹ БСЭ. Т. 13. М., 1973. С. 514.

но было отдать Польше давно онемеченные земли на севере, например, Гданьск-Данциг, и на западе — Щецин.

Но одновременно решалось, что Вильно станет литовским Вильнюсом, а Львов станет украинским городом. Немцев выгонят из собственных домов, прикладами забьют в товарные вагоны и навсегда увезут из Данцига, где родилось и выросло больше двадцати поколений. Но точно так же поляки из Львова и Вильнюса будут поставлены перед простым выбором — бежать с родины или быть истребленными.

Было также решено, что не позднее, чем через 2—3 месяца после капитуляции Германии СССР вступит в войну с Японией и получит Южный Сахалин и Курильские острова. На этих землях еще живут японские поселенцы, они еще строят какие-то планы, на что-то рассчитывают и надеются — но и они уже обречены.

Разбредаются по Европе угнанные на восток украинцы, русские и белорусы... Большинство из миллионов «перемещенных лиц» хотят немногого — хоть как-то устроиться и отдохнуть, не возвращаться в Советский Союз. Но и их судьба предрешена: на Ялтинской конференции разбойники договорились, что в Советский Союз должны вернуться все, кто на момент начала войны был гражданином СССР. Независимо от своего желания. Если власовцы, казаки или кабардинцы сдаются в плен союзникам — они тоже подлежат выдаче.

Великое предательство

Весной 1945 года Русская освободительная армия генерала Власова, РОА, еще ведет какую-то самостоятельную политику. Она еще вступает в бой за Прагу: нацисты заминировали город, хотят его взорвать, как взорвали Варшаву. Чехи подняли восстание, зовут на помощь.

В учебниках по истории СССР писалось много самых разнообразных сказок: одна из них про то, как 8 мая

1945 года восставшие жители Праги бросили по радио клич: «Красная Армия, выручай». На самом деле радиопризыв был на трех языках сразу — на русском, французском и английском. Почему на русском? А потому, что чехи знали о русских частях вермахта. Звали они не Красную Армию.

В СССР из всех сил скрывали, что Прага освобождена от гитлеровцев силами власовской армии. Но что поделывать? Факт остается фактом — дивизия Власова первой пришла на помощь чехам, опередив и советские войска, и американцев. Именно она фактически спасла чехов от резни, а Прагу — от неминуемого превращения в каменную пустыню. Более 300 власовцев заплатили за это жизнью, в несколько раз больше были ранены. После 1989 года в Праге поставлен памятник солдатам и офицерам власовской армии.

Но факт и другое — помогая чехам, власовцы потеряли несколько драгоценных дней, когда они могли бы уйти вглубь американской зоны оккупации. Они оказались зажаты между боевыми порядками 25-го советского танкового корпуса и 3-й танковой американской армии. Американцы отказались пропустить 1-ю дивизию Власова. Несколько дней шли переговоры. Лично Власову и людям из его окружения несколько раз предлагали переодеться в штатское и бежать. Он отказался.

Многие американские офицеры относились к власовцам сочувственно, но — люди военные — они получили приказ, и они выполнили приказ. Командующий третьей армией Д. Паттон категорически отказался взять власовскую армию в американский плен и посоветовал только пробиваться на запад мелкими группками. 12 мая дивизия официально была распущена последним приказом генерал-майора С.К. Буняченко. Началось массовое неорганизованное бегство людей; американцы доносили, что «белые русские» бегут от Красной Армии, «как звери». Руководство армии приказало открыть огонь по спасающимся русским, велело «задержать всех белых русских и выдать их Красной Армии». 12—14

мая шло планомерное уничтожение остатков дивизии, расстрел безоружных людей, которым не стало места на земле. Из 10 тысяч спасителей Праги уцелели буквально единицы.

Что тут сказать? Наверное, так: да здравствуют Соединенные Штаты — верные союзники Сталина! Ура американской демократии!

В числе спасшихся — командир батальона 3-го полка П.Н. Кучинский — он выдал местоположение и опознал А.А. Власова. За этот воинский подвиг, достойный настоящего советского человека, ему присвоили звание капитана Советской Армии и дали ему орден Отечественной войны 1-й степени.

Впрочем, еще неизвестно, как сложилась бы судьба власовцев, и сдайся они американцам. В 1945—1947 годах англичане и американцы выдали на верную смерть несколько сотен тысяч русских людей, не желавших возвращаться в СССР.

Подробности ужасны. Русских людей обманывали до последнего момента, были случаи, когда им подмешивали в кофе снотворное и выдавали СМЕРШу спящими. Английский капитан Дэнис клялся именем королевы, что устроит русским казакам встречу с фельдмаршалом Александром, после чего отвез их прямо в расположение советских частей.

Доблестные англичане, природные рыцари, чьи офицеры очень гордились своим джентльменством, сами принимали участие в убийствах и пытках. 1 июня 1945 года 8-м Аргайльским батальоном со страшной жестокостью был разгромлен Казачий стан. Массовыми самоубийствами сопровождалась выдача в Лиенце Казачьего стана генерал-майора Т.И. Домашевского и 15-го казачьего кавалерийского корпуса трехдивизионного состава Г. фон Паннвица. Детей, стариков, женщин, раненых избивали ногами и прикладами, силой швыряли в подошедшие грузовики. Английские солдаты очень веселились, когда казаки убивали жен и детей, оставляя по-

следнюю пулю для себя. Остается пожалеть, что пулю они оставляли не для британских подонков.

И в американской зоне оккупации 19 января 1946 года в Дахау 14 человек покончили с собой, 21 человек пытались убить себя. В Платтлинге 24 февраля 1946 года тоже прошли массовые самоубийства. Американцы и англичане старались спасти самоубийц и всегда выдавали их — порой еще в бинтах.

Генерал-майор В.И. Мальцев в 1938—1939 годах провел 11 месяцев в Ашхабадской тюрьме, где подвергался страшным истязаниям, но не подписал никаких «признаний». Этот человек шел за Власовым совершенно сознательно и идейно. В американском плену он писал отчаянные письма генералу Эйзенхауэру, стремясь спасти своих офицеров от выдачи. Он выражал полную готовность предстать перед международным судом.

В момент выдачи, 16 августа 1945 года, Мальцев перерезал горло заржавленной бритвой. Американцы поместили его в закрытый советский госпиталь, откуда он переведен в Бутырскую тюрьму. На суде Мальцев держался непримиримо.

Американская военная пресса очень веселилась по поводу самоубийств; сохранилось немало статей, так что отвертеться от фактов американцам будет непросто.

Любопытно, что уже в 1970-е годы А. Иден (лорд Эйвон), персонально отвечающий за «проведение всей этой политики», неоднократно писал графу Н.Д. Толстому, автору книги «Жертвы Ялты», «пытался оправдать респатриации, отказываясь в то же время отвечать на конкретные, причем ключевые вопросы»¹. По-видимому, считал, что все было правильно. В 1995 году англосаксы и французы пышно отпраздновали окончание II Мировой войны. И ни слова покаяния. Все в порядке.

Не менее ужасна участь югославских четников, воевавших против коммунистов Тито. Тот же самый капитан Дэнис выдал словенский корпус Льва Рупника вме-

¹ Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 12.

сте с больными, ранеными, инвалидами. В грузовики швыряли даже инвалидов в гипсе и слепых, потом прикладами стали загонять медицинских сестер и врачей. Среди самоубийц были дети 13 и 14 лет, брат и сестра. Они были неумелые, не довели дела до конца, и добрые английские солдаты помогли подросткам, добились их штыками.

Один из очевидцев описывал, как «бежал, вернее, скакал... инвалид на костылях. Отталкиваясь от земли своими подпорками, громадными прыжками несчастный пытался укрыться в лесу. Английские солдаты встали на колесо и стали бить в него из карабинов. Они хохотали. Они всселились»¹.

Хорватским четникам обещали, что их отвезут туда, где их ждет король Петр II. Монархисты с криками радости штурмовали грузовики — торопились на встречу со своим королем.

Этих четников выдали вместе с членами их семей. Все 16 тысяч человек расстреляли и сбросили в Кочевскую пропасть. Потом в пропасть спустили взрывчатку, трофейные фаустпатроны, и подорвали — чтобы уж наверняка никто не спасся.

Строго говоря, по ялтинским соглашениям выдаче не подлежали ни западные украинцы и белорусы, ни граждане прибалтийских государств, ни белая эмиграция, в том числе ни Шкуро, ни Краснов, ни Семенов — ведь все они ни единого дня не были гражданами СССР. Тем более, не было и не могло быть никаких документов о выдаче одних граждан Югославии другим.

Но конечно же, когда речь зашла об «умиротворении» Сталина, синим огнем горели все международные соглашения. Очень уж нужен был Сталин западным демократиям, чтобы ссориться с ним из-за каких-то там прав человека или других глупостей.

Что до Краснова и Шкуро — то красные накопили к ним слишком уж много счетов и уж очень хотели на-

¹Александров К.М. Из истории насильственных репатриаций (1945—1946 гг.) // Россия и Запад. СПб. Изд-во СПбГУ, 1996. С. 248.

питься их крови, включая и кровь писателя и общественного деятеля Петра Николаевича Краснова. 17 января 1947 года он был повешен в Москве, не дожив до 78 лет восьми месяцев.

По официальным данным, П.Н. Краснов «был захвачен советскими войсками». Но это ложь: доблестные союзники Сталина выдали и его, и всех остальных людей, числом до полутора миллионов, людей, порой доверчиво ждавших, что их спасут те, кто столь восторженно хвастал своей «демократией».

Мне известны только три случая, когда официальные лица Запада выступали против этих выдач. Папа Римский Пий XII официально высказался против выдачи людей «вне зависимости их воли и отказа в праве убежища».

Другой — это даже не клерикал, это очень плохой человек, злой фашист генерал Франко. На Восточном фронте воевала испанская «Голубая дивизия», и Франко вполне мотивированно спросили:

— А если бы кто-нибудь из ваших военных выдал бы Сталину русских?

— Повесил бы высоко и коротко! — рявкнул Франко. — А до того яйца бы оборвал!

И дальше он еще долго высказывался о депортациях в выражениях, которые не позволяют воспроизвести их на бумаге.

Не выдал ни одного из интернированных в Лихтенштейне премьер-министр этого маленького государства А. Фрик (сын крестьянина, в отличие от британских джентльменов). Советские дипломаты грозили ему, что если Лихтенштейн не выдаст интернированных на его территории солдат и офицеров 1-й русской национальной армии, СССР никогда не установит ни дипломатических, ни экономических отношений с Лихтенштейном. «Ваше дело, — ответил премьер-министр, — но я не хочу, чтобы мои внуки когда-нибудь смогли сказать, что их дед был убийцей». По-видимому, английские аристократы не имеют ничего против этого звания.

Несколько раз против политики выдачи выступали немецкие генералы и офицеры — но они выступали в защиту однополчан, и отношение к ним было понятным: «Что?! Эта бошская свинья еще гавкаст?!»

Но вот характерная деталь: когда в Австрии союзники — англичане и американцы, стали выдавать сталинской охранке казаков, казачий батько и генерал-майор вермахта Гельмут фон Паннвиц сам пошел за своими однополчанами и разделил их судьбу — был казнен коммунистами в Москве в 1947-м. 144 офицеров вермахта добровольно ушли в плен со своими русскими однополчанами, 690 казачьими офицерами¹. Вечная слава героям.

Переводчик Р. Ресслер добровольно остался с Власовым, хотя в момент ареста Андрея Алексеевича его пытались отделить от начальника. Он вернулся в ФРГ в 1955 году, отсидев в ГУЛАГе 10 лет.

Удивительно, но факт — жизнь в Третьем рейхе и служба в рядах вермахта формировала более высокие человеческие качества, чем жизнь в демократии и служба в рядах армий-освободительниц.

Имеет смысл подчеркнуть еще раз — ни западные народы, кичащиеся «демократией», ни правители этих держав не имеют никаких прав на «белые одежды». Я бы даже сказал, что в ряде случаев у западных народов меньше прав на белые одежды, чем у немцев, а у правителей западных стран меньше прав называться порядочными людьми, чем у Гитлера и Бормана.

Какое право имеют осуждать Орадур и Бабий Яр английские солдаты, со смехом стреляющие по спасающемуся калекс? Швыряющие в грузовики человека в гипсовом корсете на обеих ногах? Прикалывающие штыками двух несудачных самоубийц-подростков?

Да никакого! Интересно только, в каких комиссиях по правам человека заседали, кого учили жить, вернув-

¹ Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 2000. С. 268.

шись на родину, эти радостно смеявшиеся люди, убийцы обреченного калеки?

Что касается вождей народов, то тут возникает вопрос... Очень страшный... Очень неприличный вопрос... Даже вымолвить боязно... Скажите — а чем Рузвельт и Черчилль принципиально отличаются от своего союзника Сталина? И более того — а чем они принципиально отличаются от Гитлера и Риббентропа? Тем, что они выиграли войну, да? А еще чем?

Третий миф Суворова, или Неудачливый манипулятор

Что еще выдаст Суворова как глубоко советского человека: он очень уважает гражданина Джугашвили¹... В смысле Иосифа Сталина. У Суворова получается, что Гитлер не сумел провести «очищение» своей армии и своего государства. И потому у него были плохие генералы и негодные политические деятели. Вот Сталин очищение произвел — перестрелял «ленинскую гвардию», уцелевших революционеров, и потому его государство и его армия были активные, жизнеспособные. Его «винтики» государства оказались сильнее, чем служащие в вермахте. Надежнее. Целую книгу посвятил тому, как Сталин очищал и улучшал свою армию от Тухачевского и Якира².

Правда, сам же Суворов не очень последователен: он порой пишет о «сталинских соколах» такое, что волосы дыбом. По маршалу Жукову прошелся так, что становится очевидно: нет ничего общего у Жукова с Мольтке, фон Браухичем и Гудерианом³. У Тухачевского и Якира с ними ничего общего нет — убедил Суворов, убедил! Но и у Жукова и Конева с Гудерианом тоже ничего об-

¹ А как же его называть? Господином? Смешно и подумать. Товарищем? Крыса на помойке ему товарищ. Остается протокольное «гражданин».

² Суворов В. Очищение. М., 2005.

³ Суворов В. Беру свои слова обратно. М., 2007.

шего нет. В том числе и по эффективности их деятельности. Любой лейтенант Гудериана стоит трех Жуковых, взятых вместе.

Возможно, Суворов и не хотел этого показать. Возможно, он честно пытался показать, что Жуков и Конев чем-то лучше... Но у него получилось вот это!

А главное — Сталин у Суворова как-то не заслуживает оргастического трепета. Суворов этот трепет то ли честно испытывает, то ли пытается имитировать, чтобы все видели. А получится плохо.

У него Сталин получается все-таки редкостным неудачником. Абсолютно все начинания Сталина заканчиваются провалом и ни к чему хорошему не приводят.

Для начала Сталин реализовывал идею Мировой революции через дружбу с Гитлером. Почти совсем его обманул, но тут «ледокол революции» сам обманул Сталина: вышел из-под контроля и сам напал на вождя первого государства рабочих и крестьян.

Сделавшись поневоле врагом Гитлера, Сталин снова стал делить мир, уже с правителями «загнивающих буржуазных лжедемократий». Способ тот же — тайного сговора.

В 1941 году было не так просто откреститься от прежнего союзника и войти в дружбу с новыми. «Пришлось» совершить много не очень почтенных действий.

Еще в июне 1941 года правительство СССР «в упор не видело» дипломатических представителей стран, захваченных Гитлером, но установило дипломатические отношения с марионеточным правительством Виши. Теперь пришлось признать все правительства стран, оккупированных Гитлером, — и не коммунистических марионеток, а как раз те силы, которые признавать не хотелось: эмигрантское польское правительство в Лондоне, правительство генерала де Голля.

В 1943 году возрастают силы СССР, и опять Сталин успокаивает союзников, проводит Тегеранскую конференцию, начинает обсуждать будущие границы оккупационных зон в Европе.... Одновременно он отказывается

от мрачноватой армейской символики Гражданской войны. Он вводит погоны и международную систему воинских чинов, ликвидирует Коминтерн летом 1943 года, а в сентябре проводит Собор епископов Русской Православной Церкви.

То есть вроде бы очевидно — антигитлеровская коалиция существует только до тех пор, пока существует Гитлер. Но Сталин не торопится переходить к конфронтации — Германия еще сильна, он хочет получать поставки по ленд-лизу, хочет добиться открытия Второго фронта... И совершает ряд шагов, позволяющих думать — СССР готов либерализовать внутренний режим после войны.

Н.Н. Краснов-младший оставил записки, в которых, помимо всего прочего, приводит слова следователя В.Н. Меркулова: «Но что вы поверили англичанам — это действительно глупость! Ведь это — исторические торгаши! Они любого и любое продадут и глазом не моргнут. Их политика — проститутка. Их Форейн Офис — публичный дом, в котором заседает премьер — главная дипломатическая «мадам». Торгуют они чужими жизнями и своей собственной смертью. Мы? Мы им не верим, полковник. Поэтому мы и взяли вожжи в свои руки. Они и не знают, что мы их заперли на шахматной доске в угол и теперь заставили их плясать под нашу дудку, как последнюю пешку. Рано или поздно произойдет схватка между коммунистическим медведем и западным бульдогом. Милости нашим сахарным, медовым, пресмыкающимся и заискивающим союзничкам — не будет! Полетят к чертовой матери все их короли со всеми их традициями, лордами, герольдами, орденами Бань и Подвязок и белыми париками»¹. Если так говорил рядовой следователь, то что же думал «отец народов»?

В какой степени понимали игру Сталина те, кого сам он именовал «наши доблестные союзники»? Неужели

¹ Краснов Н.Н. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957. С. 145.

интеллектуал Рузвельт, умный и циничный Черчилль не могли раскусить наивной тюремно-лагерной хитрости усатого пахана? Ведь все было шито белыми нитками!

Понимали ли они, руководители западного мира, что на самом деле думает о них кавказский вор, ставший диктатором Советского Союза? Была ли у Рузвельта и Черчилля надежда все-таки переиграть Сталина, обмануть обманщика? Или они рассчитывали на экономическую удавку? На то, что Сталин не сможет существовать без ввоза машин и продовольствия, окажется по неволе послушен? Или расчет был на ядерное оружие? Скажу откровенно — не знаю. Не уверен даже, что вообще какой-нибудь расчет был. Возможно, выдачи в Лиенце, все «Великое предательство» объясняются просто — обычным колонизаторским отношением к русским вообще. Ну подумашь, выдали нескольких негров другому туземному вождю... Делов!

Но что самое интересное — дважды находя союзников, дважды начиная делить с ними мир, в обоих случаях Сталин обманулся в своих планах и прогнозах. Великий государственный деятель? Но он каждый раз ухитрялся совершить невероятные усилия и получить за них неоправданно мало. В том числе, похоже, и потому, что он совершенно не понимал психологии своих союзников, не видел, что для них действительно приоритетно, за что они готовы сражаться не на шутку.

В результате со Сталиным происходило то же самое, что рано или поздно происходит с любым манипулятором: как бы хитро он ни вил паутину, все равно он никак не может просчитать все действия другого человека. Если бы он был честен в своих отношениях с другим, всегда можно было бы договориться... Но манипулятор рассчитывает получить что-то, о чем вовсе не договаривается; он рассчитывает, что его партнер выдаст предсказуемую и заранее учтенную реакцию, и она-то и будет выигрышем... И проигрывает, потому что партнер выдает реакции вовсе и не предсказуемые (как и следовало ожидать).

Даже гораздо более близкий и понятный для Сталина Гитлер совершил нечто непредсказуемое и неожиданное. А уж «его доблестные союзники»... Сталину так и не достался даже тот кусок мира, который союзники отвалили ему в Ялте. — до конца своей жизни он никак не мог полностью завоевать даже Западной Украины и Литвы, не говоря о Венгрии и Польше (психологии польских и литовских патриотов он, естественно, тоже не понимал).

Что же до Германии, до власти над миром... стоит ли вообще повторять сказочки для полудурков, живущих не в реальном мире, а в причудах собственных фантазмов?

Конечно, «многие решения К.к. (Крымской конференции — А.Б.)... не нашли своего послевоенного осуществления ...по вине западных держав, взявших курс на раздувание «холодной войны» против социалистических стран, на возрождение западногерманского милитаризма и реваншизма»¹.

Получается — даже с помощью тайного раздела мира, ценой истребления миллионов людей Сталин не смог добиться не только власти над миром... Он не смог добиться намного более скромных вещей... Например, он не смог сделать Германию своим сателлитом.

Мировая гражданская война

Вторая мировая война была гражданской не только для СССР. Это был взрыв, в ходе которого почти во всех государствах Европы и мира сменился политический строй.

До Великой войны 1914—1918 годов мы видим один мир. С «пятью Великими державами», абсолютным лидерованием стран Европы, с сочетанием монархии и либеральной демократии во внутренней политике ведущих держав.

¹ БСЭ. 3-е изд. Т. 13. М., 1973. С. 514.

После 1945 года возникает совершенно другой: с другими лидерами, другим политическим, экономическим и общественным строем, другими приоритетами.

В огне Первой мировой войны прежнее мироустройство рухнуло, а новое не появилось. Все страны мира оказались перед необходимостью выбора.

Версальская система завязала множество узлов международной напряженности. После Революции 1917 года и Гражданской войны 1917—1922 годов остро встал вопрос о политическом строе ...по сути дела во всех странах Европы. Мировая политическая система и направление развития во всех государствах Европы оставались очень неопределенными. Период 1918—1939 гг. в мировом масштабе — период промежуточности, неопределенности, переходности.

Италия долго металась между социализмом, демократией и фашизмом.

В Испании фашизм стал спасением от коммунистического и анархического эксперимента — в ходе Гражданской войны 1935—1938 гг.

Франция: кризис либеральной демократии, рост сил социал-демократов, проблема авторитаризма, реставрации монархии, роста коммунистических сил.

Великобритания: агитация в пользу коммунизма и национал-социализма. Нарастание автократизма власти, рост автономии управленческого аппарата от демократически избираемых органов представительской власти.

Восточная Европа с конца Первой мировой войны между коммунизмом, фашизмом, социал-демократией и национал-социализмом. В каждой стране Восточной Европы была своя специфика, но борьба шла именно между этими силами. И почти все страны Восточной Европы (Венгрия, Болгария, Румыния, Греция) в конечном счете сделали выбор в пользу фашизма или автократизма, близкого к фашизму (Польша, Чехословакия).

В Прибалтике устанавливались авторитарные режимы, близкие к фашизму.

В Австрии боролись тенденции присоединиться к Германии и остаться независимыми, а в политике — социал-демократия, либерализм и нарастающий соблазн национал-социализма.

Во Франции коммунисты, фашисты и либералы спорили почти исключительно на газетных страницах, но и тут нарастала напряженность.

Национально-государственное строительство СССР позволяло через систему соподчиненных «народных республик» как угодно увеличивать размеры СССР. СССР и вел военные действия почти непрерывно, в 1923—1939 гг. — в Средней Азии, на Кавказе, Западной Украине. Красная Армия оставалась главным инструментом расширения территории... Но необходимость вести тайную войну в Европе и в Америке превратила ВЧК, инструмент геноцида, в одну из сильнейших спецслужб мира, НКВД.

СССР противостоял социалистический Рейх с красным знаменем, коричневыми рубашками и пением гимнов, восхитительно похожих на советские.

И все эти силы... Не немцы, не Сталин, а именно что ВСЕ. Все поголовно готовили новую войну.

Вторая мировая война доделала то, что не доделали после Первой мировой. Она внесла определенность в мировую ситуацию. Версальский раздел мира и деятельность Лиги Наций не удовлетворяли, по сути дела, никого. Мировая послевоенная система просуществовала с 1945 по 1989 год и устраивала почти всех европейцев.

В ходе Второй мировой войны АБСОЛЮТНО ВСЕ страны Европы наряду с войной национальной (или цивилизационной?) вели и гражданские войны — войны между гражданами одной страны, у которых были разные политические убеждения и разные представления о желательном будущем. Во многих странах (Франция, Польша, Советский Союз, Венгрия, Болгария, Испания, Австрия, Германия) гражданская война была не менее жестокой, чем война национальная.

Даже в тихой Британии и спокойных Соединенных Штатах политический строй изменился: либеральная демократия сменилась в них корпоративной, в которой гораздо меньше «можно».

Ни одно государство, участвовавшее во Второй мировой войне, не сохранило прежний политический строй.

«Мировая революция», которой бредили большевики, не состоялась. Но Мировая гражданская — состоялась. Она продолжалась порядка 2 десятков лет и охватила весь цивилизованный мир. Как началось в 1914 году — так и продолжалось до 1945-го.

После Второй мировой войны изменился не только облик мира, границы и сферы зон влияния. Изменилась политическая карта внутри всех государств-участников. Говорить об этом до сих пор считается очень неприличным, но это так.

Победители во Второй мировой войне создали множество мифов. Эти мифы изучались в учебниках и пропагандировались в романах и фильмах. А рассказывать о реальных событиях и фактическом положении дел стало чем-то непатриотичным и как бы враждебным по отношению к собственному народу. А следовательно, и небезопасным.

К 1960-м годам выросло первое поколение, представлявшее себе Вторую мировую войну в первую очередь по этим мифам.

К истории Мировой гражданской

Суворов начал разваливать здание этих мифов. Он дал объяснения многого из того, о чем врал десятилетия. А исследователя чуть не зашибли возмущенные «патриоты», и его счастье, что он сидел в Лондоне: не так просто до Суворова добраться.

Солонин продолжил и сказал даже больше, чем Суворов. Но агрессия против него была меньше... Наверное, разъяренные патриоты истощились на Суворове. Да и просто все уже привыкли.

Миф начал стремительно рассыпаться. Наверное, на его месте появятся (уже начали появляться) новые мифы, но и реконструировать, «как это было», уже можно.

Но завершить реконструкцию — трудно.

Дело не только в пропаганде и не только в государственном насилии.

Дело в том, что миф — сам по себе теплый и уютный.

Пока ты живешь в этом мифе, ты окружен единомышленниками. Кругом — благожелательные взгляды, кругом люди, готовые подставить плечо. И сам ты осознаешь эту общность как «правильную» и «достойную». Общность, принадлежностью к которой можно гордиться.

Демонтировать миф — это подняться выше племенных, групповых представлений. Процесс вроде подъема по склону горы где-нибудь в Гималаях.

Надо покинуть теплую долину, где живут «все». Наверху меньше тепла, ниже растения, свистят холодные, резкие ветры. Но со склона уже видно больше, чем снизу... например, видно, кто именно готовил Вторую мировую войну. Еще выше — вокруг пятна снега, стягивает холодом лицо, воздух разреженный... Но видно уже совсем далеко! Видно, что твоя долина — только одна из многих, что твои соплеменники ничем не лучше всех остальных.

А надо двигаться туда, где ты окончательно один, где не видно сородичей и куда ни один из них еще не поднимался. Там, под черно-зеленым небом, среди обледневших скал, мха и пронзительного холодного света, тебе откроется истина. Какая там война! Это Гражданская война, и ее смысл — изменить экономический и политический строй... по возможности, во всем мире.

Страшно. Непонятно. Опасно. Неизвестно, захотят ли поверить тебе, если ты принесешь эту истину вниз, на днище теплой долины, другим.

Любой миф деконструировать неприятно. Увидеть, что Земля вращается вокруг Солнца, а человек произошел от зверообразных предков — значит отказаться от

уютной общности с дедом и отцом. Это — начать думать не так, как думали недавние предки и как думают твои сородичи.

«...Марк Солонин совершил научный подвиг, и то, что он делает, — это золотой кирпич в фундамент той истории войны, которая когда-то будет написана...» — так оценил работу коллеги Виктор Суворов.

На мой взгляд, эти слова правильнее отнести к работе самого Виктора Суворова. Он совершил научный подвиг и сдвинул лавину.

А история войны, которую надо написать... Это история Мировой гражданской войны... То ли 1914—1945 годов. То ли все же 1939—1945.

ИДЕЯ «ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ»

Основа советской мифологии наших дней

В конце 1980-х годов для советских патриотов сложилась крайне тяжелая ситуация. Она была сродни той, в которой оказались герои их легенды — «панфиловцы». Политруку «панфиловцев» приписывают фразу: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». В конце перестройки идеологам советского патриотизма тоже отступать стало некуда — позади история «Великой Отечественной».

К тому времени в общественном сознании персонификация подверглись почти все догмы уходящей эпохи: «развитой социализм», «миролюбивая внешняя политика СССР», «добровольное вхождение» стран Балтии в «братскую семью народов Советского Союза», «несбываемый расцвет культуры в СССР» и прочее. Долше всех держался культ Ленина, но и он, в конце концов, пал под натиском неопровержимых свидетельств о массовом истреблении людей в ходе красного террора, о том, что именно Ленин заложил основы тоталитаризма в нашей стране.

Последним оплотом идеологии советских патриотов стала идея «Великой Отечественной войны». В конце 1980-х (как, впрочем, и сейчас) попытки опровергнуть тезисы советской пропаганды о Второй мировой войне воспринимались официальными лицами с особой нетерпимостью. Неудивительно. Ведь крушение «последней святыни» лишает пребывание большевиков у власти какого-либо исторического оправдания.

Несмотря на противодействие официальных лиц, с начала 1990-х годов и до настоящего времени написано

и опубликовано немало работ, авторы которых свободны от идеологических клише. Выйди первые из этих книг лет на пять раньше — рухнул бы и последний бастион советской пропаганды.

К сожалению, в 1990-е сознание многих российских граждан было уже не так восприимчиво к новым идеям, относящимся к области гуманитарных знаний. Люди были заняты не этим — одни созданием первоначального капитала, другие поиском средств к существованию, то есть «своими делами». Потому и стереотипы мышления в отношении событий 1941—1945 годов оставались в основном прежними.

«Последний бастион» советским патриотам удалось почти что отстоять и даже использовать как плацдарм для идеологического контрнаступления.

В 1990-е годы многие граждане разочаровывались в демократических реформах. Следствием этого стала ностальгия по СССР и поиски «светлых сторон» в его истории. Это сразу заметили те, кто мечтает о реставрации советских порядков. Сегодня идею «Великой Отечественной войны» они постепенно превращают в суррогат национальной идеи России. Национальной идеи как не было, так и нет, но «Великая Отечественная война» преподносится как нечто священное, не подлежащее переосмыслению. Любая попытка пересмотреть историю войны трактуется как отступничество.

Опираясь на миф о «Великой Отечественной», современные советские патриоты пытаются реабилитировать многие действия большевиков начиная с 1917 г. Нас пытаются убедить в том, что, несмотря на жесткость и даже жестокость примененных большевиками методов, именно эти методы обеспечили в конечном итоге победу над Германией.

При этом высказываются примерно такие суждения:

—22 июня 1941 г. Николай II находился бы в возрасте 73 лет, его сыну — цесаревичу Алексею — было бы 37. Ни тот, ни другой, ни тем более политические наследники Керенского не смогли бы организовать адекватный отпор Гитлеру.

— Отпор не мог быть организован потому, что царская Россия была отсталой страной. Николай II страдал параличом воли, позволял вводить себя в заблуждение придворной камарилье, сам того не желая, становился заложником политических интриг. Он принимал решения, служившие интересам лиц, приближенных ко двору, а не интересам страны. Все это достаточно ярко проявилось в период Первой мировой войны.

— К 1941 году ситуация могла только ухудшиться. Во-первых, ко всем прочим скверным качествам Николая II добавляется старость; во-вторых, Гитлер был сильнее и опаснее кайзера Вильгельма. К началу нового германского вторжения цесаревич Алексей мог уже сменить отца на российском престоле. Но он был тяжелобольным человеком — страдал гемофилией. Либеральное республиканское правительство и подавно было бы неспособно отразить германский натиск.

— Конечно, и в советской России к 1941-му могли произойти определенные позитивные сдвиги, в том числе в экономике, но ничего подобного проведенной большевиками индустриализации явно не могло быть осуществлено.

— Раз Гитлеру невозможно было бы оказать должный отпор, Россию ждало уничтожение: территория расчленена, народы частью истреблены, частью поработаны «великогерманским рейхом».

— Только большевики имели волю к борьбе, смогли подготовить страну к обороне и тем самым спасти ее. За три предвоенные пятилетки страна проделала в своем индустриальном развитии путь, который европейские страны проходили за 50—100 лет. Россия из аграрной страны превратилась в промышленного гиганта. Развитая тяжелая промышленность позволила, хотя и с опозданием, оснастить Красную Армию современным оружием и победить врага.

— За индустриализацию была уплачена высокая цена. Но без ее проведения не было бы и победы, а следовательно, и самой России. Провести индустриализацию было невозможно без перекатки средств из сельского

хозяйства в промышленность, а эта перекачка невозможна без коллективизации. Коллективизация была невозможна без раскулачивания, ибо неизбежно приводила к сопротивлению со стороны наиболее зажиточных крестьян.

— Все это не могло быть осуществлено без прекращения НЭПа, без использования бесплатной рабочей силы заключенных, без того, чтобы продавать за границу национальные богатства. Нельзя было не понизить жизненный уровень граждан, а дабы избежать волнений, стачек и забастовок, в стране должны были проводиться политические репрессии по принципу «не за то, что», а «чтобы не». Неизбежным было проведение борьбы с оппозицией и инакомыслием, а такая борьба невозможна в условиях существования многопартийности, парламентаризма и негосударственных средств массовой информации.

— Само собой, все это не могло осуществиться без взятия большевиками власти в октябре 1917 г. и без тех способов борьбы с врагами революции, которые имели место во время Гражданской войны.

— Да, большевики причинили много страданий людям, допустили много несправедливостей. Но, если бы не большевики, Гитлер бы нас уничтожил. Большевики пожертвовали частью, чтобы в конечном итоге спасти целое.

— То есть если бы большевики не взяли власть в 1917-м, то война в 1941-м закончилась бы поражением России.

Схема основана на двух постулатах:

— нападение Гитлера было неизбежно;

— Гитлер представлял реальную угрозу биологическому и культурному существованию народов России.

Однако эти постулаты зыбки, а без них вся схема ломается.

Как Гитлер стал Гитлером?

Ответ на вопрос, насколько неизбежным было нападение Гитлера, зависит от ответа на другой вопрос: на-

сколько неизбежным был его приход к власти в Германии?

Вследствие чего это произошло? Разберемся.

Ни один из вождей большевизма в 1917 году не считал захват власти в России окончательным пунктом программы. Ленин даже рассуждал о том, что правильнее говорить не о русской революции, а о мировой революции, которая в силу исторических обстоятельств началась в России¹.

В 1919 году большевики создали в Москве транснациональную «пролетарскую» организацию «нового типа» — Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Организация ставила перед собой задачу установления «диктатуры пролетариата» в масштабах всего мира. Коммунистический Интернационал определял себя как мировую коммунистическую партию. Устав Коминтерна гласил: «Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический Интернационал борется... за создание Всемирного Союза Советских Социалистических Республик»² (что, по сути, было объявлением войны всему миру, по крайней мере холодной войны). В качестве плацдарма для осуществления этого плана лидеры большевиков, они же руководители Коминтерна, намеревались использовать территорию уже уничтоженного ими российского государства.

В первые годы пребывания у власти большевики совершили несколько неудачных попыток осуществить силами Красной Армии революционный поход в Европу. Народы сопредельных стран восприняли эти мероприятия не как миссию «освобождения от ига помещиков и капиталистов», а как агрессию. Красной Армии был дан отпор. Попытки большевиков организовать силами Иностранного отдела ОГПУ революции в европейских странах, то есть взорвать их изнутри, также не увенчались успехом.

Тогда большевики стали разрабатывать новую тактику мировой революции. Она заключалась в том, чтобы способствовать установлению в одной из европей-

ских стран агрессивного режима, который развяжет новую мировую войну и поработит остальные народы Европы. В таком варианте предстоящее вторжение Красной Армии уж точно должно было восприниматься этими народами как миссия «освобождения». (Будущему агрессивному режиму в период его роста большевикам предстояло оказывать техническую помощь.)

Идеальным государством, которое могло в будущем развязать новую мировую войну, представлялась Германия. Здесь были наиболее подходящие условия для прихода к власти потенциальных агрессоров, а именно — реваншистские настроения в обществе.

Дело в том, что державы, победившие Германию в Первой мировой войне, наказали ее слишком жестоко. По Версальскому договору 1919 года Германия должна была выплачивать многомиллионные репарации. Это привело к бедственным для немцев социально-экономическим последствиям. Характерный показатель — гиперинфляция марки. В 1922 году в Германии цены менялись по 5—6 раз за сутки, зарплату выплачивали два раза в день. Условия Версаля стали ударом и по национальному самолюбию немцев. Германия потеряла 67,3 тысячи квадратных километров своей территории и все колонии.

Два этих фактора — нищета и национальное унижение — способствовали появлению и росту реваншистских настроений в немецком обществе.

В этих условиях началось советско-германское военное сотрудничество — первая фаза реализации новой тактики мировой революции.

Согласно Версальскому договору 1919 года вооруженные силы Германии — рейхсвер — были ограничены 100 тысячами человек в составе 10 дивизий: 3 кавалерийские и 7 пехотных. Германской армии было запрещено иметь подводный флот, крупные бронированные корабли, самолеты, дирижабли, танки, броневики, химическое оружие. А в 1922 году в Рапалло советские и германские представители подписали договор о сотрудничестве, который военными статьями не имел, однако его

важнейшим результатом стало взаимодействие именно в области вооружений. Рейхсвер получил право создать на советской территории, втайне от всего мира, военные объекты. Они предназначались для проведения испытаний военной техники, накопления тактического опыта, обучения личного состава тех родов войск, которые Германии было запрещено иметь.

В 1923 году было подписано несколько договоров, в частности с фирмой «Юнкерс», о постройке на территории СССР авиазавода. В 1924-м советская промышленность приняла от рейхсвера заказ на производство 400 000 снарядов. Сложились три основных центра сотрудничества РККА с немцами: высшая школа летчиков в Липецке — «Липецк», танковая школа в Казани — «Кама» и школа химической войны в Подосинках — «Томка». В 1931 году в Москве проходили подготовку: В. Модель, В. Браухич, В. Кейтель, Э. Манштейн и другие будущие полководцы Второй мировой войны. В 1933-м сотрудничество сошло на нет, однако мощь германской армии к этому времени была уже во многом воссоздана³. В любом случае имеющиеся факты свидетельствуют о вполне определенных намерениях советской стороны — намерениях помочь Германии поддерживать на современном уровне военную сферу.

Следующей фазой новой тактики мировой революции было приведение к власти в Германии основной реваншистской силы — Национал-социалистической Германской Рабочей партии (НСДАП) — [Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei] [NSDAP] Адольфа Гитлера.

Согласно уставу Коминтерна, компартии разных стран входили в него в качестве секций. ВКП(б) также была одной из секций, но играла главенствующую роль: «Число решающих голосов каждой секции на всемирном конгрессе определяется... согласно числу членов данной партии и политическому значению данной страны»⁴. Совершенно очевидно, что ВКП(б) была самой многочисленной из всех коммунистических партий, а политическое значение СССР для мирового коммуни-

стического движения было определяющим, поскольку только в Советском Союзе компартия была у власти, более того, никаких других партий в СССР не было.

Таким образом, Коминтерн был инструментом внешней политики СССР, а зарубежные компартии — исполнителями воли руководства ВКП(б): «Постановления Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала обязательны для всех секций Коммунистического Интернационала и должны ими немедленно проводиться в жизнь»⁵.

В 1928 году состоялся VI конгресс Коминтерна. На нем было провозглашено, что основной враг международного коммунистического движения — социал-демократы. К тому времени реальной силой в Германии обладали три партии: национал-социалисты, социал-демократы и коммунисты. Коминтерн (а практически — руководство СССР, а еще точнее — Сталин) запретил германским коммунистам поддерживать социал-демократов и создавать с ними предвыборные блоки. В результате на выборах в Рейхстаг 1932 г. гитлеровцы победили. Давно подмечена закономерность: сумма голосов, поданных за каждую из политически близких партий, идущих на выборы порознь, существенно меньше, чем количество голосов, которое могло быть подано за их единый блок. Ничто так не разочаровывает избирателя, как неспособность тех, за кого он собирался голосовать, договориться с политически близкими о совместных слаженных действиях. Немецкой компартии Сталин договариваться запретил.

Президент Германии Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером (главой правительства) 30 января 1933 г. В советских книгах сказано, что этот пост Гитлеру в буквальном смысле купили крупные германские промышленники. Их мотив — Гитлер будет готовиться к реваншу, следовательно, промышленность будет получать военные заказы. То есть речь шла о выгодном вложении денег. Это правда. Но Гитлер для того, чтобы на него сделали ставку, должен был что-то из себя пред-

ставлять. Он и представлял — лидера партии, которая взяла самое большое число голосов на выборах.

Такова краткая история участия СССР в создании Третьего рейха.

Последствие октябрьского переворота

В самой Германии голоса, поданные за НСДАП, означали отнюдь не только стремление к реваншу за Версаль и не только разочарование в «способности» немецких социал-демократов и немецких коммунистов найти общий язык. Они означали еще и страх перед большевизмом. Этот страх был одним из закономерных последствий октябрьского переворота в России и последовавших за ним попыток распространить большевизм на другие страны: «Дась Варшаву!»; «Дась Берлин!».

В 1930-е в Германии, да и в других европейских государствах, было распространено мнение, что режиму большевиков может успешно противостоять лишь аналогичный тоталитарный режим, но с обратным идеологическим знаком: не интернациональный, а национальный.

Таким настроением вполне отвечал Гитлер, чья концепция тоталитарного государства была заимствована у Ленина, а острие нацистского тоталитаризма было обращено против интернационального собрата-образца. И у Ленина и у Гитлера один вождь, одна партия, у нее в руках мощная тайная полиция. В стране проводится полное «выравнивание» (Gleichschaltung) культурной и социальной жизни. Происходит ликвидация любых независимых от правящей партии общественных объединений. Но Гитлер копирует большевизм, чтобы ему же дать отпор. Даже гитлеровский антисемитизм облачался в тогу борьбы с «иудо-большевизмом».

Итак, без большевиков Гитлер вряд ли бы состоялся как диктатор. Одних «козней Версаля» мало, тем более что к началу 1930-х наиболее болезненные для Германии статьи Версальского договора были отменены. Гораздо важнее ситуация в России. При сохранении в ней

до 1933 г. (и далее) монархического либо республиканского строя рейхсвер не получил бы возможности поддерживать себя на современном уровне. НСДАП не победила бы на выборах как по причине создания противостоящего ей левого блока, так и потому, что немецкие обыватели не имели бы повода голосовать за национал-экстремистов.

Для создания гитлеровского режима не было бы ни причин, ни образцов.

Две системы

Справедливости ради скажем, что таких законченных форм, как в СССР, тоталитаризм в Германии так и не обрел. Политическая модель, созданная Гитлером, имеет много общего с моделью, созданной Лениным и Сталиным, но есть и существенные различия: большевики осуществили слом «старой государственной машины» — нацисты таковую ломать не стали; большевики уничтожили аристократию и социальную элиту — нацисты сохранили; большевики ликвидировали частное предпринимательство, частный капитал, частную собственность на средства производства — нацисты все это оставили.

Соответственно разным был и образ жизни людей в СССР и в рейхе. В условиях отсутствия негосударственных предприятий в СССР исключалась возможность эмансипации гражданина от государства. Попросту говоря, куда бы человек ни пошел работать, он все равно будет работать на госпредприятии. Кроме того, увольняясь с работы, советский гражданин получал характеристику, без которой на новое место он устроиться не мог. А в этой характеристике могли написать такое, что в дворники не возьмут. Увенчал эту систему указ от 26 июня 1940 г., по которому гражданам вообще запрещалось самовольно переходить с одного предприятия на другое. В рейхе эмансипация гражданина от государства была возможна — посредством перехода на работу в частную компанию.

В СССР был существенно более низкий уровень жизни, чем в рейхе, что также было обусловлено в первом случае отсутствием, во втором — наличием частного сектора в экономике. В Германии не было коммунальных квартир, тогда как подавляющее большинство горожан Советского Союза жило именно в них. В Германии до войны не было продовольственных карточек. В СССР они появились в апреле 1929-го — на хлеб, чтобы к концу года распространиться почти на все продовольственные товары, а затем и на промышленные. В 1931 году были введены дополнительные ордера, так как даже по карточкам нельзя было получить положенного пайка. Советский человек задыхался от товарного дефицита. Для разгона многотысячных очередей за элементарным набором товаров повседневного потребления использовались наряды конной милиции. Немецкая деревня не знала голода, в СССР голод 1932—1933 годов унес жизни 6,5 миллиона сельских жителей.

В СССР политика репрессий осуществлялась методом лотереи, возможность быть репрессированным не зависела от степени лояльности к режиму. Человек мог быть сколь угодно предан «делу партии и лично товарищу Сталину», но это не давало оснований с уверенностью утверждать, что сегодня он будет ночевать дома, а не в камере предварительного заключения. В рейхе имела место избирательность репрессий. Для того чтобы оказаться за решеткой, человек должен был вступить в конфликт с системой — проявить себя как социал-демократ, коммунист, профсоюзный активист, австрийский сепаратист и так далее либо принадлежать к определенной общественной группе, прежде всего к евреям.

Отсюда и сравнительно больший размах политических репрессий в СССР, осуществлявшихся преимущественно по доносам, питательную почву для которых создавал опять же низкий уровень жизни. Размах репрессий в рейхе был сравнительно меньшим, поскольку они осуществлялись преимущественно с учетом принадлежности гражданина к той или иной политической

или общественной группе, которые сами по себе не многочисленны. Арест по доносу — у нацистов явление значительно более редкое, чем у большевиков.

У Гитлера несогласным разрешалось молчать. Сталин требовал от всех активного проявления восторга. В СССР в отличие от рейха практиковалась активная несвобода. Официальную пропаганду мало было читать и слушать — каждый обязан сам ее вести, чтобы показать свою «сознательность» и лояльность.

Наконец, атмосфера общественной жизни в двух сравниваемых странах была очень разной. В СССР господствовал суконно-кирзовый стиль, повсеместным было убожество внешних форм жизни, насаждалось ханжество и культ аскетизма. Германия же и при Гитлере оставалась светской страной.

Миф об «отсталой России»

По утверждению современных советских патриотов, без Октябрьской революции «слабая, отсталая Россия» не могла бы противостоять врагу. И якобы только индустриализация, осуществляемая большевиками любой ценой, могла вытащить страну из экономической ямы.

Однако штурмовщина первых пятилеток наверстывала вовсе не «отсталость» царской России, а отставание, вызванное обвалом страны в результате совершенного большевиками переворота. В самой советской литературе много писали о том, что за годы НЭПа уровень производства дореволюционной России был приблизительно восстановлен к 1927 году. То есть октябрьский переворот, разрушительный опыт немедленного построения коммунизма и вызванная этим Гражданская война отняли у страны десять лет роста (и это помимо невосполнимых человеческих потерь, колоссальной моральной травмы и подкошенной национальной культуры). Вот эти-то десять лет и наверстывали первые пятилетки. Причем, во-первых, советская индустрия давала ярко выраженный флюс в сторону тяжелой промышленности, а та, в свою очередь, — в сторону

производства вооружений. Российская же дореволюционная индустрия была разумно сбалансирована, работала на потребности общества, поскольку Российская империя не стремилась силой оружия распространяться до масштабов всего земного шара. Во-вторых, советская индустрия развивалась за счет понижения уровня жизни граждан, а российская — ради повышения этого уровня.

До Первой мировой войны, в думский период (1906—1913 годы) национальный продукт России увеличивался со скоростью 6% в год, то есть удваивался каждые 12 лет. Без катаклизмов 1917—1921 годов Россия в 1941 году была бы по крайней мере в 4 раза мощнее экономически, чем в 1913 году. Причем без «издержек», сопутствовавших политике большевиков.

Я предвижу возражение: такое развитие страны могли затормозить непредвиденные форс-мажорные обстоятельства. Да, могли, и затормозили. Октябрьский переворот — это и есть то самое форс-мажорное обстоятельство.

Насколько был опасен Гитлер?

Сталин просчитался с новой схемой мировой революции — Гитлер разгадал его планы и сам напал на СССР. Одна только разработка этой схемы делает Сталина преступником, а ВКП(б) преступной организацией. Но, если в 1941-м над страной нависла гигантская опасность и тот же Сталин сумел выправить ситуацию и добиться победы советского оружия, это может рассматриваться как реабилитирующий фактор?

Это зависит от ответа на очень важный вопрос — насколько Гитлер представлял опасность для биологического и культурного существования народов России?

Советские пропагандисты приложили максимум усилий для того, чтобы преувеличить возможности германской экономики и вооруженных сил. В конечном итоге родилась формулировка: «Красная Армия спасла мир от фашистской чумы». Очевидно, если бы Гитлер зая-

вил о том, что после победы он погасит солнце, советские пропагандисты говорили бы: Красная Армия спасла для мира небесное светило.

В планы Гитлера действительно входило частичное истребление и частичное порабощение народов России, лишение их культурной идентичности. Можно привести массу соответствующих цитат из вождей рейха.

Однако намерения и возможности не всегда совпадают. Немецкие маршалы и генералы писали в своих мемуарах, что победить во Второй мировой войне они не могли. Причем некоторые из таких произведений были опубликованы в СССР еще в очень давние годы, когда и формировался тезис о «спасении мира». Одно противоречит другому, но вот перед нами сборник воспоминаний крупных германских командующих под общим заголовком «Роковые решения». Выпущен в 1958 году Военным издательством Министерства обороны СССР⁶.

Предоставим слово фельдмаршалу Г. фон Рундштедту: «Война с Россией — бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца»⁷. Генерал Г. Блюментрит: «Даже мельком взглянув на карту мира, нетрудно было понять, что маленький район в Центральной Европе, занимаемый Германией, явно не мог выставить силы, способные захватить и удерживать весь Европейский континент. Из-за политики Гитлера немецкий народ и его вооруженные силы шаг за шагом все дальше заходили в тупик»⁸.

А вот свидетельство генерал-лейтенанта З.Вестфалья: «Немцы не могли и надеяться в течение длительного времени с оружием в руках угрожать всему миру. Просто мир был слишком велик... Основным роковым решением было то, которое исходило из ошибочного предположения Гитлера, что западные державы позволят ему уничтожить Польшу, не заступившись за своего союзника. Как только было принято решение о вторжении в Польшу, решилась и наша судьба. Уроки 1914—1918 гг. снова повторились четверть века спустя: Германия не может выиграть войну, ведя ее более чем на одном фронте»⁹.

В современной России издано множество воспоминаний германских полководцев. Каждый желающий может составить большой перечень высказываний подобного содержания.

Да, как правило, эти высказывания — результат «работы над ошибками». Прочитированные тексты написаны после поражения Германии. Вполне вероятно, что в 1939-м и в 1941-м германские генералы и маршалы думали иначе, но тем хуже для них.

Можно оставить в стороне источники личного происхождения и обратиться к научной литературе. Недостатка в ней нет. Монографии и коллективные научные труды написаны как российскими, так и иностранными учеными. Множество приводимых данных свидетельствует о неизбежном итоговом поражении Германии, вне зависимости от того, как мог развиваться ход отдельных сражений. Достаточно сопоставить совокупный военный и экономический потенциал «оси» и Объединенных Наций, размеры территорий.

Гитлер, «нуждавшийся в расширении жизненного пространства», явно не по доброте оставил вне оккупации южную часть Франции. Немцы не могли полностью контролировать занятые территории СССР, на все не хватало сил. При этом планировалось дойти до Урала. А что делать с территорией за Уралом? Основной союзник Германии — Япония вместо того, чтобы открыть против Сталина второй фронт на Дальнем Востоке, втянула Гитлера в войну с США.

Эта картина написана самыми широкими мазками. Каждый может ее дополнить и детализировать. В любом случае история Третьего рейха закончилась бы не позднее августа 1945 г., когда американцы завершили работу по созданию атомной бомбы.

Таким образом, мы можем сделать выводы:

— Гитлер как политический лидер Германии был порождением Сталина;

— Гитлер не был в состоянии уничтожить и закабалить народы России, хотя действительно этого хотел;

— концепция спасительной миссии большевизма для судьбы России оказывается совершенно неубедительной.

Примечания

¹ Этой теме посвящено много серьезных научных исследований. Например: *Фельцитинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк первый. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. Лондон: ОРІ, 1991. 655 с.

² Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932 / Под ред. Бела Куна. М.: Партийное издательство, 1933. С. 47.

³ Этой теме посвящена книга Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой «Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы». М.: Сов. Россия, 1992. 384 с. Авторы ввели в научный оборот огромный массив документов, которые в деталях раскрывают характер советско-германского военного сотрудничества в указанный период.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах... С. 48.

⁵ Там же.

⁶ *Вестфаль З., Крейне В., Блюментрит Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К., Циммерман Б., Мантейфель Х.* Роковые решения / Под ред. П.А. Жилина. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1958. 317 с.

⁷ Там же. С. 76.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Там же. С. 305—306.

Дмитрий Хмельницкий

«АНТИРЕЗУНИЗМ» КАК СУБКУЛЬТУРА

Осенью 2005 г., только начав собирать материал для первого сборника «Правда Виктора Суворова», я сразу натолкнулся на проблемы с привлечением германоязычных авторов. Филипп Хоффман, когда-то одним из первых поддержавший концепцию Суворова, к тому времени умер, а среди живых желающих принять участие в сборнике никого тогда найти не удавалось. Один немецкий историк, занимающийся сталинскими репрессиями, так объяснил мне ситуацию: «Среди исследователей, зависящих от получения грантов, вы не найдете никого, кто бы открыто выступил на стороне Суворова независимо от того, что они сами по его поводу думают. Это может им дорого обойтись».

Пророчество оказалось не совсем верным, в чем могут легко убедиться читатели второго и третьего сборников, в которых приняли участие известные немецкие исследователи Хайнц Магенхаймер, Штефан Шайль, Богдан Мусиаль.

Но проблема действительно есть, причем даже не научная в прямом значении этого слова. В научном сообществе Германии роль СССР в развязывании Второй мировой войны предпочитают не обсуждать вовсе. В этом смысле о Советском Союзе принято говорить как о покойнике — либо хорошо, либо ничего. Хорошо, это значит так, как внушалось советской пропагандой — Советский Союз жертва гитлеровской агрессии и спаситель Европы от фашизма. Все, что выходит за рамки этой формулы, воспринимается, как правило, как некое хулиганство, нарушение правил профессиональной этики. И автоматически подпадает под подозрение в сим-

патиях к реваншизму. При этом делается абсолютно нелепый логически, но традиционный и популярный вывод: «Если некто хочет сказать, что не один Гитлер виноват в развязывании мировой войны, то этот некто пытается оправдать Гитлера». Такая постановка вопроса в принципе исключает попытки разобраться в ситуации.

Один американский историк, часто бывающий в Германии, рассказал мне, что, когда в беседе с немецкими коллегами речь заходит о роли СССР в подготовке к войне, лица у них каменеют, а желание развивать тему начисто пропадает. При этом нельзя сказать, что в Германии (и вообще на Западе) существует научная оппозиция суворовской концепции о подготовке Сталиным нападения на Европу. Ничего более убедительного, чем пересказ старых, советских еще тезисов, не появляется. И более убедительной критики Суворова, чем широко известная и многократно заслуженно изруганная за низкий научный уровень книга Габриеля Городецкого «Миф Ледокола», тоже нет. Есть табу. Есть простое нежелание говорить на эту тему и нежелание ее исследовать.

Но ситуация все-таки меняется, о чем можно судить по выходу книг названных выше авторов, да и по содержанию традиционно выпускаемых ежегодно к разным военно-историческим датам телевизионных фильмов, тон которых в отношении СССР становится все менее апологетическим.

Когда первые книги Суворова — «Ледокол» и «День М» — вышли в России, то сразу разгорелась очень бурная полемика. Против Суворова выступили заслуженные советские военные историки А. и Л. Мерцаловы, Ю. Горьков, В. Анфилов, М. Гарсев... В поддержку Суворова выступили М. Мельтюхов, В. Данилов, В. Невежин, Ю. Фельштинский и др. В дальнейшем старая антисуворовская гвардия вышла из игры. Во всяком случае, они не принимают больше участия в публичных дискуссиях и не выпускают последовательно опровергающих суворовскую концепцию сочинений. Число сторон-

ников Суворова в академической среде в то же время постоянно растет, о чем можно судить хотя бы по списку авторов уже трех сборников «Правда Виктора Суворова». Место академической по форме критики Суворова заняло в России огромное количество (уже около трех десятков) книг чисто пропагандистского характера, чаще всего пытающихся заклеить «предателя Резуна» и всячески его скомпрометировать. Как правило, они издаются под псевдонимами типа «Кадетов», «Грызун», «В. Суворов» и т. п. А место научной оппозиции — чрезвычайно активное и агрессивное, но исключительно сетевое, сообщество «антирезунистов». Их забавная отличительная особенность, в первую очередь бросающаяся в глаза, — принципиальное нежелание именовать Виктора Суворова тем именем, которым тот подписывает свои книги. Видимо, в их среде настоящая фамилия Суворова — Резун считается неблагозвучной, а потому обидной. Впрочем, это не единственное и, пожалуй, самое безобидное нарушение ими правил приличного поведения.

Мне пришлось познакомиться с этой виртуальной публикой после выхода весной 2006 года первого сборника «Правда Виктора Суворова» — сначала на одной из чужих страниц «Живого Журнала», а потом и на моей собственной. Сотни реплик, как правило высокомерно-оскорбительных и намеренно грубых, симулировали обсуждение книги, которую ни один из участников-«антирезунистов» не читал. Многие явно не понимали даже, что речь идет не о текстах самого Суворова, а сборнике статей совершенно других авторов.

Реакция была очень однородная — глумление, ненависть к Суворову, нежелание читать книгу и одновременно неверие в то, что выводы Суворова поддерживают другие исследователи. Хотя книга как раз из таких статей и составлена. Немедленные попытки втянуть в традиционные обсуждения третьестепенные детали. Причем диспутанты явно не различали ключевые аргументы суворовской аргументации и совсем не обязательные. Было ясно, что их возмущали не неточности в

деталей, а суть концепции, т. е. выводы о политике и намерениях Сталина. Но попыток опровергать ключевые аргументы не наблюдалось. Шли ритуальные и явно хорошо отработанные танцы вокруг деталей вроде тактико-технических данных танков и другой военной техники в наивной уверенности, что, если удастся доказать истинности в книгах Суворова, идея того, что Сталин готовил нападение на Европу, угаснет сама по себе.

Критика в принципе бывает двух сортов — уточняющая или опровергающая. Уточняющая критика оспаривает частности и тем самым помогает автору избавиться от неточностей.

Парадоксальность активности «антирезунистов» состоит в том, что вся она в лучшем случае укладывается в рамки уточняющей критики (удачной или неудачной — неважно). Но крик при этом стоит такой, как будто толпы народу уже давно концепцию Суворова растоптали и теперь пляшут на костях. Хотя ничего похожего на последовательное опровержение его концепции и близко не появлялось. Ни опровержения ключевых доказательств, ни альтернативной исторической концепции нет. Есть попытки «ущучить» по мелочам.

От меня требовали немедленного ответа, почему Суворов ошибается в тех или иных тактико-технических данных и т. п. Справиться с ними в целом оказалось довольно легко, нужно было только попросить высказать обоснованные претензии по поводу данной книги в целом и дюжины ее авторов, помимо Суворова. И народ увял. В целом наезд производил впечатление хорошо отработанной методологически акции по травле сторонников Суворова, случайно оказавшихся в поле зрения этой публики. У участников срабатывал «активно-оборонительный», как говорят кинологи, рефлекс на само имя Суворова. Но только на него. Ни одной попытки зацепить или оспорить других ученых, приходящих к тем же выводам, что и Суворов, не помню. Многие выступления были настолько грубы и нелепы, что производили впечатление активности нанятых «клакеров». В целом

эти акции ни в малейшей степени не напоминали споры на научные темы, даже на любительском уровне.

Характерна цитата из книжки «Грызуна», приведенная владельцем сайта, на котором происходило обсуждение, выступавшим под сетевым псевдонимом u_96: «Наглая подтасовка, направленная на очернение одного из самых светлых (хотя и трагического) периодов нашей истории. Почему мы считаем Резуна фальсификатором? Резун, замахнувшись на самое святое в истории своего народа (все равно, кем он себя считает, русским или украинцем), обвинив его в совершении самого тяжелого преступления в истории XX века, ни разу не усомнился в своих выводах»¹.

Вот это «самое святое» они и защищали всеми доступными способами. Но почему-то только от Суворова. Видимо, срабатывала дурацкая уверенность, что легкомысленный стиль его книг позволяет встать на одну с ним доску кому угодно.

У этого сообщества имеется неформальный идеологический центр в лице историка Алексея Исаева, выступающего в сети под именем «Доктор Гильотен», автора вышедшей в 2006 г. и ставшей сразу широко известной книги «Антисуворов». В «антирезунистской» среде обычно считается, что Исаев — единственный, кто может на равных выступать против Суворова.

На самом деле — ни в коем случае не может. Даже и не пытается. Они с Суворовым играют в совершенно разные игры и преследуют совершенно разные цели. Если Суворов пытается решить историческую проблему, то Исаев под видом критики Суворова решает проблему компрометации самого Суворова, оставляя суть дискуссии в стороне, даже не пытаясь предложить вместо отвергаемой им концепции некую альтернативу. Поэтому книга Исаева — чрезвычайно любопытно и довольно редкое явление с точки зрения жанра.

У книги «Антисуворов» есть подзаголовок, вынесен-

ный на обложку — «Большая ложь маленького человечка». Уже одна эта выходка выводит Исаева за пределы круга людей, с которыми допустимо вести дискуссии, тем более научные. Хотя, конечно, не с точки зрения его сторонников, для которых такое поведение — норма.

Существует логика ведения научных дискуссий. Для того чтобы опровергнуть некую научную концепцию (в том числе и историческую), нужно сочинить текст — книгу или статью — по определенным правилам.

1. Изложить концепцию критикуемого автора.

2. Изложить его основные аргументы (такие, без которых концепция рассыпается).

3. Опровергнуть эти аргументы. Показать, что логика автора не работает, а из приведенной информации следует сделать совершенно иные выводы, дающие в итоге иную историческую картину.

4. Нарисовать эту картину.

Применительно к Суворову это выглядит так. Следует доказать, что его основные аргументы в пользу подготовки Сталиным нападения на Европу в 1941-м не работают. Что приведенная им информация более убедительно истолковывается обратным образом — в пользу подготовки обороны (или любого другого варианта действий, если удастся его вообразить). Следует доказать также, что его аргументы в пользу того, что политика Сталина в тридцатые годы была направлена на провоцирование мировой войны, также не работают, а то, что известно о ней, указывает на совершенно иной образ мыслей и действий Сталина и советского руководства. И объяснить — на какой. Собственно говоря, эти два тезиса — а) вся политика Сталина изначально была направлена на провоцирование мировой войны, в которой СССР должен был остаться победителем, и б) подготовка к нападению на Европу велась и должна была закончиться к июлю 1941-го — и составляют суть концепции Суворова. Вокруг них и разворачиваются все споры.

В 1996 году, вскоре после выхода «Ледокола» в России, Михаил Мельтюхов опубликовал в сборнике «Со-

ветская историография», вышедшем в серии «Россия XX век» под редакцией академика Ю. Афанасьева, статью «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол»². Статья интересна не только взвешенным взглядом на работу самого Суворова, но и жесткой оценкой выступлений его российских критиков. Мельтюхов рассмотрел основные поднятые Суворовым вопросы в контексте традиционной советской историографии и первой волны обрушившейся на Суворова критики. Из тридцати трех страниц журнальной статьи одиннадцать занимали ссылки по теме (186 ссылок). Выводы Мельтюхова относительно состояния тогдашней российской (а по сути, еще советской) военной историографии и научного уровня критиков Суворова неутешительны: «В военно-исторической литературе пересмотр официальной версии только начался, и появление «Ледокола» В. Суворова, который предложил новую концепцию, послужило толчком к его ускорению. В то же время ход связанной с книгой дискуссии свидетельствует о том, что отечественная историография еще не готова к радикальной перемене устоявшихся подходов. Дискуссия показала, сколь слабы историографические разработки большого числа тем, сколь велика потребность в крупных проблемных исследованиях этих вопросов. Только дальнейшая разработка проблем кануна войны на основе значительного расширения источниковой базы и отказ от всякой идеологической зашоренности будут способствовать их глубокому изучению и проверке на конкретном историческом материале»³.

Иными словами, тогда советская наука с Суворовым ничего поделать не смогла. В вышедшем в 2000 году фундаментальном исследовании «Упущенный шанс Сталина» Мельтюхов пришел практически к тем же выводам, что и Суворов: «Германия и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором. Первоначально вермахт намеревался завершить военные приготовления к 16 мая, а

Красная Армия — к 12 июня 1941 г. Затем Берлин отложил нападение, перенеся его на 22 июня, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок — 15 июля 1941 г. Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе»⁴.

В упомянутой уже серии «Россия XX век» в 1996 году вышел сборник «Другая война 1939—1945», тоже под общей редакцией Ю. Афанасьева. Первая часть сборника, девять статей, была целиком посвящена полемике вокруг концепции Суворова. Годом раньше, в 1995 г., в Москве вышел еще один сборник статей на ту же тему, составленный Владимиром Невежиным, — «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия» (12 авторов). Позиции оппонентов Суворова в обоих сборниках выглядели, мягко говоря, слабо.

За последующие десять лет появилась масса новых материалов и новых исследований по этой теме. Среди них — фундаментальные, например «Синдром наступательной войны» Владимира Невежина (1997), «Механизм власти и строительство сталинского социализма» Ирины Павловой (2001), многие другие. Практически все серьезные исследования в той или иной степени подтверждают и углубляют выводы Суворова, и с каждым годом их становится все больше и больше.

Следует отметить название сборника Невежина. Оно точно отражает суть проблемы. Критика книг самого Виктора Суворова — задача второстепенная с точки зрения исторической науки. Суворов может быть в чем-то прав, в чем-то неправ. Но поддержка его идей или борьба против них никак не может быть главной задачей научных исследований или научных дискуссий. Заслуга Суворова в том, что он первый обозначил самую болезненную проблему, и обсуждать имеет смысл именно эту проблему, далеко выходящую за относительно узкие рамки тем суворовских книг. Проблема эта в общем виде представляет собой вопрос, вынесенный в заголовок сборника В. Невежина. В еще более общем

смысле ее можно сформулировать так: «Чего вообще добивался Сталин в 30-е годы своими действиями и своей политикой? Каковы были его стратегические цели?»

Любые попытки критики Суворова без анализа проблемы в целом и без попытки ответить иным, нежели он, образом на поставленные им вопросы обречены на неудачу. Собственно, никакая научная дискуссия не может строиться на критике одного автора без критического рассмотрения исследуемой им проблемы в целом. Если это, конечно, не уточняющая критика, когда принципиальных претензий к автору нет, а речь идет о корректировке отдельных деталей.

Алексей Исаев в своей книге 2006 года делает заявку на решение, по существу, той же самой задачи, что и Михаил Мельтюхов в статье 1996 года, — анализ концепции Суворова. Причем заявку, далеко идущую и многообещающую: «Претензии к Владимиру Богдановичу — это не указание мелких недочетов, а критика самой методологии построения доказательств».

Последние слова особенно пикантны, поскольку Исаев критикует Суворова методами, никакого отношения к научным не имеющими. И дело не только в постоянном хамстве (например, введение к книге озаглавлено «А врать-то зачем?»)⁵.

В книге Исаева вообще отсутствует описание состояния научной проблемы. Нет не только библиографии по теме и ссылок на других историков, нет вообще упоминаний о том, что кто-то, кроме него и Суворова, занимался исследованиями в этой области. Эта научно-информационная стерильность забавно контрастирует с декларированными во введении намерениями автора: «Предлагаемая читателю книга — это не только полемика с Суворовым, это попытка написать своего рода энциклопедию войны, дать базовые знания о принципах ведения боевых действий и применения оружия и боевой техники»⁶.

Может, «энциклопедию войны» и можно писать, не используя научную литературу, но с критикой Суворова этот трюк точно не проходит. Хотя способ, которым

критик избавил себя от необходимости возражать многочисленным коллегам Суворова и вообще давать обзор обсуждаемой проблемы, нельзя не признать остроумным.

Надо еще отметить, что книги Суворова, хотя и написаны военным историком и вообще военным специалистом, собственно войну оставляют за кадром. Ход военных действий и анализ событий Второй мировой войны с точки зрения военного искусства Суворова не интересуют. Проблема, которую он поднял первым и в решение которой оказались вовлечены десятки других историков, — это проблема в большей степени политической, нежели военной истории. Она состоит не в том, как и какими средствами Сталин воевал, а в том, как, какими средствами и с какой стратегической целью он готовился к войне. Поражение Красной Армии лета 1941 года — с точки зрения Суворова, результат не военного, а политического просчета. При ином внешнеполитическом планировании Сталина, при ином анализе политической ситуации и, как следствие, при иных принятых сроках действий те же самые военные меры могли привести и к запланированным Сталиным успехам.

Исаев то ли действительно не понимает сути проблемы, на которую он замахнулся, то ли лукавит. Во введении он пишет: «Историческая наука, несмотря на отсутствие специфических символов, как математические... является не менее сложной наукой, требующей вдумчивого и серьезного подхода и определенных профессиональных навыков. В этом я убедился по собственному опыту, потратив несколько лет на изучение законов оперативного искусства, методов исторического исследования, документов и книг о той войне»⁷.

Знание законов оперативного искусства, конечно, не может помешать правильному анализу политической истории СССР 30-х годов, но использование только этого знания делает задачу такого анализа неразрешимой — даже если бы Исаев удосужился ее поставить. Об этом, однако, и речи нет, что само по себе ставит под

сомнение уверенность автора в том, что ему удалось изучить методы исторических исследований.

В книге Исаева собственный анализ предвоенной политической ситуации и намерений Сталина отсутствует напрочь. А методы, которыми он пытается добиться поставленной перед собой цели, довольно экзотичны.

В первой главе «Конкурс наступательных планов» Исаев замахивается на то, что ему кажется одним из основных тезисов Суворова: «Он (Суворов. — Д.Х.) утверждает, что у СССР наличествовал только наступательный план освободительного похода»⁸.

Исаев возражает: «Однако за кадром остался вопрос, у кого они были оборонительные. Все планы войны крупных держав — участников двух мировых войн двадцатого столетия были наступательными. Причем наступательный характер не зависел от того, кто являлся инициатором войны. Для военного планирования это было абсолютно безразлично, планы вопрос очередности объявления войны не рассматривали. Оборонительными были только планы мелких стран, основной линией планирования в этом случае была упорная оборона в надежде на то, что могущественные союзники сокрушат напавших на страну-карлика противников»⁹.

По этой схеме получается, что все крупные европейские державы перед Второй мировой войной имели только наступательные планы, то есть все они в равной степени (а не только СССР и Германия, как утверждает Суворов) готовили агрессии против соседей и в равной степени виновны в разжигании мировой войны. И на этом фоне военные планы СССР ничем не выделялись. Версия экзотическая и нуждающаяся в доказательствах.

За этим утверждением следуют пять страниц рассказа о действиях мировых держав в Первой мировой войне, а затем автор переходит, наконец, ко Второй.

Он рассказывает о том, что польский главнокоман-

дующий маршал Рыдз-Смиглы, «несмотря на очевидный факт, что Германия сильнее Польши и, возможно, нанесет основной удар не по союзнику Польши Франции, а по самой Польше, заложил в план не только оборонительный элемент, удержание всей территории Польши, но и наступательный элемент, удар по немецкой группировке в Восточной Пруссии»¹⁰.

Из сказанного совершенно не следует, что Польша и Франция изначально готовили неспровоцированное нападение на Германию и именно этой идее было подчинено (как это происходило, по мнению Суворова, в СССР) предвоенное польское военное планирование. Далее следует рассказ о том, что «31 мая 1939 г. французский генеральный штаб начал разработку плана наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии»¹¹.

Что ж, если военный план был продиктован изначально агрессивными намерениями Франции против Германии, а не был элементом плана по противодействию угрозе со стороны Германии, то да, этот факт может работать на тезис Исаева о равной агрессивности будущих участников мировой войны. А если нет, то нет. Чтобы выяснить это, нужно как минимум связать появление этого плана (ровно за два месяца до нападения Германии на Польшу!) с политической ситуацией того времени в Европе и с политическими намерениями французского правительства. Но об этом у Исаева ни слова.

Следующий пример касается Финляндии: «Вы будете смеяться, но у Финляндии в 30-е годы тоже был наступательный план: предусматривалось наступление в глубь СССР. По этим планам линия Маннергейма отражала удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Когда война уже была на пороге, благоразумие взяло верх, и 9 октября 1939 г. войскам дали указание готовиться к обороне, но с оговоркой, что при необходимости нужно будет провести

наступательную операцию в районе Реболы, отодвигая границу от самой узкой части Финляндии»¹².

Это все очень интересно, но из сказанного совершенно не вытекает, что финское военное планирование носило изначально агрессивный характер. Наоборот — совершенно очевидно, что все действия были продиктованы оборонительными намерениями и обусловлены угрозой со стороны СССР.

Однако Исасв делает общий вывод: «Как мы видим, со времени Первой мировой ничего принципиально не изменилось — как «плохие парни» в лице Германии, так и «хорошие парни» в лице Польши, Франции, Англии и даже Финляндии имели наступательные военные планы. Почему в этом ряду СССР должен был быть исключением?»

Стоп. А о чем, собственно, речь? Исасв показал, что военные планы Польши, Франции и Финляндии предполагали в определенных случаях переход в наступление. При этом он не привел совершенно никаких аргументов за то, что сами планы не были реакцией на угрозу со стороны Германии и СССР, а носили изначально агрессивный характер, то есть предполагали неспровоцированное нападение на Германию или СССР. В качестве аргументов против Суворова приведенная Исасвым информация вообще не имеет никакого смысла. Концепция Суворова обосновывает исходно агрессивный характер советской внешней политики и вытекающего из нее советского военного планирования. Суворов ни в каких своих книгах не утверждал, что какие бы то ни было оборонительные планы не могут включать в себя элементы наступления.

Советский Союз так же, как и Германия, планировал мировую войну в качестве способа распространения своей власти на территории других государств. Именно этим оба они отличались от Франции, Англии, Польши, Финляндии и многих других участников мировой войны, которые ничего подобного не планировали. Можно с этим тезисом не соглашаться, но тогда надо аргументировать по существу спора. Аргументы Исасева не просто

несостоятельны, они направлены вообще в сторону, никак не задевая ни концепцию Суворова, ни его аргументацию.

Плохо представляю себе, что Исаев действительно не понимает, в чем суть проблемы и того, какими методами она может решаться. Слишком уж хитроумный выбран способ. Скорее всего это сознательное передергивание. Суворов говорит о политическом планировании Сталиным захвата Европы и о вытекающей из него военной подготовке нападения на Германию летом 1941 г., а Исаев рассказывает о том, что оборонительные планы стран — противников Германии и СССР включали в себя наступательные элементы. И выдает это за аргументы, опровергающие Суворова. Налицо подстава. Не дискуссия, а симуляция научной дискуссии.

Исаев далее: «Советский Союз не был карликовым государством, которое могло рассчитывать только на то, чтобы дорого продать свою жизнь или дожидаться, когда большие добрые дяди накостылят обидчику. Соответственно и военное планирование носило наступательный характер, по крайней мере с 1938 г.»¹³.

Получается, что у СССР могло быть только два выхода: либо ждать, когда его кто-нибудь защитит, либо защищаться самому путем подготовки нападения на потенциального обидчика. Эту фантастическую политическую ситуацию Исаев никак не обосновывает, заявляя ее как нечто само собой разумеющееся. В то же время Суворов обоснованно рисует совсем другую картину — именно СССР был наряду с Германией тем самым обидчиком, которого боялись соседи, и карликовые, и не карликовые. Советское военное планирование носило наступательный характер соответственно советским же агрессивным планам относительно соседей, а не соответственно советским страхам перед нападением со стороны неких гипотетических обидчиков. И не с 1938 года, а практически всегда.

Этот тезис Суворова на самом деле — ключевой. Исаев даже не пытается задевать. На последующих 11 страницах первой главы, наполненных цитатами во-

енных теоретиков и выкладками по поводу советского военного планирования в 1939—1941 годах, нет ни слова о советских внешнеполитических планах и намерениях. Их цель — подвести читателя к мысли, что «последовательность действий СССР, военное планирование РККА не носили характера чего-то агрессивного или из ряда вон выходящего. Вполне заурядные и общепринятые мероприятия, сами по себе не свидетельствующие равным счетом ни о чем. Ни об агрессивности, ни о белизне и пушистости».

Поскольку Исаев не уточняет, для какой ситуации советские военные приготовления можно считать «заурядными и общепринятыми» — для подготовки обороны или подготовки агрессии, вся идеологическая конструкция висит в воздухе. А поскольку он не говорит ни слова о причинах заблуждений Михаила Мельтюхова и еще как минимум пары десятков российских и зарубежных исследователей, которые независимо от Суворова, на том же самом материале сделали вывод об однозначно агрессивном характере советских военных приготовлений непосредственно перед 22 июня 1941 г., то и научная ценность его рассуждений, мягко говоря, невелика.

Например, на страницах 26—28 Исаев рассказывает о том, что в 30-е годы европейские военные теоретики активно разрабатывали теоретические аспекты использования «армий прикрытия» и «армий вторжения» и что превращение армий прикрытия в армии вторжения — это не советское изобретение, как якобы утверждает Суворов, а иностранное. И что даже Шарль Де Голль в своей книге «За профессиональную армию» указывает на возможность ее применения в качестве «армии вторжения»¹⁴.

И далее: «Кое-что из военной теории было доведено до практической реализации. В 1933 г. в Польше была проведена военная игра, в ходе которой отрабатывалось вторжение на территорию СССР с целью срыва мобилизации и развертывания собственных вооруженных сил. В 1934—1936 гг. на учениях в Польше, Германии,

Италии, Франции отрабатывались действия армий вторжения. Изучались возможности рейдов механизированных соединений и конницы с целью срыва развертывания сил противника. СССР не остался в стороне от этих тенденций, и Генеральный штаб в 1934 г. разработал проект «Наставления по операции вторжения»¹⁵.

Из этого читатель должен получить представление, что раз теоретическими разработками, связанными с «армиями вторжения», занимались все, то и вторгаться на территории соседей собирались все и с одинаковыми целями. То есть намерения СССР, у которого в реальности до начала мировой войны вообще не было врагов, способных на агрессию, ничем не отличались от намерений, например, Польши, которая находилась под угрозой реального (и случившегося в 1939 году) нападения с двух сторон.

Первая глава заканчивается странным тезисом о том, что «импровизированные» действия РККА летом 1941 года объяснялись тем, что в отличие от Первой мировой войны в 1941 году отсутствовал период до начала первых операций, «в течение которого противники мобилизовывали армии и везли войска к границе. У СССР в 1941 г. такой возможности не было ввиду отсутствия периода обмена нотами и ультиматумами. Вермахт к началу конфликта был полностью мобилизован и выдвинут к границе с СССР в том составе, в котором должен был вести первую операцию. РККА не была полностью отмобилизована ввиду позднего осознания опасности войны. Войска, которые должны были участвовать в указанных выше наступлениях, к границе подвезены не были. Соответственно план мог быть хоть оборонительным, хоть наступательным. Группировка для его осуществления отсутствовала. Называется такое положение «упреждение в развертывании»¹⁶.

Стоп. Но ведь и Суворов пишет о том же самом — группировка советских войск 22 июня была еще не готова к наступлению. Но он пишет и другое — к обороне она не готовилась изначально. Да, Исаев прав — 22 июня РККА была не способна ни защищаться, ни нападать. Но если бы у Сталина было время довести ее до

готовности, а Гитлер все равно опередил бы его хоть на день, то разгром был бы еще страшнее. Потому что, согласно Суворову (а также Мельтюхову и еще многим-многим другим), Сталин готовил самостоятельное и не обусловленное угрозой со стороны Германии нападение на нее. К обороне он просто не готовился.

Фраза Исаева: «Соответственно план мог быть хоть оборонительным, хоть наступательным. Группировка для его осуществления отсутствовала» — характерный для него трюк, перевод внимания читателя с главного на несущественное. Получается, что как бы не важно, какой у советского командования был план, если в момент немецкого нападения Красная Армия все равно была небоеспособна.

Но именно это и важно. Именно об этом и пишет Суворов. Если бы советский план был оборонительный, группировка РККА на границе выглядела бы совсем иначе и не погибла бы в первые дни войны, не сумев, по существу, вступить в бой. Оборонительный советский план означал бы, по существу, предотвращение войны. А организовывать непреодолимую для немцев оборону Сталину, как показал дальнейший опыт, удавалось даже после потери летом 1941 года почти всей кадровой Красной Армии. Было бы желание.

Собственно говоря, Исаев не отрицает тезис Суворова о том, что Красная Армия готовилась к нападению на Германию и не собиралась от нее обороняться. Он считает, что это вообще несущественно: «Проблема 1941 г. была не в том, что Красная Армия готовилась к наступлению. Если бы она готовилась к обороне, было бы то же самое. Ни наступательная, ни оборонительная группировка войск просто не успела сложиться»¹⁷.

Тут расчет на внезапное помутнение разума читателя. Такое впечатление, что эта самая группировка складывалась сама по себе, стихийно и никто не мог знать заранее, как она сложится. Но это же вздор. Складывалась наступательная группировка, и никакая другая. Если бы Красная Армия готовилась к обороне, она не выстраивалась бы на границе в выступах-балконах, чрезвычайно уязвимая и обреченная на окружение в

случае внезапного удара (как это и вышло), не переводила бы прямо к границе аэродромы и огромные запасы снаряжения, потерянные в первые же дни войны. То есть совершала бы совершенно другие и подробно описанные Суворовым действия, в результате которых была бы создана оборонительная линия, которую немцам пришлось бы преодолевать в условиях подавляющего численного и технического превосходства Красной Армии, если бы они вообще зачем-то на это безумие решились.

Исаев не в состоянии доказать, что Красная Армия готовилась к обороне, поэтому он идет на смелый шаг, фактически заявляя, что между подготовкой к обороне от соседней страны и подготовкой к нападению на нее вообще нет никакой разницы. Раз не успели подготовиться к нападению, то, значит, и обороняться не сумели бы.

На таком же методе довольно искусной подмены предмета спора построена вся книга Исаева. Откровенно абсурдные заключения подкрепляются рассуждениями, вообще никак не касающимися существа суворовской аргументации, и топятя в огромном количестве технической информации и критических замечаний по поводу второстепенных и третьестепенных аспектов суворовской концепции.

В главе «Заключение» Исаев перечислил опровергнутые им тезисы Суворова, сопроводив их краткими резюме своих аргументов. Вот важнейшие:

«У СССР был только наступательный план «освобождения Европы». Выбрасываем. Планы наступательного характера были у большинства участников двух мировых войн, советский план ничем от них и от планов России 1914 г. не отличался. Характер военного планирования СССР не является аргументом в пользу агрессивности»¹⁸.

То, каким любопытным образом Исаев пытался обосновать этот в высшей степени фантастический вывод, мы разобрали раньше. В любом случае он ставит сго лицом к лицу не только с Суворовым, но и с огромным количеством других исследователей. Исаевым не упомянутых. Причем ставит в полном одиночестве; рисковать научной репутацией таким легкомысленным способом может решиться только человек, которому в этом смысле совсем нечего терять.

«СССР еще в 1939 г. аккумуляировал энергию миллионов, и армия 1941 г. была армией мирного времени, никаких альтернатив тому, чтобы начать войну, не было». Выбрасываем в мусорную корзину. РККА в 1941 г. вплоть до 22 июня оставалась армией мирного времени, военная реформа лета 1939 г. также не предусматривала создание армии мирного времени»¹⁹.

На этот счет есть гораздо более точные, чем у Суворова, данные о численности Красной Армии в 1941 году, приведенные Михаилом Мельтюховым:

«6 июня 1941 г. Сталин подписал ряд постановлений, согласно которым промышленные наркоматы должны были провести мероприятия, позволявшие «подготовить все предприятия... к возможному переходу с 1 июля 1941 г. на работу по мобилизационному плану»²⁰ (выделено мной. — М.М.).

РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В 1939—1941 ГГ.²¹

	На 1.01.1939	На 22.06.1941	В % к 1939 г.
Личный состав (тыс. чел.)	2485	5774	232,4
Дивизии	131,5	316,5	240,7
Орудия и минометы	55 790	117 581	210,7
Танки	21 110	25 784	122,1
Боевые самолеты	7714	18 759	243,2

Советские вооруженные силы, рост которых показан в таблице 1, превосходили армию любой другой страны по количеству боевой техники»²².

У Исаева есть возможность оспорить данные Мельтюхова или доказать, что приведенные им цифры соответствуют понятию «армия мирного времени». А заодно оспорить и другой вывод Мельтюхова, касающийся отсутствия альтернатив началу войны: «Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором»²³.

Если же сделать это не удастся, то как честный человек Исаев просто обязан похоронить в мусорной корзине свое собственное сочинение.

«В СССР производилось в огромных количествах только «наступательное оружие» в ущерб «оборонительному». Выбрасываем. Чисто наступательного и чисто оборонительного оружия не существует, все технические средства борьбы в той или иной степени универсальны и могут применяться как в агрессивной войне, так и при отражении чьей-либо агрессии»²⁴.

Разумется, «все технические средства борьбы в той или иной степени универсальны». Дело как раз в том, что они в РАЗНОЙ степени универсальны. Пехота и кавалерия в РАЗНОЙ степени пригодны при обороне и при наступлении. Кавалерия при обороне непригодна вовсе, она вынуждена спешиваться и превращаться в пехоту. Если Исаев с этим фактом, не требующим для понимания специальных военных знаний, согласен, то его претензии к Суворову бессмысленны.

В качестве основной аргументации своей позиции Исаев обильно и подробно критикует предположение Суворова, что разработка в 30-е годы в СССР быстроходных колесно-гусеничных танков указывала на агрессивные намерения Сталина, поскольку на территории СССР применять их было невозможно. Предположение вполне спорное, хотя и обратное утверждение —

что быстроходные колесные танки разрабатывались с оборонительными целями, мягко говоря, неочевидно. Главное, что тема автострадных танков в общей системе аргументации Суворова занимает даже не второстепенное, а третьестепенное место. Всю эту танковую тему можно из книг Суворова спокойно изъять без ущерба для прочности концепции. Но у Суворова есть и первостепенной важности аргументы, касающиеся наступательного оружия. Например, формирование перед началом войны 10 воздушно-десантных корпусов. А это чисто наступательный род войск, никак при обороне не применимый. О его универсальности и речи нет. Когда война началась, все уже сформированные части (5 корпусов) были превращены в обычные. Обо всем этом в книге Исаева нет ни слова.

Критика второстепенных аргументов противника при игнорировании ключевых говорит либо о научной недобросовестности критика, либо об изначальном отсутствии у него представлений о правилах научных дискуссий.

«Гитлером была начата «Барбаросса» в ответ на концентрацию советских войск у границы». Выбрасываем. Это формальное объяснение начала боевых действий в ноте, поданной советскому правительству 22 июня. Согласно имеющимся документам Третьего рейха Гитлер напал на СССР с целью уничтожить единственного потенциального союзника Англии на континенте и тем самым вынудить Великобританию сдаться»²⁵.

Аргумент замечателен своей абсурдностью. Он не опровергает, а поддерживает и дополняет тезис Суворова. Разумеется, Гитлер напал на СССР, чтобы уничтожить единственного потенциального союзника Англии на континенте. На этот счет действительно есть много документов, в том числе об этом прямым текстом сказано в дневниках Геббельса весны 1941 года. Но в 1939 году СССР не был в глазах правительства Третьего рейха потенциальным союзником Англии. Он стал им в результате целой серии недружественных по отношению

к Германии действий начиная с лета 1940 года. В числе этих действий были не оговоренные пактом 1939 года территориальные претензии в Европе, нарушение договоренностей и — в первую очередь! — концентрация войск на границе, не позволявшая Германии перебросить с востока порядка 150 дивизий, чтобы успешно закончить войну с Англией. Все эти недружественные действия перечислены в ноте германского правительства 22 июня, и нет никаких оснований считать их только формальным поводом, а не фактической причиной нападения Германии на СССР. Текст ноты полностью работает на тезис Исаева, что Германия нападением на СССР пыталась уничтожить потенциального союзника Англии. А вот каким образом тезис Исаева можно использовать против Суворова — совершенно непонятно. Перед нами опять подстава. Аргумент, работающий на оппонента Исаева методом внушения, выдается за опровергающий.

«РККА потерпела поражение летом 1941 г., поскольку готовилась наступать и войска были сконцентрированы для наступления». Конфигурация и состав войск РККА у границы не отвечали ни обороне, ни наступлению. Причина поражения — низкие плотности войск у границы вследствие незавершенности сосредоточения, развертывания и мобилизации. От планов эти факторы никак не зависели. Произошло это вследствие успешной кампании дезинформации и применения немцами новых технологий ведения начального периода войны»²⁶.

Еще один полностью абсурдный аргумент, частично разобранный выше. «Конфигурация и состав войск РККА у границы не отвечали ни обороне, ни наступлению» по совершенно очевидной причине — к обороне войска не готовились, они находились в процессе подготовки к наступлению. Недостаточная плотность советских войск у границы никак не могла быть причиной поражения. Если бы плотность войск была доведена до планировавшейся, а немцы все равно напали бы первыми, поражение было бы еще страшнее, потому что по-

ть было бы больше. Причиной поражения была сама установка на нападение при полном отсутствии оборонительных мероприятий. Каковые попросту исключили бы концентрацию прямо на границе неспособной обороняться армии. Если армия в первые же дни войны, не успев вступить в бой, оказывается в окружении, в котлах, с прерванными коммуникациями и отсутствием связи с командованием, то плотность войск в котлах на успех их боевых действий особого влияния иметь никак не может.

У Суворова в «Ледоколе» подробно описано, чем мероприятия по созданию обороны страны отличаются от мероприятий по подготовке к нападению на соседа. И если Исаев, считая себя специалистом по принципам ведения боевых действий, полагает, что принципиальной разницы между тем и другим нет и армия, чтобы избежать поражения при угрозе нападения противника, никаких оборонительных мер принимать заведомо не должна, то ему следовало бы начать опровергать Суворова именно с этого места. Что касается фразы Исаева о «применении немцами новых технологий ведения начального периода войны», то под этим, по-видимому, подразумевается просто внезапность. Во всяком случае, нет оснований полагать, что действия РККА, успев она напасть первой, технологически сильно бы отличались от действий вермахта.

Исаев завершает книгу красивой метафорой: «Упреки РККА 1941 г. подобны упрекам молодому боксеру, тренировавшемуся в районном Дворце пионеров и полетевшему в нокдаун в бою с Майком Тайсоном на 10-й секунде первого раунда»²⁷.

Имеется в виду, что слабая, неопытная Красная Армия не сумела ничего противопоставить опытному и сильному противнику. Эта сравнение — тоже подстава, причем совершенно беспардонная. Если продолжить метафору, то именно Красную Армию следует сравнить с Майком Тайсоном, который получил ногой в лицо, только еще перелезая через канаты. Он свалился за ринг не

потому, что был слабее или неопытнее противника, а потому, что ему вовремя не объяснили, когда чего ждать и к чему готовиться. Виноват не он, виноват тренер.

Если гигантская армия, намного превосходящая своего противника по численности и технической оснащенности, терпит поражение в самом начале войны, так и не сумев вступить в бой, и гибнет в окружении, то это не значит, что она была слаба или небоеспособна. Это значит, что ее подставили. Это означает стратегическую ошибку Верховного командования, которое неправильно оценило политическую ситуацию и отдавало армии неверные приказы. Ее готовили не к той ситуации, в которой она оказалось. У нее не было тех 10 секунд свободы запланированных действий в первом раунде, которые могли бы доказать ее боеспособность.

Стоит отметить, что тезис Исаева о слабой и неопытной Красной Армии, сломленной кулаками немецкого «Тайсона» через 10 секунд боя, противоречит его же тезису о том, что причина поражения в том, что «конфигурация и состав войск РККА у границы не отвечали ни обороне, ни наступлению» и в «низкой плотности войск у границы вследствие незавершенности сосредоточения, развертывания и мобилизации».

Одно из двух. Либо Красная Армия вступила в бой и потерпела поражение в силу слабости и неопытности, либо она по организационным причинам не была готова вступить в бой и тогда ее численность и опытность вообще не могли играть никакой роли.

Многие не без оснований упрекают книги Суворова в неаучности стиля и формы. Эти недостатки — при желании! — легко упраздняются простой редактурой. Книга Исаева в научном смысле безнадежна. Ее даже бессмысленно упрекать в недобросовестности; автор исключительно добросовестно выполняет задачу, исключая добросовестный научный подход. Ни по форме,

ни по сути она не может числиться по разряду научно-исторической литературы. Ни с точки зрения соответствия сути якобы обсуждаемых проблем, ни с точки зрения методов и целей аргументации.

У нее другая задача. Это сочинение, консолидирующее идеологическое сообщество. Что-то вроде манифеста российского «антирезунизма». А манифесты редко читают даже их глашатаи. Их смысл в самом факте их существования. Это символ, знамя, объединяющее единомышленников.

Это сообщество объединяет, конечно же, не возмущение недостаточной якобы научностью книг Суворова, а верность той идеологии, которая рухнет, если признать, что Суворов прав. Самое интересное в антирезунистском движении — его позитивная программа. То есть не скучные, бездарные и жульнические наскоки на Суворова, а их собственные представления о советской истории.

Они оказываются очень причудливыми и экзотичными. То эти ребята рассказывают о том, что целью индустриализации было создание самодостаточной, эффективной и саморазвивающейся экономики, точь-в-точь как на Западе. То на голубом глазу убеждают друг друга в том, что коллективизация накормила СССР, а вовсе не привела к массовому голоду²⁸.

Все это — тоска по прежним советским возможностям безнаказанных фальсификаций. Опереться им не на что, кроме советских учебников и малого числа самодельных шарлатанских книжек. Отсюда и надежда на сочинения вроде книги Исаева. Кажется, что вот-вот самому хитрому из них удастся объехать на козе историческую науку.

В упоминавшемся уже выше сетевом обсуждении сборника «Правда Виктора Суворова» выплыли два любопытных тезиса, против которых никто из участников не возразил. Причем озвучил их dr'guillotин, то есть сам Исаев.

Первый тезис. Подготовку к неспровоцированному нападению на соседние страны (то бишь военные насту-

пательные планы) нельзя считать подготовкой к агрессии. Ибо «наступательные планы» есть военный термин, а «агрессия» — политический. Объяснение Исаева: «Есть такое понятие «вероятные противники». Соответственно наличие плана наступления с пересечением границы этих самых вероятных противников еще не означает политического акта агрессии в ближайшем будущем. В 1941 г. вероятным противником была Германия и ее сателлиты»²⁹.

На мой взгляд, это бессмысленная и недобросовестная игра слов. То есть смысл у нее, конечно, есть, но идеологически-пропагандистский. Если государство готовит нападение на территорию соседних стран, которые ему не угрожают, это называется подготовкой агрессии. Сталин начал готовить нападение на Европу задолго до того, как возникла опасность нападения Германии на СССР. Каковую он сам же и создал, сначала спровоцировав мировую войну, а потом неосторожно дав Гитлеру понять, что он готовит нападение на него. Соседи некоей страны могут считаться данной страной вероятными противниками по двум причинам: либо они ей угрожают, либо она сама планирует по независящим от внешней угрозы причинам напасть на них. Соответственно и военно-политическая активность в обоих случаях предполагается разная. В первом случае оборонительные мероприятия, имеющие целью предотвращение войны, во втором — подготовка агрессии с целью территориальных захватов. Советский Союз всегда выбирал себе «вероятных противников» сам и произвольно, то есть действовал по второму варианту. Причем в 20-е и 30-е годы в числе «вероятных противников» перебивали как минимум все западные соседи СССР.

Сама по себе эта тема возникла от полной невозможности обосновать оборонительные намерения СССР. И тогда был придуман, возможно самим Исаевым, спасительный терминологический трюк, рассчитанный на совсем простодушных: подготовка военного наступления не есть подготовка агрессии в политическом смысле.

В высказываниях Исаева наличие «вероятных про-

тивников» выглядит как некая данность, не зависящая от политической воли СССР. Раз есть соседи, то есть и вероятные противники. Раз есть противники, то надо готовиться к войне, чтобы их победить. А чтобы победить соседей, надо на них нападать. При таком повороте темы вопрос о том, агрессия это или не агрессия, даже не ставится. Так же как вопрос о причинах и зачинщиках войны.

В 2006 году состоялась радиодискуссия в прямом эфире между Исаевым и Суворовым. Суворов довольно схибно заметил, что его версия о подготовке СССР к нападению на Германию с моральной точки зрения СССР оправдывает, а не компрометирует: «Что же получается? Советский Союз в 39-м, в 40-м, в 41-м году помогал Гитлеру, помогал ему, помогал, гнал туда стратегическое сырье, Гитлер крушил Европу. И получается: мы не хотели на него напасть, то есть мы хотели оставаться гитлеровцами до конца? Это аморальная точка зрения»³⁰.

Исаев отвечает: «СССР стремился вступить в войну как можно позже, оттягивать ее начало, получать время на подготовку армии к простому, адекватному вступлению в войну, чтоб не потерпеть тяжелых поражений, чтобы не понести тяжелых потерь. Естественно, вступить в войну, когда Германия обескровлена, это гораздо лучше, чем вступить с сильным вермахтом достаточно слабой Красной Армией. И с 39-го по 41-й год тратили время на то, чтобы привести Красную Армию в нормальное состояние, босспособное, получить опять же на основе опыта войны в Европе какую-то информацию о новейших технологиях босвых действий и применить ее на практике. Поэтому можно сказать так: «гитлеровцами» мы становиться ни в коем случае не собирались, а собирались вступить в войну, примерно как США, которые тоже с 39-го года активно готовились, наращивали численность своих соединений и потом вступили уже, базирываясь на опыте тех, кто потерпел поражение от Гитлера — Польша, Франция...»³¹

Итак, оказывается, СССР вступал в мировую войну

по той же причине, что и США. Но политические цели США в войне, как и их действия, хорошо известны и выглядели немножко иначе, чем цели СССР. США стремились разгромить европейского агрессора — Германию — и восстановить в Европе демократию. США, наращивая вооружение, с самого начала помогали Англии и Франции выстоять против Германии, в то время как СССР занимался якобы тем же самым, помогая Германии разбить Англию и Францию. Получается, что, согласно Исаеву, «простое и адекватное» вступление СССР в войну предполагалось тогда, когда Англия и Франция будут разбиты обескровленной Германией. Исаев считает такую стратегию естественной, правильной, но не заикается о том, какова ее цель. Хотя цель понятна — остаться единственным победителем в Европе и ее хозяином. Это главная сталинская цель, о которой, собственно, и писал Суворов. Имей СССР иные, общие с США политические цели, он и действовал бы как США — с самого начала помогал бы не Германии, а ее европейским противникам. Тезис о том, что СССР всячески оттягивал вступление в войну, чтобы накопить сил и уж тогда спасти Европу, — чисто сталинский и никакими добрыми намерениями не объяснимый.

Другой обычный для «антирезунистов» и тоже сталинский тезис: советская индустриализация ставила своей целью всего лишь довести экономику страны до среднесвропейского уровня. К подготовке агрессии отношения не имела. Один из соратников Исаева выразился так: «Смысл индустриализации состоял в создании самодостаточной промышленности, позволяющей заложить основу не только для будущего процветания страны, но и обеспечить производство всей или почти всей номенклатуры изделий военного назначения для обеспечения армии в войне».

Сам Исаев высказался на эту тему следующим образом: «Политикой советского государства была скромная интеграция в мировую политику и экономику, во-первых, и сохранение страны как самостоятельного государства, во-вторых»³².

Тезис о советской индустриализации как средстве обеспечить оборону страны от врагов и поднять ее уровень жизни — тоже чисто сталинский. Он абсолютно лживый и совершенно недоказуемый. Сталинская индустриализация с ее целенаправленным снижением уровня жизни населения, миллионами жертв, тотальной милитаризацией страны и исключительно военными целями имела так же мало общего со «скромным внедрением в мировую экономику», как сталинская внешняя политика 30-х годов — со «скромным внедрением в мировую политику». Не говоря уже о том, что все тридцатые годы и вплоть до спровоцированной Сталиным же мировой войны самостоятельности СССР как государства ничего не угрожало.

Все это не ошибки или невежество. Это характерная и довольно стройная идеология. Причем идеология сталинистская.

Вот отзыв Исаева на книгу Мельтюхова «Освободительный поход Сталина»: «Идеологически, на мой взгляд, написанный М. Мельтюховым текст безупречен. «В результате действий Советского Союза в июне 1940 г. была **восстановлена** советско-румынская граница по рекам Прут и Дунай, установленная еще решением берлинского конгресса 1878 г. Бессарабия была **освобождена** от румынской оккупации и **воссоединилась** с СССР. Что касается Северной Буковины, то в данном случае имело место присоединение этой территории к СССР и **установление новой границы** между Прутом и Карпатами (с. 348, заключение). Заканчивается книга фразой «Поскольку идея «оборонительной миссии» Румынии восходит ко второй половине XIX века, совершенно очевидно, что именно эти агрессивные устремления толкнули ее на союз с Германией, а вовсе не решение бессарабского вопроса летом 1940 г.»³³.

Взгляд на территориальные захваты СССР в Европе как на освободительные походы — классика сталинской историографии.

Десятого мая 2007 года на интернет-странице Лен-

та.ру под общим заголовком «Правда о победе» были опубликованы ответы Алексея Исаева на вопросы читателей. Вот самые интересные.

Вопрос: «Вторую мировую войну начали Германия и СССР совместным (пусть и с разницей в две недели) нападением на Польшу. Почему же для большинства наших историков война началась в июне 41-го года, а не в сентябре 39-го?» Исаев: «О какой совместной операции может идти речь, когда СССР ввел войска в Польшу уже после скоропостижной кончины польской армии? К моменту, когда советские войска пересекли границу, война Польшей уже была проиграна. Поэтому сопротивления советским войскам практически не оказывалось».

В вопросе идет речь о совместно запланированном, хотя и разведенном по срокам нападении на Польшу. Исаев передергивает: раз польские войска не сопротивлялись советским, значит, и совместной с Германией операции якобы не было. Чистый блеф.

Вопрос: «Можно ли утверждать, что в сентябре 1939 г. СССР вступил во Вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии?» Исаев: «Нельзя. С тем же успехом можно обвинять Польшу, принявшую участие в разделе Чехословакии вместе с Германией».

Опять блеф. Ситуация с согласованным советско-немецким вооруженным нападением на Польшу в 1939 году мало напоминала ситуацию с разделом Чехословакии с участием Польши в 1938 году. Хотя бы потому, что Польша не заключала с Германией пакт о вооруженном разделе Европы. Начало Второй мировой войны было спланировано совместно СССР и Германией в рамках заключенного между ними союзного соглашения. Так что исаевская аналогия совершенно неправомерна.

Вопрос: «Как вы объясните явное противоречие:

страна напряженно готовилась к войне с Германией, но нападение Германии — полная неожиданность?»

Исаев: «Неожиданностью было нападение Германии именно в июне 1941 г. Германия рассматривалась как вероятный противник советским Генеральным штабом, как в 1938 г., так и в 1940—1941 гг. В 1939—1940 гг. была проведена масштабная реорганизация армии, наращивание военного производства. Эти меры позволили выстоять, несмотря на успехи немцев летом 1941 г.»

Явная симуляция ответа с уходом от вопроса. Вопрос был о том, почему нападение в июне 1941 года было неожиданностью, хотя готовились к войне с Германией давно. Ответ: Да, готовились давно, а нападение было неожиданностью именно в июне. А ведь это, можно сказать, самый главный вопрос. Ведь Исаев прославился как оппонент Суворова, все книги которого, в сущности, именно на этот вопрос и отвечают.

Вопрос: «Считаете ли вы, что СССР готовил нападение на Германию?» Исаев: «Нет. Анализ документов советского военного планирования не позволяет сделать вывод о наличии политического решения напасть на Германию».

Просто ложь. Вот тут бы и объяснить в двух словах, какое именно политическое решение стояло за концентрацией Красной Армии на границе с Германией в июне 1941 года. Вариантов мало. В книгах Исаева такого анализа нет, а из исследований, в которых такой анализ есть, вырисовывается совсем другая картина.

Вопрос: «Правда ли, что советские солдаты не всегда «корректно» вели себя на захваченной территории? Что убивали и грабили не хуже, чем гитлеровцы». Исаев: «В Красной Армии была четкая установка на поддержание жесткой дисциплины. Поэтому нарушители дисциплины преследовались и наказывались. Это способствовало общему оздоровлению морального климата в войсках в Германии».

Опять прямая ложь. О массовых зверствах на оккупированной Красной Армией территории существует обширная литература.

Вопрос: «Принес ли пользу «аншлюс» Прибалтики перед войной и попытка силой «договориться» с Финляндией?» Исаев: «Размещение войск в Прибалтике отодвинуло линию соприкосновения СССР и Германии от Ленинграда. Конфликт с Финляндией не способствовал подъему международного авторитета СССР, но указал на ряд недостатков в строительстве армии, которые постарались исправить до 1941 г.»

Очень любопытно. За агрессию против Финляндии СССР был исключен из Лиги Наций. Исаев, однако, полагает, что аннексия Прибалтики и война с Финляндией оправданы полученными в результате военно-территориальными преимуществами. Опять чисто сталинистская аргументация.

Вопрос: «Можно ли, на ваш взгляд, сказать, что в развязывании Второй мировой войны одинаково виноваты как Гитлер со Сталиным, так и Даладье с Чемберленом?» Исаев: «Я бы не стал ставить Гитлера и руководителей СССР, Франции и Англии на одну доску. В одном случае имело место четкое стремление начать войну, в другом ошибки в стремлении сохранить мир».

Остроумно. Значит, заключая пакт с нацистской Германией, СССР просто совершил ошибку в стремлении сохранить мир. Причем точно такую же ошибку, как Англия и Франция, выступившие против Германии. То есть в стремлении сохранить мир СССР можно, оказывается, поставить на одну доску с Англией и Францией. Опять лживый, чисто сталинский тезис — СССР, Англия и Франция вместе боролись за мир в Европе.

В 1948 году в СССР была издана брошюра «Фальсификаторы истории», где давалась советская интерпретация политических событий в Европе 30-х годов. На-

писана она была, судя по стилю, самим Сталиным. Там описывалась неустанная борьба за мир Советского Союза и преодоление им козней поджигателей войны. Официальная позиция советских, а потом и российских казенных историков, несмотря на изменения лексики, никогда далеко не отдалялась от принципиальных положений этого сочинения. Исторические взгляды и оценки Исаева тоже практически целиком укладываются в рамки сталинской историографии. Это объясняет и жанр его сочинений, и характер представляемого им общества.

«Антирезунизм» — борьба с Виктором Суворовым — это только внешняя и формальная сторона движения. За этой декларативной негативной программой имеется гораздо более серьезная позитивная. Стоит чуть копнуть, и из-под «антирезунизма» вылезает сталинизм. Борцов с Суворовым сбивает в кучу не Суворов, а национал-патриотический — сталинистский! — взгляд на историю. «Антирезунисты» — это верхушка айсберга, самая активная и шумная часть субкультуры, которую можно именовать неосталинистской, или «коммуно-шовинистической», или просто правоэкстремистской.

Это движение обширно и имеет в постсоветской России избыток питательной среды. Оно питается классическими советскими предрассудками и имперской мечтой о былом военном величии. Единственное, в чем оно сегодня испытывает недостаток, — это в пропагандистской литературе. Идеологии такого рода никогда не могут опираться на научную литературу, только на шарлатанскую. Шарлатан — это человек, симулирующий занятия неким делом, чтобы решить не относящиеся к нему задачи. В данном случае требуется симулировать занятия советской политической и военной историей. Когда-то в советское время были фальсифицированы целые области науки, в первую очередь исторической. В отсутствие конкуренции с настоящей наукой это было делать легко. Сегодняшние национал-патриоты стоят перед серьезной проблемой. Гигантские пласты прежних советских антинаучных наработок не эффективны.

Они скомпрометированы и написаны не тем языком. Требуется нечто того же содержания, но более современное и гораздо более научное по форме, поскольку в условиях свободы печати приходится конкурировать с настоящими исследованиями.

Деятельность Алексея Исаева — это попытка заполнить лауну. К научным спорам вокруг проблем истории Второй мировой войны его сочинения отношения не имеют и не могут в них участвовать. У них другие задачи.

Сугубо научные споры вокруг концепции Суворова на сегодня фактически закончены. Его выводы в целом подтверждены множеством других исследований³⁴.

Конечно, можно теоретически допустить, что в будущем появятся серьезные данные, подтверждающие, что:

а) дислокация Красной Армии в июне 1941 году носила оборонительный, а не наступательный характер;

б) Красная Армия готовилась не к нападению на Европу, а к обороне от внешнего врага;

в) Сталин в тридцатые годы планировал не разжигание мировой войны, а действовал в интересах сохранения мира в Европе.

В таком случае спор на эту тему может возобновиться. Но пока шансов на это мало.

Примечания

¹ <http://u—96.livejournal.com/563128.html>.

² Мельтюхов М. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол». В сб.: Советская историография. Москва, 1996. С. 488—521.

³ Там же. С. 509.

⁴ Мельтюхов М. Преддверие Великой Отечественной войны, 1939—1941 гг.: становление великой державы. В сб.: Правда Виктора Суворова. Москва, 2006. С. 263.

⁵ Того же рода и разрекламированная через Интернет шутка Исаева — сделанная им на его книге, которую должны были передать Суво-

рову, дарственная надпись: «Знаменитому разведчику с пожеланием поскорее вернуться на Родину». Имеется в виду пожелание, чтобы Суворова поскорее убили.

⁶ *Исаев А.* Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. Москва, 2006. С. 10.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Там же. С. 11—12.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 27—28.

¹⁶ Там же. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 344.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921—1941 / Пер. с англ. М., 2001. С. 225—226.

²¹ Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941 гг. (Документы, факты, суждения.) Изд. 2-е, исправ. и доп. М., 2002. С. 269—271, 66, 284, 385, 393.

²² *Мельтохов М.И.* Преддверие Великой Отечественной войны. 1939—1941 гг.: становление великой державы.

²³ Там же.

²⁴ *Исаев А.* Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. С. 345.

²⁵ Там же. С. 346.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 349.

²⁸ <http://dmitrij-sergeev.livejournal.com/11033.html?thread=79641#t79641>.

²⁹ <http://dmitrij-sergeev.livejournal.com/11033.html?thread=66329#t66329>.

³⁰ http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/archive/1214/12144_99.html.

³¹ Там же.

³² <http://gasper75.livejournal.com/25478.html?thread=280966#t280966>.

³³ <http://dr-guillotin.livejournal.com/12013.html?mode=reply>.

³⁴ Многие авторы исследований, подтверждающих основные выводы В. Суворова, приняли участие в трех выпусках сборника «Правда Виктора Суворова»: М. Мельтохов, В. Невежин, В. Данилов, Ю. Фельштинский, А. Гогун, Альберт Л. Уикс, В. Дорошенко, И. Павлова, Р. Раак, В. Станилов, Т. Тигура, Д. Наджафов, Х. Магенхаймер, С. Шайль, М. Маркуша, К. Закорецкий, Ю. Цурганов, М. Литовская, Д. Гасанлы, Б. Поварницын, Б. Мусиаль, В. Бешанов, Д. Хмельницкий.

Содержание

<i>С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий.</i> Воспоминания и размышления.....	5
<i>Михаил Веллер.</i> Ледокол Суворов.....	71
<i>Марк Солонин.</i> Три плана товарища Сталина.....	79
<i>Владимир Бешанов.</i> Миф о неготовности.....	140
<i>Дмитрий Хмельницкий.</i> Статьи и письма. Виктор Суворов. советская история и советские люди.....	157
<i>Ирина Павлова.</i> Поиски правды о кануне Второй мировой войны.....	230
<i>Юрий Цурганов.</i> Как читать постсоветских историков?.....	280
<i>Томас Титура.</i> Виктор Суворов как «ледокол».....	302
<i>Ричард Ч. Раак.</i> Роль Сталина в развязывании Второй мировой войны.....	321
<i>Джахангир Наджафов.</i> Как Г. Городецкий опровергает В. Суворова, или Ремейк «Фальсификаторов истории» (1948 г.).....	352
<i>Ури Милгштейн.</i> Добровольные помощники Сталина.....	409
<i>Андрей Буровский.</i> Суворов — детонатор ревизии.....	419
<i>Юрий Цурганов.</i> Идея «Великой Отечественной».....	491
<i>Дмитрий Хмельницкий.</i> «Антирезунизм» как субкультура.....	507

Научно-популярное издание
ПРАВДА ВИКТОРА СУВОРОВА

**Суворов Виктор
Солонин Марк
Веллер Михаил**

**Автор-составитель
Хмельницкий Дмитрий**

**ВИКТОР СУВОРОВ:
ГЛАВНАЯ КНИГА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *О. Супрун*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *В. Нартова*

ООО «Яуза-пресс».
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел.: (495) 745-58-23,
факс: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 19.01.2011. Формат 84x108 1/32-
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 4000 экз. Зак. №2352.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-9955-0242-5

9 785995 502425 >

К 30-ЛЕТИЮ «ЛЕДОКОЛА» ВИКТОРА СУВОРОВА!

Мало кто знает, что эта легендарная книга была закончена еще в 1981 году, но тогда ее отказались печатать 68 издательств из 9 стран, отдельные главы удалось опубликовать лишь четыре года спустя в эмигрантской газете «Русская Мысль», весь тираж первого английского издания был выкуплен неизвестными и уничтожен, а первый издатель «Ледокола» в России – убит. Саму книгу тоже не раз пытались «замочить в сортире», но, хотя беспрецедентная травля со стороны кремлевского агитпропа не прекращается вот уже второе десятилетие, все потуги идеологических «киллеров» оказались тщетны – Виктор Суворов по сей день остается не только самым проклинаемым, но и самым читаемым военным историком, а в его поддержку выступает все больше профессиональных исследователей со всего мира.

НОВАЯ СЕРИЯ Виктора Суворова не только предоставляет неопровержимые доказательства его правоты, но и восстанавливает подлинную историю одной из главных книг конца XX века, которая навсегда изменила представления о причинах и виновниках Второй Мировой, а по воздействию на массовое сознание сравнима лишь с «Архипелагом ГУЛАГ».

(ОТ СОСТАВИТЕЛЯ)

